

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СЛАВЯНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1959

Настоящий сборник состоит из статей по русскому и славянскому языкоzнанию, поступивших в редакцию журнала «Вопросы языкоzнания» накануне IV Международного съезда славистов. Редакция журнала подготовкой этого сборника стремилась дополнить материалы и исследования, посвященные тематике съезда.

Сборник содержит работы, посвященные вопросам грамматического и лексического строя русского языка, сравнительно-историческому исследованию славянских языков. Сюда вошли также две статьи, рассматривающие некоторые грамматические явления литовского языка.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

B. N. Топоров

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

I. Соединение этих двух понятий — история и праславянский язык — до сих пор является чем-то внешним, случайным и необязательным. Поэтому «история праславянского языка» в целом остается, строго говоря, абстракцией. «Историческое» в нем чаще всего воспринимается в плане соотнесения с данными индоевропейского пражзыка или с фактами отдельных славянских языков. Сам же праславянский язык во многих случаях рассматривается как недифференцированное целое и, по существу, оказывается лишенным истории.

Разумеется, есть некоторые особые обстоятельства, мешающие разработке истории праславянского языка в таком виде, как это делается, например, в отношении польского, сербскохорватского или русского языков. Многие из этих обстоятельств никогда не перестанут существовать. Поэтому целый ряд весьма важных для истории праславянского языка условий останется для науки навсегда неизвестным (в частности, это относится к реконструкции праславянского текста). Тем не менее нельзя ставить под сомнение, по крайней мере в теоретическом плане, полезность и принципиальную возможность построения истории праславянского языка. Она, конечно, не сможет точно и вполне адекватно отражать действительную эволюцию праславянского языка — не только потому, что научная теория всегда более ограничена, чем объясняемая ею реальность, но и в силу того, что при изучении истории праславянского языка в распоряжении исследователя находится заведомо больше неизвестных ситуаций, чем положений, которые могут помочь определить их значение.

Поэтому весьма важной задачей является выяснение объема понятия «история праславянского языка» в плане возможностей исследования. Сразу же следует сказать, что эта задача поневоле оказывается гораздо более ограниченной и общей, чем изучение истории хорошо документированного языка. В ней исчезает целый ряд иногда очень существенных звеньев. Однако это не значит, что теория или теории, относящиеся к изучению истории праславянского языка, должны быть логически менее строгими и доказательными. Напротив, за счет устранения ряда фактов, которые скрыты от исследователя или остаются неясными и не дают возможности построить на их основе теорию, увеличивается коэффициент полезного действия концепции, объясняющей и з в е с т н ы е факты, вырастает степень соответствия теории описываемым фактам,

хотя, конечно, сама теория становится в таком случае более условной и схематичной.

По-видимому, целесообразно видеть предмет истории праславянского языка в выяснении хронологического соотношения тех (и только тех) элементов, которые определяются системой или которые сами дают возможность обнаружить систему, и в интерпретации их с точки зрения занимаемого ими места в системе¹. Следовательно, в плане реконструкции речь должна идти исключительно о восстановлении «моделей», при котором строгость «модели» компенсирует сознательное сужение круга изучаемых фактов и возрастающую условность реконструкции.

Если согласиться с таким пониманием предмета, то станет очевидным, какое большое значение должны иметь методы современной структурной лингвистики для изучения и построения истории праславянского языка. Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон, внесшие значительный вклад в развитие теоретического языкоznания, много занимались и частными вопросами, относящимися к отдельным славянским языкам (например, к праславянскому). Они написали ряд интересных работ в этой области, которые были первыми образцами применения новых методов к изучению истории славянских языков. Уместно вспомнить и то, что крупнейший в период между двумя мировыми войнами славист Н. Ван-Вейк в последние годы своей жизни также написал несколько статей, в которых пытался применить новые идеи из области фонологии к истории славянских языков.

Но, несмотря на благоприятные предпосылки, первые успехи, достигнутые еще в 20—30-х годах, не получили достаточного развития в работах славистов следующих двух десятилетий. Более того, если в области праславянской фонологии время от времени появляются работы, характеризующиеся системным подходом², то в других разделах до сих пор нет сколько-нибудь заметных успехов в этом направлении.

Поэтому с известным основанием можно сказать, что сейчас главным препятствием при изучении истории праславянского языка является не столько недостаток фактов, сколько некоторые существенные методологические пороки многих исследований последних лет. Если же иногда отсутствие или недостаток конкретных фактов затрудняют движение вперед, то это зависит в известной мере от недостаточной четкости общих установок и, между прочим, от чрезмерности требований, предъявляемых к истории праславянского языка, или даже от непонимания специфики предмета; правильно примененные новые методологические принципы позволяют открыть неизвестные факты или по-новому интерпретировать уже известные.

Прежде чем построить историю праславянского языка в указанном выше понимании, необходимо проанализировать все то, что дает в руки исследователя материал о праславянском языке, всесторонне учесть

¹ В применении к индоевропейскому пражзыку сходные мысли раньше нас были сформулированы (в частности, в терминах теории информации) в превосходном докладе Вяч. Вс. Иванова «О методах изучения истории индоевропейского пражзыка и его диалектов», сделанном на дискуссии о синхронии и диахронии в Институте языкоznания АН СССР (1957 г.).

² См. F. V. Mareš. *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», XXV, 1956. — В программу IV Международного съезда славистов были включены два доклада о праславянской фонологической системе (Якобсон, Мареш). Однако, как правило, до сих пор преобладают работы, игнорирующие анализ системы даже в области фонетики. См. A. Вайяи, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, Paris, 1950; R. Nahtigal, *Slovanski jeziki*, Ljubljana, 1952 (2-е издание); K. Horálek, *Úvod do studia slovanských jazyků*, Praha, 1955 и др.

источники сведений о нем, выяснить значение и степень их достоверности. Нужно также рассмотреть некоторые методологические принципы, которые используются или должны будут использоваться при исследовании эволюции элементов, определяемых системой. Без такой предварительной работы изучение истории праславянского языка едва ли будет достаточно эффективным.

В этой статье придется ограничиться изложением отдельных соображений в связи с некоторыми из только что перечисленных вопросов.

II. § 1. Естественно, что важнейшим и необходимым источником для изучения истории праславянского языка являются сами славянские языки. В этом отношении их значение такое же, как значение германских языков для истории прагерманского или кельтских языков для истории пракельтского. Прежде всего следует постараться определить количественно и качественно конкретный вклад славянских языков в праславянскую реконструкцию.

Нет ни одной группы индоевропейских языков, в которой близость составляющих ее членов была бы столь большой и тесной, как в славянской ветви. В самом деле, едва ли можно найти грамматическую категорию, которая была бы специфической принадлежностью одной части славянских языков и отсутствовала бы в другой их части. Разумеется, исключаются те случаи, когда от языка сохранились лишь незначительные остатки или когда первые письменные памятники относятся к позднему времени. Там же, где различия все-таки выступают (существование в одних языках двойственного числа, супина, простых форм прошедшего времени и еще некоторых категорий и отсутствие их в других), они не являются принципиально существенными, поскольку несомненно, что эти категории некогда были во всех славянских языках. Свидетельства древних текстов, диалектных данных и знание общего направления в развитии этих категорий — все это является более чем достаточной гарантией их общеславянского и праславянского характера.

Весьма невелики различия между отдельными славянскими языками и в отношении других фактов. Так, в области фонетики трудно найти явления, которые принципиально противопоставляли бы одни славянские языки другим. Во всяком случае в эпоху, непосредственно предшествовавшую первым славянским памятникам, вокализм был, по сути дела, единым. Даже в консонантизме представляется затруднительным указать явления, в отношении которых наблюдались бы различия с длительной эволюцией и которые не сводились бы легко к общему исходному пункту, существовавшему еще незадолго до начала славянской письменности³.

Остается ряд различий в области морфологии (например, известное распределение падежных форм с -ё и ё между западно- и восточнославянскими языками, с одной стороны, и южнославянскими — с другой; или западнославянская флексия твор. падежа ед. числа о-основ -ъть при -оть в соответствующей форме восточно- и южнославянских языков; или различия в глагольной флексии в 3-м лице ед. и мн. чисел настоящего времени -ть — ть, во 2-м лице ед. числа -ши — -сь и т. д.). Однако едва ли было бы правильно придавать этим различиям сколько-

³ Несомненно, что некоторые различия, признававшиеся достаточно древними, нуждаются в пересмотре, как это было сделано в статье Н. С. Трубецкого «Die altkirchenslavische Vertretung der urslawischen *tj, *dj» (ZfslPh, XII, 1936), доказавшего, что во времена Кирилла и Мефодия еще не было диалектных различий в трактовке этих сочетаний.

нибудь существенное значение при анализе диалектного дробления праславянского языка, особенно в более ранние периоды его существования. Такие различия нередки и в пределах одного языка, причем их доказательная сила невелика потому, что они (и им подобные расхождения) относятся к концу слова, где имеются особенно благоприятные условия для изменений в силу некоторых фонетических и аналогических причин. Единый источник указанных выше флексий бесспорен, даже если отдельные детали остаются неизвестными.

Что касается различий в области синтаксиса, то они являются мало удачным предлогом, чтобы говорить о степени близости или расхождения между отдельными славянскими языками, поскольку многое в синтаксисе зависит от жанровых и стилистических особенностей памятника, от влияния иноязычных образцов и — в более общем виде — от особой подверженности синтаксиса изменениям и влияниям.

Отчасти по этим же причинам трудно во всем масштабе рассматривать общие отношения между славянскими языками на материале лексики; тем более что отсутствие достаточно древних и разнообразных по содержанию памятников ряда языков и недостаточная изученность диалектного словаря скрывают весьма многое от исследователя. И однако, пожалуй, именно лексика могла бы в ряде случаев быть удобным средством для изучения диалектных областей праславянского языка (см. об этом ниже).

Бесспорная близость славянских языков в раннеписьменную эпоху приобретает особое значение в связи с двумя фактами: весьма поздней фиксацией в письменности (в этом отношении славянские языки уступают лишь балтийской группе и отчасти албанскому языку) и значительным количеством славянских языков в историческое время, уже в VIII—XI вв., охватывавших обширную территорию. Эти два обстоятельства позволяют сделать в дальнейшем ряд выводов. Сейчас же они важны лишь постольку, поскольку убедительно свидетельствуют о том, что такая тесная близость (иногда, может быть, лучше говорить о единстве, тождестве) ряда языков, расположенных на больших пространствах центральной, восточной и южной Европы и письменно зафиксированных, по существу только начиная со II тысячелетия нашей эры, может быть объяснена лишь однозначно, а именно предположением, что праславянский язык существовал еще очень незадолго до появления первых славянских текстов, может быть, даже в эпоху, непосредственно предшествующую им.

А если это так (нам это представляется несомненным; разъяснения о хронологических границах праславянского языка см. ниже), то данные непосредственно известных славянских языков приобретают в некоторых отношениях гораздо большее значение, чем, например, данные германских языков для знакомства с последним этапом развития пра-германского языка или данные балтийских языков для выяснения общебалтийского состояния перед разделением на западную и восточную ветви. Кажется, не будет ошибки, если сказать, что нигде в индоевропейском мире нет такой близости и непосредственной связи между языками, входящими в состав соответствующей группы, и общим ее языком, как в случае со славянскими языками.

Преимущества такого положения очевидны. Благодаря ему можно с очень большой степенью вероятности, иногда даже с уверенностью, установить структуру праславянского языка последнего периода его существования: его звуковую систему, падежную и глагольную парадигмы, состав грамматических категорий, значительную часть лексического материала и даже ряд синтаксических норм. Важно и то, что общеславянские черты для раннеписьменного периода в большей части

случаев являются и праславянскими, так как промежуток между указанным периодом и праславянским был настолько мал⁴, что мысль о параллельном, но независимом развитии огромного количества явлений почти исключена. Поэтому такая трудоемкая и часто неразрешимая в применении к другим языковым группам задача различения явлений, восходящих к прайзыку и развившихся параллельно, в отношении славянской ветви практически не существует: для раннеписьменного периода ею можно обычно пренебречь.

Ввиду этого новый облик приобретает проблема реконструкции праславянского языка последнего периода. По существу оказываются известными и отдельные элементы этого языка, и некоторые правила соединения их в предложения. Поэтому практически (но не принципиально!) можно было восстановить некоторый праславянский текст с введением отдельных вариантов и показателей вероятности, если бы это зависело исключительно от лингвистических данных. Но дело в том, что такая реконструкция обусловлена и наличием параллельных текстов на ряде языков, отражающих (пусть опосредственно) некий первоначальный праславянский текст. Поскольку же это условие отсутствует, трудно думать о реконструкции сколько-нибудь значительной части текста: речь может идти лишь о восстановлении отдельных сочетаний слов и то применительно к позднему периоду существования праславянского языка. В этом отношении совсем иные возможности открываются в области реконструкции первоначального текста старославянского евангелия, так как в распоряжении исследователя есть целый ряд канонических текстов. И если сделанные в середине 30-х годов реконструкции Вайса сейчас признаются неудовлетворительными или преждевременными, то это зависит не от неправильности общих принципов, а от не совсем верной оценки и выбора ряда вариантов⁵.

При рассмотрении вопроса о близости славянских языков как между собой, так и к праславянскому языку, а также при оценке возможных выводов из этого факта необходимо, тем не менее, иметь в виду ряд обстоятельств, игнорирование которых могло бы привести к нежелательным последствиям. Таковы: неисконность диалектного дробления праславянской языковой области на три части; относительно позднее выделение ряда славянских языков и в связи с этим различное их значение для исследования праславянского состояния; взаимные влияния славянских языков и, прежде всего, широкое распространение старославянских элементов в ряде языков; возможные нарушения в области новообразований и архаизмов в условиях иноязычного окружения и т. д.

Однако близость, существующая между отдельными славянскими языками, создавая, с одной стороны, ряд благоприятных предпосылок для изучения праславянского языка, с другой, таит в себе неустранимые препятствия для его реконструкции (исключая период, непосредственно предшествовавший возникновению отдельных языков), для построения истории праславянского языка. Дело в том, что эффективность реконструкции, степень ее проникновения в глубь не отраженного письменными памятниками периода зависит от степени различий между исходными языками в отношении реконструируемого явления. Полное тождество, по существу, исключает реконструкцию прайзыкового

⁴ Между прочим, есть возможность рассматривать период, предшествовавший XI—XII вв., как последний этап в развитии праславянского языка.

⁵ См. К. Горалек, Св. Кирилл и семитские языки, сб. «For Roman Jakobson, Essays on the occasion of his sixtieth birthday», The Hague, 1956.

факта. В отношении традиционной «внешней» реконструкции это бесспорно. По-видимому, это верно и в отношении «внутренней» реконструкции, если все существующие в данном языке ее источники оказываются одинаково унифицированными в плане реконструируемого факта.

Таким образом, наличие расхождений дает основание для реконструкции⁶, и чем они будут значительнее, тем более далеко идущей окажется реконструкция, хотя, конечно, она может оказаться очень обобщенной или даже вообще мало достоверной. Разумеется, и в отношении степени различий есть свои пределы. При условии, что в сравниваемых фактах остаются только различия и исчезает всякое сходство, реконструкция также оказывается невозможной.

Наряду со степенью расхождения между исходными фактами, для реконструкции очень важно, чтобы по возможности количество этих расхождений было больше. В таком случае реконструкция становится наиболее достоверной, и — что гораздо важнее — лишь при этом возникают условия для восстановления утраченных и даже не засвидетельствованных вообще звеньев в эволюции данного явления; более того, создаются предпосылки для выяснения картины (пусть обобщенной) исторического развития явления в праязыке. Так, вся совокупность фактов славянских языков не дает возможности определить происхождение первого согласного звука в праславянском слове со значением «сто». Наличие известного фонетического расхождения *dl*—*l* уже дает, видимо, основание заключить, что *dl* является более древним. Существование же целого ряда рефлексов праславянских сочетаний **tj*, **dj* дает основание не только с уверенностью восстановить в праславянском языке эти сочетания, которые, в отличие от *dl*, неизвестны в славянских языках, но и наметить последовательность этапов в развитии праславянских **tj*, **dj*, как это было сделано в уже упомянутой статье Н. С. Трубецкого. Указанный принцип справедлив и при реконструкции праязыковых явлений, и при восстановлении некоторых фактов отдельных языков. Ср., с одной стороны, всегда одинаковый русский рефлекс праславянского **q*, не дающий возможности восстановить дифференциированную картину этого звука, и, с другой, различные рефлексы в чешском и словацком языках в зависимости от количества *q* и качества соседних звуков; эти различные рефлексы позволяют достаточно подробно восстановить эволюцию праславянского **q* в истории чешского и словацкого языков.

Можно бы было сделать еще ряд замечаний и наблюдений относительно зависимости реконструкции (ее глубины, достоверности, расчлененности на этапы и т. д.) от исходных данных (степени различия, количества различающихся фактов, характера расхождений⁷) и т. д., но и уже сказанного выше, как нам кажется, достаточно для того, чтобы оценить преимущества и недостатки исключительной близости славянских языков для изучения истории праславянского языка. Понятно, что реконструкция праславянского языка на основании

⁶ См. важное методологическое замечание А. Вайяна в статье: A. Vaillant, Le nom balto-slave du «soleil», BSL, XLVI, 1950, стр. 48.

⁷ Имеются в виду случаи двух родов: во-первых, когда из различающихся фактов один является более древним, чем другие, и даже иногда тождественным реконструируемому для праславянского языка факту — ср., например, *dl*—*l* или польские *q*, *č* (в ряде случаев) при неносовых гласных других славянских языков; во-вторых, когда имеющиеся (различающиеся) факты являются примерно одинаковыми в отношении древности и стоящими приблизительно в одинаковом отношении к соответствующему праславянскому факту, не совпадающему ни с одним из конкретно засвидетельствованных его рефлексов.

данных отдельных славянских языков не может быть далеко идущей и не должна претендовать на создание дифференцированной истории праславянского языка, хотя в отношении ряда явлений возможны и исключения.

Во всяком случае исследователь должен всегда отдавать себе отчет в возможностях, средствах и степени достоверности проводимой реконструкции, в кардинальном различии между принципиальной и непрincipиальной (но практически возможной) реконструкцией, которая можетходить из полного тождества сравниваемых данных. При этом, конечно, всегда следует помнить о различной научной ценности фактов, добытых разным путем.

§ 2. Специфическая ограниченность данных славянских языков для изучения истории праславянского языка заставляет искать другие источники для пополнения знаний об этом языке. Такие источники, бесспорно, существуют, и они уже известны, хотя пределы их возможностей и степень достоверности результатов, получаемых при их помощи, нередко остаются неполностью выясненными.

Одним из таких источников, обязанных своим происхождением славяноиноязычным связям, являются данные о славянских заимствованиях в неславянских языках и отчасти, может быть в более опосредованном виде, — данные об иноязычных заимствованиях в славянских языках. Эти данные могут иметь различное значение (вплоть до первостепенного) в зависимости от ряда обстоятельств. Однако в случае со славянскими языками оно едва ли может быть достаточно существенным для непосредственного изучения праславянского языка. Скорее эти данные могли бы принести очень небольшую пользу лишь косвенно, помогая уточнить отдельные детали в истории славянских языков и тем самым давая некоторые предпосылки для более точного знания исходных фактов, необходимых при реконструкции.

Впрочем, чаще всего данные о заимствованиях лишь подтверждают то, что было известно и раньше, причем с помощью более непосредственных данных. Во всяком случае на материале славянских заимствований в неславянских языках и инославянских элементов в славянских языках можно сделать лишь некоторые наблюдения, которые относятся к области фонетики. Морфологические результаты, естественно, исключаются, лексические — тоже, поскольку исследователь обычно не в состоянии обнаружить в неславянском языке следы какого-нибудь славянского слова, неизвестного в славянских языках (наоборот, слово признается славянским заимствованием лишь в том случае, если оно уже известно в славянских языках). Что же касается синтаксических данных, которые можно извлечь из материала, относящегося к заимствованиям, то при принципиальной возможности обнаружения такого влияния в неславянских языках его значение для изучения истории праславянского синтаксиса оказывается практически сведенным к нулю в силу общих особенностей синтаксических данных и их значения для реконструкции.

Помимо этих частных ограничений в использовании заимствований как источника наших сведений о праславянском языке, существуют и препятствия более общего порядка, зависящие от целого ряда обстоятельств, в том числе и от исторических. Рассмотрение их потребовало бы много места и уело бы, вероятно, нас в сторону от основной темы. Поэтому, оставляя без комментариев данный источник для построения истории праславянского языка, можно ограничиться лишь указанием, что он имеет значение только в той степени, в которой специфические особенности неславянских или славянских языков позволяют обнаружить факт заимствования. Так, например, нет надеж-

ных критериев для определения германских заимствований в славянских языках до германского «перебоя» согласных⁸, или для определения славянских заимствований в балтийских языках до того времени, как в результате ряда процессов модель открытого слога стала доминирующей в славянских языках (поэтому в принципе соотношение пар вроде литовск. *galvà* — ст.-слав. *глава*, литовск. *rankà* — ст. слав. *ржка* и др. может объясняться по-разному: и как заимствование этих слов из балтийского в славянский, и как заимствование из славянского в балтийский, и как самостоятельные исконные слова в каждом из этих языков). Точно так же сингармонические образцы тюркских языков часто не дают возможности установить, было ли заимствовано данное славянское слово еще в неполногласной форме или уже в полногласной.

Тем не менее было бы важно и интересно с методологической точки зрения собрать и проанализировать все, что дает материал заимствований для изучения праславянского языка, проделав приблизительно то, что сделал И. Попович в применении к истории сербскохорватского языка⁹, или — более отдаленная аналогия — В. Георгиев и А. Виндекенс в отношении «догреческого» («пеласгского») языка.

§ 3. Поскольку «внешняя» реконструкция праславянского языка из-за указанных в § 2 причин оказывается мало эффективной (прежде всего, в плане углубления в более отдаленные эпохи), а материал заимствований дает еще меньше предпосылок, то вполне естественно, что особые значение для истории праславянского языка приобретают данные в внутренней реконструкции, являющиеся источником наших сведений о праславянском языке. Если стремиться к большей точности, можно бы было сказать, что источником в этом случае являются данные отдельного славянского языка, взятые в сравнении с другими относящимися сюда фактами этого же языка, а не в плане сравнения с тем же фактом других славянских языков.

Возникновение метода внутренней реконструкции, тем более его теоретическое обоснование и блестящие практические выводы (прежде всего в работах Ю. Куриловича и Э. Бенвениста) — дело недавнего времени. Понятно, что достигнутые уже сейчас результаты, как бы они не были замечательны, в общем итоге составляют лишь небольшую часть того, что может быть сделано в этой области. Точно так же в будущем, несомненно, будут уточнены или развиты отдельные принципы этого метода. Нам же хотелось бы, не вдаваясь в обсуждение существа метода внутренней реконструкции и без оценок его преимуществ и недостатков, выяснить некоторые частные вопросы его использования в применении к разным областям славянского языкознания и на основе разных языков (славянских), а также указать пределы такой реконструкции.

Внутренняя реконструкция предполагает восстановление более древнего состояния на основании выводов, которые можно сделать, сравнивая в пределах данного языка, с одной стороны, генетически тождественные или сходные факты и, с другой, функционально одинаковые факты. Поэтому возможность внутренней реконструкции во многом зависит от материала, который представляют оба ряда принимающихся в расчет фактов.

⁸ Эту мысль в более общем плане развивал Н. С. Трубецкой в «Gedanken über das Indogermanenproblem» («Acta Linguistica» I, 1939). В несколько ином виде она представлена в работах итальянских лингвистов.

⁹ См. И. Попович, Историја српскохорватског језика, Нови Сад, 1955. См. также ряд его статей, опубликованных в последние годы.

В соответствии с изложенным приходится оценивать возможность внутренней реконструкции. К этому следует только добавить, что она оказывается особенно эффективной при анализе архаических элементов, которые нарушают существующую систему и тем самым намекают на существование некогда другой системы. В ряде случаев эти архаизмы даже не нарушают систему, но выступают в ней в иной функции, чем та, которая была им свойственна в другой, более древней системе (ср., например, архаизм *два стола*, втянутый в новую систему, но уже в иной, чем прежде, функции; окончание *-wa* в 1-м лице мн. числа глаголов в настоящем времени в ряде польских говоров; случаи, когда наречие оказывается вовлеченным в падежную систему или, наоборот, падежная форма становится наречием и т. д.). Однако одного архаизма самого по себе еще недостаточно для реконструкции, если совсем неизвестно его место или его отношение к действующей системе. Правда, практически архаичным как раз и называют тот факт, который не входит в систему или, по крайней мере, не гармонирует с ней в достаточной степени (и, разумеется, не является новообразованием или заимствованием).

Таким образом, внутренняя реконструкция предполагает системный подход к языку. В случае отсутствия системы она оказывается неэффективной. Было бы весьма полезно, применяя метод внутренней реконструкции на материале каждого славянского языка, восстановить в возможных пределах картину предшествующего состояния (очень во многих случаях это будет праславянский язык) и оценить с этой точки зрения достоинства отдельных славянских языков и отдельных разделов языкоznания для реконструкции праславянских фактов.

Понятно, что выполнение этой важной задачи не может быть осуществлено сразу и, тем более, в нашей статье. Но уже сейчас можно привести ряд примеров, иллюстрирующих направление дальнейшей работы. Ясно, что для внутренней реконструкции глагольной флексии настоящего времени наибольшее значение имеет старославянский язык, потому что именно в нем четче всего выделяются как исключения и, следовательно, как архаизмы флексии атематических глаголов: 1-е лицо ед. числа *-мъ* и т. д. Некоторые языки, знающие подобную флексию, не позволяют судить об ее архаичности (поскольку она распространилась в большом количестве глаголов), другие — наоборот, сильно сузили сферу употребления этой флексии (или вовсе ее утратили), так что она, будучи архаизмом, тем не менее не дает представления о круге глаголов, с которыми некогда связывалась.

Таким же образом определяется преимущественное значение языков, где сохраняются в склонении типы вроде *дочь — дочери, небо — небеса, знамя — знамена, теленок — телята*¹⁰, по сравнению с теми языками, где они оказываются унифицированными. Разумеется, практически каждый исследователь знает, какому языку и в каком отношении отдать предпочтение. Если же все-таки нам понадобилось остановиться на данном вопросе, то это было сделано только для того, чтобы подчеркнуть принципиальное значение указанного приема и отметить его важность именно для внутренней реконструкции. Кроме того, возможны ситуации, когда оценка данных славянских языков для внутренней реконструкции окажется иной по сравнению с традиционной точкой зрения.

Так, например, может оказаться, что для реконструкций ряда фактов, образующих своего рода подсистему, или микросистему, особое

¹⁰ Понятно, что и здесь нужно устраниć квазиархаичные случаи, вроде русск. **опенок—опята*, могущие дать повод для реконструкций им. падежа ед. числа **орг* (!)

значение приобретут некоторые данные ляшской группы. В частности, архаизм типа *tart* (этому, видимо, не противоречит возможность немецкого влияния, которое в рассматриваемом случае могло способствовать сохранению этой праславянской группы) подтверждает предположение Н. С. Трубецкого о сохранении в некоторых говорах польского языка старого непазализированного сочетания: *tont, tent*¹¹. Если это так, то данные этих говоров оказываются во многом более перспективными, чем даже старославянские данные, не говоря уже о других славянских языках. При этом нужно учесть, что известные польские новообразования в области вокализма, как, например, расщепление некоторых гласных перед твердыми небно-зубными и плавными согласными, не могут существенно затмить старое состояние, поскольку оно обусловлено вполне определимыми внешними факторами.

Возможно, что по этой же причине гораздо легче мириться с изменениями в области консонантизма ряда славянских языков, чем в вокализме, поскольку первый подвергается в значительно большей степени внешним влияниям (палатализация, озвончение, оглушение и т. д.), тогда как вокализм более системен (между прочим, из-за меньшего количества составляющих его элементов) и его изменения определяются во многом внутренними причинами — требованиями системы. Разумеется, указанная разница между консонантизмом и вокализмом не принципиальна, поскольку легко привести случаи, в которых на вокализм влияют внешние причины (например, изменения после палатализованных гласных), а изменения в области согласных определяются требованиями системы (например, известные изменения среди гуттуральных, подробно освещенные Н. С. Трубецким¹²). Однако в самом общем виде иногда было бы полезно принять в расчет подобные различия.

§ 4. Данные, полученные при помощи метода внутренней реконструкции на материале славянских языков, приобретают особую надежность и иногда позволяют открыть новые перспективы в случае сопоставления их с результатами, добтыми при исследовании отдельных индоевропейских языков и в индоевропейском языкоznании вообще. Более того, благодаря им зачастую появляется возможность определить характер некоторых славянских процессов и, в частности, выделить архаичные элементы. Поэтому, будучи в известном отношении продолжением внутренней реконструкции праславянского языка, исследование индоевропейских фактов вместе с тем является предварительным, подготовительным этапом этой реконструкции.

Кроме того, данные, полученные на материале других индоевропейских языков и в области реконструкции индоевропейского праязыка, во многих случаях помогают выбрать направление поисков в области праславянского языка или даже подсказывают решение отдельных проблем. Наконец, всегда нужно помнить, что весьма многое в наших представлениях о праславянском языке и в самих методах его исследования является производным от представлений об индоевропейском праязыке и его развитии и от методов его изучения.

¹¹ См. N. Troubetzkoj, *Les voyelles nasales des langues léchites* (RESL, V, 1925); см. также критику высказываний Трубецкого в статье Т. Лера-Сильвинского «*Les voyelles nasales dans les langues léchites*» (RESL, VII, 1927). Недавно эти факты были сопоставлены А. Лампрахтом в его статье «Несколько замечаний к развитию фонетической системы праславянского языка» (*Sborník prací filosofické fakulty Brněnské University*, V, č. 4, 1955). Там же были приведены и некоторые аналогичные факты из македонской области.

¹² См. N. S. Trubetzkoy, *Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen*, «Сборник в честь на проф. Л. Милетич», София, 1933.

В первом случае эта «производность» необходимо следуя из того факта, что праславянский язык был одним из индоевропейских диалектов. Во втором случае зависимость оказывается не обязательной: она существует лишь постольку, поскольку большая часть новых научных методов исследования была выработана на материале индоевропейского языкоznания в целом, а попытки их использования в применении к праславянскому языку делались только позднее.

К сожалению, слависты в общем недооценивают достижения индоевропейского языкоznания последнего периода или, по крайней мере, не делают пока из них должных выводов (часто очевидных). Как правило, они исходят из представлений об индоевропейской системе, характерной для периода, отмеченного бругманновским *Grundriss'om*. Правда, отдельные попытки использования новых данных, полученных в индоевропеистике, для объяснения славянских фактов уже были сделаны. Но обычно они представляли собой или первый набросок картины общих связей, объединяющих славянские языки с хеттским и тохарским, или касались некоторых слишком частных вопросов, или даже носили характер типологического сравнения. Во всяком случае эти попытки пока остаются одинокими и часто неудачными; они целиком зависят от энтузиазма отдельных ученых. Несомненно, что гораздо важнее, чем поиски хетто-славянских или тохаро-славянских аналогий, выяснение возможности использования при изучении праславянского языка того нового, что добыто в области исследования индоевропейского пражзыка и его диалектов в целом, поскольку эти данные являются одним из источников наших сведений о праславянском языке, причем — и это очень важно — в его древнейшие периоды, о которых другие источники говорят чрезвычайно мало.

Уже сейчас ясно, что старое, но, к сожалению, и теперь господствующее представление о хорошей сохранности и большой близости праславянской падежной системы к индоевропейской оказалось неверным в свете хеттских материалов, заставивших по-новому взглянуть на общеиндоевропейскую картину. И, наоборот, эти данные заставляют значительно сократить список мнимых утрат праславянского глагола.

Несомненно, что традиционное представление о семипадежной (или даже восьмипадежной) системе праславянского языка верно только в отношении самого последнего периода его существования. Что же касается начальных этапов его развития, то тогда существовала гораздо более простая система. Интересно, что к такому выводу следует прийти не только на основании новых фактов хеттского языка, но и благодаря новой интерпретации хорошо известных фактов, в частности, относительно более простой падежной системы в западной части индоевропейского мира, которая раньше — таков уж был авторитет древнеиндийского языка — считалась претерпевшей гораздо большие потери и сильно отклоняющейся от первоначального состояния. И, наконец, многие факты славянских языков свидетельствуют о том же.

К сожалению, правильному пониманию существа дела мешала и еще сейчас мешает приверженность к старым схемам индоевропейской падежной системы, а также и то, что упускался из вида фактор наибольшей простоты в ходе доказательства. Этим объясняется то, что, смешивая принципы синхронического и диахронического исследования, многие ученые предпочитали в случае падежного синкретизма искать старые различия и восстанавливали утраченные (мимо) звенья, тогда как проще было бы видеть тут остаток нерасчлененности, следы прежнего состояния. Просчеты такого рода тем более поразительны, что случаи подобного неразличения в аналогичных условиях в формальном отношении нередко повторяются в падежных парадигмах многих

основ, что между формально тождественными или близкими падежами иногда существуют бесспорные сходства в плане синтаксических особенностей.

Наконец, до сих пор не обращали должное внимание на следы более древнего состояния в праславянском склонении в сопоставлении с важными результатами относительной хронологии отдельных типов склонения с привлечением сходных данных из других индоевропейских языков. Так, например, совершенно необоснованным следует признать обычное отнесение к ранним периодам праславянского языка различия между дательным падежом единственного числа и локативом единственного числа. Тем не менее такой взгляд чрезвычайно живуч, несмотря на то, что при общности ряда синтаксических особенностей эти падежи не различаются у большей части основ (к ним, между прочим, относятся и древние основы на согласный). При этом в высшей степени показательно, что в древнейших типах в локативе единственного числа можно открыть следы допадежной стадии (ср. *kamen-e* и т. д.), которая, видимо, обнаружилась бы и в дательном падеже единственного числа, перенявшем, однако, флексию *i*-основ (*kamen-i*). Да и в остальных основах сохраняются очевидные следы былой связи этих двух падежей. Во всяком случае, анализ и тут легко вскрывает общие или сходные элементы.

В такой же степени сомнительным представляется традиционный взгляд, согласно которому в праславянском языке существовал аблатив, оставивший по себе память в флексии родительного падежа единственного числа *o*-основ. Дело в том, что наличие аблатива в индоевропейском пражязыке, не говоря уж о праславянском, в высшей степени спорно¹³. Кроме того, диалектная дробность в отношении флексий родительного падежа единственного числа *o*-основ указывает, кажется, на их более позднее происхождение и заставляет по-новому подойти к анализу данной флексии в праславянском языке. Что же касается наиболее древней разновидности этой флексии, восходящей, может быть, еще к индоевропейскому пражязыку (*-/o/s), то она оказывается тождественной в генетическом плане флексии именительного падежа единственного числа, что является новым аргументом в пользу более позднего, чем считалось раньше, отделения родительного падежа от именительного падежа¹⁴. Такие же рассуждения имели бы успех и в применении к творительному падежу единственного числа и, может быть (это особенно показательно), к ряду падежей множественного числа, обнаруживающих следы агглютинативного образования.

Таким образом, уже сейчас ясно, что в распоряжении ученых есть немало средств для восстановления в общих чертах истории праславянской падежной системы. Однако этого до сих пор не сделано. Ноевые данные индоевропейского языкоznания и определяемый ими новый дух исследования заставляют пересмотреть также старые представления о системе глагольных форм в праславянском языке и об их хронологии. В частности, оказывается соблазнительной ориентированность праславянского глагола ранних этапов его развития на две временные основы. Подкрепляется высказанная еще Мейе мысль о позднем происхождении сигматического аориста; возникает возможность проследить некоторые существенные моменты в его происхождении, чему особенно способствует предположение об особом типе презентных основ на -s (дело в том, что

¹³ См. F. Specht, Der Ursprung der idg. Deklination, Breslau, 1944; е г о ж е, Zum Ersatz des Ablatifs, KZ, LXIX, 1948.

¹⁴ Наряду со старой работой Н. Ван-Вейка см. статью И. Кноблоха «Zur Vor geschichte des idg. Genitivs der *o*-Stämme auf -syo», «Sprache», II, 1951.

раньше были известны лишь реликтовые следы этих основ, причем первоначальная сфера их распространения и, тем более, их значение оставались в тени; лишь хеттские и тохарские материалы позволили по-новому взглянуть на этот важный в истории праславянского языка тип и обнаружить, что славянские языки, как и балтийские, достаточно хорошо, по сравнению с большей частью индоевропейских языков, представляют *s*-основы)¹⁵.

Нечего уж и говорить, что данные индоевропейских языков, полученные в последние десятилетия, открывают новые перспективы для исследований в области истории фонетики праславянского языка. Они уточняют или даже изменяют взгляды о диалектном месте этого языка, по-новому оценивают характер и хронологию ряда явлений и, наконец, указывают направление исследований и иногда предпочтительный выбор из имеющихся возможностей. Достаточно указать на эволюцию взглядов в отношении хронологии деления на языки *kentum* и *satem*. Если раньше это явление считалось древнейшим диалектным фактом индоевропейского праязыка, то теперь оно должно — и это, видимо, окончательно — войти в сферу непосредственного внимания специалистов в области праславянского (как и других «сатемных» языков. Разумеется, что это относится и к целому ряду других явлений, возраст которых нередко преувеличивается.

Важность новых индоевропейских данных для истории праславянского языка заключается еще и в том, что они позволяют в новом свете увидеть состояние, с которого, собственно говоря, и начинается развитие этого языка. В указанном смысле должно быть существенно пересмотрено значение древнеиндийского языка с его тенденцией к симметричному разращению элементов (ср. *b*—*bh*, *p*—*ph* и т. д.; рост категорий в системе глагола; увеличение падежей и т. д.).

Таким образом, благодаря новым данным индоевропеистики сильно меняется содержание истории праславянского языка в его ранние периоды. Если же учесть общую тенденцию к снижению хронологии ряда явлений, то приходится заключать, что история праславянского языка в гораздо большей степени, чем думали раньше и часто думают теперь, насыщена содержанием: вместо сплошных утрат или простого сохранения индоевропейской старины открываются многие новые явления праславянской эпохи. А это-то и создает предпосылки для построения истории праславянского языка.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что источники наших сведений о праславянском языке не всегда оказываются исчерпанными, зато почти всегда остается неясным, в каком соотношении находится уже добывое из данного источника к тому, что может быть получено из него вообще.

III. § 1. Наука располагает известным запасом сведений, относящихся к праславянскому языку. Кое-что представляется довольно ясным, другое — менее определенным и допускающим два или несколько объяснений, третье оказывается просто неизвестным, причем иногда есть убеждение, что в отношении некоторых фактов истину вообще никогда не удастся восстановить.

Для того чтобы построить историю праславянского языка, необходимо распределение накопленного материала в соответствии с некоторыми принципами, так сказать, его аранжировка и однок в согласии с рядом методологических критериев (как частных, относящихся конкретно к языкознанию, так и более общих, обязательных при построении любой научной теории).

¹⁵ См. по этому поводу целый ряд статей В. Махека.

В одних случаях проведение указанных операций значительно улучшает интерпретацию материала и, по сути дела, помогает увеличить количество содержащейся в данном материале информации и тем самым возможно более тесно связать теорию с реальным положением вещей. В других случаях осуществление этих требований не дает возможности вскрыть элементы «реального», но зато помогает выбрать решение с гарантией, что ошибка в нем будет меньшей, чем при любом другом решении, что при нем теория останется наиболее строгой и простой. Поэтому и в том, и в другом случаях такая аранжировка и оценка материала являются весьма важными и поучительными.

В связи с этим особое значение для истории праславянского языка приобретает изучение данных в географическом и хронологическом аспектах, причем, говоря в общем, и тот, и другой аспекты в конечном счете изучаются с одной целью — установить распределение во времени имеющегося материала.

§ 2. Значение географического фактора неоднократно подчеркивалось и объяснялось многими учеными (Шмидт, Шухардт, Жильерон, итальянские неолингвисты и др.). На основании его были разработаны некоторые принципы «пространственной» лингвистики (*«linguistica spaziale»*) и достигнуты важные результаты. В индоевропеистике наших дней существует весьма авторитетное направление, отстаивающее принципы «пространственной» лингвистики. Почти все наиболее существенные работы в области изучения диалектов индоевропейского прайзыка за последние четверть века связаны именно с этим направлением (Бонфанте, Пизани, Крае, Порциг). В частности, с помощью подобных методов уточнено положение славянских языков среди других индоевропейских, точнее говоря, определено место праславянского диалекта индоевропейского прайзыка по отношению к другим диалектам. Уже это одно обстоятельство имеет немаловажное значение для истории праславянского языка. Но, к сожалению, этим пока и исчерпывается применение географического метода к праславянскому языку. Отставание славистики в этом отношении бесспорно, и пока даже трудно предвидеть, что можно было бы получить благодаря учету этого фактора в применении к славянским языкам в частных или в общих (например, создание общеславянского лингвистического атласа) вопросах.

Но уже сейчас намечается ряд проблем, проверка которых в свете географического фактора была бы полезной. Так, закономерной была бы попытка определения того, что может дать в руки исследователя география славянских языков исторического периода и что можно извлечь из этих данных для истории праславянского языка. Конкретное знание некоторых закономерностей маргинальных, центральных и других ареалов позволило бы выяснить или уточнить ряд архаизмов и новообразований, восстановить ряд потерянных или утрачивающихся звеньев и, может быть, определить отдельные изоглоссы. Во всяком случае славянские факты, рассмотренные в географическом плане, помогли бы распределению этих фактов по хронологической шкале (архаизмы — новообразования), и в этом отношении значение географического фактора аналогично значению временного фактора. Но, с другой стороны, подход к фактам с точки зрения географии дает возможность оценить данные тех или иных языковых областей для познания праславянских фактов.

Разумеется, что географический подход к языковым фактам требует предварительного уточнения ряда важных вопросов, связанных с возрастом существующего географического положения, с ролью государственных, политических и естественно-природных границ, с условиями

наилучшего сохранения архаизмов, с влиянием иноязычного окружения и т. д.

В частности, в применении к истории праславянского языка весьма существенным является то обстоятельство, что известная нам сейчас география славянских языков представляет собой нечто вторичное, причем первоначальные отношения оказываются сильно затушеванными. Однако кое-что, по крайней мере некоторые элементы первоначальной картины, вскрыть все-таки можно, поскольку установлено, что географически праславянский язык локализуется в пределах современного славянского мира, причем, видимо, можно и более точно определить этот район. Это, во-первых. Во-вторых, достаточно хорошо засвидетельствована славянская экспансия на юг, приведшая в конце концов к переходу через Дунай и завоеванию значительной части Балканского полуострова. Очень важно, что с большей или меньшей точностью известны и хронологические вехи этой экспансии. Менее определены наши сведения о продвижении славян на восток и далеко на запад — за Одер и Эльбу.

Таким образом, есть возможность выделить первоначальное географическое ядро праславянского языка и наметить основные этапы его расширения в географическом и хронологическом планах. И хотя об этом едва ли можно говорить с такой завидной определенностью, как это сделано на картах праславянского атласа К. Яжджевского¹⁶, все-таки становится кое-что ясным в иерархии географических данных и более четко вырисовываются возможности каждой языковой области славянского мира. Между прочим, приобретают особое значение ряд фактов польского языка, отдельные явления южно- и (реже) восточнославянских языков, полезные для определения хронологических вех отрыва их от территории праславянской прародины. К сожалению, в этом отношении сделано очень мало, несмотря на имеющиеся возможности (между прочим, существенную помочь могли бы здесь оказать и данные других наук, в частности археологии; во всяком случае, их значение в определении прародины праславянского языка в силу ряда благоприятных обстоятельств — например, преемственности культур¹⁷ — особенно велико).

Несомненно, что при рассмотрении славянских данных с точки зрения географии нельзя забывать, что, несмотря на знание последовательных этапов в географическом распространении праславянского языка, многое оказывается стертым из-за того, что, кроме относительно позднего географического отрыва южных славян, все остальные территориальные группы оказываются в постоянном контакте, который не мог не способствовать в известных случаях некоторой унификации языковых явлений путем распространения отдельных изоглосс. В самом деле, уже давно была замечена постепенность перехода между близкими в географическом отношении славянскими языками (ср. польско-белорусскую, польско-украинскую, русско-белорусскую, чешско-польскую и другие границы). Более того, в ряде случаев эта постепенность послужила поводом для дискуссий о языковой принадлежности того или иного района (ср. споры о говорах, пограничных между Сербией и Болгарией, о силезских говорах на границе Польши с Чехословакией и т. д.).

Но зато есть случаи и другого рода, когда географический контакт не успел стереть следов старых диалектных связей, как это, например,

¹⁶ См. K. Jażdżewski, *Atlas to the Prehistory of the Slavs*, Łódź, I — 1949; II — 1948.

¹⁷ См. J. Kostrzewski, *Prasłowiańska przestrzeń. Zarys dziejów i kultury Prasłowian*, Poznań, 1946, Cz. 1.

наблюдается в ряде явлений в чешском, словацком или словенском языках. Разумеется, данные таких языков приобретают особое значение для праславянской диалектологии и тем самым для истории праславянского языка позднего периода. Но при этом, конечно, все время приходится помнить, что вопрос об отношении современных изоглосс к праславянским и о возможности каких-либо умозаключений о последних на основании первых нуждается в уточнении.

Наконец, методологически необходимым было бы определение разделов, в которых учет географического фактора дал бы наибольшие результаты. Пока же можно лишь сказать, что география слов и топонимика, кажется, сулят наибольшие перспективы при пользовании методами «пространственной» лингвистики на славянском материале, поскольку (в отличие от фонетики и морфологии) в лексике (включая и словообразовательные элементы) обнаруживаются функционально тождественные, но формально различные случаи, не сводимые к одному источнику (ср. *balii—vracъ*, *rěsnota—istina*, *otokъ—ostrovъ*, *životъ—žiznъ*, *zemъskъ—земъть* и т. д.)¹⁸. Но разумеется, при изучении лексики в указанном аспекте приходится всегда иметь в виду и те органические недостатки этого раздела в плане доказательности, о которых говорилось в начале статьи.

§ 2. Особое значение имеет также распределение праславянских фактов во времени. Эта задача если и не является единственной при построении истории праславянского языка, то во всяком случае должна считаться одной из самых основных и безусловно необходимой. Она самодовлеющая и поэтому несравненно важнее, чем в значительной степени подчиненная ей задача территориальной аранжировки фактов. С другой стороны, тема «prasлавянский язык и время» не исчерпывается только вопросами хронологических отношений. Она гораздо более обширна и богата проблемами, многие из которых имеют первостепенное теоретическое и практическое значение.

Здесь будут затронуты четыре проблемы разной ценности, связанные с изучением праславянского языка во временном плане. Начнем с более частных и конкретных.

а. Первая проблема заключает в себе вопрос о хронологических границах праславянского языка, его периодов и отдельных явлений в абсолютном плане. Есть основания утверждать, что идеалом старого языкоznания (остатки таких взглядов живы и в наше время) было бы создание такой истории языка, в которой каждое явление точно определялось бы в абсолютно хронологическом плане. Если же практически в этой области в праславянской истории и не было почти никаких достижений (не считая некоторых разрозненных фактов, относящихся к самому концу праславянского периода или даже к началу истории отдельных славянских языков), то это зависело от непринципиальных обстоятельств: от того, что многие праславянские факты вообще не определимы в плане абсолютной хронологии. По существу же вопросы абсолютной хронологии в применении к праславянскому языку, как, впрочем, и ко всем другим, не имеют сами по себе принципиально сколько-нибудь важного значения для истории языка. Эти вопросы являются внешними по отношению к истории языка, и их значение не идет ни в какое сравнение со значением относительной хронологии.

18 Интересно, что лексике придается важнейшее значение и при решении вопроса о древнейших диалектных связях праславянского языка с другими индоевропейскими. См., например, T. Lehr-Saławiński, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946.

Тем не менее, практически абсолютная хронология явлений языка имеет определенное значение для его истории. С одной стороны, оно может заключаться в том, что при достаточно удовлетворительном знании абсолютной хронологии явлений нетрудно сделать ряд существенных выводов и в отношении временного распределения одних явлений по отношению к другим. Но, во-первых, по существу, эта помощь абсолютной хронологии является случайной и необязательной, а во-вторых, знание абсолютной хронологии не дает возможности в ряде случаев определить внутреннюю связь на первый взгляд разных явлений и, тем более, их причинную связь. С другой стороны, значение абсолютной хронологии может состоять в том, что она позволяет провести некоторые подготовительные работы перед началом изучения истории языка, например она может помочь установить наиболее вероятные хронологические границы между одним и другим состояниями языка.

Что касается праславянского языка, то по отношению к нему значение абсолютной хронологии особенно невелико, так как она, собственно говоря, не дает никаких оснований для установления относительной хронологии явлений, поскольку почти нет абсолютно определенных праславянских фактов (иное дело, например, история латинского или греческого языка и многих других письменно зафиксированных языков). Но даже в том случае когда есть предпосылки для абсолютной хронологии праславянских фактов, как, например, в истории с изменением праславянских групп типа *tort*, *ort*- и т. д. или со второй палатализацией задненебных¹⁹, они сплошь и рядом оказываются недостаточными из-за некоторых обстоятельств иного рода (например, из-за субSTITУции). Наконец, если даже предположить, что абсолютная хронология этих фактов ясна, то остается неизвестным, можно ли из них сделать какие-то выводы в отношении относительной хронологии, так как на основании двух-трех абсолютно определенных фактов едва ли можно построить схему хронологического отношения явлений. Ведь для истории праславянского языка вовсе не важно, что одно явление было раньше другого вообще: важно лишь то, что одно явление было раньше другого, зависимого или как-то связанного с первым.

В плане же предварительных данных абсолютная хронология праславянского языка может принести некоторую пользу, и поэтому в применении к праславянскому языку она могла бы иметь ряд задач. В частности, заслуживала бы, может быть, внимания задача определения хронологической границы конца праславянского языка. Но опять-таки абсолютная хронология помогла бы здесь лишь случайно, через посредство восстанавливаемых с ее помощью фактов относительной хронологии.

С широко понятой исторической точки зрения, согласно которой история языка определяется процессами и явлениями, составляющими ее содержание, было бы целесообразно признать, что верхняя граница праславянского языка относится к X—XII вв. и связана с последним крупным праславянским или первым «отдельнославянским» процессом, касающимся судьбы редуцированных гласных, как это и предлагал Н. С. Трубецкой²⁰. Стойти отнести эту границу ко времени, близкому

¹⁹ Cm. T. Lehr-Spławiński, Próba tzw. II palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w języku prasłowiańskim, «*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*», I, Warszawa, 1955.

²⁰ Cm. N. Troubetzkoy, *Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun*, RESl., II, 1922 и «Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit», ZfslPh, I, 1924. — С кри-

к VI в. н. э., как станет незавершенным логическое развитие бесспорно праславянских тенденций и, в известной степени, противоречивым содержание начального периода отдельных славянских языков. С другой стороны, нет принципиального (а только видимое) противоречия между тем, что праславянский язык существовал еще в XII в., а русский, или старославянский, был уже в IX—XI вв. Дело в том, что исследователь, интересующийся историей языка как таковой, определяет историю языка ее языковым содержанием, а не привходящими обстоятельствами вроде наличия политических и государственных организаций, чувства самосознания, взаимного понимания и т. д. Строго говоря, граница во времени с точки зрения языка не дана, и провести ее (а это сделать нужно)—входит в задачи исследователя; способы же ее проведения зависят от мастерства ученого. Что же касается абсолютной хронологии нижней границы праславянского языка, то она едва ли поддается определению в свете лингвистических данных²¹. Впрочем известные достижения в области так называемых «глоттохронологических» исследований как будто открывают новые перспективы для установления некоторых приблизительно абсолютных вех (по крайней мере в ряде случаев).

6. Вторая проблема — одна из самых важных — связана с относительной хронологией праславянского языка. Без решения этой проблемы, хотя бы в основных частях, невозможно построение истории праславянского языка. И поскольку такая работа пока еще почти не проделана, наши сведения о праславянском языке в значительной степени представляют собой не что иное, как конгломерат хаотически разбросанных фактов. Неслучайно, что некоторое подобие исторической схемы вырисовывается только в области праславянской фонетики, которая является особенно благоприятной для разыскания относительно-хронологического порядка. К сожалению, в ряде последних работ в области праславянского языка отдельные ученые вообще отказываются от попыток провести стратиграфию языка, хотя в прошлом в этом направлении были сделаны кое-какие успехи²².

В настоящей статье нет возможности подробно рассмотреть хотя бы основные проблемы и итоги в области относительной хронологии праславянского языка. Поэтому здесь придется ограничиться только отдельными краткими замечаниями.

Единого способа или принципа установления относительной хронологии языковых явлений нет даже в применении к отдельным областям, например, к фонетике. Так, взаимное временное расположение известного изменения группы *tort* и *ort-* определяется, по существу, внешними фактами: на основании тройного рефлекса группы *tort* в славянских языках и лишь двойного в *ort-* устанавливают взаимное отношение изменения этих групп во времени (иногда привлекаются и некоторые другие аргументы). В других случаях внешние аргументы при определении относительной хронологии приобретают несколько иной

тикой взглядов на данный вопрос Н. С. Трубецкого недавно выступил В. Н. Сидоров в предисловии к русскому переводу «Руководства по старославянскому языку» А. Вайяна.

²¹ По-особому стоит проблема увязки данных языкоznания и археологии в связи с уточнением абсолютной хронологии отдельных явлений, как это делалось Шпехтом, Куном и некоторыми другими учеными. Однако попытки этих учених, во многом слишком преждевременные, основаны не на абсолютной хронологии лингвистических фактов, а на данных археологии и лишь через их посредство на лингвистических фактах.

²² Хотелось бы обратить внимание на ряд интересных соображений в «Праславянской грамматике» Г. И. Ильинского и на первый достаточно подробный опыт (правда, только в области фонетики) Н. С. Трубецкого (см. уже указанную статью из RÉSI, II, 1922).

вид. Так, изменение *k'*, *g'*, *g'h* в свистящие произошло раньше, чем первая палатализация задненебных, поскольку первое — факт индоевропейской древности, второе — праславянской. Встречаются также примеры, когда определяются взаимные отношения не связанных между собой явлений. Так, метатеза в группе *tert* произошла позднее чем первая палатализация задненебных, о чем свидетельствуют случаи типа *chr̥da*, *chereda* и т. д. (иначе было бы **kr̥bda*, но *čereda*), хотя первое явление никак реально не связано и не зависит от последнего. Есть, наконец, случаи, при которых относительная хронология явлений приобретает особую методологическую ценность. Это бывает тогда, когда обнаруживается причинная связь между двумя явлениями, их взаимная обусловленность (так, вторая палатализация следовала за монотонгизацией дифтонгов).

Возможны и некоторые другие ситуации, помогающие определить относительную хронологию явлений. Выявление всех возможностей для каждой области языка имело бы важное значение. В связи с этим, может быть, было бы полезным конструирование некоторых гипотетических моделей и проверка их на имеющемся материале. В таком случае сразу бы становилось ясно, какие факты могут быть расположены во временной зависимости от других, а какие — нет. Например, для того, чтобы определить отношение во времени между первой палатализацией задненебных и так называемой «прогрессивной» палатализацией (здесь сознательно берется столь известный и простой пример), достаточно проверить, не встречается ли в праславянском языке слово, в составе которого было бы сочетание звуков типа *-ike-*, где бы были сопоставлены и условие для первой палатализации, и условие для «прогрессивной» палатализации; дальнейшая судьба *-ike-* определяет хронологические отношения между обоими палатализациями (в случае *-iče-* предпочтение в древности следует отдать первой; если бы было *-ice-* — «прогрессивной»). Или другой пример: вопрос о возможности непосредственного определения хронологического отношения между изменением *'ā > ē* и совпадением *ā* и *ō* в одном звуке решается в зависимости от того, окажется ли разница в рефлексах *jā* и *jō* (поскольку она есть: ср. *jēdō*, но *jarъ* — выясняется, что во время указанной палатализации *ā* и *ō* еще различались).

Но, разумеется, иногда методика определения относительной хронологии языковых явлений сильно усложняется и принимает вид многоступенчатых выкладок. В таких ситуациях приходится определять отношение данных двух явлений к другому или другим, которые позволили бы провести опосредованное сравнение и установление относительной хронологии между этими явлениями. Вот простейший пример. Непосредственно (если отвлечься от ряда данных внешнего порядка) остается неизвестным, что было раньше — изменение *s* в *x* после *i* (и некоторых других звуков) или метатеза в сочетании *tort*. Решение достигается косвенным путем: несомненно, что метатеза *tort* происходила примерно в одно время с метатезой *tert*, а последняя явно моложе, чем первая палатализация (доказательство дано было выше); так что последовательность явлений может быть представлена в виде: 1) *ke > če*, 2) *tort > trat, trot, torot*. Что же касается изменения *s* в *x* после *i*, то оно старше, чем первая палатализация, предполагающая уже имеющееся *x* из *s*; таким образом, здесь последовательность процессов имеет вид: 1) *s > x* (после *i*), 2) *xe > še* (приблизительно в то же время, что и *ke > če*). Следовательно, напрашивается вывод: если переход *s* в *x* древнее, чем первая палатализация, а последняя, в свою очередь, старше метатезы *tort*, то, значит, изменение *s* в *x* после *i* гораздо древнее, чем метатеза *tort*.

Представляется очевидным, что выработка методов исследования в области относительной хронологии, хотя бы на уже известном материале фонетики, была бы достаточным стимулом для попытки найти новые методы установления относительной хронологии явлений и в других областях языкоznания. Пока же в этом направлении почти ничего не сделано и, собственно говоря, не выработаны даже частные приемы выяснения соотношений во времени между явлениями. Более того, до сих пор остается даже принципиально не решенным вопрос о возможности установления относительной хронологии морфологических явлений. Такое разное положение дел в области фонетики и морфологии объясняется вполне объективными причинами. В фонетике для определения относительной хронологии двух явлений необходимо сопоставить их в пределах одного слова, или изучить то или иное явление в зависимости от позиций, или, наконец, прибегнуть к данным общей фонетики (например, для установления цепи *ke>če ča* именно в такой последовательности). Во всяком случае всегда фонетика представляет больше возможностей, чем морфология, для установления относительной хронологии в силу большей очевидности и непосредственности взаимосвязей причинно-следственного порядка.

В области же морфологии этих преимуществ нет. Во-первых, обычно нельзя сопоставить две флексии в пределах одного слова с тем, чтобы выяснить, какая из них древнее. (Исключение составляют элементы агглютинативной флексии, дающие некоторые основания для хронологической стратиграфии. Ср. винительный падеж множественного числа *n-s*: ясно, что собственно аккузативное *-n-* предшествовало по времени оформлению множественного числа *-s*; или локатив множественного числа *-si* предполагает сначала оформление множественного числа *-s* и лишь потом локативности *-i*; сюда же относятся случаи опрощения и утраты значения какого-либо морфологического элемента, подкрепляемого новым; ср. ст.-слав. *чъсого, чъсомоу* и т. д.; наконец, примеры, в которых отражается зависимость одной категории от другой; так, ср. более позднее появление элемента *-s-* в праславянском имперфекте по сравнению с аористом, от которого он зависел.) Во-вторых, связь между двумя разными флексиями разных категорий, как правило, остается неясной, и она не является, кажется, причинной. В самом деле, как определить хронологическую связь между флексиями дательного падежа единственного числа *o-основ -i* и творительного падежа единственного числа *o-основ -тъ* или между *-q* в 1-м лице единственного числа настоящего времени и *-te* во 2-м лице множественного числа настоящего времени? По-видимому, такие факты не могут быть охарактеризованы в их хронологическом отношении обычными методами. Поэтому сначала, очевидно, было бы целесообразно выделить отдельные направления в области морфологии, где относительно-хронологическая аранжировка представляется более достижимой. К ним надо было бы отнести: 1) исследование дублетных флексий (ср. дательный падеж единственного числа *o-основ -i, -ovi*; творительный падеж единственного числа *ā-основ -q, -oqj*; 1-е лицо единственного числа настоящего времени *-тъ, -то, -те, -ту*; 3-е лицо единственного числа настоящего времени *-tъ, -tъ* и т. д. Здесь относительной хронологии помогает или то, что одни формы основаны на других, или что данные индоевропейского языкоznания подсказывают предпочтительную древность одной формы перед другой); 2) исследование флексий разных падежей в плане относительной хронологии с перенесением центра тяжести проблемы на общефункциональные моменты (например, в частности то, что функции винительного падежа и локатива отчасти совпадают, причем таким образом, что винительный падеж обладает рядом

локативных функций, постепенно затухающих, а локатив не обладает аккузативными функциями, заставляет принять большую древность винительного падежа и его флексии по сравнению с локативом и его флексией. Это, впрочем, никак не значит, что *-t* древнее *-i*, которое могло использоваться и в других ситуациях еще до возникновения локатива); 3) изучение морфологических явлений в связи с фонетическими при постоянном внимании к процессам морфологизации (ср., например, чередования, использования долгой ступени гласных и т. д.) и аналогического выравнивания. И, наконец, 4) привлечение общих данных индоевропейской сравнительно-исторической грамматики, которые позволяют произвести стратиграфию, прежде всего в плане категорий.

Во всяком случае, и в морфологии возможно распределение ряда фактов в плане относительной хронологии. Важно лишь установить специфику подобного исследования, объем фактов и выявить приемы стратиграфии этих фактов.

Точно так же и в словообразовании проблема относительной хронологии возможна, хотя здесь она принимает новый вид.

В словообразовании наиболее важными звенами, видимо, будут являться: случаи последовательного нанизывания суффиксов в слове (явление, выделяющее славянские и балтийские языки среди других индоевропейских и объясняемое некоторыми как результат финского влияния); случаи чередования суффиксов (или детерминативов) при одной основе; изучение продуктивных и непродуктивных, архаичных и новых средств словообразования; учет морфологизующих моментов. Хотя и в самом общем виде, но относительно-хронологическая аранжировка может быть намечена и в лексике (в частности, с помощью географии слов и индоевропейских данных), и в синтаксисе.

Указанные выше некоторые принципы и примеры стратификации праславянского материала в плане относительной хронологии по существу касаются разрозненных фактов и лишь в очень малой степени связаны с системным подходом к языку: это, так сказать, стратификация отдельных элементов праславянского языка, приходящая лишь к частичной упорядоченности отдельных звеньев и весьма далекая от воссоздания общей картины праславянского языка. Поэтому особое значение приобретает стратификация праславянского языка как чего-то целого на отдельные периоды, внутри которых наблюдается известная стабильность, позволяющая практически пренебречь моментом движения. Методика выделения таких периодов и целый ряд проблем, связанных с этим, еще недостаточно ясны, хотя они и стоят в настоящее время в центре внимания современной диахронии, имеющей уже сейчас определенные успехи²³, увеличивающиеся год от года. Однако эта большая и сложная проблема требует особого внимания, и в данной статье можно ограничиться лишь указанием на ее первостепенную ценность для построения подлинной истории праславянского языка.

в. Третий вопрос, относящийся к проблеме фактора времени в связи с изучением истории праславянского языка, заключается в определении общей степени архаичности праславянского языка и установлении темпов его развития. Решение этого вопроса помогло бы определить насыщенность исторического пути развития праславянского языка процессами, а уточнение этого вопроса в применении к разным областям праславянской грамматики дало бы основания для важных умозаключений, характеризующих специфику эволюции праславянского

²³ См. A. G. Juillard, A Bibliography of Diachronic Phonemics, «Word», IX, 1953, а также фундаментальный труд А. Мартина «Économie des changements phonétiques», Bern, 1955.

языка. Эта проблематика, намеченная и разработанная итальянскими лингвистами, уже была отчасти применена в отношении славянских языков Бонфанте и прежде всего Бартоли²⁴.

Однако ряд важных вопросов остается нерешенным, о чем, между прочим, и свидетельствует известный спор между Бартоли и Бонфанте. Во всяком случае представляется полезным различение между «архаичностью» и «консервативностью». Это различие в применении к истории праславянского языка делает возможным более точное определение характера ряда явлений и позволяет иногда наилучшим образом выбрать одну из многих гипотез. Точно так же стратиграфии праславянского языка и уточнению объема составляющих его явлений способствует проведение границы между «postètniche» и «preètniche» новообразованиями.

Любопытно, что эта проблема может быть поставлена и на материале отдельных славянских языков и разных разделов языкоznания с целью определения значения их вклада в построение истории праславянского языка. Наконец, оценка праславянского языка в целом с этой точки зрения раскрывает его значение как источника сведений об индоевропейском праязыке. Вопрос о «консервативности» праславянского языка приобретает особое значение в связи с тем, что, исключая балтийские языки, именно славянские наиболее точно сохраняют целый ряд весьма древних особенностей²⁵.

г. И наконец, хотелось бы указать на четвертую проблему, связывающую историю языка с фактором времени. Но эта проблема гораздо шире узкого приурочения к праславянской истории. Она является сугубо теоретической и рядом своих сторон, возможно, выходит даже за пределы языкоznания. Если же она здесь все-таки упоминается, то это объясняется тем, что с ней неизбежно приходится сталкиваться, строя историю праславянского языка. Мы имеем в виду следующее. Все указанные выше способы хронологической аранжировки фактов праславянского языка плюс те новые, которые могут возникнуть, в итоге все-таки не дадут возможности равным образом изучить, вероятно двухтысячелетнюю, историю праславянского языка и наполнить ее равномерно распределенными фактами²⁶, не говоря уж о том, что от нас скрыта возможность разбить праславянский язык на приблизительно равные по времени периоды или определить продолжительность того или иного этапа.

Это зависит от двух причин: от незнания ряда фактов и — что существеннее — от неравномерности протекания различных явлений. Поэтому в применении к истории праславянского языка было бы несостоительным говорить о времени в общепринятом смысле этого слова. Здесь не язык измеряется временем, а наоборот, время измеряется содержанием языковых процессов, их наполнением. И в отношении истории праславянского языка речь по существу должна идти о «лингвистическом» времени, которое структурно и разнородно. Отказаться от такого взгляда едва ли можно. Но было бы недостаточно только констатировать его очевидность. Важнее сделать выводы об известной условности и необычности предлагаемого здесь понимания «истории» праславянского языка, о специфике ее связей с реальностью и о степени ее достоверности.

²⁴ См. M. Bartoli, *Ancora del carattere conservativo dello slavo e del baltico*, «Белићев зборник», Београд, 1937; см. также его же, *Il carattere conservativo dei linguaggi baltici*, «Studi baltici», III, 1933.

²⁵ См. интересные наблюдения в этом плане над материалом германских языков В. Лемана (см. W. P. Lehman, *Proto-Indo-European Phonology*, Austin Texas, 1952).

²⁶ См. N. van Wijk, *Les langues slaves de l'unité à la pluralité*, 1956, I.

III. В заключение остановимся на проблеме доказательства, обоснования. Понятно, что явления, открытые благодаря использованию всех указанных выше источников и проецированные в праславянский период в особой аранжировке, не принадлежат к числу наблюдаемых фактов, которые могли бы быть непосредственно проверенными. Это в принципе. Практически же приходится считать различной степень достоверности тех или иных фактов, относящихся к праславянскому языку: одни из них рассматривать как очевидные и уже доказанные, другие — как предполагаемые с вероятностью, третью — как простую возможность.

Таким образом, существует своего рода иерархия степеней доказательности реконструируемых фактов. При построении истории праславянского языка установление такой иерархии чрезвычайно желательно: с ее помощью выявляются наиболее узловые моменты, исходя из которых как из аксиом можно двигаться дальше к менее известным или совсем неизвестным фактам; кроме того, общие принципы этой иерархии позволяют правильно выбрать одну из ряда имеющихся возможностей, однозначно определить возможно большее количество фактов, наиболее просто описать данное состояние.

Уже довольно давно пришли к убеждению, что принцип простоты является известным аргументом, в зависимости от которого определяется логическая ценность теории. Это проявлялось в том, что из двух разных теорий выбиралась та, которая проще, или та, которая охватывает наибольшее количество фактов и позволяет сделать наибольшее количество выводов. Последнее тоже, по существу, является отражением принципа наибольшей простоты теории в применении к увеличивающемуся количеству фактов при тех же предпосылках. Интуитивно этот принцип нередко использовался в теориях, относящихся к праславянскому языку. Но все-таки он оставался внешним по отношению к истине и, главное, он возникал лишь после того, как она была достигнута, или казалось, что она достигнута. И только относительно недавно восторжествовало — естественно, в общелогическом плане — новое убеждение. Согласно ему «искать истину — значит искать истинную систему, а искать систему во всем — значит искать простоту; и соображения о простоте неизбежно связаны с выбором того, что рассматривается как истинная система»²⁷.

В силу этого логически возможен обратный, по сравнению с традиционным, ход исследования: искать простоту, ибо именно она отражает «истинную» теорию, объясняющую совокупность явлений. Однако практически сфера поисков и приложения принципа простоты определяется, конечно, фактами.

В свете указанного принципа наибольшей доказательной силой обладают те теории, которые, если их применить к праславянскому материалу, объясняют наибольшее количество разнородных явлений и из которых можно сделать новые выводы. Именно поэтому велико значение теорий, позволяющих объединить то, что без них рассматривалось изолированно. Ср., например, тенденцию к открытию слогов и к возрастанию звучности слога в праславянском²⁸, послужившую Ван-Вейку и Нахтигалю еще в тридцатых годах, а в недавнее время Мартине²⁹ для аранжировки целого ряда явлений; или тенденцию

²⁷ См. Nelson Goodman, Axiomatic Measurement of Simplicity «The Journal of Philosophy», Vol. LII, № 24, 1955, стр. 709.

²⁸ Речь идет именно о тенденциях, а не о законе. Это различие принципиально и отмечено уже рядом ученых.

²⁹ См. A. Martinet, Les langues à syllabes ouvertes, «Z. f. Phon. u. allg. Sprachwiss», VIII, 1953.

к палatalизации и противоположному ей процессу — веляризации, отмеченную Гальтоном³⁰ (этую тенденцию в более общем виде можно сформулировать как процесс возрастания монолитности слога и взаимосвязи составляющих его элементов)³¹.

Методологическая ценность выявления (или построения) таких тенденций проявляется, между прочим, в том, что они позволяют объяснить ряд до того изолированных фактов. Так, тенденция к открытию слогов объясняет ранее казавшиеся независимыми случаи протезы в праславянском. Разумеется, возможны и другие тенденции, которые окажутся подходящими к объяснению известных праславянских фактов. И было бы неверно ставить вопрос о том, какая из этих теорий правильна, а какая — нет. И та, и другая, и третья объясняют факты, и поэтому с точки зрения их соответствия действительности все они справедливы. Но в принципиальном плане мы вправе поставить вопрос о взаимном отношении ценностей этих теорий. Особенно удачны для этого ситуации, когда теории построены на одних и тех же фактах или, по крайней мере, на ряде общих фактов. При одинаковом охвате материала и одинаковой возможности в отношении следствий из ряда теорий, вероятно, более приемлемой должна оказаться та, которая акцентирует свое внимание на общих и специфических явлениях, притом преимущественно на новообразованиях (именно это дает возможность наметить тенденции развития).

Значение явлений именно такого рода было отмечено уже давно (Бругман, Мейе) и неоднократно повторено в следующие годы вплоть до последнего времени (Курилович, Порциг и др.), но это делалось лишь в применении к исследованиям, ставящим себе задачу определения степени родства между языками. Кажется уместным перенести эти принципы в область оценки достоинств и некоторых других научных теорий. Они (эти принципы) объясняют, почему обычно очень невелика ценность типологически сходных явлений в системе доказательств: они предлагают возможное объяснение, но ничего не доказывают. Чем более распространено то или иное явление в самых различных языках, тем меньше его значение с точки зрения внутренней ценности (в плане доказательства) в системе данного языка. Отсюда ограниченное значение панъязыковых факторов в указанном плане.

Выше было сказано, что при прочих равных условиях из двух теорий лучше та, которая «проще» (понимая «простоту» в широком смысле современных дедуктивных наук). Однако практически не всегда легко определить степень «простоты» теории. Можно считать, что простота системных фактов имеет преимущество перед простотой изолированных фактов. Поэтому представляется более простым и, следовательно, более правильным предположение о том, что индоевропейские *ā* и *ō* сперва совпали в праславянском *ō*, которое лишь потом перешло в *ā* (так считал уже Трубецкой), чем традиционное утверждение, согласно которому долгие индоевропейские *ā* и *ō* непосредственно совпали в праславянском *ā*. Хотя в предложенном Трубецким решении приходится ввести лишнее звено, не поддающееся проверке никакими фактами праславянского языка, тем не менее это объяснение логически «проще», и именно его следует предпочесть. Это предпочтение основано на си-

³⁰ См. H. Galton. Tendency in Linguistic Evolution, «Z. f. Phon. u. allg. Sprachwiss.» VIII, 1954, 240—242. Cp. также попытку Б. Каллемана (B. Calleman, Zu den Haupttendenzen der urslav. und altruss. Lautentwicklung, Упсала, 1950) объяснить тенденцию к открытию слога и к возрастанию его звучности на основе более общих закономерностей.

³¹ Здесь уместно напомнить и о попытке М. Граммона определить основные тенденции в фонетическом развитии восточной группы индоевропейских языков в терминах артикуляционного плана.

стемном подходе: в силу совпадения *a*, *o* в праславянском *o* и известного в определенный период параллелизма между краткими и долгими гласными необходимо предположить стадию *ā*, *ō > ū* (*> ā*).

Иногда особую трудность в определении преимущества одной теории перед другой представляют случаи, связанные с совокупностью несомненно взаимно обусловленных фактов, объяснение которых возможно с разных точек зрения и зависит от выбора факта, взятого в качестве исходного. Такая ситуация возникла в связи с объяснением праславянской акцентологической системы. Труды Хирта и целого ряда славистов, включая Ван-Вейка, подвёдшего итоги тридцатилетним усилиям и достижениям в этой области, позволили восстановить достаточно стройную картину развития праславянской акцентологической системы, начиная с индоевропейской и кончая «отдельнославянскими» системами. Несмотря на некоторые неясности или расхождения, теория в целом была весьма строга и считалась замечательным образцом далеко идущей научной теории, объединяющей огромное количество фактов и позволяющей сделать ряд новых выводов.

И тем не менее через семь лет после опубликования работы Ван-Вейка вышла в свет статья Куриловича, явившаяся первым наброском совершенно новой теории, продолженной и развитой им в ряде статей и представленной в наиболее завершенном и стройном виде в «*L'accentuation indo-européenne*». Самое интересное здесь, пожалуй, то, что в распоряжении Куриловича вовсе не было каких-то новых фактов, которые были бы неизвестны его предшественникам (если они потом и выяснились, то только уже в результате применения новой теории). Но хорошо известную совокупность фактов Курилович объяснил, взяв за исходный пункт иное, по сравнению с традиционным взглядом, положение.

В том, что при новом подходе также получилась система, нет ничего удивительного, так как она дана в самом материале. Если же все-таки теории Куриловича следует отдать предпочтение, то это объясняется тем, что она более системна, чем традиционная, что проявляется, между прочим, в четком разграничении форм основных и производных, отношение которых меняется в разные периоды, в научной разработке вопроса об аналогии, в применении структурного *rag excellence* метода внутренней реконструкции, в постоянном учете и перекрестной взаимопроверке фактов (ср. морфологизацию фонетических явлений). Все эти дополнительные принципы не могут не учитываться при оценке любой теории и особенно тех, которые в силу специфики материала возникают автоматически, как только выбран исходный пункт и сделаны логические выводы из него.

Однако практически не всегда легко определить, какая из теорий «проще» и, тем более, какова должна быть наиболее простая теория, объясняющая данную группу фактов. Логически в общем виде проблема измерения простоты—сложности может быть решена, поскольку принципиально она не отличается от проблемы измерения длины, которая некогда казалась чем-то субъективным и крайне неясным. Более того, уже сейчас сделано много попыток в измерении простоты—сложности, введены полезные методологические аксиомы, на основании которых формируется ряд теорем³². Применение этих приемов к исследованию и оценке теорий, относящихся к праславянскому языку, а также количественное определение индексов вероятностей несомненно способствовало бы прогрессу наших знаний и привело бы к созданию предельно строгих и простых теорий.

³² См. N. Goodman, указ. соч.; John G. Kemeny, Two Measures of Complexity, «The Journal of Philosophy», Vol. LII, № 24, 1955, и др.

К. Г о р а л е к

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАДАЧАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Неопределенность вопроса о предмете сравнительно-исторической лексикологии объясняется главным образом тем, что не установлена связь лексикологии с другими лингвистическими дисциплинами. При работе с конкретным языковым материалом выясняется целесообразность широкого понимания предмета исторической лексикологии.

Такое понимание предполагает, что лексикология будет охватывать не только вопросы, касающиеся системы словарного состава языка в его постепенном развитии (сюда можно было бы отнести и проблему основного словарного фонда), но также вопросы формальных и семантических изменений отдельных типов слов. Речь идет, разумеется, о раскрытии общих тенденций развития, об исследовании явлений в их системе.

При изучении развития словарного состава важно иметь в виду формальную сторону слова, учитывать отношения звуковой и смысловой его стороны. Общепризнано, что здесь действительно существуют сложные отношения, составляющие в историческом аспекте свою проблематику. Однако до сих пор не выяснено, что в этих отношениях случайно и что вытекает из самой сущности динамического развития языка. Все еще остается не разрешенным вопрос: в какой мере по отношению к развитию словарного состава (да, собственно, и языка вообще) можно говорить об отставании формы от содержания (значения)? Это отношение никогда не бывает однозначным¹. В лексических значениях определяющая роль контекста настолько велика, что случайные новые значения могут победить значения традиционные. Вообще в лексике неопределенность в отношении между формой и значением можно считать нормальным явлением.

Для доказательства тесной связи формальной и смысловой стороны слова приводят, например, случаи так называемой языковой терапии, в частности, отмирание омонимов как следствие того, что при наличии в языке одинаково звучащих, но имеющих различные значения слов в определенных обстоятельствах может быть затруднено общение. Но именно лексические изменения, которые приводятся в качестве примеров языковой терапии, до сих пор не были надлежащим образом

¹ Ср. В. В. Виноградов, О некоторых вопросах русской исторической лексикологии, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 3, стр. 188.

объяснены². Связь формальной и смысловой стороны слова более отчетливо проявляется при так называемой народной этимологии.

Но все подобные факты ни в коей мере не отрицают того положения, что звуковая форма слова в сущности не определяет его значения. В этом отношении сохраняет свою роль принцип немотивированности. Связь между звуковой и смысловой стороной слова в сущности условна; это обстоятельство является необходимой предпосылкой этимологического исследования словарного состава: лишь при учете его можно решать вопрос о характере связи, существующей между словами одинакового или сходного звучания, имеющими близкое или общее значение. Обычно исходят из предположения, что здесь имеется прямая зависимость, обусловленная или генетическим родством языков, или культурными связями (при заимствованиях). Однако принцип немотивированности звуковой стороны слова имеет свои границы, что важно именно с точки зрения исторической лексикологии. Существует и так называемое элементарное родство: некоторые слова сходного звучания и со сходным значением имеют совершенно разное, независимое, друг от друга происхождение, и это не простая случайность, но следствие определенных естественных соотношений, которые проявляются при образовании слов во всех языках мира.

Сходные слова, возникающие таким образом, чаще всего встречаются среди звукоподражательных выражений, которые в своем образовании связаны с простой имитацией природных звуков. Эти имитации, своего рода звуковые образы, обычно бывают неточны, что является причиной определенной звуковой стилизации. Как правило, для звукоподражательных слов бывает достаточно обычных звуков, которыми располагает данный язык. Однако иногда используются особые звуки, которые в данном языке в других типах слов не встречаются, ср., например, чеш. *dzin* [в других случаях звук *dz* (z) встречается в чешском языке только как позиционный вариант]. Хотя звукоподражательные выражения наглядно представляют называемую реалию, все-таки связь между формой наименования и называемой реалией и здесь лишь условна. Это ясно доказывают случаи, когда слова, обозначающие какую-либо звуковую реальность, не являются звуковыми образами, а также когда разные языки расходятся в употреблении звукоподражательных наименований.

Элементарное родство часто встречается также среди междометных выражений, которые по их функции можно разделить на две основные группы: 1) междометия, выражающие субъективное движение мысли; 2) междометия, со значением волеизъявления, призыва и побуждения. В качестве третьего типа можно было бы присоединить сюда звукоподражательные междометия со значением действия, например, чешск. *buch—buch*, русск. *тук*, *стук* и т. д. Но в этом случае уже следует говорить о междометных выражениях в широком смысле слова³. Междометия, обозначающие движение мысли, тесно соприкасаются с выражениями, которые вообще лишены определенного значения и тем самым стоят вне системы средств общения (самопроизвольные выкрики страха, боли и под.). Некоторые междометия со значением призыва тоже не относятся непосредственно к языку — это касается главным образом междометий, используемых, когда зовут животных,

² Мало убедительно толкование этих вопросов, например, в работе чешского лингвиста О. Духачка (O. Ducháček, O vzájemném vlivu čtvaru a významu slov, Praha, 1953), содержащей большое количество интересных фактов.

³ Ср. J. M. Kořínek, Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde, «Slavia», 15, 1937, стр. 42—52; его же, Laut und Wortbedeutung, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939.

особенно домашних. Такие междометия характеризуются некоторыми особенностями звуковой композиции, которые в других случаях в языке не существуют. В чешском языке встречаются, например, междометия, образованные без гласных и слогообразующих согласных⁴.

Тесная связь звуковой стороны со стороной смысловой⁵ свойственна не только междометным выражениям. В славянских языках, например, мы часто встречаемся с фактами, когда экспрессивная смысловая окраска обозначена звуковой структурой слова. Для чешских слов с эмоциональной окраской характерны сочетания палатальных согласных с гласными *u*, *ou*, *o*, например, *čulpas*, *hňíp*, *čině*, *čitěti*, *courati*, *polouchlý*, *pesudný* и т. д. Подобное явление в чешском языке наблюдается и среди звукоподражательных выражений, часть которых также имеет эмоциональную окраску. Например: *kňourati*, *kňičeti*, *čochlati* и др.⁶ В таких случаях можно говорить о выразительной функции звуковых групп.

Исключением в этом отношении чаще всего являются заимствованные слова, ср. например, чешск. *jód*, *jirká*, *čokoláda*, *žurnál*, *ažura* и т. д., где группа — палатальный согласный + *o*, *u* — лишена выразительной роли⁷. Однако иногда (факультативно, лишь в определенном контексте) звуковое строение слова оказывает влияние на его стилистическую отнесенность, и эмоциональная окраска в подобных заимствованных словах все-таки обнаруживается, ср. *čokl*, *žok*, *žittra* и т. д.

Междометные и экспрессивные элементы в словарной системе имеют большое значение для этимологии. Разработка общих принципов их этимологического исследования является одной из неотложных задач исторической этимологии. В этом отношении несомнены заслуги таких чешских ученых, как И. Зубатый, И. Янко, И. М. Коржинек и В. Махек⁸, создавших чешскую этимологическую школу (хотя они применяли не совсем одинаковый метод). Сейчас ее представителем является только проф. В. Махек, который руководит подготовкой нового этимологического словаря славянских языков в Чехословацкой Академии наук⁹.

Систематическая лексикология при исследовании формальной стороны слов не может ограничиться отдельными словами, она должна исходить из номинативных единиц, которые часто образуются и сочетаниями слов. Способами образования номинативных единиц различаются между собой и языки, в иных отношениях очень близкие, и языки, развивающиеся в этом плане в одном направлении. Иногда на развитие лексики значительное влияние оказывает теория языка. Это касается прежде всего номинативных средств, которые свойственны исключительно литературному языку; к ним же относится вся специальная терминология.

Влияние теории часто проявляется также в осуждении заимствований. В истории славянских языков мы очень рано сталкиваемся

⁴ Ср., например, *psti* (при призывае к соблюдению тишины), *kš* и др. По вопросу о междометиях со значением призыва ср. А. В. Исаченко, О призывающей функции языка, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. I, 1948.

⁵ Ср. И. М. Kořínek, указ. соч.

⁶ Ср. V. Matthesius, ..., сб. «Čeština a obecný jazykospryt», Praha, 1947.

⁷ Ср. V. Matthesius, указ. соч., стр. 89.

⁸ Этимологические статьи И. Зубатого вышли под общим названием «Studie a články» (I, 1, 1945, I, 2, 1949, II, 1954). Из работ проф. Янко сюда относятся главным образом «Poznámky a příspěvky k českému slovníku etimologickému» (печатались в «Časopis pro moderní filologii» с 1916 года). Основным произведением И. М. Коржинка в этой области является книга «Studie z oblasti onomatopoje» (Praha, 1934), из работ В. Махека сюда относится прежде всего «Studie o tvorbení významů expresivních» (Praha, 1930).

⁹ См. «Slavia», ročn. XXIV, seš. 1, 1955, стр. 141—145.

с пуритизмом. Уже в некоторых старославянских памятниках заметно стремление избежать заимствованные слова и заменить их новыми словами или старыми, приспособленными к передаче нового значения. Эта пуритическая тенденция проявляется в памятниках периода первого болгарского царства (с конца IX—начала X столетия). Против чрезмерного употребления заимствованных слов горячо возражал Ян Гус (1370—1415). Очень решительный пуритизм появляется в чешском языке в эпоху культурного упадка в XVII и XVIII столетиях и продолжается с различными изменениями и периодическими перерывами до новейшего времени. В настоящее время у некоторых лингвистов пуритизм проявляется, например, в возражениях против употребления таких обычных международных слов, как прилагательное *organický* (заменяется словом *ústrojný*, причем существительное *organismus* в переводе на чешский язык сохраняется), существительное *funkce* заменяется словом *úkon* и др.).

При создании новых специальных терминов в современных славянских языках очень широко применяются различные сложные слова и сочетания слов. При этом разные типы образования номинативных единиц конкурируют между собой. И в этом отношении между отдельными языками существуют значительные различия¹⁰. Например, для русского языка характерны различные сложные слова. В других славянских языках им чаще всего соответствуют суффиксальные слова (ср., например, *кислород* — чешск. *kyslík*, *водород* — чешск. *vodík*, *головокружение* — чешск. *závrať*) или сочетания слов (например, русск. *авиосклад* соответствует чешск. *skladistě leteckých potřeb*, русск. *теплоход* соответствует чешск. *motorová lod'* и т. д.). Сокращенные слова, которые после Октябрьской революции широко распространились в русском языке, после 1945 г. проникают также и в другие славянские языки, часто путем подражания русским образцам, однако в русском языке этот словообразовательный тип наиболее употребителен.

В славянских языках древнего периода сочетания слов при образовании наименований использовались редко, главным образом в ботанической и зоологической народной терминологии. Сюда относятся, например, русск. *черный дрозд*, чешск. *kos*; русск. *дикий мак*, чешск. *vlčí mák*; русск. *песий грозд*, чешск. *psí víno*, и т. д.

Обогащение словарного состава путем заимствования слов из других языков определяется развитием культуры и географическим положением того или иного народа. Для славянских языков здесь различаются три основные области распространения: западная, восточная и южная. На западный тип сильнейшее влияние оказал немецкий язык, на восточном типе в раннюю эпоху сказалось скандинавское, угро-финское и тюрко-татарское влияние, а через посредство церковнославянского языка также и греческое, на южном — влияние греческое

¹⁰ По вопросу о различиях между чешским и русским языками в употреблении сложных слов и терминов см. A. V. Isačenko, O některých zákonitostech v oblasti pojmenování, «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci, Jazyk a literatura», III, 1956, стр. 17—24. — Некоторые положения этой статьи вызывают у нас критические замечания. Например, мы считаем спорным положение о том, что в настоящее время можно строить теоретические основы лексикологического исследования, исходя из работы польского лингвиста Я. Розвадовского «Wortbildung und Wortbedeutung. Eine Untersuchung ihrer Grundgesetze» (Heidelberg, 1904). Представляется сомнительным также то, что распространение слов типа чешск. *úsekáč*, *kandidálka* (вместо *úsekový důvěrník*, *kandidátní listina*) можно считать изменением двучленного наименования в наименование одночлененное (т. е. так называемой *univerbisacií*). Мы имеем здесь дело с образованием одночлененных стилистических вариантов, которые при благоприятных обстоятельствах вполне могут заменять двучленное наименование.

и турецкое. В восточнославянской области, особенно в русском литературном языке в последние три столетия было сильно западноевропейское влияние.

В лексикологических работах о славянских языках, в которых исследуются заимствованные слова, иногда говорится о том, в какой мере по количеству и характеру заимствованных слов можно судить о силе культурных влияний. Несомненно, что заимствование слов связано с усвоением культурных ценностей. Поэтому изучение заимствованных слов с точки зрения связи развития языка с историей народа, говорящего на этом языке, является важной задачей исторической лексикологии. Заимствование слов (это касается также и грамматических средств), однако, не должно считаться свидетельством того, что заимствующая среда в культурном отношении стоит ниже, чем среда, из которой происходит заимствование.

Историческая лексикология до сих пор мало обращала внимание на то, какое влияние оказывает специфическое национальное мировоззрение, особенности национальной психики на развитие словарного состава языка. Особенно интересны примеры так называемых образных наименований, которые можно понимать не только в узком смысле слова (как, например, чешск. *jazyček* «на весах», русск. *стрелка*), но также и в более широком (сюда относятся все обычные производные слова, обозначающие естественную связь называемых предметов, ср.: русск. *яйцо, яичко, яичник, яичница*; чешск. *lod', lodník, loděnice, lodivod* и т. д.). В обоих случаях речь идет о создании названий на основе определенного качества предмета, признака.

Образный элемент в наименовании иногда не совсем точно называют внутренней формой слова¹¹; это понятие было характерно для идеалистического языкознания XIX в., во главе которого стоял В. Гумбольдт; оно связывалось с вопросом о том, каким образом в особенностях языка отражаются специфические черты национальной психики. Понятие внутренней формы стало впоследствии широко распространенным. В известной мере был прав чешский лингвист В. Матезиус, когда писал, что всю проблему внутренней формы можно разрешить, просто вычеркнув этот термин из лингвистического словаря, потому что вместе с термином исчезнет и само трудное понятие¹². Поскольку, однако, речь идет об определенных реальных явлениях, простым изъятием термина вряд ли можно что-либо решить. Этой проблемой должна заниматься как синхронная (дескриптивная), так и историческая лексикология. В принципе можно согласиться с высказываниями Л. А. Булаховского по этому вопросу¹³. Но здесь нельзя ограничиться лишь приведением ряда интересных примеров, каковы, например: русск. *смородина*, польск. *porzeczki*, немецк. *Johannisbeere*, чешск. *srstka*¹⁴. В отношении данных примеров следует заметить, что на основании их еще нельзя говорить о какой-то склонности русского языка к подчеркиванию обонятельных впечатлений или о тенденции чешского языка к подчеркиванию зрительных или осязательных впечатлений. Обращение к диалектным явлениям показало бы нам, что в этом отношении положение гораздо сложнее¹⁵. Многое можно заклю-

¹¹ Ср. Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, изд. 2, М., 1954, стр. 9 (примеч. 2).

¹² «Čeština a obecný jazykozpryt», Praga, 1947, стр. 11.

¹³ Л. А. Булаховский, указ. соч., стр. 9 и сл.

¹⁴ Акад. Л. А. Булаховский (там же, стр. 10) приводит др.-аллем. *Krauselbeer*. (откуда франц. *groseille*), обозначающее тот же самый признак, что и чешск. *srstkae*.

¹⁵ Например, в чешском языке более употребительно *angrešt*, чем *srstka*. Первое возникло по образцу итал. *agresto* «кислый», или лат. *agrestis* «полевой».

чить из таких интересных явлений, как, например, употребление, в русском языке образных наименований для некоторых технических устройств¹⁶. Для исследования отношений между формой слов и национальной психикой большое значение имеет и то, как функционируют в языке отдельные типы слов (суффиксальные и префиксальные производные слова, сложные слова, образные наименования, сочетания слов, заимствованные слова и кальки).

Что касается славянских языков, то в работах по сравнительной лексикологии необходимо помнить также о различиях в образовании новых наименований путем перехода слова из одного класса в другой. Здесь национальная психика выступает как один из определяющих факторов наряду с другими (общественные отношения, направленность и степень культурного развития, географическое положение и т. д.). Ср., например, переход имен прилагательных в имена существительные. В использовании этого способа расширения запаса наименований русский язык заметно отличается от чешского (ср. русск. *домовой* и чешск. *skřítek*, русск. *гласный*, *согласный* и чешск. *samohláska*, *souhláska* и т. д.). Для чешского языка характерно, что существительные, имеющие форму прилагательного, в значении прилагательного вообще никогда не выступают (ср., например, *poklasný*, *pohodný*, *ronosný*). Субстантивированные прилагательные в чешском языке довольно часто оказываются среди собственных имен. С точки зрения проблематики национальной психики особенности имен собственных являются очень важными. Раздел о именах собственных не может быть устранен из исторической лексикологии. Ведь имена собственные образуются, как правило, из нарицательных имен и могут дать важный материал по истории словарной системы; в некоторых языках только имена собственные сохраняются от древнейшего периода. Вопрос состоит только в том, каков будет объем этого раздела. Основная трудность в этом отношении заключается в том, что изучение собственных имен до сих пор не имеет надежно разработанной методической базы, однако положение все же не столь неблагоприятно¹⁷.

В исторической лексикологии должны быть рассмотрены и некоторые вопросы, стоящие на границе между лексикологией и грамматикой, а в определенной мере также и стилистикой. Именно, следует обращать внимание на то, как развивается система различных классов слов, как изменяется их число и их взаимоотношения. Сюда относится также и вопрос глагольного и именного выражения. Историческая лексикология славянских языков могла бы содержать также разделы, излагающие, например, вопросы о том, как постепенно выделяются в качестве особого класса слова категории состояния¹⁸, как оформ-

Ср. J. Holub — F. Koréčný, Etymologický slovník jazyka českého, [Praha], 1952, стр. 61.

¹⁶ Ср. П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956, стр. 226 и сл.

¹⁷ Важным исследованием о лингвистическом характере имен собственных является статья Куриловича «La position linguistique du nom propre» (*Onomastica*, I, 1956, č 2, стр. 1—14). Недостаток этой работы тот, что в ней рассматриваются лишь собственные имена лиц и не обращается внимание на имена местные, которые имеют свою особую проблематику. Более широко этот вопрос освещается в книге: V. Blanář, Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestných mien v Madarsku, Bratislava, 1950. Вопросом о заимствовании имен собственных занимается немецкий славист Д. Герхардт (см. D. Gerhardt, Zur Technik des neuzeitlichen Namentausches am Beispiel des Russischen, «Beiträge zur Namenforschung», siebenter Jahrgang, Heft 2, Heidelberg, 1956).

¹⁸ Я считаю вопрос о предикативных словах, resp. категориях состояния в славянских языках, решенным в том смысле, что здесь действительно речь идет об особом классе слов. Если же считать, что это — специальный класс наречий, то необходимо правильно описать особенности этого класса.

ляются особые типы частиц и т. д. Работе лексиколога на этом участке мешает, однако, то обстоятельство, что данные проблемы не уяснены теоретически и не разработаны в историческом плане. В некоторых славянских языках даже современное состояние таких классов слов, как, например, частиц, исследовано еще слабо. Еще в меньшей степени изучена их история. Для современного чешского языка основным источником сведений о частицах является большая грамматика Ф. Травничка¹⁹, но в ней понятие частиц слишком сужено. Более широкой категорией слов определены частицы в русских грамматиках, например, в академической грамматике²⁰; такое понимание имеет бесспорные преимущества.

Историческая лексикология должна исследовать и процессы грамматикализации, ослабления лексического значения, например, возникновение союзов из междометий, предлогов из наречий, вспомогательных глаголов из глаголов с лексическим значением и т. д. Сложную проблематику представляют в славянских языках лексикограмматические средства выражения модальности. В некоторых славянских языках для выражения модальности предпочтитаются особые глаголы, в других используются иные средства. Например, для чешского языка являются характерными модальные глаголы *museti*, *mítí* (в значении немецкого *sollen*), а для русского языка более характерны инфинитивные конструкции со словом *надо* и др.

В области семантических исследований систематическая лексикология (историческая так же, как и дескриптивная) должна охватывать хотя бы в общих чертах основные явления полисемии, омонимии, синонимии, антонимии и всех родственных явлений. Омонимия в славянских языках представлена слабее, чем, например, в английском, наибольшее распространение она имеет в украинском языке, затем в чешском (в нем фонетически слились, например, *býti* и *bítí*, *výti* и *vítí*, *žítí* имеет два источника: *žítí* и *žetí* и т. д.). В результате образования новых слов расширяется полисемия. Это происходит или путем расширения значения старых слов, или путем образования тождественных по форме слов для различных смысловых областей. Особняком стоит глагольная полисемия.

(Перевел с чешского Л. Н. Смирнов)

¹⁹ F. Trávníček, Mluvnice spisovné češtiny, část II, Praha, 1951, стр. 1472—1474.

²⁰ «Грамматика русского языка», т. I, М., 1952, стр. 639 и сл.

И. Попович

СЕРБСКОХОРВАТСКО-БОЛГАРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ (заметки по славянской лингвистической географии)

До последнего времени большое внимание обращалось на черты различия между сербскохорватским и болгарским языками, т. е. на новообразования, которые разъединяют эти два языка. Безусловно, это дало свои положительные результаты (если не говорить о злоупотреблениях, которые допускали некоторые шовинистические элементы); однако, как я полагаю, давно настало время обратить внимание и на черты сходства между этими двумя славянскими языками — проанализировать общие новообразования, языковые процессы, которые тесно объединяют сербскохорватский и болгарский языки. Здесь речь идет не только о «политической» стороне вопроса, т. е. не только о необходимости сотрудничества между учеными Югославии и Болгарии, но главным образом о чисто лингвистической необходимости научных работ такого рода, что, как мне кажется, в полной мере оправдывается языковым материалом.

Общепризнано, что сербскохорватский и словенский языки в далеком прошлом пережили период тесного единства, а болгарский язык развивался особым путем, хотя большинство ученых допускает и кратко-временное общеюнославянское единство, имевшее место где-либо на территории старой славянской прародины или в период переселения на Балканы. Однако эта концепция объясняет лишь особенности эволюции грамматической структуры; что же касается развития словаря, то факты, напротив, позволяют нам говорить о близости сербского (и хорватского — в меньшей степени) языка с болгарским. Этот факт первым, насколько мне известно, очень тонко подметил виднейший болгарский компаративист проф. И. Леков: «Слова болгарского основного словарного фонда имеют параллели чаще всего в сербскохорватском языке. Мнение о том, что среди юнославянских языков к сербскохорватскому ближе других стоит словенский, вполне справедливо; однако это касается лишь грамматической структуры, но не основного словарного фонда» (*Besonderheiten des Grundwortbestand der bulgarischen Sprache, Vorträge auf der Berliner Slawistentagung...*, 82—83. Подчеркнуто мною. — *И. П.*). На лексическую близость между сербскохорватским и болгарским языками недавно указал и акад. В. Георгиев (он сравнивал литературные языки). Эта близость убедительно показана на табличке, составленной В. Георгиевым: по его подсчетам • сербскохорватский и болгарский литературные языки имеют 80—85% одинаковых или почти одинаковых слов, 5—10% неодинаковых, но понятных обеим сторонам и только 5—10% слов совершенно различ-

ных (Езиково сближение на славянските народи, Език и литература, III, од. Близостта на славянските езици, стр. 243—246).

Ввиду вышеизложенного полагаю, что необходимо начать и систематическое изучение общих лексических новообразований, связывающих некоторым образом сербскохорватский и болгарский языки. В данной статье дается анализ двух случаев, где лексика данных южнославянских языков развивалась в одном общем направлении в рамках лексического материала славянского происхождения.

Прежде чем переходить к описанию конкретных случаев, необходимо сделать несколько замечаний методологического характера.

1. Не только праславянские элементы связывают в тесную группу лексический материал сербского (и хорватского) и болгарского языков; в направлении их нивелировки действовали и различные факторы позднего времени (общие культурные заимствования из русского языка, скожий материал новогреческого и турецкого языков и т. п.), свидетельствующие не о генетической связи, а лишь о сходстве политико-культурной судьбы. Они пока остаются за рамками моих исследований.

2. Общие новообразования (инновации) в области праславянской лексики говорят о «генетической» связи, т. е. указывают на симбиоз сербов (и хорват) с болгарами. Но, сами по себе, без анализа другого материала, они еще не дают возможности судить о хронологии. Тот факт, что данный своеобразный лексический тип наблюдается у сербов и болгар, еще ничего не говорит о том, есть ли это следствие симбиоза на территории старой прародины или результат расширения изолекс на Балканах; *a priori* возможно как то, так и другое.

3. Греческие и турецкие заимствования находим прежде всего у болгар и восточных югославян (т. е. сербов) и в гораздо меньшей мере у западных югославян (т. е. хорватов, словенцев); точно так же ряд общих праславянских элементов находим главным образом в болгарском, македонском языках и штокавском диалекте сербского языка, а чакавский диалект хорватского языка в этом процессе часто уже не участвует:ср., например, болг. *знáлъ*, сербск. штокавск. *знам* (и русск. *знаю*), но чакавск. *vîn* (и словенск. *v m*, чешск. *v m*, польск. *wiem*, рядом со ст.-слав. *вѣмъ*). Поэтому практически, может быть, лучше здесь говорить не о «сербскохорватско-болгарском», а просто о «сербско-болгарском». Однако с точки зрения теоретической такой термин неудобен, так как сербы и хорваты говорят на одном языке, а в диалектологическом смысле это было бы не совсем точно, поскольку иногда некоторые элементы распространяются с востока Балкан до чакавцев и кайкавцев полностью или частично. Ср., например, болг. *дълб къ*, сербскохорв. штокавск. *д бокъ*, но также и чакавск. (частично) *dumbok* и *gelbok*; второй тип связан со словацким *hlbok* (см. ниже). Этот материал свидетельствует о том, что иногда сербы, македонцы и болгары оказываются на одной стороне, а словенцы — на другой; изолекса между двумя типами может проходить и через хорватские области (восточнее или западнее). В настоящей статье в связи с этим будет употребляться термин «сербскохорватский» язык.

4. Относительно данных македонского языка я уже высказывался в печати (см. мою книгу «Исторја српскохорватског језика», Нови Сад, 1955, стр. 63—65). Однако следует сказать, что в моем распоряжении было больше лексического материала с территории Болгарии, нежели из Македонии.

5. В некоторых случаях из-за недостатка материала речь пойдет • лишь о сербско-болгарских локальных новообразованиях, хотя в действительности ареал может оказаться и более широким. Так, недавно

польский славист Ф. Славский (*Języki południowo-słowiańskie*, в кн. «Przegląd i charakt. język. slow.», Варшава, 1954, стр. 129) показал, что типы *Zica* и **solna* являются сербскохорватско-болгарскими (и словенскими, где, вероятно, из сербскохорватского. — И. П.): сербскохорватск. *жъца*, болг. *жайца* (словенск. *žica*); сербскохорватск. *слана*, болг. *сланă* (словенск. *slána*). Однако вскоре Н. П. Гринкова отметила («Об областных словах в современном литературном русском языке», «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», Л., 1956, т. 122, стр. 156, примеч. 1) наличие этих слов и в русских говорах, что указывает на южнославянско-восточнославянский ареал.

Подобным же образом итальянский лингвист М. Бартоли считает развитие пары *luna:měsć* в один тип *měsć* у сербов и болгар их специфическим новообразованием (Le innovazioni preetniche nello slavo, Саопшт. и реферате III Међународног конгреса слависта, Белград, 1939, № 2, стр. 7—8). Между тем П. Я. Черных очень убедительно показал, что замена типа *luna* типом *měsć* — общеславянское явление, известное, кроме сербского и болгарского языков, в значительной мере и русским диалектам («Очерк русской исторической лексикологии», М., 1956, стр. 53—55), а теоретически, вероятно, и праславянскому языку (ср. R. L. Pearce, «The Lithuanian month names», «Studi Baltici», N. s. I (IX), стр. 124; Вяч. В. Иванов, о значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков, «Вопросы славянского языкознания», вып. 2, стр. 6—7, примеч. 1 на стр. 7).

Кроме того, необходимо определить, является ли данный факт лексической близости сербскохорватского и болгарского языков следствием того, что определенное лексическое сходство эти языки сохраняют как архаизм, или это прабалканское новообразование. Случаи первого рода выходят за рамки моего настоящего исследования, поскольку они не свидетельствуют с определенностью о последствиях сербско-болгарского симбиоза, имевшего место после распада праславянского языка.

6. Исследования данного типа сопряжены с огромными трудностями, связанными с недостаточно высоким уровнем лексикологии в славянских странах. Еще не создано диалектологического атласа и полных сводных работ по диалектологической лексикологии, которые смогли бы отразить картину географии, семантики и истории отдельных слов (в частности, болгарского и сербскохорватского языков). Имеющиеся в настоящее время диалектологические словари страдают обычно крупными недостатками, носят отпечаток «любительского» собрания «экзотики»: в них обычно отмечается лишь то, что «бросается в глаза»¹. В связи с этим пока трудно судить о географии слов и о многих других явлениях.

Вообще работ по лексике очень мало. В отношении сербскохорватского языка, например, можно назвать лишь три работы, причем одна из них принадлежит перу не лингвиста, а этнолога².

И наконец, должен отметить, что я испытывал большие трудности с литературой, изданной вне пределов Югославии; считаю своим дол-

¹ Ср. справедливые замечания И. К. Буниной в работе «Лексический состав говора ольшанских болгар», «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», М., 1953, вып. 3, стр. 13, 14.

² M. Tentor, Leksička slaganja canskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika, Razprave, (Любляна), II/I, стр. 69—92; I. Popović, Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora, Riječka Revija (Риека), VI/3, стр. 62—72; B. Bratanić, Uz problem doseljenja Južnih Slavena..., «Zbornik radova Fil. fak.», (Загреб), I, стр. 221—250.

гом и правом отметить и это обстоятельство. Однако благодаря любезности своих коллег из Москвы и Софии я смог пользоваться советскими и болгарскими работами. Значительно труднее с литературой из Чехословакии, а особенно из Польши, хотя мне известно, что именно там ведутся очень интенсивные лексикологические исследования.

В связи с вышеизложенным необходимо подчеркнуть, что и картина, нарисованная в данной работе, далека от исчерпывающей полноты. Полагаю также, что еще рано приступать к анализу лексических фактов с точки зрения их семантического развития, с точки зрения выделения основного словарного фонда, хотя работа такого рода необходима и уже ведется в странах народной демократии. Все же полагаю, что материал, имеющийся в моем распоряжении³, позволяет судить об основных линиях развития анализируемых здесь словарных элементов, поскольку в общих чертах проясняется их географическая отнесенность, без учета которой невозможно объяснение смены одного элемента другим.

Необходимо сделать замечание и «субъективного» характера. Очень желательно, чтобы сербскохорватская лингвистика наконец включилась в ту большую лексикологическую и лингвистико-географическую работу, которая с успехом ведется в Советском Союзе, Польше, Чехословакии и Болгарии, работу, которая обещает в скором будущем богатые результаты. Необходимо, чтобы сербскохорватская славистика могла воспользоваться плодами совместной работы ученых славянских стран, и, с другой стороны, сама предоставила в распоряжение науки материал, добытый на сербских и хорватских территориях.

I. СЕРБСКОХОРВАТСКОЕ ДУВОК, БОЛГАРСКОЕ ДЪЛБОК «ГЛУБОКИЙ»

Общеславянский тип содержит начальное *gl-*; это обычно *globok*. Ср. словенск. *globók*, *globína* и т. д., укр. диал. *глубóки(й)*, *глубинá*, белорусск. *глубóki*, русск. *глубóкий*, чешск. *hluboký*, *hlubina*, *hlubočina* и т. д., польск. *głęboki*, *głęb*, *głębokość* и т. д., кашубск. *głębó eći*, словинск. *globúghī*, в.-лужицк. *hluboki*, др.-н.-лужицк. *globoki* (ср. в вост. части Нижней Лужицы в XIV в. название озера *Glamboć*: З. Штибер, *Zarys dial. jęz. zachodnio-słow.*, Варшава, 1956, стр. 52), полабск. *glöbūök'e* (ср. немецкий топоним славянского происхождения *Glammeswiz* < **glambosic*, Траутман, *Die Elb- und Ostseesl. Ortsnamen*, I, стр. 113, III, стр. 183). Вполне очевидно, что тип *globok* характерен для наибольшей части северославянской области и захватывает частично также и область южнославянскую (словенский язык); сюда же относится и хорватский кайкавский диалект, где находим *glublina* и т. д. (Плетершник).

Примерно в центре праславянской территории встречаются и другие типы на *gl-*, но с коренными *-y/-t-*:

а) укр. *глибóкий*, *глибинá* и т. д.; белорусск. *глыбокі*, *паглыбіць «углубить»* (Т. П. Ломтев, Грамматика белорусского языка, М., 1956, стр. 10, 11; ср. и Носович, стр. 14), польск. диал. *głyboczki* (рядом с *głęboczki*) «bardzo głęboki», вост.-словацк. *hliboky* (Кála 1, стр. 169), но также и сев.-русск. диал. *глыбъ* (тамб., сиб.), южн.-русск. *глыбóкий*, зап.-русск. *глыбóй* «очень глубокий»; этот же тип представлен и в северной части сербскохорватского чакавского диалекта (см. ниже).

³ Материал общеизвестных больших словарей приводится без ссылки на источник. Большой загребский словарь («Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika») обозначается сокращением RJA.

б) словацк. *hlboký*; так же частично и у южных славян (см. ниже).

Вместо этих славянских типов в сербскохорватском и болгарском языках находим в качестве нормального типа *дубок-дълбок*; некоторое подобие обнаруживаем и в современном нижнелужицком *dlymoki* || *dlyt-moki*, *dlym'* || *dlym'*, *dlymina*, *dlymocyna* и т. д., диалект. также и *dlyb'*, *dlyboki*, *dlybokosc'*.

В современном сербскохорватском языке представлен тип с *dlyb* (*дуб-*), являющийся общештокавским: вост. Сербия *длбок*, *длбинá* и т. д. (Белич, Срп. дијал. зб., I, стр. 94, 104), у сербов-крашован (зап. Румыния) — *длбока* (Е. Петрович, *Graiul Carașovenilor*, Бухарест, 1935, стр. 85). В Воеводине находим *дубок* (по моим наблюдениям), в окрестностях Белграда — топонимы *Дубока Бара*, *Дубока Јаруга*, *Дубочај*, *Дубочје*; в различных областях Сербии — *Дубочка* (Пожаревац), *Дубока* (Пожаревац, Крагуевац, Чуприя, Крушевац, Шабац), *Дубоко* (Крагуевац, Шабац, Валево, Т. Ужице), *Дубошица* (на р. Дрин), *Дубочар* (Крагуевац, Светозарево), *Дубочица* (Смедерево, Пожаревац, Чачак); в Боснии: *Дубочица* (Сараево), *Дубочац* (Баня Лука); в Герцеговине: *дубок*, *дубљина* (Д. Вушович, Срп. дијал. зб., III, стр. 35) и топонимы *Дубочица*, *Дубочани* (Билеча, Коњиц); в Черногории (Б. Милетич, Срп. дијал. зб., IX, стр. 422) имеются топонимы *Веље Дубоко*, *Мало Дубоко*; в Славонии: *dubòko* || *düboko* (Ст. Ивнич, Загр. Rad., CXCVI, стр. 159) и топонимы *Dubočac* (указ. соч., стр. 147), *Dübokā* (Пожега), в словенско-хорватском пограничном поясе *Dubočas* и т. д. Но этот же тип находим и в чакавских говорах, даже в их северной части: *dubòk* (Белич, Акц. студије, 1914, стр. 29), *dubljina* (Белич, Замет. по чак. говор., стр. 45); вдоль почти всего далматинского приморья встречаются топонимы, содержащие этот тип: *Dubbka* (острова Вир, Брач, Хвар, Ластово, Млет, Шипан), *Duboki* (остров Чиово), *Duboko* (остров Вис)⁴.

В болгарском литературном языке находим *дълбок*, *дълбина*, *дълбочина* и т. д. (новый Тълк. речн., стр. 151), в диалектах — *длъбок* (Самоковско; коллективная работа в «Изв. Инст. за бълг. ез.», IV, стр. 264), *длбоко* adv. (Вратца; Д. Д. Бешовишвили, Сб. НУНК XIV/III, стр. 196), *дълбина* (В. Тырновско; П. К. Гъбюв, сб. НУНК, XIV/III, стр. 218), ср. в Ломском районе *Дълбока долчана*, *Дълбока междъ*, *Дълбока фунйа*, *Дълбоки дол* (И. Дуриданов, Местни названия от Ломско, София, 1952, регистр), *Дълбок дол* (Троян), *Дълбоки* (Ст. Загора), *Дълбоки вдлог* (Копрившица), *Дълбочица* (София; В. Миков, Протисход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места, София, 1943, стр. 66, 191, 201 и др.). Таким образом, этот тип широко распространен и в Болгарии (примеры с *gl-* из топонимики В. Миков вообще не приводит).

В Македонии картина пестрая: в Богданском, близ Солоник, в одной и той же диалектной группе М. Малецкий рядом с *длабока* *бда* (Илинец) отмечает и *зъбока* *шбда* (Айваново), *длибока* *бда* (Белевиц), *глабока* *бда* (Негован) и другие варианты, отступающие от штокавского и болгарского типов (O zgóźnicowaniu gwar Bogdańska w pd.-wschodniej Macedonji, Lud slow., III, стр. A 102); в Порече (Македония) находим *длабок* || *злабок* и т. д. и топонимы *Длабоки дол*, *Длабокá*, Преслоп, *Длапчиште* (Б. Видоеский, Поречкиот говор, Скопье, 1950, стр. 28), т. е. опять-таки типы, отступающие от штокавско-болгарского (см. ниже).

⁴ П. Сокок, *Slavenstvo i romanstvo na jadranškim otocima*, Загреб, 1951, стр. 1, 74, 162, 177, 186, 188, 195, 214, 221, 237.

Кроме того, тип *dībokъ* распространен и в некоторых балканских областях, где раньше жили южные славяне; в зап. Румынии, в области Крайова, районе Тургу Северин — *Dīlboca* (А. Росетти, *Influența limbilor slave meridionale asupră limbă române...*, Бухарест, 1954, стр. 57). Это, между прочим, полностью согласуется с формой, отмечаемой у сербов в зап. Румынии (см. выше). В Греции и Албании не находим достоверных примеров этого типа (см. ниже).

Прежде чем переходить к объяснению штокавско-болгарского типа, к вопросу о его генезисе и хронологии, необходимо рассмотреть и другие типы, встречающиеся на македонской и болгарской почве.

а) Тип *gl̥b-*, употребляющийся на большей части территории северных славян, находим и у хорват-кайкавцев (см. выше, *glublina*), а не сколько реже и на севере чакавщины (Тентор, указ. соч., стр. 73). Ср. также лит. болг. *gl̥bīnā*, «дълбочина, дълбини, недра», без дериватов (Тълк. речн.); макед. *gl̥bīna* (Охрид; Геров, Допълн., стр. 74), *glabōka* *ôda* (Негован; Малецкий, указ. соч.). В южной Сербии около Призрена встречается топоним Глобочица (в македонской форме). Этот же тип представлен и в разных областях Македонии (А. М. Селищев, Слав. население в Албании, София, 1931, стр. 290, примеч. 1; М. Лутовац, Срп., етн. зборник, XIX, стр. 292—293) и в южной Македонии около Лерина — *Глъмбоча*, *Глъмбочани* (греч. *Гλομπότσανη* и т. д.; М. Фасмер, *Die Slaven in Griechenland*, Берлин, 1941, стр. 191).

б) Тип *gl̥b-*, соответствующий словацкому, находим на западе и на севере чакавской территории: *gubōk* — Звонеча (Белич, Акц. студије, стр. 29), *yalbōk* — Сусак (И. Хамм, М. Храсте, П. Губерина, *Govor otaka Suska*, Загреб, 1956, стр. 159), *gelbōk*, *gelbinjā* — Либурния, Крк, Црес (Тентор, стр. 73); ср. редкие топонимы из этой зоны: *Glebōka*, *Galbōka*, *Calboki bočas* (Сок, Slav i rom., I, стр. 37, 49), *Galbōka dràžica*, *Gilbōka*, *Glebōka* (*Toponomika zapadne Istre*, Cresa i Lošinja, Загреб, 1956, регистр). Особенности болгарской фонетики не позволяют определить древнейший звуковой вид (*гль* или *глж*).

в) Тип *dib-*: с одной стороны, в сербских штокавских говорах: *di-bōk* и топонимы *Дибочки Поток* в Косово (Г. Елезович, Речник косовско-метохиског дијал. I, Белград, 1932, стр. 133, 134), *Дибочајска Планина* и *Дибочански Поток* под Белградом (RJA); в вост. Сербии *дибина* (Белич, Срп. дијал. зб., I, стр. 309); с другой стороны, у чакавцев, населяющих Градишче (Burgenland) в Австрии, — *dibok*, *dibina* (RJA).

г) Тип *dumb-*: характерен для югославского Приморья (в основном чакавские говоры): *dumbōk* (Звонеча; Белич, Акц. студије, стр. 29; Заметки, стр. 53), *dumbok*, *dumbina* (Шибеник; К. Иречек, *Die Romanen in den Städten Dalmatiens...*, Denkschrift Венской Академии, Ph-h. Cl. XLVIII/III, стр. 40, прим. 1), топонимы *Dumboko* (RJA), *Dumbōčica* (*Toponim. zap. Istre...*, стр. 30, карта № 14), *Dumboka*, *Dumbōko*, *Dumbōčica* (на далматинских островах; Сок, Slav. i rom., I, стр. 31, 65, 73, 97, 102, 111, 122, 136), *dumbalj* («Глубина, образованная в русле потока водопадом»; отмечено в Лике, Хорватия). В южной (штокавской) Истрии мне часто встречался этот тип: *dumbōčina* «глубина» и т. д. Возможно, сюда же относится и южномакедонское *дламбок*, *длъмбок* (Малецкий, указ. соч.; А. Кузов, *Известия на семинар по слав. филол.*, София, 1921, стр. 101).

д) Тип *dimb-*. Отмечен на югославском Приморье, в Истрии, во многих штокавских говорах (*dimbočina* и т. п.). Это подтверждает для Чигарии (в Истрии) И. Рибарић (Срп. дијал. Зб., IX, стр. 67—68): *dimbōk* (так же и у истро-румын); ср. топоним *Sèka dimbōka* (*Toponim. zap. Istre...*, стр. 30 и карта № 8).

е) Тип *glyb-* отмечен на хорватском западе: *Gliboki brod* (Огулин), *glibok* (у хорватов Австрии); *Globodol* — близ хорватского Приморья; с другой стороны, он известен и в болгарских говорах,ср. *глибок* «дълбок» (Самоковско; Изв. за бълг. ез., IV, стр. 300).

ж) Тип *dlib-*. Известен только в вост. Сербии и Македонии и в болгарских говорах: *длибока* (Белич, Срп. диал. зб., I, стр. 430); *пд-длибок* (Самоковско; Изв. Инст. за бълг. ез., IV, стр. 276), *Длибок'и дол* (К. Попов, там же, стр. 154); о Македонии см. выше (Малецкий).

з) Тип *dlab-* встречается в Македонии, как в литературном языке, так и в Порече, южной Македонии (см. выше).

и) Тип *zlab-*. Представлен в македонских говорах (см. выше).

к) Тип *govtb-*. С одной стороны, у чакавцев: *bimbbki* (Велич, Акц. студје, стр. 29), с другой — в болгарских говорах: см. *бұмбак* «дълбоко место в река, дето водата оттича бавно» — Търн, с ж>у (Д. Господинкин, Изв. на семинара по слав. фил., София, 1921, стр. 199).

л) Тип *damb-*: *dambök*, распространен в Истрии (Рибарич, Срп. диал. зб., IX, стр. 67—68).

м) Тип *deb-*: *деббок* в болгарских говорах (Геров, Допълн, стр. 88).

н) Тип *govtb-*: *gunbok* (на чакавском острове Пресе; Тентор, стр. 73); *mb>nb* по романской артикуляции (ср. М. Бартоли, Das Dalmatische, I, Вена, 1906); известен и в македонских говорах: *гамбока* *вбда* — Сухо (Малецкий, указ. соч.).

о) Тип *glomb-* встречается в южной Македонии: *гламбока* *вбда* (Сухо; Малецкий, указ. соч.), *гламбоко* — Бобошица в Албании (Селищев, Слав. насел. в Албании, стр. 291); известно и *Гльмбоча*, *Гльмбочани* и т. п.

Таким образом, большинство штокавских и чакавских говоров и многие др. болгарские говоры имеют в настоящее время тип *dlb-*; словенцы, частично и македонцы, как и северные славяне, имеют типы с начальным *gl-*. У сербов, хорватов и болгар, кроме того, встречаются и другие типы (но реже).

Переходим теперь к историческому освещению изложенных фактов.

Прежде всего, здесь встает вопрос, является ли сербскохорватско-болгарский тип *dlb-* «глубокий» новообразованием. Обычно его появление истолковывается как результат скрещения с общеславянским *dlyb-* (родственным по значению русск. *долбать*, польск. *dłubać*, чешск. *dlobat*, словацк. *dlbať* и т. д.). Так думает, например, Бернекер, указ. соч., стр. 251). В пользу такой эволюции свидетельствует, между прочим, и связь общеславянского *glvbokъ*, (*glybokъ*) с греч. γλύφω, лат. *glabō*, др.-в.-нем. *klābōn* и т. д. (Фасмер, REW, I, стр. 275—276), и факт обратного влияния прилагательного *glvb-окъ* на глагол **dylti* (**dylbtii*; русск. *долбать*, сербскохорватск. *дупсти* и т. д.): ср. словенск. *glōbsti*, болг. диал. *гълба*, *гълбъйъ* «дълбая» (С. Кабасанов, Изв. на Инст. за бълг. ез., IV, стр. 73; Г. Христов, там же, 220), польск. диал. *glebić*, так же и укр. *длубати* рядом с *доебати* и т. п.

Такому пониманию, однако, противостоит точка зрения И. Отрембского (см. «Indogermanische Forschungen», Вильнюс, 1939, стр. 195). И. Отрембский считает *dlb-* древним вариантом на основании данных индоевропеистики, согласно которым параллельные корни *dh-lb-||dh-b-:g-l-mb||g-mb* имели одинаковое значение. Исходя из этого, можно было бы думать, что тип с *d-* вместо *g-* был унаследован как сербами, так и болгарами, и таким образом не может считаться новообразованием, общим для этих двух славянских языков.

Мне кажется, это положение принять нельзя, так как легко показать, что тип *dlb-* в сербскохорватском и болгарском языках разился сравнительно недавно. Вот доказательства.

а) Македонский язык и по сей день сохраняет старый тип *глеб* и т. д., хотя уже не вполне последовательно. Древнейшие старославянские тексты очень последовательно указывают на *глжбокъ* и *глжбина* (П. Ягич, *Entstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache*, Берлин, 1913, стр. 285, см. и у А. Мейе, *Études sur l'étymologie et le vocab. du vieux slave*, II, стр. 328).

б) В тех балканских областях, где ранее жили славяне (позже романализированные, албанализированные и эллинизированные), обычно чаще встречается *glqb-*, а не *dlb-* или какие-либо другие типы. Ср. в Румынии (кроме вышеупомянутого *Dîlboca*- на западе, что могло появиться недавно): *Glîmboca* (Северин, Сибиу), *Glîmboaca* (Олт.), *Glîmbocul* (Арджеш), *Glîmboaia* (Вилча; Е. Петрович, *Graul Caraș.*, стр. 7), *glîmbocel* (Росетти, *Influența*, стр. 17); в Албании: на севере — *Gumina* (Дукаджин, так же и апеллатив *gomënë* «grosse Tiefe, Untiefe, Abgrund, Wirbel» из *glqbina*; Н. Йокл, *Zeitschrift f. Ortsnamenforschungen*, X, стр. 204), на юге — *Gjëmboçari*—**glqboçani* (А. М. Селищев, Слав. население в Албании, 219, 323); в Греции: *Γλουπτουτσάριον*, *Γλουπτουτσίστα*, *Γκλαρπατσίνοβ Χωράφια* (Фасмер, *Sl. in Griech.*, стр. 27, 29, 191), *Κλαρπουτσίστα*, *Κλαρπουσίστα* (192). Влфохъ, по Фасмеру, можно возвести к *glbokъ* или *dlbokъ*, но не вполне уверенно (стр. 131, 286); *Δελβοτξιάνους* (XII в., устье р. Марица), по Фасмеру, может восходить к **d'lbocane* (стр. 231); но это — изолированный, недостоверный пример (ср. у него же, стр. 66: *Δελβίνα* || *Βελβίνα* < **vrbvno*). Возможно было бы сюда отнести и *Клεμποτσάρ* в Македонии (стр. 235), но этот пример автор толкует иначе. Наконец, ср. Клвхохъ из *dlb-* или *dlyb-* (стр. 154).

в) В области современного распространения типа *dlb-* в прошлом был представлен тип с *gl-*. Так, современная *Длъбочица* (Крива Планка) в XIV в. называлась иначе — *Гльбочица* (Селищев, *указ. соч.*, стр. 290, примеч. 1). В одном из средневековых текстов местечко у гор. Скопье называется *Длъбница* и *Глъбока* (Миков, *Происход...*, стр. 201). Средневековый хорватский писатель Главнич смешивает формы *dubiňa* и *dlubiňa* (*RJA*, III, стр. 206). На территории штокавской Сербии, где ныне представлен только тип *дубок*, в средние века еще употреблялся и тип *glb-* (а не *glqb-*). Ср. у Доментиана в XIII в. *гльбоко на вечери закъснѣвшимъ*, а также и древний сербский топоним (XIV в.) *гльбочани*, *гльбочица*, затем и *гльбость* (Доментиан), *гльбокыи долъ* и т. д. (*RJA*, III, стр. 492). В старославянских текстахходим, вместо *глжб-*, более новые *гльб-*, *гльб-*; *гльбость*, *гльбокъ*, *гльбоче* и т. п. (*Miklosich, Lex. pal.-sl.-gr.-lat.*, стр. 130), что, очевидно, свидетельствует о сербско-штокавском (ъ) и о болгарском (ъ) изводе.

Все это говорит о том, что на Балканах в эпоху переселения славян на периферию господствовал тип *glqb-*, как и у большинства северных славян. Ср. данные словенского, частично и македонского, а также славянские топонимы в Румынии, Албании и Греции (так же, между прочим, и в Австрии: ср. *Glaboken*, *Glaubogger*, *Globokken*, *Glabecken* и т. д., ныне *klâšôkkæ*, *klaâwæûkkæ* и т. п., о чем см. С. Пирхеггер, *Die slavischen Ortsnamen im Mürzgebiet*, Лейпциг, 1927, стр. 36—37). В центре же балканской области, как можно полагать, употреблялся тип *glb-*, который, видимо, находился в связи со среднесловацким ареалом; он был постепенно вытеснен, но не полностью: сохранился на западе, в чакавщине, и, возможно, на востоке (частично) в болгарских говорах. Вероятно, тип *glqb-* издавна отсутствовал у штокавцев, но у болгар все же был известен (судя по топонимике Румынии, Греции и по македонским данным), как и у чакавцев;

ср. в XIV в. топоним на хорватском Приморье: *Gluboko* (RJA, III, стр. 206).

Следовательно, на Балканах были ранее распространены типы с *gl-* (на периферии *Glob-* и в центре *glb-*; ср. также *dlyb-*); затем *dlb-* (глагольного происхождения) стало вытеснять тип *glb-*, а частично и периферийное *glob-*, но все же архаичная периферия сохранила больше старины.

Другие же типы локальны и иногда трудно объяснимы.

Типы с назализацией, вероятно, могут объясняться так называемой экспрессивной фонетикой (ср. И. Шютц, *Die geographische Terminologie des Serbokroat.*, Берлин, 1957, стр. 58, 73); в Македонской области они могут быть результатом закономерной звуковой эволюции. В итоге дальнейшего развития могла возникнуть форма *dumb-*, которая наблюдается как на западной, так и на восточной границе.

Типы *дубок* и *длибок* — вероятный результат смешения *dlb-* и *glyb-*, различных его варианты.

Македонск. *длабок* не представляется полностью идентичным серб. *дубок* и болг. *дълбок* (*длъбок*), но может быть и контаминацией, понятной именно для Македонии, где это явление и поныне еще не выкристаллизовалось.

Тип *злабок* (и *зълбок* рядом с *дълбок*) представляется неясным; возможно, здесь сказывается старая тенденция (общая для южных и восточных славян) избегать группы *dl-*, что в данном случае достигается ослаблением затвора.

Тип *димбок* на основании изложенного представляется ясным (*дуб-х думб-*); что же касается форм *гунбок*, *гамбок*, здесь, вероятно, следует исходить из формы *губок* (из *glbokъ*), с назализацией, очевидно, вторичной, или из взаимодействия форм *глубок* (Истра) и *Думбок* (ср. истриск. *dambok*, болг. *дебок*). Эти формы не вполне ясны, но все это — вторичные образования, несущественные для общей географии. Они объясняются различием первоначальных контактирующих и контаминирующих типов.

Очевидно все же, что тип *dlb-* распространялся из центра Балкан, вероятно со штокавской почвы, и охватил полностью восток и частично запад (чакавцы), словенцы же (частично и македонцы) остались вне сферы его проникновения. Расширение типа *dlbokъ*, как видно из материала, наступило после деславизации Румынии и Албании (о чем также свидетельствуют болгарские и сербские средневековые памятники, где часто встречается *glb-*), но *dlb* появилось сравнительно рано, в средние века, и еще тогда в значительной мере распространялись и в хорватских краях. Ср. прилагательное *дубок* (XIV в.), известное по Иловачской кормчей (XIII в.) *длъбокъ* (Миклошич, Lex., стр. 162), датируемое XV в.; существительное *дубина* (с вариантами); известный уже с XIV в. топоним *Дльбочакъ* (Сербия), с XV в. — *дубокън доль* и др. (RJA, III, стр. 840, 843, 846) и ныне вышедшее из употребления средневековое название области под Лескавцем *Дибочица*. О времени начала процесса распространения типа *dlb* у болгар судить трудно, однако современное болгарское *глъбина* с абстрактным значением может быть и не остатком старины, а русским заимствованием, измененным соответственно законам болгарской фонетики.

Следовательно, здесь мы имеем дело со штокавско-болгарским новообразованием, захватившим и значительную часть хорватского языка (часть чакавских говоров), точнее — с балканским новообразованием. Подобное явление известно и у лужичан, однако в нижелужицком языке это — поздний процесс, не связанный с балканским.

II. СЕРБСКОХОРВАТСКОЕ *који*, ДИАЛ. *ки*, БОЛГ. *кој*, *којто* «КОТОРЫЙ»

В праславянском языке различалось два типа вопросительных местоимений: *kotorъ* (с вариантами) и *кујь*. Значение их было различным: первое местоимение имело значение «который из двух», а второе — «который (из множества)». Позже, однако, различие в значении стерлось. По словам А. Мейе, «в славянском утратилось точное значение аффикса; *kotoryj* означает собственно *lequel*» (A. Meillet, *Études sur l'ét. et le vocab. du vieux slave*, II, стр. 406—407). Древние сопотношения, представленные др.-инд. *kah*: *kataraḥ* (ср. лат. *uter : alter*), в славянских языках, по крайней мере для исторической эпохи, уже не являлись актуальными. В том же направлении шло постепенное смешение *vторъ* «другой из двух» и *инъ* «другой (вообще)», взамен чего расширялось употребление слова *drugъ* (A. Vaillant, *Le comparatif slave en -ějъ*, RES, XI, стр. 11). Естественно, в отдельных славянских языках должно было закрепиться или *kotorъ*, или *кујь*, издавна ставшие синонимами.

В большинстве славянских языков сохранилось *kotorъ*, вероятно, как формально более выразительное (это слово приняло на себя и релятивное значение; см. ниже): словенск. *katéri* (с дериватами *ktéri* || *ke-téri*) «welcher? (von zweien oder mehreren)», релят. «welcher»; укр. *ком-рій*, *кото-рій*; русск. *кото-рый*; польск. *którgu* (с вариантами *ktory*, *chtery*, *ftyry*, *chlóry*, *ftórgu*, *ftory*, *którný*, *chtórný* и т. д.), словинск. *xtéri*; кашуб. *xteri* || *xteren*, чешск. *který*; словацк. *ktorý* || *chtorý* || *chterný*; в.-луж. *kotry*; н.-луж. *kótary*, др.-н.-луж. *ktory*.

Старославянский язык дает несколько иную картину: в вопросительном значении употреблялось *кыи* : *которыи*, а релятивное значение передавалось в большинстве памятников местоимением *иже* и лишь изредка *кыи* (Н. Ван-Вейк, *По поводу местоимения кыи*, *Южнослав. филолог*, XVIII, стр. 103—105), но *јъзе*, как известно, получило в новых славянских языках иное значение⁵; таким образом, осталось только *кујь* в релятивном значении (равно и *kotoryj*).

Сербскохорватский и болгарский языки здесь пошли иным путем, отличным от других славянских языков. Сербы и болгары обобщили тип *кујь* (в двух значениях) за счет типа *kotorъ*. Литературный сербскохорватский язык вместе со всеми штокавскими говорами имеет *којј*, *-а*, *-е*, и т. д., ср. *којј* (*гđћ*), *којј* (*гđћ*) (косовские говоры) и т. д. (Елезович, Речн. кос.-метох., I, стр. 300). Ср. также формы с крайнего штокавского запада в Истрии *којј*, *којј*, *којј* (по моим записям), ср. *којј*, *којј*, *којј* (по моим записям), ср. *којј*, *којј*, *којј* у Рабирича (Срп. диал. зб., IX, стр. 109—110). Болгарский язык удержал *кој* в вопросительном значении и развил *којто* (с частицей) в релятивном (Н. Миркович, *Бугарско-српскохорватски диференцијални речник*, Белград, 1937, стр. 65), но и само *кој* может иметь, как сокращенная форма от *којто*, и релятивное значение (Тълк. речн., стр. 302). Акад. В. Георгиев утверждает даже, что для болгар (речь идет о литературном языке) русское слово *который* непонятно (Езиково сближение..., стр. 244). Ср. также и из болгарских говоров: *кој*, *којј*, *којбо* (редкое релятивное *којто* или *какъто*) (Белослатинское; К. Попов, Изв. на инст. на бълг. ез., IV, 136), вопросительное *кој*, *којј*, *које*, релятивное *којто* и т. д. (Самоковско; там же, 278), *кој* (В. Търновско; Гъбюв, Сб. НУНК, XIV/III, стр. 213), вопросит. *кој*, *к'ш'a*, релят.:

⁵ Ср., однако, сохранившееся *ж'оату* «кайто, дето» в болгарских родопских говорах, которое Б. Цонев (Кои новобълг. говори стоят най-близу до старобълг. . . , Сп. БАН., XI, стр. 13) возводит к **иже-то*.

кóйтъ, к'w'áту и т. д. (Хасковско; Г. Христов, Изв., IV, стр. 203). Во многих болгарских говорах восточного типа находим то же самое: *кой*, *кувд*, *кувé*, релят. *кой*, *куйд*, *куйé* (С. Б. Бернштейн, В. К. Журавлев, М. Г. Сенкевич, Н. И. Толстой, Е. В. Чешко, СМБД СССР, вып. 3, стр. 127, 128), *кой*, *куяа*, *куйе* (Э. Н. Полтораднева, там же, стр. 98).

К штокавским и болгарским говорам примыкают и чакавские (хорватские) говоры; они не знают форм типа *kotorъ*, употребляя только тип *кујъ*. Ср., например, на острове Хвар, в средней Далмации; *коj* муж. род, *коjо* жен. род ($\bar{a} > o$), *коjé* средн. род (М. Храсте, Čakavski dijal. ostrva Hvara, Белград, 1937, стр. 35). В большинстве же слушаев здесь находим стяженную форму *kâ < koja*, *kô < koje*, в муж. роде находим *kî* — возможно, это сохранившееся *кујъ*. Ср. на о-ве Хвар: *kî* муж. род. и мн. число (Храсте), на о-ве Суска *ki* — то же (Хамм, Храсте, Губерина, стр. 116, 117), так же и в Нови в Хорв. Приморье (Белич, Заметки, стр. 56). Это же находим, между прочим, и в чакавизированных штокавских говорах средней Истрии, где Рибариц (указ. соч.) отмечает параллельные формы: *kojî || kî*, *kojâ || kâ*, *kojô || kô* при более частой нестяженной форме.

Словенцы, как уже упоминалось, сохраняют в полной мере тип *kotorъ* (ср. *kateri* и т. д.) в двух значениях, но сохраняют (при поддержке чакавского) и *kî*, хотя последнее лишь в релятивном значении. (Об условиях употребления *ki* в словенских говорах см. Плетершник, Sl. nem. sl., I, стр. 396); словенские говоры на востоке, в Истрии и юго-восточной Штирии употребляют *ki* шире, т. е. почти так же, как и чакавцы-хорваты (Плетершник)⁶.

В современных сербскохорватских говорах, штоцавских и чакавских, тип *kotorъ*, насколько мне известно, не встречается. В болгарских и македонских говорах он отмечается изредка как архаизм. Ср. в русских говорах: *кутрý* «кой», *никотрý* «никой, нищо» (Л. Милетич, Особен принос към речника и фразеологии на источните български народи, Сп. БАН, LVI, стр. 67); во Фракии, в Смолянском и Коларовградском говорах: *кутрý*, *-d*, *-b* «кой» (Ст. Стойков, Българска диалектология, София, 1956, стр. 142), в щуменском, смолянском и фракийских говорах: *кутръй* «всякий», затем, в Охриде — выражение о *кутрааго!* «о горкият!» (Цонев, Кои новобълг..., стр. 16). И в болгарских говорах Советского Союза встречается тип *kotorъ*: *кутрéй*, *кутрд*; *н'ákутрей* (В. К. Журавлев, Говор села Криничное, автореферат канд. диссерт., М., 1957, стр. 13). В болгарских говорах, сохранивших тип *kotorъ*, можно наблюдать исчезновение старого типа и распространение нового, общеболгарского. Так, С. Кабасанов в селе Момчиловцы (Смолянская околья) констатирует местный тип *котри*, *котrá*, *котрó*, но младшие поколения в формах муж. рода чаще употребляют *кой* (рядом с *котрý*) и очень редко *койд* (жен. род), *койé* (средн. род); релятивные *кóито*, *кóисо*, *кóиню*, хотя и содержат диалектные *-so*, *-no*, отмечены лишь в языке младших поколений, только в формах мужского рода и множественного числа, однако и в языке молодежи хорошо сохраняется *котрítо*, *котрísо*, *котрíню*, и полностью — *котráто* жен. род и *котróто* ср. род (Изв. на Инст. за бълг. ез., IV, стр. 47—48).

Таким образом, современные южнославянские языки дают такую картину:

⁶ Литературное словенск. *kojî* вместо нормального *kateri* или *ki* (Плетершник, I, стр. 419), очевидно, недавнее заимствование из сербскохорватского литературного языка.

I. Болгарский и македонский: тип *кујъ* → *кой* (при остатках *kotorъ*).

II. Штокавские диалекты сербского языка: *кујъ* → *који*.

III. Чакавские говоры: тип *кујъ* → *ки* (*који*); сюда же относятся и восточнословенские говоры.

IV. Словенский язык: типы *kotorъ* и *кујъ* → *ки*, но соотношение иное, отличное от праславянского.

История этого явления вырисовывается следующим образом.

На востоке Балкан. Старославянский язык еще различал (хотя и формально) *которъ* и *кыи*; валашские тексты еще сохраняли тип *которыи* (Цонев, *Кои новобълг...*, стр. 16); тип *кои* только постепенно расширяется, вытесняя *kotorъ*. Как уже видели, в некоторых болгарских говорах этот процесс продолжается и в наши дни, у нас на глазах.

На западе Балкан тип *kotorъ* в чакавских говорах в прошлом еще употреблялся (XV—XVII вв.) в форме *koteri* (ср. в тех же говорах *petero*, *šestero* и лит. сербскохорват. *петоро*, *шесторо*); в XVII в. он употреблялся и в кайкавских говорах: его подтверждают и старые хорватские лексикографы (RJA, V, стр. 397).

В центре, в штокавских говорах, видимо, тип *kotorъ* уже отсутствовал в XII в.; *которыи* отмечается лишь в текстах, имеющих церковный характер, но *koteri* наблюдался и у древних чакавцев.

Очевидно, что тип *кујъ* вытеснил тип *kotorъ* сначала в южнославянском центре, в штокавских говорах; на периферии же, западной и восточной, тип *kotorъ* сохранялся долгое время. Позже *кујъ* охватил и болгарский восток (кроме некоторых говоров), и чакавский запад (полностью), наступая и на словенский ареал, но не захватывая его полностью: словенцы сохранили, впринципе, оба типа.

Тип *кујъ* в той или иной мере сохранился и во всех других славянских языках: ср. русск. *кое-что*, *кой-как*, *кой-какой* и т. д., *диал. кой* «который, какой» (*кой* приходил, *кай* сказывала. *Кой* день прошел, *том* до нас дошел); ср. также и *пока* <*по* *каја* (*města*) (П. Я. Черных, *Очерк...*, стр. 215, 275), затем укр. *кой* «когда, если», польск. *ki* *djabel!* *ka bestyja!*, *ki nieszczęście!* (Карлович), чешск. *hleděl zvědavě*, *ký cert to běží k něti* и т. д. Ср. также и такие формы, как польск. *kiery*, чехоморавск. *kerý*, представляющие собой очевидную контаминацию *ktery* — *ki*.

Однако основные выводы представляются ясными: 1) нормой для северославянских языков (частично и для словенского) является тип *kotorъ*, употребляющийся как в вопросительном, так и в относительном (релятивном) значении; 2) в сербскохорватском и болгарском, наоборот, преобладает тип *кујъ* полностью, во всех синтаксических конструкциях (кроме некоторых остатков в македонском и болгарском говорах; ср. П. Будмани, (RJA, V, стр. 150)).

Трудно сказать, как протекала морфологическая эволюция местоимения *кујъ* в сербскохорватском и болгарском языках. Фасмер показал в свое время, что следует исходить не из основы *koje-*, как считали раньше, а из сложения **kъ-jъ*, *ka-ja*, *ko-je* (ср. **koјъ* > **kъ*: *kotorъ* точно так же, как и в др.-инд. *kaḥ*: *kataraḥ* и т. д.). В таком случае *кујъ* (ст.-слав. *кыи*, польск. *ki*, чешск. *ký* и т. п.) было бы старшей формой, а штокавское и болгарское *који*, *кой*(*то*) — младшей (ср. Фасмер, *Die Flexion von altblg. *kyj* «qui», Indogerm. Forschungen*, XL, стр. 139—144), т. е. *који* могло бы считаться новообразованием. Однако для нас сейчас это не имеет значения, так как и русский язык имеет *кой*, что может свидетельствовать о дабалканском новообразовании. Кроме того, чак., словенск. *ki* со своей стороны, видимо, согласуется

с зап.-слав. *ki*, *ky*, так что здесь можно говорить (как и во многих других случаях, ср. выше *znaјɔ:větъ*) об изоморфах, соединяющих запад Балкан с западными славянами, а восток — с русским ареалом.

Но не это сейчас важно. Главное заключается в том, что хорватский, сербский, македонский и болгарский языки имеют специфическую инновацию — полное вытеснение типа *kotorъ* типом *kyуjъ* (кроме некоторых незначительных исключений). Здесь имел место относительно недавний, без сомнения балканский, процесс. Тут же наблюдаем полное соответствие в развитии штокавских говоров и болгарского языка (*koju* : *kой*), им частично соответствуют и чакавские говоры, а в меньшей мере и словенский язык.

Следовательно, в данном случае имеем дело с балканской инновацией, связывающей штокавские и болгарские говоры, захватывающей на западе и соседние со штокавскими территории.

(Перевел с сербского В. Журавлев)

A. B. Бондарко

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Настоящее историческое¹ представляет значительный интерес с точки зрения проблематики славянского глагольного вида. Здесь обнаруживаются такие специфические черты видового противопоставления, которые не встречаются в рамках других времен. Здесь наблюдается не только взаимодействие, но и столкновение видовых и временных закономерностей. Наконец, здесь мы имеем дело с одной из тех сфер употребления глагольных видов, в которых славянские языки обнаруживают, наряду с некоторыми общими чертами, значительные расхождения (это последнее обстоятельство определяет целесообразность и необходимость рассмотрения данного вопроса на материале ряда славянских языков).

Вопрос об употреблении видов в настоящем историческом до сих пор не был предметом специального исследования ни на основе обобщения фактов различных славянских языков, ни на базе одного языка. Имеется лишь ряд ценных идей и образцов анализа языкового материала (здесь в первую очередь следует упомянуть труды А. А. Потебни и Э. Кошмидера).

Настоящее историческое единичных, неповторяющихся действий в отличие от конкретного настоящего времени момента речи допускает в принципе употребление форм глагола не только несовершенного, но и совершенного вида. Возможность видового противопоставления в настоящем историческом определяется тем, что время каждого действия, находящегося на линии развертывающихся событий определяется не с точки зрения момента речи, а с точки зрения того момента, который соответствует течению этого действия. Благодаря отсутствию такого ограничения, как соотнесенность с моментом речи, действие в настоящем историческом может быть представлено в его целостности, в его сосредоточении, т. е. в совершенном виде². Однако возможность видового противопоставления в рассматриваемом временном плане реализуется далеко не во всех славянских языках. В тех же языках,

¹ В данной статье речь будет идти лишь о настоящем историческом при обозначении единичных, неповторяющихся действий. «Повторительное» настоящее историческое здесь не рассматривается, так как по своим видовым закономерностям оно сливаются с настоящим временем повторяющегося или обычного действия, а также с так называемым гномическим презенсом. Это уже иная, особая область видовременных отношений, требующая специального изучения.

² См. Л. Андрейчин, Грамматика болгарского языка, М., 1949, стр. 153.

где видовое противопоставление имеет место, оно по своему объему и качеству не одинаково.

В рассмотренных славянских языках выделяются три основных типа видовой характеристики настоящего исторического, три основные закономерности: 1) отсутствие видового противопоставления, полная или почти полная (за исключением отдельных особых случаев) нейтрализация видовых различий в формах несовершенного вида; 2) полное и последовательное противопоставление несовершенного и совершенного видов; 3) непоследовательное видовое противопоставление, частичная его нейтрализация.

Вот пример настоящего исторического первого типа: *Овраг не глубок. Инженер поднимается, берет в охапку жену и выкарабкивается наверх. Наверху, на краю оврага, сидит ямщик и стонет* (Чехов, Темной ночью).

В прошедшем времени на месте форм настоящего времени глаголов несовершенного вида здесь были бы употреблены формы не только несовершенного (*сидел, стонал*), но и совершенного вида (*поднялся, взял, выкарабкался*). Ясно, что в формах *поднимается, берет, выкарабкивается* видовое противопоставление нейтрализовано. Аналогичные примеры можно было бы привести и из ряда других славянских языков.

При отсутствии видового противопоставления основная особенность настоящего исторического заключается в его общем процессном характере. Следует подчеркнуть, что формы несовершенного вида, в которых нейтрализовано видовое противопоставление, не являются просто «вынужденной» заменой совершенного вида, не представляют собой «несобственной несовершенности», как полагает Э. Кошмидер³. Их значение с точки зрения вида абсолютно тождественно со значением форм несовершенного вида, которым и в прошедшем времени соответствовал бы несовершенный вид. Как в том, так и в другом случае (в нашем примере в формах *поднимается, берет, выкарабкивается* так же, как и в формах *сидит, стонет*) смысл и цель употребления форм несовершенного вида заключается в таком представлении действия, при котором внимание фиксируется на его становлении, развитии, развертывании. Этот аспект представления действия тесно связан с самой сущностью настоящего исторического как функции подлинного настоящего времени момента речи, в котором все действия органически имперфективны. Общий прецессный характер настоящего исторического, достигаемый путем нейтрализации видового противопоставления, является особым выразительным средством языка⁴.

Противоположен по своему характеру второй тип настоящего исторического, отличающийся полным и последовательным противопоставлением несовершенного и совершенного видов. Например (сербскохорватск.): «Пописмо каву. Поп и уча граде цигаре и пуше *Извадим* и ја лулу, *нарежем* дувана и *замаглим*» (Веселиновић, Слике из сеоског живота)⁵. «Мы выпили кофе. Священник и учитель сворачивают сигареты и курят. Вынимаю (буквально: выну) и я трубку, нарезаю (буквально: нарежу) табаку и дымлю (буквально: задымлю)». Крај обале... *угледам* неког рибара. Чамац му уз обалу, а он *кри*

³ E. Koschmieder, Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie: Próba syntezy, Wilno, 1934, стр. 102.

⁴ О тех отдельных особых случаях, в которых настоящее историческое данного типа допускает употребление форм совершенного вида, но которые не создают все же видового противопоставления, речь будет идти ниже.

⁵ Здесь и далее формы настоящего времени глаголов несовершенного вида выделены курсивом, а совершенного — курсивом в разрядку.

мреже. Занет слатким осећањем, нисам га пре приметио. *Прићем* томе човеку и назовем му бога (Домановић, Страдија). «Близ берега...вижу (буквально: увижу) какого-то рыбака. Его лодка у берега, а он чинит сети. Охваченный сладостным чувством, я раньше его не заметил. Подхожу (буквально: подойду) к этому человеку и здороваюсь (буквально: поздороваюсь) с ним».

При полном видовом противопоставлении настоящее историческое характеризуется доведенной до предела расчлененностью, раздвоенностью представления действий. Как и отсутствие видового противопоставления, это тоже определенное выразительное средство языка, только иного рода.

Формы совершенного вида могут выступать в сочетании с формами несовершенного вида. В таких случаях видовые значения этих форм контрастируют друг с другом, на фоне развивающихся процессов выделяются действия, представленные как целое. Например (словенск.): «...Kristo Koblentz leže nazaj v posteljo in opazuje s topim, praznim pogledom možaka, ki brskata po sobi ter naposled sedeta za mizo in jama te bolščati v njegove papirje» (Kalan, Strelji za hišo) «Кристо Кобленц ложится (буквально: ляжет) опять в постель и наблюдает тупым, пустым взглядом за двумя мужчинами, которые обыскивают комнату и наконец садятся (буквально: сядут) за стол и начинают (буквально: начнут) таращить глаза на его бумаги».

В настоящем историческом могут выступать несколько форм совершенного вида, обозначающих ряд сменяющих друг друга действий. Например (сербскохорватск.): «...Оба спаваше до бијеле зоре. Кад се сва се, онда средњи брат повише: «Устајте, браћо! свануло се» а они одмах скоче, опреме се и пођу даље путовати ама нијесу знали ни ће су ни у којој земљи. Велик страх их попадне да у оној пустини од глади не поскапају, па се стапи Богу молити...» (Вук Стеф. Каракић, Српске народне приповијетке, Баш-Челик) «Оба спали до белой зари. Когда рассвело (буквально: рассветет; далее также ряду форм прошедшего времени в переводе соответствуют формы настоящего времени глаголов совершенного вида в оригинале), тогда средний брат закричал: «Вставайте, братья! Рассвело», и они сразу вскочили, собрались в путь и пошли дальше путешествовать, но они не знали, ни где они, ни в какой стране. Ими овладел большой страх, что они один за другим погибнут в этой пустыне от голода, и стали они богу молиться...»

В настоящем историческом может быть употреблена единичная форма совершенного вида, например, в окружении форм аориста (сербскохорватск.): «Упутих се ка Плосилу, али пред кућом сретнем их све троје, г-ђу Мему, Плесила и Шулоја. Све троје ми честиташе» (Матавуљ, Десет година у Мавританији) «Я отправился к Плосилу, но у дома встретил (буквально: встречу) всех троих, г-жу Мему, Плесила и Шулоя. Все трое меня поздравляли».

Последний пример иллюстрирует также характерную для настоящего исторического глаголов совершенного вида в сербскохорватском языке тесную связь с аористом. Близость этих форм проявляется в их смежном, параллельном, чередующемся употреблении. Аналогичный пример: «Хајд' да го ословим!» — рекох у себи. Па *прићем* мало ближе и викнух: — «Помаже бог!» (Веселиновић, Слике из сеоског живота) «Окликун-ка я его!» — сказал я самому себе. Потом подошел (буквально: подойду) немного ближе и крикнул: «Бог помочь!».

Рассмотрим теперь третий тип видовой характеристики настоящего исторического: непоследовательное, частично нейтрализованное видовое противопоставление. Сущность его заключается в том, что при-

более или менее широком использовании форм совершенного вида эти формы употребляются факультативно, часто вместо них используются формы несовершенного вида, в которых видовые различия нейтрализованы. Например (чешск.): «„Haló, pane šéflekaři! Pojd'te sem rychle, vždyť my tu máme našeho mladého pana šéfa“. Antonín rudne» (Svatopluk, Botostroj). «„Алло, господин главный врач! Идите сюда быстрее, ведь у нас здесь наш молодой господин шеф“. Антонин краснеет». Ср. другой пример из того же произведения, где в однородных с точки зрения видового употребления условиях тот же глагол выступает уже в форме совершенного вида: «Podává mi však ruku právě v tu chvíli, když se on shybá, aby si zastrčil tkaničku do bot. Antonín zrudne». «Он подает ему, однако, руку как раз в тот момент, когда он наклоняется, чтобы засунуть шнурок в ботинки. Автонин краснеет (буквально: покраснеет)». «Terezka jede s trakařem kolem Drnovského potoka a zastaví se. Shodí popruh s ramen, narovnává záda a protahuje se. Ve vodním zrcadle se odrází její postava. Terezka se zálibně zahledí do tůně. Pohodí hlavou: Ne, kdepak stáří» (Zápotocký, Rozbřesk). «Терезка везет тележку вдоль Дрновского ручья и останавливается (буквально: остановится). Скидывает (буквально: скинет) веревку с плеч, выпрямляет спину и потягивается. В зеркале воды отражается (буквально: отразится) ее фигура. Терезка с увлечением заглядывает (в чешском — совершенный вид) в глубину. Каляет (буквально: по-качет) головой: нет, какая уж там старость».

В этом примере хорошо видно наличие видового противопоставления. Оно, однако, является непоследовательным: в формах несовершенного вида *narovnává* и *protahuje se* видовые различия нейтрализованы (при переводе отрывка в прошедшее время здесь могли бы быть употреблены лишь формы совершенного вида).

При частичной нейтрализации видового противопоставления в настоящем историческом возникает своего рода компромисс между двумя противоположными тенденциями в употреблении видов. Но это не значит, что здесь образуется просто нечто среднее между отсутствием видового противопоставления и его последовательным распространением. В данном случае мы имеем дело с новым качеством. В отличие от рассмотренных выше двух диаметрально противоположных типов видовой характеристики настоящего исторического, которые полностью исключают фактор выбора и представляют собой обязательные, императивные видовые закономерности, данный тип предполагает определенную свободу, факультативность в выборе вида. Это исключительное явление во всей системе славянского глагольного вида, где случаи необязательности употребления того или иного вида для выражения одного и того же смысла высказывания встречаются не часто.

Как распределены указанные выше закономерности употребления видов в славянских языках? Первый тип — отсутствие видового противопоставления в настоящем историческом — мы находим в современных литературных славянских языках: в русском, украинском, белорусском, польском и болгарском; использование в настоящем историческом глаголов лишь несовершенного вида характерно также для некоторых современных сербскохорватских писателей. Второй тип — последовательное противопоставление несовершенного и совершенного видов — обнаруживается в сербскохорватском и словенском языках. Третий тип — частично нейтрализованное видовое противопоставление — имеет место в чешском и словацком языках; настоящее историческое такого типа обнаруживается также во многих произведениях современной сербскохорватской литературы. Бросается в глаза то, что в пределах западнославянской группы умещаются два типа употребления видов,

а в южнославянской группе даже три (в частности, все три типа представлены в сербскохорватском языке). Картина распространения того или иного типа становится еще более сложной, если учесть диалектные факты. Оказывается, что полное видовое противопоставление в настоящем историческом обнаруживается в чешских, в украинских закарпатских говорах и в ряде сербскохорватских и болгарских (в основном западных) диалектов, а частичная нейтрализация видовых различий — в некоторых сербскохорватских (чакавских) и болгарских говорах⁶.

Мы видим, что каждая из указанных выше закономерностей обнаруживается в настоящее время в языках по крайней мере двух групп и не может быть отнесена к какой-то единой целостной территории. Можно лишь отметить, что закономерность, заключающаяся в отсутствии видового противопоставления в настоящем историческом, господствует в восточнославянской области, захватывает примыкающую к ней часть западнославянской (польский язык) и распространяется на изолированный остров южнославянской территории (болгарский литературный язык и основная масса восточноболгарских говоров). Другая тенденция — наличие видового противопоставления в той или иной степени — господствует на части западнославянской области и на большей части южнославянской (она захватывает также крайний западный выступ восточнославянской территории — закарпатские украинские говоры). Наибольшей силы эта закономерность достигает на славянском юге — в сербскохорватском и словенском языках.

Поскольку указанные выше три основные закономерности не исчерпывают видовой характеристики настоящего исторического, следует рассмотреть факты в другой плоскости, с точки зрения функций активного члена видового противопоставления — совершенного вида. С этой точки зрения в тех славянских языках и диалектах, в которых настоящее историческое хотя бы в минимальной степени представлено формами не только несовершенного, но и совершенного вида, выделяются следующие два типа: 1) специализированное употребление форм совершенного вида, т. е. такое их употребление, при котором эти формы являются носителями особых значений (помимо видового), и выражение этих значений становится их специальной функцией; 2) неспециализированное употребление форм совершенного вида, при котором их функция ограничивается выражением видового значения.

Рассмотрим первый тип. Специальные значения форм совершенного вида в настоящем историческом неоднородны. В них намечаются следующие группы: а) значения, характеризующие отношение одного действия к другому, б) значения некоторых способов действия, в) экспрессивное значение, характеризующее интенсивность действия, г) модальные значения.

Ведущим в первой группе и вообще основным специальным значением форм совершенного вида в настоящем историческом является

⁶ Отметим, что те же три типа видовой характеристики настоящего исторического, которые были выделены в современных славянских языках и диалектах, обнаруживаются и в истории некоторых славянских языков. В древнерусском языке основной закономерностью является отсутствие видового противопоставления (тот же тип представлен и в некоторых древнесербских памятниках, язык которых в той или иной степени подвергся церковнославянскому влиянию). В древних памятниках чешского и польского языков, а также в истории сербскохорватского языка настоящему историческому свойственно полное и последовательное видовое противопоставление. На более позднем этапе развития чешского и польского языков настоящее историческое характеризуется частично нейтрализованным противопоставлением несовершенного и совершенного видов.

значение предшествования одного действия другому⁷. В данном случае речь идет не просто об обозначении естественного порядка следования действий, а о подчеркнутом, специальном выражении предшествования одного действия по отношению к другому, тесно связанному с ним как по смыслу, так и синтаксическими средствами. Это значение присуще многим случаям употребления форм совершенного вида в некоторых русских говорах (например, олонецких), в ряде украинских диалектов (а также в произведениях М. Вовчок), в обследованных белорусских говорах (Белорусское Полесье), в некоторых польских диалектах и в польском литературном языке XIX в., в чешском и словацком языках. Например: «Приходит [Иванушка] в дом, все летают черные вороны. Зглянет, сидит сестра его у окопка» (Н. Е. Онучков, Северные сказки). Это один из типичных случаев выражения предшествования глаголом с лексическим значением видения (по отношению к тому, что именно видно)⁸, «Я її здалеку на відстані пізнала, а пізнавши, заплакала. Душою живою вона тільки жива була. Прибіжу до неї, обіймаю, як матір рідну» (М. Вовчок Інститутка). Это пример обычной конструкции, состоящей из следующих одна за другой форм настоящего времени глаголов совершенного и несовершенного видов, обозначающих два однородных действия. «... A ten člověk pak žil v bídě», *dokončí svůj příběh Valnoha a čeká, zdali oni ještě něco řeknou* (Marek, Nad námi svítá) «... И этот человек потом жил в нищете», — закончил (буквально: закончит) свой рассказ Вального и ждет, не скажут ли они еще что-нибудь». В конструкциях такого типа (с соединительным союзом) предшествующее и последующее действие особенно тесно связаны друг с другом. «Тергве když první veliké, teplé kapky deště... spadnou Jurovi do kudrnatých vlasů a Jankovi na zvědavý nos, rozhodují se oba chlapci a s nimi mnohé děvčice pro biograf» (Majerová, Cesta blesku) «Только когда первые большие, теплые капли дождя... упали (буквально: упадут) Юре на кудрявые волосы, а Янеку на любопытный нос, оба юноши, а с ними и многие девушки решают пойти в кино». Здесь форма настоящего времени глагола совершенного вида выступает в придаточном предложении времени, выражая предшествование по отношению к действию главного предложения.

Приведенные выше примеры иллюстрируют не все, но основные разновидности выражения предшествования⁹.

Более узкой является сфера распространения другого значения, характеризующего взаимоотношения действий. Речь идет об обозначении наступления действия, прерывающего длительность предшествующего

⁷ Замечательный анализ различных случаев выражения предшествования в русских былинах и в украинских народных песнях дал А. А. Потебня (см. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 108—116).

⁸ Обозначение предшествования — основная функция настоящего исторического глаголов совершенного вида в древнерусском языке. В таком значении рассматриваемые формы употребляются и в древнечешском.

⁹ По-видимому, к особому типу значения предшествования восходит употребление форм совершенного вида при прямой речи. Как писал А. А. Потебня по поводу таких случаев в былинах, «самая речь, о которой объявлено... глаголом, принимается за последующее действие» (А. А. Потебня, указ. соч., стр. 109). Живые примеры с таким значением мы находим в древнерусском языке, например: «И въсхвалит брата своего великого князя Дмитрия Ивановича: то еси у зла тошна веремени железна заборола...» (Задонщина, И2, л. 71, об. — л. 72). В некоторых русских говорах (олонецких), в произведениях М. Вовчок, у польских писателей XIX в. случаи употребления форм совершенного вида при прямой речи четко выделяются в особую группу, но живое значение предшествования здесь уже отсутствует.

действия или непосредственно следующего за этой длительностью. Это значение проявляется в ряде случаев употребления форм совершенного вида в чешском и словацком языках, а также в произведениях некоторых польских писателей первой половины XIX в.¹⁰ Вот пример из словацкого языка: «Možno aj zdriemol, ked' ho odrazu *vyrusí krik...*» (Horák, Hudcov vrch) «Может быть, он и вздрогнул, как вдруг его разбудил (буквально: разбудит) крик...»

Формы совершенного вида могут употребляться в настоящем историческом для обозначения того или иного способа действия, который или вообще связан лишь с совершенным видом, или находит в этой форме свое наиболее полное и яркое выражение. Так, в чешском и словацком языках указанные формы часто употребляются для выражения однократного мгновенного действия. Например (чешск.): «Já tedy jsem vlezl oknem a *vrchnu se nejdřív k té ohavné čubičce*» (K. Čapek, Cintamani a ptáci) «Ну, я влез через окно и прежде всего бросился (буквально: брошусь) к этой отвратительной собачке». Форма несовершенного вида (*vrhám se*) здесь не могла бы столь же ярко выразить мгновенность действия, так как этому значению противоречит значение несовершенного вида, представляющего действие как процесс. Ср. «Prokop se *vrhá na lavičku a položí hlavu do dlaní*» (K. Čapek, Krakatit) «Прокоп бросается на скамейку и охватывает голову ладонями».

Некоторые другие способы действия, выражаемые формами совершенного вида в настоящем историческом, могут быть переданы лишь совершенным видом. Например, начинательный способ действия: Niedługo czekal, klamka *zaszeleści*, z ułoczych progów mignie postać w bieli. «Kto?» — woła Książę, zerwał się z pościeli... (Mickiewicz, Grażyna) «Недолго он ждал: заскрипел (буквально: заскрипит) дверной засов, со стороны боковых входов мелькнула (буквально: мелькнет) фигура в белом. «Кто?» — восклицает князь, вскочив с постели...».

Одним из специальных значений форм совершенного вида в настоящем историческом является экспрессивное значение особой интенсивности мгновенного или начинательного действия. Такое употребление встречается в русском, украинском, белорусском и польском языках, а также в некоторых болгарских говорах (судя по обследованным записям, — в тетевенском и разложском). Глагольная форма употребляется в этом случае в сочетании с частицами: russk. *как*, ukр. *як* или *як не*, белорусск. *як, калі*, польск. *jak* или *jak nie*, болг. *кату, кото* (диалектные формы, соответствующие литературному *ката*). Например: «У сварцы Пятрусь зусім не бачыў, што конь яго завярнуўся. А Міхась *як на скочыць да Пятруся да як запішцыць!*» (Я. Колас, Чорт); «...Турйле бráдвите вофдисагите, па попа *кото шыйне* кобýлата и препýнал...» (К. Стойчев, Тетевенски говор, Сборник за народни умотворения и народопис, кн. XXXI) «Положили топоры в переметные сумки, а поп как хлестнет кобылу и помчался...».

Очевидно, такие обороты исторически восходят к выражению предшествования действия-причины во временном придаточном предложении по отношению к действию-следствию в главном предложении, как это предположил для русского и украинского языков А. А. Потебня¹¹.

Наконец, форма совершенного вида с отрицанием употребляется в настоящем историческом для выражения некоторых модальных зна-

¹⁰ Примеры из польского языка и их анализ см. у Э. Кошмидера (E. Koschmieder, указ. соч., стр. 97—98).

¹¹ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 116.

чений. Например, обозначается невозможность совершения действия: «Идут! Идут по дорожке двое, один — дядя, другой... *не разберем*, кто такой этот другой... Разговаривают о чем-то» (Г. Успенский, Растеряевские типы и сцены). Аналогичные примеры можно было бы привести из украинского и белорусского языков.

Форма совершенного вида с отрицанием может быть использована для выражения полного отсутствия действия путем отрицания его осуществления хотя бы один раз. Например: «Вот гляжу я, гляжу — и *не смигну* даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мотацнулось — далеко, далеко... так, словно что померещилось» (Тургенев, Собака).

Такие формы совершенного вида в настоящем историческом характерны также для украинского, белорусского и польского языков. В украинском языке, кроме того, встречается употребление указанной формы с частицами *мало не* или *як не* для выражения действия, которое едва не произошло. Например: «Витріщаю очі, суне мій вуйко, мов копиця сіна в темноті... У мене очі *мало з голови не вискочать*, так призираються, щоб вицілити йому просто під ліву лопатку» (Франко, Вівчар)¹².

Все перечисленные выше случаи употребления форм настоящего времени глаголов совершенного вида обладают одним общим свойством: совершенный вид здесь используется для выражения таких значений, которые не могут быть переданы несовершенным видом или передаются им далеко не в полной мере. Отсюда следует, что формы совершенного вида в этих случаях по своей функции не являются соотносительными или, по крайней мере, полностью соотносительными с формами несовершенного вида.

В одних языках — русском, украинском, белорусском и польском — употребление настоящего исторического глаголов совершенного вида, по существу, всегда является специализированным. Единичные исключения не меняют общей картины. В других языках — чешском и словацком, а также в некоторых болгарских говорах — напротив, использование форм совершенного вида в специализированной функции выступает на фоне широкого употребления этих форм исключительно для выражения значения совершенного вида. Отсюда вытекает существенное различие в той роли, которую играют специальные значения в первом и во втором случае. В первой группе языков самый факт употребления в настоящем историческом формы совершенного вида оказывается возможным лишь при том условии, если эта форма выражает какое-либо специальное, особое значение. Следовательно, выражение таких значений является в этих языках и функцией, целью употребления рассматриваемых форм, и условием определяющим возможность их использования. В другой группе языков в специальных значениях также заключена особая функция форм совершенного вида в настоящем историческом. Но эта функция не является условием, которое определяет возможность использования указанных форм, так как они широко употребляются и при отсутствии каких-либо особых значений, кроме значения совершенного вида.

Специализированное употребление форм совершенного вида характерно главным образом для такого настоящего исторического, в котором видовое противопоставление в целом отсутствует или является неполным, непоследовательным. Так обстоит дело в восточнославянских языках и диалектах, в польском языке, в чешском и словацком лите-

¹² В украинском языке встречаются еще некоторые другие модальные обороты в настоящем историческом, которые здесь не приводятся из-за недостатка места

ратурных языках. Однако в чешских диалектах мы встречаемся с примечательным и своеобразным явлением: специализированное употребление форм совершенного вида здесь создает полное видовое противопоставление, ограниченное и ослабленное в то же время именно в силу специализации функций одного из его членов (ведь необходимость в выражении таких значений, как предшествование или наступление действия, возникает не так уж часто). Специальное (экспрессивное) значение формы совершенного вида в тетевенском и разложском говорах болгарского языка также обнаруживается в условиях полного видового противопоставления. Однако это противопоставление создается, конечно, не отдельными случаями с экспрессивным значением, а основной массой форм совершенного вида, не отличающихся какими-либо специальными функциями.

Второй тип видовой характеристики настоящего исторического с точки зрения функций форм совершенного вида — неспециализированное употребление этих форм — не нуждается в подробных пояснениях. В качестве примеров могут быть использованы те отрывки настоящего исторического из сербскохорватского и словенского языков, которые были приведены в начале статьи. Отметим лишь один существенный момент: поскольку формы настоящего времени глаголов совершенного вида в данном случае не несут на себе особых, специальных функций¹³ и используются исключительно для выражения видового значения, они являются соотносительными с формами несовершенного вида. Таким образом, в этом отношении видовое противопоставление выступает здесь в более «чистой» форме.

Безусловно, есть определенная связь между ограниченным использованием форм совершенного вида в настоящем историческом и специализированными функциями этих форм и, с другой стороны, между широким видовым противопоставлением и неспециализированным употреблением форм совершенного вида. Специальные функции форм настоящего времени глаголов совершенного вида ограничивают их употребление, так как в повествовании вовсе не на каждом шагу требуется выразить, скажем, значение предшествования, особой интенсивности действия или какой-либо модальный оттенок. При неспециализированном употреблении этого ограничения нет. Поэтому не случайно, что такое использование рассматриваемых форм особенно характерно именно для южнославянских языков, где в настоящем историческом возможно наиболее широкое видовое противопоставление, а специализированное употребление господствует в восточнославянских языках и в польском, где настоящее историческое характеризуется нейтрализацией видовых различий. В чешском и словацком литературных языках, где видовое противопоставление в настоящем историческом частично нейтрализовано, сочетаются оба типа.

Необходимо сказать несколько слов об особенностях временного значения форм несовершенного и совершенного видов в рассматриваемом употреблении. Формы настоящего времени глаголов несовершенного вида, выступая в повествовании о прошлом, не утрачивают своего

¹³ Когда идет речь о неспециализированном употреблении форм совершенного вида, это вовсе не значит, что в отдельных случаях указанные формы не могут обозначать предшествование, наступление действия, его мгновенность и т. п. Такие случаи передки. Однако важно то, что настоящее историческое глаголов совершенного вида здесь безразлично по отношению к таким значениям, так как их выражение не является специальной целью, функцией рассматриваемых форм. По существу, здесь та же картина, что и в прошедшем времени, где формы совершенного вида также могут выражать указанные значения, но не в этом причина и цель их употребления.

основного временного значения (конкретного настоящего времени момента речи). Это значение лишь преобразуется, превращаясь из прямого в переносное.

Иначе обстоит дело с формами настоящего времени глаголов совершенного вида. Как известно, основным значением этих форм в восточнославянских и западнославянских языках является значение будущего времени. В отличие от форм несовершенного вида, выступая в повествовании о прошлом, они утрачивают свое основное значение. Их переносное значение (настоящего исторического) устанавливается на базе устранения основного. В южнославянских языках во временном значении форм несовершенного и совершенного видов, выступающих в повествовании о прошлом, наблюдается различие иного рода. Будущее время не является здесь основным значением формы настоящего времени глаголов совершенного вида, это лишь одно из нескольких ее значений, реализующихся в определенных условиях. К числу этих «равноправных» значений в сербскохорватском и словенском языках, а также в ряде болгарских говоров относится и значение настоящего исторического. Именно потому, что это значение утвердилось за формой настоящего времени глаголов совершенного вида как одно из основных ее значений, здесь уже почти стирается противоречие между формой (настоящего времени) и объективным значением (прошедшего времени), создающее переносный характер настоящего исторического. В форме, широко употребляющейся в значении прошлого, особенно в тех случаях, когда она выступает в окружении форм прошедшего времени, естественно ослабляется презентный оттенок и усиливается претеритальный. Это характерно в особенности для сербскохорватского языка, где наблюдается тесное взаимодействие настоящего исторического глаголов совершенного вида и аориста. Вот эти особенности и отличают перфективное настоящее историческое в сербскохорватском, словенском языках и в части болгарских говоров от имперфективного, которое и на южнославянской почве представляет собой видоизменение, производную фигуральную разновидность собственно настоящего времени.

В начале статьи шла речь о принципиальной возможности видового противопоставления в настоящем историческом. Чем объясняется тот факт, что эта возможность реализуется не во всех славянских языках, а если и реализуется, то в различной степени? Для всех рассмотренных славянских языков основным фактором, препятствующим видовому противопоставлению в настоящем историческом, является приближение функции настоящего времени к подлинному настоящему времени, что влечет за собой стремление представить всякое действие в качестве развивающегося, развертывающегося процесса. В восточнославянских и западнославянских языках к этому прибавляется еще тот факт, что основным значением формы настоящего времени глаголов совершенного вида здесь является значение будущего времени. Это значение, хотя оно и устраняется, когда форма становится составной частью повествования о прошлом, все же может дать о себе знать. Вступив в противоречие со значением настоящего исторического, оно может способствовать нейтрализации видового противопоставления в формах несовершенного вида¹⁴. В южнославянских языках этот дополнительный фактор отсутствует, чем и объясняется в значительной степени то, что

¹⁴ В основном так (не разделяя, однако, двух факторов как это сделано здесь) Э. Кошимдер объяснял нейтрализацию видового противопоставления в настоящем историческом в польском языке (E. Koschmieder, *указ. соч.*, стр. 99—100).

в этих языках (или в их диалектах) видовое противопоставление в настоящем историческом достигает наибольшей, максимальной полноты и силы. Однако здесь в качестве дополнительного фактора, препятствующего осуществлению последовательной видовой дифференциации, может выступать (как это особенно ярко проявляется в сербскохорватском литературном языке) тенденция настоящего исторического глаголов совершенного вида к утрате переносного характера, к ослаблению презентного значения и усилию значения претеритального. Эта тенденция может противоречить значению настоящего исторического как фикции подлинного настоящего времени и способствовать нейтрализации видового противопоставления. Различные закономерности славянских языков в видовой характеристики настоящего исторического (отсутствие видового противопоставления, частично нейтрализованное и, наконец, полное видовое противопоставление) и являются результатом взаимодействия и столкновения общей возможности видовой дифференциации в этом временному плане с указанными выше противоположными тенденциями.

Результаты такого взаимодействия даже при одинаковых условиях, при одинаковой или почти одинаковой временной системе языка оказываются различными. Так, различные видовые закономерности обнаруживаются в сербскохорватском и болгарском литературном языках, в русском и чешском. Еще примечательнее различия в диалектах одного и того же языка. Вот яркие примеры: западноболгарские говоры и основная масса восточноболгарских, большинство сербскохорватских диалектов и чакавские говоры, основная масса украинских говоров и закарпатские диалекты. Очевидно, важную роль в установлении той или иной нормы употребления видов в настоящем историческом играет обобщение одной из тех возможностей, которые возникают в результате взаимодействия и столкновения отмеченных выше противоположных тенденций.

Э. А. Галнайтисе

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРИСТАВКИ *по-* В СООТВЕТСТВИИ С ПРИСТАВКОЙ *PA-* ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Распространенное в лингвистической литературе мнение о том, что глагольная приставка *по-* в русском языке и соответствующая приставка *ра-* в литовском являются «чисто формальными» и только в редких случаях сохраняют свои реальные значения¹, нельзя считать правильным. В некоторых работах о приставочном образовании глаголов в русском языке называется целый ряд значений приставки *по-*², однако соответствующие выводы не сделаны. Литовская приставка *ра-* и в настоящее время признается чисто формальной, чему отчасти способствует смешение некоторых реальных значений приставок с видовыми (например, в глаголах начинательного, окончательного, уменьшительного и т. п. видов³). В связи с тем, что вопросы глагольной префиксации в русском языке изучены более обстоятельно, чем в литовском, представляется целесообразным исследовать лексические значения приставки *ра-* в сопоставительном плане. Это позволяет вскрыть структурные особенности глаголов определенных словообразовательных типов, характерных для обоих сопоставляемых языков, выделить лексические значения приставки, свойственные только для одного из языков, а также определить грамматическое (видовое) значение глагольных образований в литовском языке.

¹ Это положение содержится во многих исследованиях (до опубликования книги В. В. Виноградова «Русский язык», М., 1947). Спорным представляется мнение П. С. Кузнецова, будто бы приставка *по-* «как бы занимает промежуточное положение между приставками чисто лексического и приставками чисто грамматического значения» («К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка», «Труды Ин-та языкоznания», т. II, М., 1953, стр. 248). См. также: A. Schleicher, Handbuch der litauischen Sprache, Prag, 1856, стр. 138—139; Fr. Kurschat, Grammatik der litauischen Sprache, Halle, 1876, стр. 127—128; Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, Баршава, 1895, стр. 30, 31; Ch. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1940, стр. 98.

² См.: «Грамматика русского языка», т. I, М., изд-во АН СССР, 1953, стр. 596—598; Е. А. Земская, Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке (диссертация), М., 1952; ее же, Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке, «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955.

³ См. J. Žiugžda, Lietuvių kalbos gramatika, I d., Kaunas, 1954, стр. 125—126; «Dabartinės lietuvių kalbos žodynai», Vilnius, 1954, стр. 523 (далее сокращ.—DLKŽ).

Некоторые лексические значения приставки *по-* (*ra-*) характерны для обоих сопоставляемых языков и реализуются при соединении с глаголами аналогичных семантических групп.

1. Большой группе глагольных основ приставка *по-* (*ra-*) придает значение непродолжительности действия, ограничения его во времени⁴. Нередко детерминативное значение (по терминологии Г. К. Ульянова) уточняется наличием в контексте соответствующих наречий или словосочетаний, указывающих на определенный или неопределенный характер времени, в течение которого совершается действие или процесс. Значение ограничения действия временными пределами приобретают глаголы следующих семантических групп.

Глаголы движения (неопределенномоторные): (он) ... ушел до вечера *pobroditъ* по Москве ... (Гайдар, Судьба барабанщика) — Nori? Einam *pasivaikščioti* (Mykolaitis-Putinas, Altorič šešely) «Хочешь? Пойдем погулять». Значение ограничения движения временными пределами у этих глаголов часто выступает в сочетании с пространственным ограничением [в случаях, когда в контексте имеются словосочетания с предлогом *по* (*po*)].

Глаголы конкретного физического и отвлеченного действия: Нина Ивановна недолго *поиграла* на рояле и потом тоже ушла (Чехов, Моя жизнь) — *Pasvajoti* — dar ne nuodémè (Mykolaitis-Putinas, Altorič šešely) «помечтать — еще не грех» — и многие другие.

Глаголы состояния: ... *daktaras Stonis...* šiai metais... *nutarė aplankytī Lietuvą, pabuvoti tėviškėje* (Vienuolis, Jurginės) «доктор Стонис... решил в этом году поехать в Литву, побывать в родных местах» и т. п.

Глаголы речи и чувственных восприятий: Я предвидел бессонную ночь и рад был *поболтать* с добрым человеком (Тургенев, Записки охотника) — O, *sustokite, amžiai, sustokit, — pasidžiaugt mūsų žemės dukra!* (S. Nėris, Tau dainuoju) «О, остановитесь, века, остановитесь, — порадоваться на дочь нашей земли» и т. п.

Глаголы зрительных и слуховых восприятий: Про балаган прослушавши, пошли и наши странники послушать, поглязеть (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо), — *paklausyti, pažiūrēti* и др.

В зависимости от того, к каким глаголам (кратным или некратным) присоединяется приставка *по-* (*ra-*), в детерминативном значении выделяются две разновидности:

а) Некратные глаголы конкретного физического действия, состояния и речи в сочетании с этой приставкой обозначают действие, выполняющееся в один прием, однако такое, для совершения которого требуется известный промежуток времени (обычно короткий). Например: Она *потянулась* и легла (Симонов, Дни и ночи) — «— Na, *papaskok, Pavasarėli, kaip leidi atostogas?*» (Mykolaitis-Putinas, Altorič šešely) «расскажи, Павасарели, как проводишь каникулы?» и т. п.

б) В тех случаях, когда приставка *по-* (*ra-*) сочетается с кратными глаголами (конкретного и отвлеченного действия) определенного морфологического строя — чаще всего с суффиксом *-ать* (в русском) и *-iné-ti* (в литовском), детерминативное значение осложняется оттенком

⁴ Данное значение рассматривается П. К. Ковалевым в качестве оттенка «результативно-модифицированного» значения (П. К. Ковалев, Функции глагольных префиксов в русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1940, № 5, стр. 17); в академической «Грамматике русского языка» оно, наряду с другими, включается в значение «ограничения действия» (т. I, стр. 597; ср. также указ. статью Е. А. Земской, стр. 26).

выполнения действия в несколько приемов, который более характерен для русского языка⁵. Например: «*Потолкай его из-под низу!*» — слышит он голос Любима (Чехов, Налим) — «*Geniulis neramiai pasisuki-nejo krēsle...*» (Dovydaitis, Did. īvykiai Naujamiestyje, Netikēta komprlikacija) «Генюлис *поворочался* [несколько раз] на стуле...» и др.

Этот словообразовательный тип глаголов очень живой и продуктивный в обоих сопоставляемых языках⁶. Глаголы с детерминативным значением не имеют соотносительных форм несовершенного вида (так как в литовском языке формы вида отсутствуют, правильно говорить об употреблении этих глаголов только в значении совершенного вида).

2. Ряд глагольных основ, обозначающих действие или процесс, которые могут проявляться в большей или меньшей степени, в соединении с приставкой *по-* (*pa-*) выражает неполное действие: оно проявляется в небольшой мере, немного или слегка.

В лингвистической литературе деминутивное значение приставки *по-* (*pa-*) обычно или сливается с детерминативным, или рассматривается как оттенок последнего⁷. По мнению Г. К. Ульянова, деминутивное значение имеют «не сами по себе» приставочные глаголы, а вызывается оно «лишь общими значениями словосочетаний, в которые входят формы с этими основами»⁸, что далеко неверно: разными языковыми средствами оно уточняется очень редко.

Указанные два значения приставки, в самом деле, очень близки по их ограничительному характеру (временнéе и количественное ограничение), а иногда даже переплетаются друг с другом (в литовском языке этому способствует наличие глагольных основ — *deminutiva* — с суффиксами *-inē-ti*, *-ē-ti*, *-uo-ti*). Однако, если в некоторых случаях деминутивное действие может быть ограничено и во времени, то действие, обозначаемое детерминативными глаголами, не обязательно должно проявиться — и чаще всего не проявляется — в неполной степени, слегка (ср. *поговорить*, *поспать* и т. п.). По этой причине целесообразнее было бы эти два значения разграничить⁹.

⁵ Данный оттенок едва ли правильно рассматривается Н. Некрасовым как увеличительное значение приставки. По его мнению, приставке *по-* свойственно не только «уменьшение действия по объему, но и увеличение его. Оно состоит в том, что действие представляется повторяющимся несколько раз» (см. Н. Некрасов, *О значениях форм русского глагола*, СПб., 1865, стр. 219).

⁶ Детерминативные глаголы с приставкой *по-* встречаются и в других славянских языках: украинском (см. В. С. Ильїн, *Префікси в сучасній українській мові*, Київ, 1953, стр. 135), белорусском (см. «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія», составленный И. И. Носовичемъ, СПб., 1870), болгарском (см. «Рѣчник на българския язик... събраль и изтъкувалъ Найденъ Геровъ», Пловдив, 1901, ч. IV; или «Български тълковен речник», София, 1955), польском (см. «Słownik języka polskiego», Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952, т. IV), чешском (Ф. Травиничек, *Грамматика чешского литературного языка*, М., 1950, стр. 258); встречаются они также в латышском (см. И. Эндзелин, *Латышские предлоги*, Юрьев, 1906, ч. II, стр. 75—76).

⁷ См.: «Словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова; Г. К. Ульянов, *указ. соч.*, стр. 32; F. Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, IV, Wien, 1876, стр. 226—227; Е. А. Земская, *Типы одновидовых приставочных глаголов...*, стр. 28; A. Bielenstein, *Handbuch der lettischen Sprache*, I, Mitau, 1863, стр. 236; J. Endzelins, *Latviešu valodas gramatika*, Riga, 1951, стр. 668; его же, *Латышские предлоги*, ч. II, стр. 75.

⁸ Г. К. Ульянов, *указ. соч.*, стр. 155; 33.

⁹ Неясное разграничение их находим в статье П. К. Ковалева «Функции глагольных префиксов в русском литературном языке», («Русский язык в школе», 1940, № 5, стр. 16—17); ср. также Др. Хр. Матвеев, *Семантика на глаголите*, «Известия на Института за български език», кн. 1, София, 1952. — По мнению автора, приставка *по-*, соединяясь с глаголами несовершенного вида, в болгар-

Деминутивное значение приставка *по-* вносит в следующие глаголы. В некоторые глаголы конкретного физического действия; при этом часто такое действие распространяется на поверхности чего-либо (когда приставка присоединяется к отыменным основам): *Попудрить* нос («Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова)—*Grindis reikia pavaškoti* (DLKŽ) «надо повохить полы» и др.

В глаголы более отвлеченного действия: «Он вас *побранил*, а вы его выругайтесь» (Пушкин, Капитанская дочка)—*Paskutiniai baronienės žodžiai vėl padrumstė jo sažinę* (Mykolaitis-Putinas, Altoriai šešėly) «последние слова баронессы [несколько] нарушили его спокойствие» и т. п.

В глаголы состояния: «Не будет ли у вас, товарищ Давыдов, табачку хоть на одну завертку? Чисто пропадаю не куря, уши *попухли!*» (Шолохов, Поднятая целина)—*Gustavas paūgėjo* (основа с деминутивным значением), *ir tėvas išvežė jį į Šiaulius...* (Lazdynų Peleida, Iš praeities) «Густавас подрос [несколько], и отец отвез его в Шяуляй» и т. п.

В некоторые глаголы движения (в литовском): *Marcė atsistojus paėjo kiek į šalį...* (R. Cvirka, Žemė maitintoja) «Марце... отшла несколько в сторону...».

Как бы на грани словообразовательных и грамматических процессов глагольной префиксации находится группа непереходных (прежде — переходных) глаголов, образованных от качественных имен прилагательных, которые в соединении с приставкой *по-* (*pa-*) обычно обозначают увеличение признака, заключенного в значении именной основы¹⁰. Например: *Порозовел* чуть-чуть восток... (Тихонов, Подвиг Кучерова)—*Darbininkai... iš karto visi pagyvėjo, palinksmėjo, pasidarė judresni...* (Vienuolis, Puodžiūnkiemis) «рабочие... оживились, повеселились...»; *Kaip būvė pagerint vargingą?* (Janonis, Iš darb. katekizmo) «как жизнь горькую улучшить [несколько]» и т. п.

Этот словообразовательный тип глаголов живой, но лексически ограничен. Все глаголы встречаются только в значении совершенного вида.

3. Как в русском, так и в литовском языках приставка *по-* (*pa-*) может указывать на сильное проявление действия, совершающегося в сравнительно длительный промежуток времени, или на полное удовлетворение субъекта действием. Ввиду того, что данное значение в большинстве случаев выясняется при помощи особой интонации (разговорная речь) или соответствующих наречий, можно предполагать, что оно не является характерным для приставки *по-* (*pa-*) в современных сопоставляемых языках (особенно в русском)¹¹. Но

ском языке имеет «темпоральное» значение (т. е. детерминативное); в сочетании же с глаголами совершенного вида она указывает на слабое проявление действия — «модальное» значение (стр. 78—79). Хотя в «Словаре современного литовского языка» данное значение выделяется особо, tolkuется оно как «видовое»: приставка придает глаголам значение «совершенного уменьшительного вида» (см. «Dabartinės lietuvių kalbos žodynas», значение 3-е).

¹⁰ Ср. толкования глаголов данного типа в словарях: в словаре Даля почти у каждого глагола встречаем пометку «сделать(ся), стать более каким-либо» и реже «сделаться каким-либо»; в словаре Ушакова они чаще всего рассматриваются как форма совершенного вида к бесприставочному глаголу.

¹¹ Иную картину представляет собой русский язык XVIII и XIX вв. В «Российской грамматике», сочиненной Академией Российской отмечается, что «глаголы с приставкой *по-* в прошедшем и будущем совершенного времени имеют увеличительное и уменьшительное знаменование» (СПб., 1802, стр. 151). Глаголы со значением «силы и длительности действия» Е. А Земской включаются в детерминативный тип глаголов (см. «Типы одновидовых приставочных глаголов...», стр. 27).

едва ли правильно игнорировать его вовсе, как это встречается в толковых словарях. Это значение имеют:

Глаголы конкретного физического и отвлеченного действия: — Нечего! Нечего зубы-то заговаривать! не маленькая! Будет! *появляться!* *потирали!* (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы, Выморочный) — Kad *pabaldeno* ī duris, net troba sudrebējo (LKŽ, I¹²) «постучал так сильно в дверь, что даже изба задрожала» и т. п.

Глаголы движения: [Терек] морю Каспию журчит: «Расступись, о старец-море, дай приют моей волне! *Погулял* я на просторе, отдохнуть пора бы мне!» (Лермонтов, Дары Терека) и т. п.

По причине того, что оттенок «полного удовлетворения субъекта действием» в литовском языке выражается особыми глагольными образованиями (т. е. глаголами, образованными при одновременном присоединении приставки *ra-* и возвратной частицы *-si-*) эти два оттенка увеличительного значения могут рассматриваться отдельно. Ср.: *Pasibalavvo jom, pasibuvom*—*vaičiuosim* (LKŽ, I) «попировали, побывали вдоволь, поедем»; *Gana jau jums, pasivažinėjote, lipkite iš vėžimo...* (Vienuolis, Pask. vietelė) «хватит вам, наездились, вылезайте из телеги...» и др.¹³

В тех случаях, когда действие, обозначаемое приставочными глаголами, не достигает предела полного удовлетворения субъекта действием, они имеют значение «много»: «Вот еще до военной службы *походил* я по людям ... гол и бос...» (А. Толстой, Хмурое утро) — *ravaikščiojau* и т. п.

Это непродуктивный словообразовательный тип глаголов; они вытесняются глагольными образованиями с другими приставками, имеющими данное значение (ср.: *на-...ся* в русском и *nu-si-, pri-si* в литовском). Семантическое содержание глаголов этого типа совместимо только со значением совершенного вида.

4. Продуктивный словообразовательный тип представляет собой глаголы с приставкой *po-* (*ra-*), обозначающие законченность, завершенность действия или процесса. И в русском, и в литовском языках законченность действия может быть выражена как по отношению, так и без отношения к достижению результата¹⁴.

Глаголы конкретного физического действия: Гость и хозяин *поужинали* вместе (Гоголь, Мертвые души) — *Jei pasėjai sveika minti* — ant akmens ji augs (Tilvytis, Artojėliai) «если посеял здоровую мысль — и на камне вырастет она».

Глаголы отвлеченного действия: *Nuo okupantų pasislėpę, belaisviams* «*тайком*» *maistą* (S. Nėris, Tarp dviejių frontų) «скрывшись (в тайне) от оккупантов, доставали пищу пленным» и др.

¹² LKŽ, I — «Lietuvių kalbos žodynas», t. I (и далее LKŽ, г. — рукопись).

¹³ Ср. глаголы в чешском языке со значением продолжительного действия и оттенком «охотно, с удовлетворением», образованные подобным образом: *poležati si* и др. (см. Ф. Травничек, Грамматика..., стр. 262).

¹⁴ Ср. результативные и перфективные основы у Ульянова (указ. соч., стр. 40—41). Слишком широкими оказались границы результативного значения у П. К. Ковалева. По причине отсутствия форм несовершенного вида у этих глаголов, результативное значение делится на: 1) исключительно-результативное и 2) результативно-модифицированное значение с оттенками: ингрессивности действия, ограниченности действия во времени, полноты во множестве (см. указ. статью, «Русский язык в школе», 1940, № 5, стр. 16—17). Результативное значение выделяется также в академической «Грамматике русского языка» (т. 1, стр. 597). Значение «окончания действия» рассматривается Е. А. Земской только в связи с совершением его над рядом предметов («Типы одновидовых приставочных глаголов...», стр. 21). В литовском языке это значение смешивается с чисто-грамматическим значением приставки (См. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, значение 1-е).

Глаголы состояния, речи и чувств: Без жизни должен яркий пламень *погаснуть* на скале сырой... (Лермонтов, Унылый колокола звон...) — Saulės aš *pasiilgau*, kveriančiu barių (S. Nėris, Eglė Žalčiūtė, Karalienė) «я соскучилась по солнцу...»; *Позвали обедать* (Горький, Мои университеты) и др.

Реже глаголы движения (в литовском): Nuo likimo *nepabėgsi* (Mykolaitis-Putinas, Altoriau šešely) «от судьбы не убежишь»; Aš troškau vien džiaugsmą pavyt i r sau... (S. Nėris, Per lužt. ledą) «я хотела лишь радость догнать...»¹⁵.

Некоторые глаголы со значением законченного действия имеют соотносительные формы несовершенного вида. Часто такие глаголы осложняются дополнительными оттенками, характерными для глаголов несовершенного вида (и настоящего времени) вообще: последовательность, постепенность действия, общие утверждения чего-либо. Например: Костер уже *потухал* (Чехов, Степь); Друзья *познаются* в беде («Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова); Vieversys ankssti *pabunda* (LKŽ, I) «жаворонок рано просыпается» и др.¹⁶

5. При одновременном присоединении приставки *по-* (*pa-*) и суффиксов *-ыва-* (*-iva-*), реже *-ва-* (в русском) и суффикса многократного прошедшего времени *-dav-ai*, а также суффикса *-inē-ti* (в литовском) образуются глаголы со значением прерывисто-длительного действия, проявляющегося в ослабленной, неполной степени. Это значение приобретает очень большой круг глаголов, семантическое содержание которых не противоречит прерывистому характеру проявления действия. Иногда значение длительно-прерывистых глаголов уточняется соответствующими наречиями или словосочетаниями (особенно в литовском языке).

В русском языке можно выделить два близких между собой оттенка данного значения: прерывисто-длительное действие проявляется или время от времени, с почти одинаковыми перерывами, или изредка, иногда, так как промежутки времени между отдельными проявлениями действия неодинаковы.

Глаголы конкретного действия (кратные): «Поверни, Антонов, картошку. С одной стороны она не может жариться — ее *поворачивать* надо» (Симонов, Дни и ночи) — Tarnai padavinėjo šampaną ir vaissius... (Dovydaitis, Did. įvykiai Naucjamiestyje, Puota) «слуги подавали шампанское и фрукты» и др.

Глаголы отвлеченного действия: Давыдов уже не раз и всерьез *подумывал* о том, что надо объясняться с Макаром... (Шолохов, Поднятая целина) — Neseniai susipažino, bet jau pasibarinėja (LKŽ, I) «недавно познакомились, но уже поругиваются» и т. п.

Глаголы состояния: Щеки горели, и *побаливала* прокущенная собакой нога (Гайдар, Школа) — Saulei nusileidus... *pasklisdavo balzgani rūkai* (Mykolaitis-Putinas, Altoriau šešely) «после захода солнца... распространялись густые туманы» и др.

Глаголы, обозначающие явления звука и света (в русском): «Что у тебя *побрякивает* за пазухой?» (Пушкин, Капитанская дочка); ... дед тоже снял с себя рубаху и шляпу, режет впереди

¹⁵ Едва ли правильно в этих глаголах усматривать значение «удаления», которое, по мнению И. Эндзелина, в литовском языке сохранилось лучше, чем в латышском (см. «Латышские предлоги», ч. II, стр., 73—74), или значение «достижения цели» (там же, стр. 75). В доказательство того, что значение удаления было свойственно и славянской приставке *по-*, на литовский язык ссылается также И. Немец (см. I. Němec, O slovanské předponě *po-* slovesné, «Slavia», Praha, 1954, Roč. XXII, seš. 1, стр. 6).

¹⁶ Глаголы со значением законченного действия встречаются также в украинском языке (см. В. С. Ильин, указ. соч., стр., 133).

всех в одних портках, лысиной посверкивает... (Шолохов, Поднятая целина) и др.

Кратные глаголы движения (в русском): В толпе горластой, праздничной похаживали странники... (Некрасов, Кому на Руси...) и т. п.

Глаголы речи, слуховых и зрительных восприятий (в русском): Погоди, послушай-ка лучше, что на твоих фабриках народ поговаривает (Гайдар, Школа); С любопытством поглядывал я на серые от копоти домики... (там же) и др.

Словообразовательный тип глаголов живой и продуктивный только в русском языке¹⁷. Длительно-прерывистые глаголы не имеют форм совершенного вида (соответствующие глаголы совершенного вида выступают с детерминативным значением)¹⁸.

6. Хотя значение начала действия свойственно приставке *по-* (*ра-*) в обоих сопоставляемых языках, реализуется оно при соединении с различными по продуктивности семантическими группами глагольных основ. Вследствие этого, общность значения приставки как бы раздваивается; она выражает разные оттенки начинательного значения: ингрессивность в русском и инхоативность в литовском¹⁹.

Начинательное значение приставка *по-* вносит в определенно-моторные глаголы движения; такие приставочные глаголы обозначают начало движения в одном направлении, что впрочем определяется

¹⁷ Подобные глагольные образования со значением прерывисто-длительного действия характерны также для украинского, белорусского, болгарского и польского языков (см. выше указ. соч.).

¹⁸ Некоторые глаголы данного образования в русском языке и глаголы, образованные при одновременном присоединении приставки *ra-* и аффикса *-si-*, в литовском, имеют длительно-комитативное значение, т. е. выражают действие, сопровождающее другое действие. Однако по причине того, что данное значение приставки в обоих сопоставляемых языках тесно связано с деепричастной формой глагола (*pusdalyvis*), оно не выделяется наряду с основными ее лексическими значениями. Обычно в лингвистической литературе и толковых словарях указывается, что комитативным значением обладают только приставки *при-* и *под-*. Однако, если более внимательно присмотреться к способам употребления глаголов с данными приставками, то увидим то же самое: не в деепричастной форме они встречаются очень редко (ср. примеры в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова). Следовательно, нет никаких оснований отрицать это значение у приставки *по-* (*ra-*). По крайней мере во всех случаях это — только остатки старого значения, которое в настоящее время поглощается деепричастной формой глагола (комитативное значение свойственно деепричастиям вообще). Длительно-комитативное действие, обозначаемое глаголами с приставкой *по-* (*ra-*), чаще всего является прерывистым и ослабленным в своем проявлении. Ср. глаголы конкретного физического, отвлеченного действия и зрительных восприятий: «... в Петербурге ведь таких, как вы, барышень очень много: ходят да каблуками постукивают» (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); «Левин стоял, поглядывая на незнакомые ему лица» (Л. Толстой, Анна Каренина); «Greitai jos [mergaiteis]... jibęgo vieškelin ir, pasišokėdamos čia viena, čia kita koja, tuo garkomis Monikai» (Р. Cvirkė, Žemė maitintoja) «они..., подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, махали руками Монике»; ... *pasikosėdamas* [Juzas] traukė ratukus prie klapo nuplauti... (Žemaitė, Sutkai) «покашливая». Глаголы, обозначающие явления звука и света, а также целестремленное действие (в русском): «Отец смотрел на сына, поблескивая из-под кустистых бровей своими пронзительными... глазами...» (Фадеев, Молодая гвардия); «Лука стоял, помалчивал...» (Некрасов, Кому на Руси...) и др. Глаголы речи и (реже) движения в литовском: *Senutis ir Jonelis pasišnekėdam* renka skiedras... (Žemaitė, Sutkai) «старик и Ионелис, разговаривая, собирают щепки» и др.

¹⁹ Определения этих оттенков см.: Г. К. Ульянов, Значения..., ч. II, стр. 61.

Едва ли правильно значение начала действия рассматривать в качестве оттенка других значений приставки *по-*: «результативно-модифицированного» (см. П. К. Ковалев, указ. статья, «Русский язык в школе», 1940, № 5, стр. 17) или «ограничения действия» («Грамматика русского языка», изд-во АН СССР, т. I, стр. 597).

значением самих некратных основ. «...и вот она (тройка) понеслась, понеслась, понеслась» (Гоголь, Мертвые души) и т. п.²⁰

Это значение получают также следующие глаголы:

Глаголы конкретного действия, употребляющиеся в переносном смысле, как синонимы глаголов движения. Ср.: Куда это мальчонка *подрал*? (шутл.); *полупить* (фам.) и др. в значении «пойти, начать бежать» в словаре Ушакова²¹.

Глаголы состояния, в семантическом содержании которых заключается какое-либо понятие движения, распространяющегося явления или указывается на неустойчивое положение предмета в пространстве: Лишь только я с крутых высот спустился, свежесть горных вод *повеяла* навстречу мне... (Лермонтов, Мцыри); Воздух со свистом прошумел над ней, а на спину *посыпалась* земля (Фадеев, Молодая гвардия).

Очень редко — глаголы чувственных восприятий: Люблю тебя не здешней страстью, как *полюбить* не можешь ты... (Лермонтов, Демон).

Литовская приставка *ra-* придает начинательное значение следующим глаголам.

Глаголам состояния, выражющим распространение чего-либо, самопривольное движение: *Nuo vandens padvelkē drėgnumas* (*Vienuolis, Grīžo*) «от воды понесло сыростью»; *Raipu rakvipo šienas...* (*Tilvytis, Artojelai*) «запахло сеном» и др.

Глаголам чувств: *Panorék!* — aš *nueisiu į dangų!* (S. Nėris, Valkata) «захоти!» и др.

Очень редко, возможно под влиянием русского языка, — глаголам движения: *Artinosi trečiojo seimo rinkimų vasara...* *Per miestelius patraukē pulkai agitatorių* (P. Cvirkė, Žemė maitintoja) — «в местечко потянулись вереницы агитаторов».

Глаголы со значением начала действия в литовском языке могут быть заменены описательными оборотами, состоящими из инфинитива простой основы и глаголов *pradėti* «начать» и *imti* «взять»; например: *padvelkti* — *imti*, *pradėti dvelkti* «понести» (ср. подобные замены глаголов с приставкой *за-* в русском языке).

Это живой, но лексически ограниченный словообразовательный тип глаголов в русском языке²²; в литовском языке он непродуктивен, так как значение начала действия у приставки *ra-* постепенно бледнеет. Этому способствует возможность замены начинательных глаголов описательными оборотами, а также наличие других продуктивных

²⁰ Некоторые приставочные глаголы движения (*пойти, полесть*), выступая в сочетании с инфинитивом другого глагола или (реже) с существительным с предлогом, могут употребляться в роли вспомогательного глагола и указывать лишь на начало того действия или движения, которые обозначаются основным компонентом сочетания. Ср.: «Сошлись и заварился бой. Почуя смерть, взыграли кони, *пошли стучать мечи о брони*» (Пушкин, Руслан и Людмила); «Они едва не *полезли в драку*» (Фадеев, Молодая гвардия). Поэтому едва ли правильно объяснять значение глаголов в подобных словосочетаниях «переносным» (см., например, толкование слова *пойти* в «Словаре русского языка», под ред. Ожегова).

²¹ Нельзя согласиться с мнением Г. К. Ульянова, что все эти глаголы движения в русском языке употребляются точно так же, как, например, литовские недлительные *paeili* и т. п., — в значении «воспроизвести данное движение». Если они и встречаются в начинательном значении, то оно «не принадлежит самой глагольной форме, а вызывается в ней значением целого словосочетания» («Значения...», ч. II, стр. 165). Указанное значение глаголов с приставкой *ra-* в литовском языке не свойственно русским глаголам.

²² Ср. подобные образования в украинском языке (В. С. Ильин, *указ. соч.*, стр. 138).

приставок с этим значением (*pra-* «за-», *si-* «за-»). В обоих сопоставляемых языках глаголы данного словообразовательного типа имеют значение только совершенного вида.

II

Следующие лексические значения свойственны только приставке *по-* в русском языке.

1. Некоторым семантическим группам глагольных основ приставка *по-* придает значение действия, «распространяющегося на многие предметы или состояния, присущего многим (часто с наличием слова *весь*)»²³.

Это — дистрибутивно-суммарное значение, по терминологии Г. К. Ульянова, так как действие, обозначаемое данными сложными основами, всегда совершается по отношению к многим объектам или субъектам²⁴. Отчасти это значение приставки зависит от семантического содержания глагольных основ: четко и ярко оно проявляется в тех случаях, когда глагольные основы лишены оттенка кратности²⁵.

В данном значении приставки *по-* выделяются два оттенка.

а. Действие, распространяющееся на многие предметы, охватывает предметы не все сразу, а последовательно, один за другим, «как бы упоминая о каждом» (словарь Даля). Это кратные глаголы конкретного физического и отвлеченного действия: Кажись, и хозяева давно спать *положились*, а акромя меня с купцом других постояльцев не было... (Чехов, Степь); Волки тогда от стрельбы все по лесам *попрятались* (Гайдар, Судьба барабанщика) и др. Глаголы состояния: Вон шляпный и свечной заводы, — из Лондона мастеров высали свечных, торгашами *поделались* (Гоголь, Мертвые души) и др.

б. Дистрибутивно-суммарное значение приставки осложняется оттенком действия с отрицательным характером: под воздействием его предметы являются испорченными или уничтожаются вовсе.

Глаголы конкретного и отвлеченного действия: Мыши *погрызли* переплеты у книг (словарь Ушакова); Хозяйство *порастроилось*, мужиков *поразорил*, признаться; подошли годы плохие... (Тургенев, Записки охотника) и др.

Глаголы состояния: Можно было бы и не говорить ему, что трубы *полопались*, вся система пришла в негодность... (Фадеев, Молодая гвардия).

Словообразовательный тип глаголов живой, но малопродуктивный²⁶. Глаголы с данным значением не имеют соотносительных форм несовершенного вида.

²³ «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова. Едва ли целесообразно это значение и значение прерывисто-длительного действия объединять в одно: повторяемость, последовательность действия (см. «Грамматика русского языка», изд-во АН СССР, т. I, стр. 597—598).

²⁴ См. Г. К. Ульянов, указ. соч., стр. 159.

²⁵ Нет сомнений в том, что глаголы с дистрибутивно-суммарным значением обозначают также и законченность действия. Но едва ли правильно по данной причине рассматривать это значение в качестве оттенка результативного (см. П. К. Ковалев, Функции глагольных префиксов..., «Русский язык в школе», 1940, № 5, стр. 16—17).

²⁶ По причине того, что дистрибутивно-суммарное значение приставки *по-* в литовском языке чаще всего проявляется при наличии в контексте словосочетаний с предлогом *po* (также в дистрибутивном значении), оно рассматривается как разновидность значения законченного действия. Например: «*Padalinejo po alaus-stiklinej*» (LKŽ, II) «раздал по стакану пива». Ср. подобные глагольные образования в украинском, белорусском, польском (см. указанные выше работы об этих языках) и чешском (см. Fr. Tgávniček, Slovník jazyka českého, Praha, 1952).

2. При одновременном присоединении суффиксов *-ыса-* (*-ива-*), реже *-а-*, *-ва-* приставка *по-* образует глаголы со значением длительного, но непрерывного действия: оно совершается постепенно, все время, исподволь (по определению В. Даля) и, как правило, в небольшой степени. Это некратные глаголы конкретного и отвлеченного действия, глаголы состояния и целеустремленного действия: «Ну, что вы здесь *поделиваете*, любезный Петр Петрович?» (Тургенев, Записки охотника); «Калиныч... беспрестанно *попевал* вполголоса» (там же); «Как это было не странно, но... денщик *побаивался* бабушки Веры» (Фадеев, Молодая гвардия); «А если у меня на пение таланта нет, то пусть другие молятся о даровании победы, а я должен *помалкивать*» (Гайдар, Школа) и т. п.

По смыслу эти глаголы несовершенного вида как бы приближаются к глаголам с деминутивным значением (совершенного вида), так как в обоих случаях действие проявляется в небольшой степени. Однако они не должны рассматриваться как соотносительные видовые пары: глаголы данного непродуктивного типа в совершенном виде обозначают или ограничение действия во времени, или законченность его.

III

Литовская глагольная приставка *ра-* также характеризуется некоторыми лексическими значениями. В отличие от приставки *по-* русского языка, которая давно утратила свои локальные значения (выступающие в настоящее время в качестве дополнительных оттенков других значений)²⁷, приставка *ра-* до сих пор сохраняет их²⁸.

1. Сочетаясь с глагольными основами, которые обозначают действие, связанное каким-либо образом с понятием движения, приставка *ра-* образует глаголы со значением «под». Такие приставочные глаголы как бы указывают на направление данного действия под что-либо или «показывают, что под чем подложено»²⁹.

Сохранению данного значения отчасти способствует то, что оно поддерживается таким же значением соответствующего предлога *ро-*³⁰. Однако наличие в контексте словосочетаний с предлогом *ро* не обязательно; они только усиливают данное значение приставки.

Определенно-моторные глаголы движения: *Lapė...* *ро suolu palindo...* (Boruta, Dangus grīva), «лисица... подлезла под скамейкой»; *Medis paplaukė* *ро tiltu* (DLKŽ) «дерево подплыло под мост» и др.

27 См. I. Němec, O slovanské předponě *po-* slovesné. Опираясь на данные славянских и родственных языков (в первую очередь балтийских), автор предполагает, что в старославянском приставке *по-* обладала двумя локальными значениями — «odlukového a cílového»: 1) она выражала удаление (т. е. определяла пространственные отношения ablativa); ср. чешск. *poběhati* *ot diela* (стр. 5—6); 2) выражала целевые отношения, т. е. определяла пространственные отношения: а) датива и местного (lokální); ср.: *poiti domovi, stojati kottъ (сеть) po* (стр. 13—16), б) аккузатива; ср.: *iti po vodā* (стр. 17—20).

28 Неправ, конечно, Котвич, утверждая, что приставка *ра-* в литовском языке потеряла «первичное» свое значение и указывает лишь на «законченность действия» (Wl. Kotwicz, Gramatyka języka litewskiego w zarysie, Wilno, 1940, стр. 94).

29 «Dabartinės lietuvių kalbos žodynai».

30 Ср. указ. статью И. Немца. Среди других причин, содействующих процессу делокализации приставки *по-*, автор указывает и на то, что локальные значения ее не поддерживались предложенными словосочетаниями (стр. 20—21). В латышском языке данный предлог почти утратил значение «под», вследствие чего оно ослабляется и у приставки *ра-* (см. И. Эндзелин, Латышские предлоги, ч. II, стр. 77).

Глаголы конкретного физического действия: O kai nuovargis pakirs man kūnā trapč, pasidésiu akmeni po galva (S. Néris, Partizanė) «... положу камень под голову»; Vyrai, pakišę buomus, išritino mašiną iš šlajų (LKŽ. г.) «мужчины, подсунули ломы, вывалили машину из саней» и др.

В современном литовском языке этот словообразовательный тип глаголов малопродуктивен и лексически ограничен. Все глаголы употребляются только в значении совершенного вида³¹.

2. Соединяясь с некоторыми глаголами конкретного физического действия и (реже) состояния, приставка *ra-* указывает на то, что действие совершается снизу или под чем-либо: Jei neleisi (i troba), tai aš pamatus *paknisiu* ir tau šalčio privarysiu (Boruta, Žalmargio jaučio troba) «если не пустишь (в дом), то я фундамент подрою [снизу]»; Banga gena bangą, ir bokšto akšiuo *aplautas* nuvirsta žemyn (Maironis, Trakų pilis) «подмытый волной камень падает вниз»; Jau kitas dantis *paaugo* (LKŽ, I) «другой зуб вырос [под старым]». Это непродуктивный и лексически ограниченный тип глаголов; все глаголы с этим значением только совершенного вида.

3. Некоторым переходным глаголам конкретного физического и отвлеченного действия, образованным от качественных имён прилагательных, приставка *ra-*, в зависимости от реального значения глагольной основы, придает значение преувеличения или преуменьшения чего-либо, проявляющегося в небольшой мере, немногого. Непродуктивность данного словаобразовательного типа обусловлена количеством глагольных основ с ярко выраженным пространственным или временным значением. Потенциальная возможность этого значения заключается уже в самих глагольных основах³².

В одних случаях обозначается преувеличение чего-либо по отношению к объему или времени (и реже к количеству чего-либо): ...iš tikrųjų, aš truputį *padauginau* išgerti, tu teisi Martut! (Vienuolis, Puodžiūnkiemis) «в самом деле я хватил лишнего, твоя правда, Мартут!» (буквально: «выпил больше, чем следует»); Тириputi *pagilino* (LKŽ, г.) «сделал несколько глубже, чем следует» и т. п.

В других случаях указывается на преуменьшение чего-либо: *Paankštinti* batus (DLKŽ) «сделать ботинки уже (теснее), чем следует»; *Pamažinti* kailinius (там же) «сделать тулууп меньшего размера».

Приставочные глаголы с данным значением чаще всего употребляются в разговорной речи. Нередко они заменяются описательными оборотами;ср.: *padidinti* — «*padaryti* per dideli» («сделать больше, чем следует») и т. п. Все эти глаголы употребляются только в значении совершенного вида.

4. Глаголам движения, некоторым глаголам конкретного физического действия, (реже) глаголам состояния и речи приставка *ra-* придает значение «иметь способность, быть в состоянии воспроизвести какое-либо действие». Нередко это значение приставки усиливается наличием в контексте модальных глаголов *galéti*, *stengtis* «смочь, приложить усилия, быть в состоянии»: Vienok ir pusnys. Vos galiu *pabristi* tik matomu keliu... (Janonis, Žiema) «едва могу идти (брести)»; ... *vilkas...* nešė toliau lapię, pats vos *pasivilkdamas* (Boruta, Pagrundukas) «волк, будучи почти не в силах тащиться, понес лисицу дальше»; Geras artojas ir žasiniu *paaria* (LKŽ, I) «хороший пахарь и гусаком

³¹ Глаголы с данным значением встречаются также в латышском языке (см. J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, стр. 668; егоже, Латышские предлоги, ч. II, стр. 72).

³² Ср., например, *ankstinti* — «*skubinti*, per anksti ka daryti», — («спешить, делать что-либо раньше, чем следует») (см. «Lietuvių kalbos žodynas», т. I, стр. 118).

пашет»; *Kojas mudviem pakirto — tik pastovéti begaliva...* (Biliūnas, Žvaigždė) «ноги нам подсекли — еле в силах стоять» и др.

Глаголы со значением способности воспроизвести какое-либо действие составляют живой, но лексически ограниченный тип одновидных глаголов: они выступают только со значением несовершенного вида³³.

* * *

Глагольная приставка *по-* (*ra-*) как в русском, так и в литовском языках, таким образом, обладает целым рядом разнообразных лексических значений. Противоположное мнение в русском языкоznании создалось на основе неправильного разрешения некоторых других вопросов, тесно связанных с глагольной префиксацией. Во-первых, с самого начала изучения функций и значений глагольных приставок (Н. Греч) почти все нелокальные их значения относились к видовым. Приставка же *по-* давно утратила свои локальные значения, а часть количественно-временных ее значений рассматривались, например, как виды (начинательный)³⁴, подвиды (определительный подвид совершенного и несовершенного видов, т. е. прерывисто-длительное и детерминативное значения приставки)³⁵ или как «видовые» значения (детерминативное, суммарное и др.)³⁶. Во-вторых, для разграничения реальных значений приставок от грамматических (видовых) применялся формальный схематический метод — наличие или отсутствие сложно-производных форм несовершенного вида³⁷. Как видели из предыдущего анализа, почти все глаголы с приставкой *по-* являются одновидовыми (чаще всего совершенного вида). Вследствие этого, приставка *по-* вполне обоснованно рассматривалась почти как чисто видовой префикс.

Вопросы глагольной префиксации в литовском языке в основном изучались в плане сравнительного сопоставления с русским языком. Возможно, что подобное толкование приставка *ra-* получила под влиянием русского языкоznания. Не следует забывать, что в некоторых случаях данная приставка как в русском, так и в литовском языках действительно теряет свои реальные значения и выступает в роли чисто видового префикса (возможно, чаще других приставок). Однако словообразовательные связи приставки *по-* (*ra-*) гораздо шире по сравнению со случаями грамматикализации.

Одновидовой характер глаголов с приставкой *ра-* позволяет внести некоторые уточнения в проблему вида глагола в литовском языке. Как известно, разделяя все сложные глагольные основы литовского языка на две группы³⁸, Г. К. Ульянов в первой группе глаголов,

³³ Ср. подобные глагольные образования в латышском языке (J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, стр. 668). В некоторых случаях глаголы прерывисто-длительного действия в русском языке также осложняются оттенком «иметь способность, быть в состоянии воспроизвести данное действие» (что характерно для языка XVIII, XIX вв.); ср. «Мальчуган попалывает по полу» («Толковый словарь Даля»).

³⁴ «Русская грамматика А. Х. Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». СПб., 9-е изд., 1856, стр. 105 и др.

³⁵ А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, 2-е изд., Л., 1941, стр. 475.

³⁶ Г. К. Ульянов, *указ. соч.*, стр. 154—164.

³⁷ Ср. А. А. Шахматов, *Синтаксис...*, стр. 473; А. Н. Стендер-Петерсен, *О функциях глагольных приставок в русском языке*, «Slavia» Roč. XII, seš. 3—4, Praze, 1933—1934, стр. 331—332; П. К. Ковалев, *указ. статья*, «Русский язык в школе», 1940, № 1—5. См. критику этого положения: В. В. Виноградов, *Русский язык*, стр. 512 и др.; Е. А. Земская, *указ. соч.*

³⁸ Г. К. Ульянов, *указ. соч.*, стр. 29—30.

образованных при помощи приставок с реальными значениями, правильно усматривал два видовых различия — длительность и недлительность³⁹, которые «не обозначаются в них особыми формами»⁴⁰. Иными словами, подобные глаголы литовского языка являются двухвидовыми. Возможно только потому, что эти правильные положения Ульянова подверглись критике⁴¹, они не применялись в дальнейших исследованиях⁴². Анализ глаголов с приставкой *ra*- показывает, что часть этих глаголов может выступать только со значением совершенного или несовершенного вида.

³⁹ Г. К. Ульянов, указ. соч., стр. 53, 55.

⁴⁰ Там же, стр. 57. К такому выводу автора привело употребление данных сложных глаголов в формах настоящего времени с его же значением (см. стр. 52, 54—55).

⁴¹ См. Ф. Ф. Фортунатов, Критический разбор сочинения проф. Варшавского университета Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», СПб., 1897, стр. 78—86; И. Эндзелин, Латышские предлоги, ч. II, стр. 105 и далее; его же, К вопросу о видовом значении латышских сложных глаголов, «Известия отделения русского языка и словесности», 1908, т. XIII, кн. 4, стр. 194—200.

⁴² Ср. хотя бы J. Žiugžda, Lietuvių kalbos gramatika, I d., Kaunas, 1954, стр. 125—126. На важность замечания Ульянова о двухвидовом характере глаголов первой группы указывается в статье Т. Бухене и В. Амбразаса «Lietuvių kalbos veiksmažodžių veikslo klausimu» («Tarybinis mokytojas», 1955, № 44).

А. И. Толкачев

**ОБ ОБРАЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(РОДИТЕЛЬНЫЙ, ДАТЕЛЬНЫЙ И МЕСТНЫЙ ПАДЕЖИ
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МУЖСКОГО
И СРЕДНЕГО РОДА).**

Как известно, сложное склонение прилагательных в славянских языках, начиная еще с общеславянского периода, претерпело целый ряд изменений, в результате чего первоначально единый для всех падежей способ их образования (путем соединения формы именного прилагательного с соответствующей формой местоимения) не сохранился, а само сложное склонение прилагательных в целом стало представлять собой систему различных с морфологической точки зрения форм. Ср., например, образования типа: а) им. падеж ед. числа муж. рода *dobrъ-ъ* < **dobrъ-ъ*; б) род. падеж ед. числа жен. рода *dobry-ъ* < **dobry-ъ*; в) твор. падеж ед. числа муж.-средн. рода *dobry-ъ* < **dobromъ-ъ*; ср. также форму твор. падежа ед. числа жен. рода сложного прилагательного *dobroij*, не отличающуюся от соответствующей именной формы.

Эта, первоначально общая для всех славянских языковых групп, система форм тоже не сохранилась: в различных славянских языках некоторые падежные формы образуются неодинаково.

I. В ряде случаев эти различия были вызваны определенными фонетическими изменениями. Так, общеслав. твор. ед. мн. **dobryjimъ*, местн. мн. **dobryjichъ*, дат. мн. **dobryjimъ*, твор. мн. **dobryjimi*, в результате стяжения группы *u|i* дали в русском языке — добрымъ, добрыхъ, добрымъ, добрыми, добрыхъ, в польском: *dobrym*, *dobrych*, *dobrym*, *dobrymi* (при *dobre*), *dobrych*; в чешском: *dobrým*, *dobrých*, *dobrým*, *dobrými*, *dobrých*; в сербском: *dobrím*, *dobrích*, *dobrím* (при *dobrijem*), *dobrím* (*dobrijem*), *dobrím* (*dobrijem*). Фонетическими продолжателями старых форм являются и современные формы им. ед. муж. рода: русск. *доброи* (и его фонетические варианты *добрый* и т. д.), польск. — *dobry*, чешск. *dobrý*, сербск. *dobrī* вместо старой **dobrъ-ъ*; им. ед. жен. рода: русск. *добрая*, польск. *dobra*, чешск. *dobrá*, сербск. *dobrā* вместо **dobraja*; им. ед. средн. рода: русск. *доброе*, польск. *dobre*, чешск. *dobré*, сербск. *dobrō* вместо **dobroje*; вин. ед. жен. рода: русск. *добрую*, польск. *dobra*, чешск. *dobrou*, сербск. *dobrū* вместо **dobrqjø*.

Образование падежных форм этой группы объясняется сравнительно просто.

II. Однако имеется ряд форм, история которых не является вполне ясной и бесспорной. Сюда относятся: род. ед. муж. средн. рода: русск. *доброго*, польск. *dobrego*, чешск. *dobrého*, сербск. *dobrōha* вместо **dobrajego*; дат. ед. муж. средн. рода: русск. *доброму*, польск. *dobremu*, чешск. *dobrému*, сербск. *dobrōti* вместо **dobrujemu*; местн. ед. муж.-средн. рода: др.-русск. *добромъ*, польск. *dobrem* (при новообразовании *dobrym*), чешск. *dobrétm*, сербск. *dobrōtm* вместо **dobrejety*; род. ед. жен. рода: русск. *доброй*, др.-русск. *доброѣ*, польск. *dobrej*, чешск. *dobré*, сербск. *dobre* вместо *dobryj*; местн. ед. жен. рода: русск. *доброй*, польск. *dobrej*, чешск. *dobrōj* вместо **dobrej*.

Образование форм второй группы нашло в научной литературе различное объяснение¹.

А. Соболевский, принимая теорию Ф. Миклошича об образовании ряда падежных форм прилагательных в результате сращения (*Zusammenschluss*) неизменной адъективной основы с падежной формой местоимения, возводит род. падеж ед. числа муж.-средн. рода *слепого* к форме *слѣпъ-его*, из которой в результате ассимиляции *ъ* и *е* и затем стяжения их в один звук *-ō-* получилась форма *слѣпого*. Его предположения относительно возникновения таких сращений основаны на случаях типа *ждем князь Петра Ильича*; *умнее князь Петра* (Грибоедов, Горе от ума); *Новогорода, Ковыль-травы, душа-красной девицы, Москва-реки, княжь Иванова сына, княжь Федоровы руки* (Акты XV—XVII вв.), *буй туръ Всеволоду* (Слово о полку Игореве), а также церк.-слав. *Іс хмъ* (Остромирово евангелие), *Іисус Христоса* (Изборн. Святосл. 1073)².

Предположение об образовании *доброго*, *доброму* и т. д. под влиянием местоимений А. Соболевский отвергает. Такому влиянию, по его мнению, противоречат сербское *слијепога* при *тога* и чешское *slepět* при *tōm*, *jět*. Долгота *ō* в сербском языке и *ě* в чешском показывает, что здесь стянуты два звука; кроме того, сам звук *ě* в чешских прилагательных и *ō* в местоимениях свидетельствуют о том, что местоимения не влияли на прилагательные³. Чешскую форму *slepět* А. Соболевский выводит из *слѣпъемъ*⁴.

Теория А. Соболевского⁵ получила отрицательную оценку большинства ученых: Ягича⁶, В. Облака⁷, Шахматова⁸ и других. Удовлетворительной ее считать нельзя. Прежде всего, нет никаких оснований предполагать превращение формы именительного падежа в неизменную основу. Затем, относительная хронология интересующих нас изменений говорит против того, что стяжению *-oo->-ō-* предшествовал переход *ъ* в *о* в положении перед *j* (т. е. *добръ-его→добро-его*); известно, что в древнейший период *ъj* изменялось в *ъj*, затем, гораздо позже, уже в исторический период, *ъj>oj*.

Объясняя происхождение *слѣпого* из *слѣпъ-его*, *слѣпому* из *слѣпъ-ему*, А. Соболевский обходит молчанием формы типа ст.-слав. *слѣпаңго*, *слѣпааго*, *слѣпоѹжмоу*, *слѣпоѹоумоу*, связь которых со стяженными едва ли

¹ В настоящей статье речь будет идти главным образом о формах род., дат. и местн. падежей ед. числа муж.-средн. рода.

² А. Соболевский, Исследования в области русской грамматики, РФВ, VI, Варшава, 1881, стр. 234—235.

³ Там же, стр. 235, примечание.

⁴ Там же, стр. 236, примечание.

⁵ См. также его работы: «Курс церковно-славянской морфологии», литогр., СПб., 1902; «Лекции по истории русского языка», 4-е изд., М., 1907.

⁶ «Archiv für slavische Philologie», VI, Berlin, 1882, стр. 294 и сл.

⁷ Рецензия: V. Obłak «Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского (СПб., 1891), «Archiv für slavische Philologie», XIV, 2, Berlin, 1891, стр. 441 и сл.

⁸ Сб. «Академик А. А. Шахматов», М.—Л., 1947, стр. 42—43.

можно отрицать. Неубедительна и ссылка Соболевского на количественные различия в окончаниях прилагательных и местоимений в сербском и чешском языках; эти различия могут иметь и другое объяснение (см. ниже).

Что же касается несклоняемых слов, входящих в состав тесных лексических групп, то далеко не все приводимые Соболевским примеры имеют доказательную силу. Так, сочетания *Новъгорода*, *Москва-реки*, *Ковыль-травы* с неизменной первой частью возникли сравнительно поздно. Исконно склонялись обе части: ср. формы слова *Новъгородъ* в древнерусских памятниках⁹, или: *На Москве-реке покататися* (Лермонтов). Утрата склонения в первой части слова *Новъгородъ* связана с общим процессом утраты именного склонения прилагательных и потому едва ли может быть сопоставлена с превращением именной части сложного прилагательного в неизменную основу. Для такого превращения не было реальных грамматических условий, так как в период формирования сложных прилагательных в славянских языках именная часть в составе сложения с местоимением еще не утратила своих исконных грамматических признаков имени. Точно так же и другие примеры (*буй туръ Всеволоду*, *Icoусъ Христоса* и т. д.) имеют свою особую историю, с которой едва ли можно сопоставлять историю именных прилагательных; в частности написание Гс. хмъ в Остромировом евангелии мало показательно, потому что стоит под титлом.

Иное объяснение возникновения сложных форм предложил Ст. Шкрабец в статье «Über einige schwierigere Fragen der slovenischen Laut- und Formenlehre»¹⁰. Возражая Ф. Миклошичу, Ст. Шкрабец полагает, что сложные формы прилагательных возникли из соединения падежной формы имени и соответствующей падежной формы местоимения. В результате такого соединения в ряде случаев возникали сочетания звуков, которые трудно было произносить, например, дат. мн. *добромъимъ*, местн. мн. *добрѣхъихъ* и т. п. Излишние слоги *-ом-*, *-ѣх-* перестали произноситься. Старый член, тесно соединяясь с обрывком именной части, превратился по существу в окончание, и, таким образом, двойные окончания стали излишни. Тогда начала действовать аналогия слов *моего*, *моети*, *моеть*, *моји*; одновременно могли оказывать влияние и числительные *dvoj*, *troj*, *ovoj*, и в меньшей мере местоимение *kuj*, *коего*, *коети* и т. д., которое первоначально, по мнению Шкрабца, склонялось прonomинально в обеих частях (род. *когоего*, дат. *котиети* и т. д.). Таким образом, вместо *добрајего*, *добрајему*, *добрѣјемъ*, *добрѣјеј* возникли *добројего*, *добројему*, *добројемъ*, *добројеј*.

В разных славянских языках после выпадения интервокального йота ассимиляция гласных стала осуществляться в различных направлениях. На юге победил звук *o*, на западе — звук *e*. Так возникли сербскохорватские формы *dobrōga*, *dobrōtu*, *dobrōm*, *dobrō*. По аналогии с ними при *moj* возникли *tōga*, *tōti*, *tōt*, *tōj* (вместо старых *мојега*, *мојети*, *мојем*, *мојој*); в чешском получилось: *dobrého*, *dobrému*, *dobrém*, *dobré*, средн. род. *dobré*, а по аналогии с последними: *mégo*, *méti*, *mé*, средн. род. — *mé*. Тот же процесс был и в русском языке, с тем лишь отличием, что в нем притяжательные местоимения не подвергались обратному влиянию прилагательных и не стягивали свои окончания.

Изложенная теория Ст. Шкрабца не может быть признана удовлетворительной. Расходясь с Миклошичем и Соболевским в понимании процессов в древнейший период, он, однако, предполагает существова-

⁹ Подробности о склонении слова *Новъгородъ* см. в книге В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», Львов, 1949, стр. 226.

¹⁰ «Archiv für slavische Philologie», XIV, Berlin, 1891, стр. 332—333.

ние исходных форм (*добројего*, *добројему*, *добројеј* и т. д.), аналогичных формам Соболевского (*добръ-јего*, *добръ-јему*, *добръ-јеј* и т. д.).

Против такого объяснения дают решительные показания памятники старославянского и древнерусского языков, где представлены исключительно окончания: *-а́го*, *-ааго*, *-аго*, *-оу́моу*, *-оуоумоу*, *-оумоу*, и лишь очень редко окончания *-ого*, *-омоу*, которые, надо полагать, возникли непосредственно на месте старых *-ааго*, *-аго*, *-оуоумоу*, *-оумоу*. Никаких свидетельств существования промежуточной формы, возникшей под влиянием *тоjego*, *тоjetи* и т. д., в памятниках старославянского и древнерусского языков нет. Встречающиеся в среднеболгарских и некоторых древнейших памятниках формы на *-оому*, например, *несшоомоу*, ничего не доказывают, поскольку представляют собой искусственные образования (подробнее об этом см. ниже).

В. Облак в своем отзыве о работе Ст. Шкрабца¹¹ указывает, что его предположение о переходе **dобрéјеть* → **добројеть* → *dобрéм* и т. д. в чешском языке несостоятельно еще и потому, что известны древнейшие формы местн. падежа ед. числа муж. рода *dobřiem* (← **dобрéть*, при параллельном *dобрém*), дат.-местн. падеж ед. числа жен. рода *dobřiej* (← **dобрěji*, при *dobrej*), которые показывают, что исконные формы изменились не так, как предполагал Шкрабец. Этому противоречит также и древнесербский язык, в котором по аналогии с местоимениями возникли формы прилагательных на *-ѣхъ*, *-ѣмъ*, *-ѣми*, повлиявшие, в свою очередь, на склонение местоимения *тоj* (ср. форму *моѣхъ*, засвидетельствованную уже с 1333 г.).

Существование тех образований, которые предполагал Шкрабец, (*добројего* и т. п.), допускал одно время и акад. А. А. Шахматов¹². Образование *доброго* вместо **добројего* он объяснял как результат замены полной формы формой энклитической в местоименной части сложного прилагательного.

Особое объяснение происхождения интересующих нас форм прилагательных предложил акад. Ф. Фортунатов¹³. По его мнению, еще в общеславянском языке старые формы на *-ијети* изменились в *-иети* после выпадения интервокального *и*; затем произошло неполное уподобление звука *-e-* звуку *-i-* (*ијети* → *иоти*); в дальнейшем в сербском и русском языках возникла форма *-ооти* → *-оти*, а под влиянием окончания *-оти* получилось в род. падеже ед. числа муж.-средн. рода в сербском *-ога*, в русском *-ою*. В качестве доказательства Фортунатов приводит формы дат. падежа на *-оому*, встречающиеся в среднеболгарских и древнерусских памятниках. В западнославянских языках был другой процесс. В род. падеже *-ајего* изменялось в *-его*, и это *-e-* перешло в дат. падеж, в результате чего возникло окончание *-ёти*.

В объяснении Фортунатова имеется ряд спорных моментов. Во-первых, допущение частичной прогрессивной ассимиляции *e* звуку *i* (*ијети* → *иоти*) и последующей регressiveвой ассимиляции *i* звуку *o* (*иоти* → *ооти*) слишком гипотетично и памятниками старославянской письменности не подтверждается: обычным был переход *ијети* → *иити*; формы на *-оуомоу*, *-оому* в старославянских памятниках не встречаются.

Во-вторых, для того чтобы форма *доброму* с целостным окончанием *-омоу* могла влиять на формы *добра-кго*, *добр-кмъ* (в которых мы имеем окончание *-а*, *-ѣ* и падежную форму местоимения *кго*, *кмъ*),

¹¹ V. Oblak, Einige Bemerkungen zur vorausgehenden Abhandlung, «Archiv für slavische Philologie», XIV, Hf. 1, стр. 352.

¹² См. ст. «Русский язык», Энциклопедия Брокгауза и Ефона, т. 55, СПб., 1899, стр. 572.

¹³ Ф. Ф. Фортунатов, Лекции по фонетике старославянского языка, Пг., 1919, стр. 118.

необходимо превращение конечных элементов *-а́къо*, *-а́къмъ* в род. и местн. падежах прилагательного в единое грамматическое целое, в единое окончание, чего мы в отношении древнейших памятников сказать не можем¹⁴.

Поскольку в качестве свидетельства в пользу своего предположения о переходе *-а́къмоу* → *-оомоу* в южных и восточнославянских языках Фортунатов приводит южнославянские формы дательного падежа на *-оомоу*, то необходимо рассмотреть их специально.

Дательный падеж на *-оомоу* (орфографическое *-о́ммоу*) довольно часто встречается в памятниках среднеболгарского и древнесербского языка. Например:

а) среднеболгарские памятники: Богословие Иоанна эзарха Болгарского: *блженоомоу* (67, II, 17), *правѣдноомоу* (104, II, 8) и др.; Болонская псалтырь: *честъноомоу* (8—4), *праведноомоу* (14—3), *вѣроомоу* (21—2), *стоомоу* (86—2) и т. д.¹⁵; Охридский апостол XII в.: *стоомоу* (54б), *великоомоу* (78а) и т. д.¹⁶; Тырновское евангелие 2-й половины XIII в.: *водноомоу* (Лука, 8—24); Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV в.: *пославъшоомоу* (14а, 31б) и др.¹⁷; Славословие царю Александру в Софийской псалтыри (Песнивце) 1337 г.: *великоомоу* *црю*¹⁸.

В мягких основах окончанию *-оомоу* соответствует *-е́ммоу*, например в Болонской псалтыри: *вышнеемоу* (92—3), в Охридском апостоле: *вышнеемоу* (68б) и т. д.¹⁹:

Есть редкие формы на *-оумоу*: *нижшиоумоу* (Богословие Иоанна эзарха Болгарского 137, II, 15).

б) Памятники древнесербской письменности: Шестоднев Иоанна эзарха Болгарского 1263 г. (древнесербский памятник с отдельными листами среднеболгарского письма): *собѣтноомоу* (248об.) и др.²⁰

Наряду с приведенными формами в тех же памятниках и вообще в памятниках того периода встречаются архаические формы на *-а́къмоу*, *-оуомоу*, *-оумоу*: *бывъшоуомоу* (Добромирово еванг. 118б, 3) и т. д., а также новообразования на *-омоу*: Охридский апостол: *стомоу* (57а), *показаномоу* (84а) и др.²¹ Тырновское евангелие: *вѣроующомоу*, (Марк, 9—23); Боянское евангелие: *идѫщомоу* (33б), *сѫщомоу* (59а), *творающомоу* (28а)²². Слепченский апостол XII в.: *великомоу* (102), *вѣчномоу* [4(С)], *чльчъскомоу* (117), в причастиях: *създавъшомоу* (19), *можющо-*

¹⁴ Предположение Ф. Ф. Фортунатова о том, что нестяженное окончание родительного падежа *-а́къо* не было исконным, а представляет собой новообразование в старославянском языке, кажется маловероятным, потому что родительный падеж с подобным окончанием встречается в архаических по языку памятниках, и, видимо, отражает древнейшую стадию в развитии интересующих нас падежей.

¹⁵ В. Н. Щепкин, Болонская псалтырь. Исследования по русскому языку, Т. II, вып. 4, СПб., 1906, стр. 220.

¹⁶ С. М. Кульбакин, Материалы для характеристики среднеболгарского языка. III. Охридский апостол XII века, ИОРЯС, т. VI, кн. 1, СПб., 1901, стр. 229.

¹⁷ С. М. Кульбакин, Материалы для характеристики среднеболгарского языка. II. Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV века, ИОРЯС, т. V, кн. 3, СПб., 1900, стр. 888, 915.

¹⁸ Б. Чоневъ, История на български езикъ. А. Обща часть, Т. 1, София, 1940, стр. 189.

¹⁹ Примеры из других памятников см. в кн.: Ф. Миклопиц, Сравнительная морфология славянских языков, вып. 1. М., 1887, стр. 76.

²⁰ А. Горский и К. Невоструев, Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отдел второй, 1, М., 1857, стр. 29, 30.

²¹ С. М. Кульбакин, Материалы... III. Охридский апостол XII века, стр. 229.

²² С. М. Кульбакин, Материалы к характеристике среднеболгарского языка. I. Боянское евангелие. ИОРЯС, т. IV, кн. 3, СПб., 1899, стр. 858.

моу (62), *стригжщомоу* (107) и многие другие²³. Софийский синодик: *хотащомоу* (54), *иджщомоу* (47), *рекшомоу* (25), *приемшомоу* (25) и др.²⁴. Ср. др.-сербск.: Вukanovo евангелие: *тъкоущомоу* (33в), *башщомоу* (82в), *последоующомоу* (90б) и т. д.²⁵.

В памятниках древнерусской письменности встречаются тоже различного типа формы дат. падежа муж.-средн. рода прилагательных:

а) с окончанием *-оу́моу*: Пандекты Антиоха XI в. [один раз: *горькоуемоу* (70)], Толстовская псалтырь XI в.: *грѣшноу́моу* (172об.), *сѣтворѣшоу́моу* (173об.)²⁶.

б) с окончанием *-оу́моу*: Остромирово евангелие (часто, обычно в евангельских чтениях), Изб. Святослава 1073, 1076 г., Архангельское евангелие 1092 г., сентябрьская миная 1095 (редко — во второй части рукописи)²⁷, Пандекты Антиоха XI в. (в первом и втором почерке господствует, а в третьем почерке встречается), XIII слов Григория Богослова, Евгеньевская Псалтырь, Ефремовская кормчая XII в. (часто), Златоструй XII в., Ярославский список пандектов Никона Черногорца XII—XIII вв.; в оригинальных памятниках: *Сказание о Борисе и Глебе* (преобладают), *Житие Феодосия Печерского* (встречаются сравнительно редко);

в) с окончанием *-оумоу*: Остромирово евангелие (2 раза в евангельских чтениях и часто в оглавлении евангельских чтений²⁸). Сб. Святослава 1073 г., 1076 г., Архангельское евангелие 1092 г., Сентябрьская миная 1095 г. (подавляющее большинство случаев), Октябрьская миная 1096 г. (обычное окончание), Пандекты Антиоха XI в. [*градноу́моу* (276), ср. также особые орфографические написания: *просащомоу* (29об.), *сѣпадѣшоу́моу* (97об.)], XIII слов Григория Богослова, Евгеньевская Псалтырь, Толстовская псалтырь, Златоструй XII в., Ярославский список Пандектов Никона Черногорца XII—XIII вв. и т. д. — в оригинальных памятниках той поры: в *Сказании о Борисе и Глебе* и в *Житии Феодосия Печерского* (по Успенскому сборнику XII в.);

г) формы на *-омоу*: Изб. Святослава 1073 г. (довольно часто), Изб. 1076 г., Архангельское евангелие (главным образом в первом почерке, там же — контамированная форма, примеры см. ниже), Октябрьская Миная 1096 г. (редко), Ноябрьская Миная 1097 г. (сравнительно часто²⁹), Ефремовская Кормчая XII в., Златоструй XII в. (ряд форм переправлен на месте форм с *-оу́моу* — высокоблены лишние буквы: *алчно(уоу)моу* (32б), *чѣстно(уоу)моу* и *чисто(уоу)моу* (44г), *животъно(уоу)моу* (183б), *невѣдоуощо(уоу)моу* (184в), *хотащо(уоу)моу* (191а), а также *жестокомоу* (16в); в оригинальных: в *Сказании о Борисе и Глебе*, в *Житии Феодосия Печерского* (Успенский сб. XII в.) и т. д.

Особые образования: Сб. Святослава 1073 г.: *прѣчистоомоу* (22 об. а), *влашшеоу́моу* (13 об. б); Арх. ев. 1092 г.: *просащеомоу* (24 об.), *рече*

²³ Г. А. Ильинский, Слепченский апостол XII века, М., 1912, стр. LXXX—LXXXII.

²⁴ С. М. Кульбакин, Софийский синодик в новом издании и характеристика, ИОРЯС, т. IV, кн. 3, СПб., 1899, стр. 1029.

²⁵ С. М. Кульбакин, Заметки о языке и правописании Волканова евангелия, ИОРЯС, т. III, кн. 4, СПб., 1898, стр. 1154. — Другие примеры см. в кн.: Ф. Миклошич, Сравнительная морфология славянских языков, вып. 1, М., 1884, стр. 75.

²⁶ См. М. Сперанский, Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы, «Slavia», VII, 3, Praha, 1928, стр. 523.

²⁷ М. И. Карнеева, Язык служебной мины 1095 г., РФВ, т. 78, Казань, 1918, стр. 42.

²⁸ М. М. Козловский, О языке Остромирова евангелия, стр. 63 (в сб. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895).

²⁹ С. П. Обнорский, Исследование о языке мины за ноябрь 1097 г., ИОРЯС, т. XXIX, Л., 1925, стр. 225.

моужеви и моущеомоу (51 об.) (в том же почерке встречаются и формы на *-омоу*); Евгеньевская псалтырь XI в.: *молащоомоу* (19в 1)³⁰, *житеискоуомоу*³¹; Ефремовская Кормчая XII в.: *теплоомоу* (614—15), *доброомоу* (615—27, 626—22) (в этой же части рукописи встречаются формы на *-омоу*); Житие Феод. Печерского: *пропѣльно|оумоу* (56; правда, конец строки не показателен); Мстиславово евангелие (разнообразные формы): *новъгородскоуомоу* (213; запись), *слѣпоумоу* (12д), *дрѣгоомоу* (36б), *първоомоу* (49), *распѧтоомоу* (162), *бгъмъ чьстимоомоу* (213, запись), *христолюбиошомоу* (213, запись); Поучение Петра о пасте (XII—XIII вв.): *члакоу вѣровавъшемоу*³²; Ярославский список Пандектов Никона Черногорца XII—XIII вв.: *рѣчешемоу* (169об.), *хотающомоу* (176), *миръскошомоу* (199об.); Праздничная минея XI—XII в.: *божественноомоу* (36об.), *гвленоомоу* (36б)³³. Стихирь XIV в. из собрания Буслаева: *сущеомоу*³⁴.

Приведенные особые формы дат. падежа ед. числа муж.-средн. рода членных прилагательных на *-оомоу* нисколько не свидетельствуют в пользу мнения Фортунатова, которое не подтверждается и относительной хронологией появления форм на *-оомоу* и *-омоу* в старославянских и среднеболгарских памятниках. Так, в древнейших памятниках старославянской письменности, хотя и очень редко, встречаются формы на *-ого* и на *-омоу*, например: *елѣ живого сѫща* (Саввина книга 56 л.), *благовѣрномоу* (Ассеманиев. еванг., в Календаре) и другие³⁵. Между тем форм на *-оомоу* в этих памятниках мы не находим. Единственным исключением в старославянских текстах старшего периода является единичная форма *слѣпоумоу* в Мариинском евангелии, которая едва ли говорит в пользу мнения Фортунатова: это скорее всего описка, возможная в связи с тем, что графический элемент глаголического *о* (ꙗ) входит в состав глаголической буквы *оу* (ꙙ), а сами составные элементы буквы *оу* (ꙙ-) в известной мере повторяются. Иначе говоря, мы имеем здесь написание ꙙꙙ- (*ооу*) вместо ꙙ-ꙙ- (*оуоу*) с пропуском второго элемента в первой букве *оу* (ꙙ-) или же, если предполагать стяженную форму прилагательного, повторение первого элемента *о* (ꙗ), в букве *оу* (ꙙ-).

Формы дательного падежа на *-оомоу* впервые появляются позже, в памятниках среднеболгарского языка, когда в живом языке уже было распространено окончание *-ому*, и потому должны рассматриваться как результат искусственной контаминации новых форм на *-ому* и книжных, архаических па *-оуомоу*, *-оукмоу*, утраченных в живом языке.

Сложнее объяснить аналогичные формы в древнерусской письменности. Высказывалось предположение, что они проникли в древнерусские памятники из старославянских оригиналов. Однако это предположение опровергается следующими фактами. Известно, что формы на *-оомоу* встречаются в поздних памятниках южнославянской письменности, именно в памятниках среднеболгарского языка: в Слепчен-

³⁰ В издании И. И. Срезневского ошибочно: *молащѣмоу* («Древние памятники русской письменности и языка», СПб., 1863, стр. 163б; см. Н. П. Грикова. Евгеньевская псалтырь как памятник русской письменности XI в., ИОРЯС, т. XXIX, Л., 1925, стр. 292).

³¹ Ср.: А. Х. Востоков, Филологические наблюдения, СПб., 1865, стр. 138.

³² Е. В. Петухов, Материалы и заметки из истории древней русской письменности, ИОРЯС, т. IX, кн. 4, СПб., 1904, стр. 152.

³³ И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 89.

³⁴ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. Этимология, 5-е изд., М., 1881, стр. 258.

³⁵ Свод форм см. в кн.: Р. Diels, Altkirchenslavische Grammatik, t. I., Heidelberg, 1932, § 86, примеч. 5, 6.

ском апостоле, Тырновском евангелии, в сочинениях Иоанна Экзарха Болгарского и т. п., т. е. не раньше конца XII в., а скорее всего в XIII в. и позже, между тем как в русских памятниках подобные формы появляются раньше, почти в середине XI века. Первый случай употребления окончания *-оомоу* в датированных памятниках отмечен в Изборнике Святослава 1073 г. Необходимо отметить и тот факт, что рассматриваемые формы встречаются в ряде случаев в оригинальных текстах, составленных древнерусскими писцами (например, запись писца Мстиславова евангелия), в отношении которых нельзя говорить о влиянии южнославянских оригиналов. Формы на *-оомоу* в древнерусских памятниках — явление довольно редкое, и предполагать, что в употреблении их установилась определенная традиция, которая могла бы повлиять на орфографическую манеру писцов, трудно. Все это говорит о том, что древнерусские формы дательного падежа прилагательных на *-оомоу* возникли самостоятельным путем, независимо от параллельных южнославянских форм и представляют собой, как и в среднеболгарской письменности, искусственные образования, возникшие на русской почве в результате контаминации форм на *-омоу*, которые уже существовали к тому времени в живом русском языке, и архаических форм на *-оуому* (*-оумоу*), хорошо известных древнерусским писцам.

Заметим, что в некоторых древнерусских памятниках дательный падеж на *-оомоу* употребляется только в тех частях рукописи, в которых параллельно используются формы на *-омоу*, и не встречается в тех частях, в которых окончание *-омоу* не представлено. Эта особенность характерна, например, для Архангельского евангелия 1092 г., Ефремовской Кормчей XII в. Этот факт можно объяснить только тем, что одни писцы строго придерживались старославянских оригиналов и сохраняли только архаические образования, другие были в этом отношении менее последовательны и могли отступать от старославянских оригиналов, заменяя архаические формы формами живого языка на *-омоу* или создавая искусственные формы на *-оомоу*.

Однако остается непонятным, почему особые образования встречаются только в дательном падеже, почему, например, наряду с образованиями на *-оомоу*, *-оуому*, *-оумоу* мы не встречаем аналогичных форм, например, родительного падежа на *-оого*³⁶ и т. п. Это, нам кажется, можно объяснить тем, что утрата ряда старых падежных форм членных прилагательных, возникших закономерно фонетическим путем в результате выпадения интервокального *i*, ассимиляции и стяжения гласных (т. е. форм на *-аго*, *-оумоу*, *-бъмъ* и т. д.), и замена их формами, аналогичными местоименным, произошла неодновременно: раньше возник дательный падеж на *-омоу* вместо старого на *-оумоу*, позже произошло изменение окончаний родительного падежа *-аго* на *-ого* и в местном падеже *-бъмъ* на *-омъ*. Правда, в старославянских памятниках мы не находим надежных свидетельств в пользу этого предположения ввиду крайне ограниченного числа случаев употребления форм на *-ого*, *-омоу* (хотя нельзя не отметить тот факт, что в старославянских памятниках при нескольких случаях с *-омоу* отмечен лишь один случай с *-ого*).

Более достоверные данные дают среднеболгарские памятники и некоторые болгарские говоры. Эти данные достаточно убедительно анали-

³⁶ Правда, такие формы представлены, например, в Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского 1263 г. (сербский список): *васкошего* (А. Горский и К. Невоструев, указ. соч., стр. 30); в записи писца древнесербского Паремейника Лобкова 1294—1320 г.: *грѣшнаого* (И. И. Срезневский, Древние славянские памятники юсowego письма, СПб., 1868, стр. 224). Однако эти примеры встречаются очень редко, в виде исключений, и притом в сравнительно поздних памятниках; их следует рассматривать как искусственные новообразования более позднего происхождения, чем формы на *-оомоу*.

зирует В. И. Щепкин в своем исследовании о языке Болонской псалтыри³⁷, доказывая факт постепенного распространения падежных окончаний неличных местоимений в членном склонении прилагательных.

Вероятно, аналогичное положение было и в древнерусском языке. Искусственные формы, представленные лишь в дательном падеже, могли возникнуть на почве древнерусского письменного языка, вероятно потому, что соответствующие падежные формы старославянских оригиналов воспринимались в качестве необычных архаизмов, книжных образований, поскольку в живом языке были другие формы. Но так как указанные искусственные образования представлены в определенном падеже (дательный единственного числа мужского рода) и не встречаются в других падежах, то можно предполагать, что одни формы прилагательных старославянских оригиналов воспринимались как книжные, вышедшие из живого языка образования, а другие — как нормальные образования, ничем не отличавшиеся от форм живого русского языка; первые могли переделываться по образцу живых народных форм, вторые, совпадая с формами живого языка, не подвергались никаким изменениям.

О книжном характере форм на *-омоу* особенно ярко свидетельствуют примеры в записи писца Мстиславова евангелия 1117 г., где в сравнительно небольшом тексте встречаются совершенно различные образования с окончаниями *-омоу*, *-оумоу*, *-уюмоу*. Это указывает на то, что тут мы имеем дело не с закономерным фонетическим процессом и не с фактом усвоения писцом устоявшейся орфографической нормы, а с самостоятельным творчеством писца, который стремился выдержать книжный стиль речи, не отходя вместе с тем от норм живого языка, и испытывал колебания в самом способе производства нестяженной формы дательного падежа. Что же касается форм родительного падежа на *-оого* или *-аого*, то для их возникновения не было причин и условий, так как формы на *-ааго* и тем более на *-аго* не воспринимались как чуждые русскому языку XI в., а формы на *-ого* в живом языке еще не распространились.

О неодновременности действия грамматической аналогии при замене старых форм прилагательными местоименными свидетельствуют данные древнерусских памятников. В то время как уже в XI в. мы имеем целый ряд случаев употребления окончания *-омоу* в дательном падеже, в родительном падеже при громадном числе случаев употребления старых форм мы не встречаем ни одного случая с *-ого*³⁸. Только влиянием старославянских оригиналов этот факт едва ли можно объяснить. Воздействие живой речи писцов отчетливо сказывается уже в Остромировом евангелии и других древнейших памятниках русской письменности XI в. (например, отражение изменений *ø→i*, *ɛ→'a*; употребление окончания *-ть* вместо *-тъ* в 3-ем лице ед. и мн. числа глаголов; употребление *-ъмь* вместо старославянского *-омъ* в именном склонении и т. д.).

Специального рассмотрения заслуживают формы членных прилагательных в западнославянских языках, и прежде всего формы родительного и дательного падежей на *-ego*, *-eti* в польском языке и на *-ēho*, *-ēti* в чешском. Относительно истории образования этих форм мнения расходятся. Однако, большинство ученых, в противоположность Соболевскому и Шкрабцу (см. выше), считает, что эти формы образовались на месте общеславянских форм, представлявших собой, как и формы других падежей, сочетания имени и местоимения в соответствующих падежах. В дальнейшем изменении общеславянских форм на почве

³⁷ См. В. Н. Щепкин, *указ. соч.*, стр. 222.

³⁸ Свидетельство А. Розенфельда (РФВ, XLI, стр. 188) о формах на *-ого* в Изб. Свят. 1073 г. (златоустого 123, 124 об.) является ошибочным.

западнославянских языков значительную роль играла ассимиляция звуков, однако относительно характера этой ассимиляции, ее направления и ее морфологических последствий суждения высказываются различные.

Подробное фонетическое истолкование западнославянских (польских) форм на *-ego*, *-etu* в сравнении со старославянскими на *-аго*–*ому* дал Бодуэн де Куртене³⁹. По его мнению, и те и другие формы имеют своим непосредственным источником старые общеславянские образования на *-ajego* и *-iјetu*. Разные результаты получились в связи с различными акцентуативными отношениями: в старославянском языке местоимение-член было энклитикой, ударение падало на окончание именной части падежных форм прилагательных: *dobra'-iego*, *dobru'-etu*. Поэтому произошло уподобление безударного *-e-* ударному *-a'*, *-u'* и возникли формы *dobra'ago*, *dobru'umu* → *dobrago*, *dobrumu*. В польском языке, наоборот, местоимение долго чувствовалось самостоятельным словом и имело свое ударение: *do'bra-je'go*, *do'bru-je'tu* и т. д.; получилось уподобление *-a-*, *-i-* звуку *-e-* и появились польские формы *dobre'go*, *dobre'tu*; так же образовались *mego*, *tetu*, современное *mego*, *tetu* из старых *moje'go*, *moje'tu*.

Теорию Бодуэна де Куртене подверг критике С. Кульбакин⁴⁰. Целиком разделяя мнение А. Шахматова о различии общеславянских *i* и *j*⁴¹, С. Кульбакин указывал, что в формах *do'bra-je'go*, *do'bru-je'tu* *-j-*, находясь перед ударяемым *-e'-*, не выпадал и стяженные формы не могли получиться. Для стяжения *āje* → *e* следует предположить другое ударение: *dobra'-iego*. Но даже и в этом случае все же остается непонятным, почему *aie* в **čita'ješ* изменилось в *ā(čitāš)*, а *aje* в *dobra'iego* — в *e(dobrēho)*. Кульбакин присоединяется к точке зрения Лескина⁴², согласно которой в обеих формах (*dobra'iego* и *čita'ješ*) первоначально получилась *ā* (**dобрāgo*, **čitāš*), а потом, под влиянием местоименных форм (*jego*, *jetu*), формы прилагательных заменили *-ā-* на *e-*, сохранив при этом долготу старых фонетических форм.

Еще раньше Кульбакина Я. Гебауер⁴³ выступал против фонетического объяснения форм на *ého*, *-éti* чешского языка. Он указывал, что при обычном чешском стяжении *aie* → *ā* остается совершенно непонятным долгое *e* в падежных окончаниях прилагательных. Гебауер предпочитал давать морфологическое объяснение. Он предполагал, что по аналогии с формой им. падежа ед. числа средн. рода *dobré* в род. и дат. падежах муж.-средн. рода параллельно с *dobrajego*, *dobrjetu* возникли формы *dobrégo*, *debrému*, которые впоследствии постепенно вытеснили архаические нестяженные образования. Это объяснение едва ли правдоподобно, так как слишком различна структура форм *dohr-a-jego* и *dohr-e*, чтобы могло иметь место уподобление этих форм. Форма *dobrajego* еще представляла собой словосочетание (хотя и устойчивое), поэтому форма *dobré* могла влиять лишь на первый компонент этого словосочетания. Иначе говоря, если бы в этой морфологической паре аналогия имела место, то мы ожидали бы форму *dobre-jego*, а не *dobrégo*.

³⁹ И. Бодуэн де Куртенэ, О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870, стр. 58. — См. также изложенную выше спорную и малоубедительную теорию Ф. Фортунатова.

⁴⁰ С. Кульбакин, К истории и диалектологии польского языка, Сб. ОРЯС, т. LXXIII, № 4, СПб., 1903, стр. 144—148.

⁴¹ Ср. объяснение Шахматовым стяженных и нестяженных форм в чешском языке (А. Шахматов [рец. на кн.] J. Gebaueger. «Historická mluvnice jazyka českého». Отчет о присуждении премий проф. А. Котляревского в 1898 г., Сб. ОРЯС, т. LXVI, СПб., 1900, стр. 74).

⁴² С. Кульбакин, указ. соч., стр. 145.

⁴³ J. Gebaueger, Historická mluvnice jazyka českého, III, 1, v Praze a ve Vídni 1896, стр. 534—535.

Как видно из вышеизложенного, самым трудным вопросом при объяснении форм членных прилагательных в западнославянских языках является вопрос о направлении ассимиляции гласных звуков, входивших в состав падежных окончаний. По данному вопросу, нам кажется, наиболее правильное решение предложили Лескин и Кульбакин. Есть основания предполагать, что по крайней мере в древнечешском языке ассимиляция совершилась в том же направлении, что и в старославянском, т. е. была прогрессивной, и на месте старых нестяженных падежных форм *dobrajego*, *dobrujemu*, *dobrějеть* возникали первоначально стяженные: *dobrago*, *dobraru*, *dobrěť*. В пользу этого предположения свидетельствуют формы местн. пад. ед. числа муж.-средн. рода прилагательных в памятниках чешского языка типа *dobříem* (при параллельных и генетически более поздних *dobrěm*)⁴⁴, которые возникли в результате прогрессивной ассимиляции звуков.

Аналогичный фонетический процесс, вероятно, был и в родительном и дательном падежах, поскольку там морфологические и фонетические (в частности, акцентологические) условия были те же самые. Правда, непосредственных свидетельств образования форм *dobrago*, *dobraru* мы в древнечешской письменности не имеем, потому что они несколько раньше вышли из употребления в живом языке, заменившись соответствующими формами с окончаниями местоимений. В старочешском, как и в древнеболгарском и в древнерусском, замена старых стяженных форм прилагательных местоименными протекала неодновременно: в родительном и дательном падежах она совершилась раньше, еще в дописьменный период, в местном падеже — позднее, в период, от которого до нас дошли письменные памятники.

Несколько труднее доказать прогрессивную ассимиляцию звуков в указанных формах в древнепольском языке, поскольку никаких следов существования форм **dobrago*, **dobraru*, **dobrěť* в древнепольских письменных памятниках не найдено, а написания типа *dobrégo*, *dobrému*, *dobrěm* отражают собой более поздние образования (ё в окончании -ět нельзя возводить к ё). Однако, учитывая факт значительной близости польского и чешского языков, особенно в древний период, и общие тенденции в их развитии (хотя по ряду признаков они входят в различные группы западнославянских языков), — следует, нам кажется, предполагать, что формы типа *dobrago*, *dobraru* и *dobrěť* существовали и в древнепольском языке.

Важнейшим фонетическим условием при образовании таких форм в западнославянских языках следует считать нефиксированное ударение, при котором в именной форме определенной группы прилагательных ударяемым могло быть окончание; иначе говоря, рассматриваемые формы могли скорее возникнуть на месте старых форм *dobra'-jego*, *dobru'-jemu*, *dobrě'-jetъ'*⁴⁵, чем вместо тех форм, которые предполагал Бодуэн де Куртене: *do'bra-je'go*, *do'brě-je'tъ*.

Таким образом, встает вопрос об относительной хронологии в западнославянских языках ассимиляции (и стяжения) звуков и установления постоянного ударения. Есть основания предполагать, что процесс ассимиляции и стяжения звуков в членных прилагательных произошел еще в тот период, когда в западнославянских языках ударение было свободным. Как показывает история ряда славянских языков, образование стяженных форм членных прилагательных и последующая их замена формами местоименными совершилась сравнительно рано. Так, в старославянском, древнерусском и древнесербском языках этот про-

⁴⁴ Свод примеров см. J. Гебаце́г, указ. соч., стр. 543.

⁴⁵ В местном падеже *dobrějetъ'* было, вероятно, в древнейший период ударение * *dobrě' jetъ'*: ср. литовский местный падеж местоимения *jis — jamē*.

цесс находит свое отражение в памятниках X, XI, XII вв. Что же касается западнославянских языков, то хотя непосредственных свидетельств указанного процесса для ранней эпохи мы не имеем, однако у нас нет оснований предполагать, что это изменение там совершилось позже. Славянские языки, особенно в их древнейшем состоянии, имели ряд общих тенденций в развитии их фонетики и грамматического строя. Следует учесть также, что в ряде славянских языков рассматриваемое явление протекало параллельно и независимо друг от друга примерно в одно и то же время (разница в полстолетие и даже в столетие не столь существенна в данном случае). С другой стороны, как указывают исследователи польского языка, например, такой авторитетный специалист в области славянской акцентологии, как Т. Лер-Славинский⁴⁶, в польском языке еще в XII в. ударение было свободным.

То же самое можно сказать и в отношении чешских форм. Дополнительным свидетельством могут служить древнечешские формы местного падежа мужского рода типа *dolřitem*. Эти формы, видимо, указывают на то, что в нестяженном прилагательном ударение было на окончании именной части *dobrě'* и что звук *ě*, находясь в ударяемом слоге, уподоблял себе последующий гласный *e*: *dobrě'-jеть* → *dobrě-ěть* → *dobrěěть* → *dobrěть*.

Известные трудности возникают и при объяснении падежных форм прилагательных в штокавском диалекте сербскохорватского языка. Так как в нем имело место передвижение ударения на один слог к началу слова, то в связи с этим окончания именной части прилагательного были всегда безударными, а гласный начального слога в местоименной части (*je'go*, *je'mi*) всегда находился под ударением (основным или второстепенным). Поэтому мы с большим правом могли бы ожидать регressiveвой ассимиляции звуков, а значит и появления форм **dobregə*, **dobrētu*, **dobrēm*. Здесь опять возникает вопрос об относительной хронологии ассимиляции и стяжения гласных в составе падежных окончаний прилагательных и передвижения ударения в штокавских говорах. То, что ассимиляция и стяжение гласных произошли в сербскохорватском языке рано, до XII в., не вызывает сомнения. Спорным является проблема ударения. По данному вопросу, нам кажется, правильные суждения высказали Х. Шельд⁴⁷ и Ван-Вейк⁴⁸, которые, в противоположность В. Вондраку⁴⁹, относившему это явление к прасербскому периоду, считали, что передвижение ударения в штокавских говорах имело место сравнительно поздно, примерно с XIV в.⁵⁰.

Другим фонетическим условием, которое, по мнению Шахматова, а вслед за ним Кульбакина, сыграло роль в процессе образования стяженных форм прилагательных, был характер звука в интервокальном положении: *j* или *i*. Нам, однако, представляется, что установленный Шахматовым закон о произношении *j* (и *i*) в положении перед ударяемым (и безударным) гласным не имел абсолютного характера. Известны факты, когда в положении перед ударяемым гласным произносится *i*.

⁴⁶ См.: K. Klemensiewicz, T. Lehr-Sławiński, S. Urbańczyk, Gramatyka historyczna języka polskiego, Warszawa, 1955, 1955, str. 65.

⁴⁷ Hannes Sköld, Zur Chronologie der stokavischen Akzentverschiebung, Lund, 1922, str. 50—51.

⁴⁸ N. van-Wijk. Reцензия на вышеуказанную работу Шельда, «Slavia», ročn. II, seš. 2—3, Praha, 1923, str. 450—452.

⁴⁹ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Göttingen, 1906, Bd. I, str. 189.

⁵⁰ Мы не касаемся работы F. Liewehr'a «Zur Chronologie des serbo-kroatischen Akzents» (Prag, 1927), потому что она оказалась нам недоступной. Правда, судя по рецензии А. Белича (Южнославенский филолог, VI, Белград, 1926, стр. 232—233), автор исследования занимается главным образом не передвижением ударения (Akzentverschiebung), а проблемами метатонии.

(а не *j*): ср. данные современного польского языка, а также ослабление других звуков перед гласным под ударением в русских говорах: *погодъ > погодъ > погодъ*⁵¹.

Интересные данные относительно произношения *i* и *j* в сербских говорах приводит О. Брок⁵². Он указывает, что в зависимости от различных факторов, в частности в зависимости от темпа речи, в различных фонетических позициях (*i* перед безударным и перед ударяемым гласным) может произноситься и выпадать как *i*, так и *j*. Можно предполагать, что и в древнейший период развития славянских, в том числе западнославянских языков, в положении перед ударяемым гласным вместо *j* могло произноситься *i* неслогоное, которое утрачивалось, как и *i*, находившееся в других фонетических позициях⁵³.

Однако независимо от того, какой звук произносился в интервокальном положении, — это не могло играть существенной роли в процессе образования стяженных форм прилагательных, так как *i* и *j* с фонологической точки зрения четко не разграничивались. Кроме того, важно отметить, что они были близки по образованию. Ввиду всего этого, нам кажется, есть основания полагать, что в интервокальном положении в составе окончаний членных прилагательных могли выпадать и *i* и *j*, и, таким образом, никаких препятствий фонетического характера при ассимиляции и стяжении гласных звуков в рассматриваемых формах не было, как бы эта форма ни звучала: *dobra'-iego'* или *do'bra-je'go'*.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Образование стяженных форм род., дат. и местн. падежей муж.-средн. рода прилагательных во всех славянских языках происходило одинаково в результате прогрессивной ассимиляции и стяжения гласных звуков в составе падежных окончаний.

2. Стяженные формы образовывались в тот период, когда во всех славянских языках было подвижное ударение и когда в языке западных славян не установилось фиксированное ударение, а в штокавских говорах сербскохорватского языка еще не было отодвижения акцента ближе к началу слова.

3. Во всех славянских языковых группах первоначально фонетически возникли формы: род. падеж **dobrāgo*, дат. падеж **dobrāti*, местн. падеж **dobrētm̄*.

В дальнейшей судьбе возникших стяженных форм сыграли известную роль факторы морфологические. Еще в доисторический период началось взаимное влияние друг на друга знаменательных прилагательных (и причастий) и местоименных прилагательных, причем в некоторых языках (например, в чешском, польском) эти взаимно влияющие слова втягивали в свою орбиту и существительные: ср. чешск. род пад. *Jiřího*, дат. пад. *Jiříti*, местн. пад. *Jiřím*⁵⁴ и т. д. и аналогичные польские формы. На оформление типов склонения этих категорий слов действовали два фактора: во-первых, сходство грамматического значения или точнее, сходство синтаксического употребления (все они были словами атрибутивными, стоящими часто рядом при одном определяющем); во-вторых, внешнее сходство основ и аналогичное строение окон-

51 С. П. Обнорский, Заметки по русской диалектологии. 2. Исчезновение *đ* между гласными, «Slavia», гоśc. XI, seš. 1—2, 1932, стр. 43 и след.

52 О. Брок, Об исчезновении междугласного *i*, *j*, РФВ, т. 48, 1902, стр. 134 и след.

53 Заметим, что и сам Шахматов колебался в отношении к установленному им закону и впоследствии приходил к прямо противоположным выводам. См. А. А. Шахматов, К вопросу о различении иота и неслогоового *i* в истории славянских языков, РФВ, т. L, 1903, стр. 178—179.

54 См. А. М. Селищев, Славянское языкознание, I. М., 1941, стр. 139—140.

чаний: в большинстве падежей они были двухсложными и в прилагательных, и в местоимениях. Ср.:

	Муж.-средн. род	Жен. род	Средн. род
Ед. ч. И.	<i>dobr-ujъ t-ъ</i>	<i>dobr-aja t-a</i>	<i>dobr-oje t-o</i>
Р.	<i>dobr-ago t-ogo</i>	<i>dobr-yjē t-ojē</i>	
Д.	<i>dobr-umi t-omi</i>	<i>dobr-ěji t-oji</i>	
В.	<i>dobr-ujъ t-ъ</i>	<i>dobr-qjø t-ø</i>	
Т.	<i>dobr-umъ t-ětъ</i>	<i>dobr-ojø t-tojø</i>	
М.	<i>dobr-ětъ t-omъ</i>	<i>dobr-ěji t-oji</i>	

В дальнейшем под влиянием общей тенденции выравнивания различных морфем (при условии сходства грамматического значения слов и однотипности морфем) происходило выравнивание окончаний. Оно коснулось прежде всего форм род.-дат.-местн. падежей ед. числа всех родов, где были и общие основы на согласный и разносложные окончания, и одинаковые вторые части (-go, -ti, -tъ, -jē, -ji) в этих окончаниях. Так, в восточнославянских и южнославянских языках возникли формы: русск. — *доброго, доброму, добромъ*; в жен. роде — *добрѣк* (вместо *добрая*), *доброи*. В твор. падеже ед. числа муж.-средн. рода появления формы *dobrětъ* под влиянием *tětъ* не произошло, видимо, потому, что старая форма *dobrytъ* поддерживалась формами множественного числа, где был опорный гласный в окончаниях *у(ы)*: *dobrychъ, dobrytъ, dobrymi*⁵⁵.

То, что здесь был процесс морфологический, а не фонетический, как думает А. Соболевский, Ф. Фортунатов и другие, доказывается и дальнейшей историей этих слов в русском языке. Процесс обобщения окончаний коснулся и других падежей. Под влиянием прилагательных в русском языке появились засвидетельствованные и в памятниках⁵⁶, и в говорах формы *тыи, тая, тою, тую* (обратного влияния не могло быть, потому что возникшие под влиянием *tъ, ta, to, tu* формы *добры, добра, добру* совпадали бы с исконными именными формами).

Такой же примерно процесс протекал и в сербском языке: сербск. *dobrđa, dobrđmu* возникли под влиянием *toga, тому*, сохранив при этом долготу гласных старых стяженных форм; возможно, они появились под влиянием *mđga, tвđga, свđga* из *tòđego, tvòđego, svòđego*,ср. чакавск. *tòđegi, tòđeti* при *tojegâ, tojetî*⁵⁷.

Иначе объясняются изменения прилагательных в западнославянских языках. Так, польские формы *dobrego, dobremu* при параллельных *tego, temi*, а также чешские *dobrého, dobrému, dobrém* при *toho, tomu, tom* нельзя объяснить влиянием величных местоимений с твердой основой. Исходным моментом в процессе изменений прилагательных в западнославянских языках было влияние местоимений с мягкой основой. Однако при рассмотрении проблемы взаимодействия между прилагательными и местоимениями в западнославянских языках возникают частные вопросы, которых мы, в виду ограниченных рамок статьи, касаться не будем. По тем же причинам мы оставляем в стороне проблемы акцентологические (ср. русск. *доброго, молодого, тогъ, Дурновъ*). Рассмотрение этих вопросов и посвященной им научной литературы должно стать предметом особой статьи.

⁵⁵ Но ср. процесс выравнивания окончаний местоимений и прилагательных, например, в польском языке: *tym, dobrym*.

⁵⁶ Ср. примеры в кн.: И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 121—123.

⁵⁷ С. Кульбакин, указ. соч., стр. 147.

Л. П. Жуковская

О ПЕРЕВОДАХ ЕВАНГЕЛИЯ НА СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И О «ДРЕВНЕРУССКОЙ РЕДАКЦИИ» СЛАВЯНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Уже более ста лет ученые различных стран, преимущественно славянских, то более, то менее пристально изучают язык и особенно лексику евангелия — первого перевода на славянский язык. Интерес исследователей к этому материалу понятен. Известно, что древнейшие списки евангелия указывают на отсутствие единства их словаря. Лексические особенности, в отличие от фонетических и грамматических, в большей степени связаны с разными редакциями или переводами и потому помогают установлению частей текста и списков различных редакций, а также определению времени и места проведения того или иного сознательного исправления (редактирования) текстов или их нового перевода. Исследование языка рукописей евангелия, написанных в разное время, но восходящих к определенным редакциям или переводам, и даже изучение, если бы это было возможно, в всех сохранившихся списках каждой редакции и каждого перевода в отдельности в настоящее время представляется весьма целесообразным: выявление различных сторон языка первого перевода определенных чтений евангелия, такое же изучение языка второго перевода, дополнявшего эти чтения, и, если будет доказано существование третьего, то и — третьего позволит впоследствии определить черты языка, свойственные каждому переводу. После выявления языковых фактов, характерных для каждого перевода, станет возможным исследование особенностей языка отдельных редакций.

Дальнейшее изучение языка каждого перевода и каждой редакции позволит локализовать определенные языковые факты во времени и территориально. Это даст новый материал для истории славянских языков древнейшего периода. Знание фактов, характеризующих язык определенных ранних переводов и редакций, позволит выявить черты письма и языка, возникшие в позднейших изводах¹, что сделает возможным

¹ Особенности извода, в отличие от особенностей редакции, появляются в памятниках письменности постепенно вследствие более или менее длительного бытования этих памятников на определенной языковой территории. Памятниками русского извода являются, например, списки евангелия, бытавшие на Руси непосредственно перед вторым южнославянским влиянием. Но не только они. Памятником русского извода правильно считается уже Остромирово евангелие 1056—1057 гг., которое, с нашей точки зрения, представляет собой результат многократной переписки евангелия писцами — восточными славянами в своей языковой среде и отделено многими промежуточными списками от восточноболгарского первоискона

охарактеризовать отдельные славянские языки и диалекты на следующем этапе их развития. Так, предварительно проведенное текстологическое исследование может помочь лингвистам выявить по памятникам, которые в настоящее время представляются изученными с точки зрения языка более или менее исчерпывающе, фонетические и грамматические процессы, протекавшие во многих древних славянских диалектах, установить относительную и, что особенно важно, абсолютную хронологию некоторых языковых явлений, осветить вопрос о степени близости славянских наречий в доисторический период и в эпоху первых памятников.

* * *

Передача разными словами одного и того же понятия в определенных чтениях не только в разных списках евангелия, но часто и в разных частях одного и того же древнего списка (если чтения повторяются) давно обратила на себя внимание исследователей. Так, А. Х. Востоков и И. Добровский объясняли появление различий в словаре тем, что переписчики древних памятников заменяли слова, непонятные народу, для которого они писали, словами понятными. П. Шафарик считал слова, специфические для глаголических памятников, более древними, а другие слова, соответствующие им по значению и употреблявшиеся в тех же самых случаях в кириллических памятниках, — более новыми. Первым, кто связал лексические особенности древних памятников с особыми переводами, был О. Новицкий². Так, он предположил три перевода канонических памятников: кирилловский, мефодиевский и позднейший — XIII—XIV вв.³. В. Ягич, который вначале противопоставлял, как и П. Шафарик, лексику глаголических и кириллических памятников, вследствии стал связывать первичность и вторичность тех или иных словарных соответствий с принадлежностью их чтениям апракоса или собственно тетровым частям, не входившим в апракос. Г. А. Воскресенский, изучивший огромное количество славянских списков евангелия (112) и апостола (57), видел причину лексических различий в разных редакциях, которым были подвергнуты древние тексты. И. Е. Евсеев, В. Погорелов и А. В. Михайлов, исследовавшие не собственно старославянские памятники, а преимущественно ветхозаветные тексты, сохранившиеся в сравнительно поздних списках, видели более новый пласт лексики в толковых или полных редакциях древнейших списков канонических памятников, в отличие от кратких редакций, в которых представлена лексика более ранних переводов. В последнее время внимание ученых вновь обращено главным образом на древнейшие списки. Так, преимущественно старославянские списки евангелия, дошедшие до нас в составе кратких апракосов и тетров, рассматриваются в недавно изданном капитальном труде К. Горалека⁴.

редакции, к которой оно восходит. Особенности графики и орфографии (например, употребление букв *ж*, *иж*, написание *ѹ* на месте этимологического *ѹ* и, наоборот *ж* на месте *и*, написание *ж* вместо *жд* на месте этимологических сочетаний *dj*, преобладание написания букв *ъ*, *ѣ* перед буквами *ѹ*, *ѧ* на месте доисторических сочетаний *tъrt*, *tъrt*, *tъlt*, *tъlt*) говорят не только о сложившейся отчетливо выраженной орфографической традиции восточнославянского письма, но и о значительном числе промежуточных списков евангелия, в которых проводились эти орфографические нормы.

² О. Новицкий, О первоначальном переводе священного писания на славянский язык, Киев, 1837.

³ Датировка О. Новицким третьего перевода XIII—XIV веками объясняется, очевидно, самим материалом, который был 120 лет назад в его распоряжении: самые ранние евангелия и апостол, представлявшие, с точки зрения О. Новицкого, третий перевод, были списками XIII в.

⁴ K. H o g á l e k, Evangeliáře a čtveroevangelia, Praha, 1954.

Лексике первого перевода сравнительно с лексикой следующих по времени памятников, из числа собственно старославянских рукописей, посвящены в последние годы статьи А. С. Львова.

Вопросом об отношении славянского евангелия к греческому, тоже очень важным для суждения о лексических различиях в древних памятниках, и главное, о редакциях и переводах их, много занимались В. Янич, М. Н. Сперанский, Э. Бернекер, В. Погорелов, И. Вайс, К. Горалек и другие ученые. В настоящее время можно считать установленным, что составление греческого тетраевангелия предшествовало греческому апракосу, а на славянской почве, наоборот, перевод апракоса предшествовал переводу тетраевангелия.

Указанные ученые и некоторые другие достигли больших успехов в исследовании словаря и текста славянского евангелия. Но нужно отметить, что до сих пор еще остается неясным целый ряд вопросов, разрешение которых чрезвычайно актуально для истории славянской письменности и особенно истории древнейшего периода развития самих славянских языков и диалектов. Так, до сих пор не только не установлен перечень чтений, которые входили в первый перевод⁵, но даже не определено, был ли первый апракос кратким или полным, т. е. содержал ли он чтения на простые дни недели (с понедельника по пятницу включительно) в летне-осенний период (в недели, когда читаются преимущественно евангелия от Матфея и от Луки), или в первом переводе апракоса в этой части годового цикла содержались только субботние и воскресные (недельные) чтения. В работах нерусских ученых этот апракос до последнего времени назывался неславянским словом *evangelistar*, которое никак не характеризует состав апракоса. В русской литературе издавна употребляются определения «апракос сокращенный» (для краткого⁶) и «апракос полный». Терминами «*zkráscený*» и «*nezkráscený*» до последнего времени оперируют и чешские ученые⁷. Вряд ли за этими определениями скрывается их убеждение в том, что Кириллом был переведен полный апракос, который затем был подвергнут сокращению. Вероятнее предположить, что термин «сокращенный апракос» употребляется различными учеными без особого размышления над этимологией слова «сокращенный», по традиции⁸. Более удачной представляется терминология, использованная в работе хорватского исследователя И. Враны⁹: *dulji* и *kraći evangelistar*.

В настоящее время актуальной задачей является не только установление состава чтений первого апракоса, без чего текстологические и словарные разыскания не могут привести к точным выводам, но также

⁵ Перечень апракосных чтений не определен также и для греческого апракоса VII—IX вв., хотя это косвенным образом могло бы способствовать установлению состава чтений того греческого списка, с которого Кирилл осуществлял свой перевод, и, следовательно, первого славянского списка апракоса (вряд ли правомерно предположение, что первый славянский перевод евангелия-апракоса производился с греческого тетра).

⁶ Мы употребляем для апракосов указанного выше состава определение «краткий» не только потому, что убеждены в том, что на славянской почве апракос не сокращался из полного, а только лишь дополнялся из краткого, но также потому, что слово «краткий» нейтрально и не указывает на особенности происхождения этого типа апракоса. Поэтому, пока не установлен состав чтений первого славянского апракоса, целесообразнее вообще употреблять определения «краткий» и «полный», а не «сокращенный» и «полный».

⁷ См. названное выше исследование К. Горалека. Эти же термины употребляет И. Вашица в своей рецензии на указанную работу Горалека (см. «Slavia», R. XXVI, S. 1, Praha, 1957).

⁸ Желательно установить, кто первый для апракосов указанного типа употребил определение «сокращенный» и в каком значении.

⁹ J. Vrana, O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovjenskih evandelja, «Slavia», R. XXVI, S. 3, Praha, 1957.

определение времени и места последующих переводов¹⁰ и их количество. До сих пор не выяснено, имело ли место в процессе составления более полных текстов дополнение неизмененного первоначального перевода, производилось ли при этом параллельное его редактирование, или заново осуществлялся перевод всех частей. В отношении редакции текста евангелия¹¹ также многое неясно, например, где и каким путем возникли новые редакции славянского евангелия? Почему возникла потребность в редактировании, и какими идеями при этом руководствовались редакторы? Насколько широко представлены эти редакции во всех сохранившихся до нашего времени списках? В какой мере место бытования списков евангелия определенной редакции связано с территорией, на которой осуществлялось редактирование (последнее особенно сложно для так называемой «древнерусской редакции» евангелия)?, и др.

Многие из поставленных вопросов не были решены потому, что в прошлом исследованием текста евангелия в России, где сосредоточено подавляющее большинство древних славянских рукописей, занимались преимущественно ученые, служившие в богословских учреждениях. Этих ученых изучение текстов евангелия интересовало главным образом с точки зрения сохранения в древних памятниках кирилло-мефодиевского перевода. Метод исследования этих ученых, как ни странно, заключался в сравнении древних рукописей евангелия с современным церковнославянским текстом, канонизированным лишь в XIX в.; при этом они вынуждены были исходить из предположения о непогрешимости церковнославянского текста¹². По той же причине незаслуженно большое внимание уделялось изучению русских поздних списков евангелия, исправленных в период второго юнославянского влияния. Этими недостатками страдают даже наиболее серьезные, не потерявшие своей ценности до настоящего времени исследования. Таков, например, опубликованный лишь частично труд К. И. Невоструева¹³ и широко известные работы Г. А. Воскресенского.

Другой причиной, задержавшей разрешение поставленных выше вопросов, было то, что ученые на Западе и русские ученые-лингвисты интересовались преимущественно древнейшими списками из числа со-

¹⁰ В последнее время чехословацкими учеными рассматривается заслуживающий глубокого внимания вопрос о том, не были ли известны славянам-христианам еще до перевода Кирилла некоторые отрывки из евангелия, например «Отче наш». Если это так, то желательно определить состав и язык текстов, бытавших у славян до первого перевода. Но как бы ни был решен вопрос о языке частей евангелия, известных славянам до первого перевода (не исключена возможность, что перевода не было и что следует говорить лишь о бытования у славян греческих отрывков, обусловивших впоследствии появление неславянской христианской терминологии в первом переводе), выяснение этой проблемы все равно будет очень важно для характеристики лексического состава первого перевода.

¹¹ Различную степень близости даже внутри, казалось бы однородной, группы кратких апракосов показал в названной выше работе И. Врана (существенным недостатком его работы является, впрочем, то, что он свои выводы строит преимущественно на анализе месячеслова, т. е. текста, значительно различающегося по отдельным спискам евангелия и являющегося своеобразным добавлением к основному тексту).

¹² В связи с этим стоит вспомнить колоссальные трудности, которые должны были преодолеть А. Х. Востоков и другие ученые, когда духовная цензура не давала разрешение на издание Остромирова евангелия в 1843 г.

¹³ К. И. Невоструев, Исследование о евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Володимировича в начале XII в., в сличении с Остромировым списком и четырьмя другими, современными или близкими Мстиславову списками, 1859, 264 листа (рукопись, хранится в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина).

хранившихся¹⁴, входящими в круг старославянских памятников. Русские полные апракосы XII—XIV вв., ни один из которых до сих пор не издан полностью, остались неизвестными большинству ученых, занимавшихся исследованием славянского евангелия не по рукописям. Между тем неизданные списки евангелия, находящиеся преимущественно в книгохранилищах СССР, содержат в себе благодатный материал, пока еще почти не известный науке, позволяющий осветить некоторые из поставленных выше вопросов.

Основным исследователем этих рукописей евангелия был профессор Московской духовной академии Г. А. Воскресенский. Он и ввел термин «древнерусская редакция» в применении к определенным рукописям евангелия и апостола. «Называем ее древнерусскою,— писал Г. А. Воскресенский,— потому что решительное большинство списков этой редакции (а у нас их принято для разночтений пятьдесят пять списков) написаны на Руси, в разных ее областях, преимущественно же в Галицко-Волынской и Новгородской»¹⁵. Пристально исследовав славянские рукописи евангелия XI—XVI вв., Г. А. Воскресенский пришел к выводу, что эти рукописи делятся на груши, которые он назвал редакциями. Под редакцией он понимал «не отдельные разночтения, а последовательное, проходящее через все евангелие, исправление или новый перевод текста. Отдельные же разночтения свойственны каждому списку, так что посему можно бы насчитать столько редакций, сколько списков»¹⁶. Таких редакций Г. А. Воскресенский окончательно установил четыре:¹⁷ «1) древнейшая югославянская, более или менее первоначальная, 2) древняя русская — не позже конца XI или начала XII в., 3) русская XIV в., содержащаяся в Чудовском списке Нового завета... и в двух других, сходных с сим, списках (Никоновском ризничном и Толстовском) и 4) русско-болгарская, содержащаяся в четвероевангелии 1383 г., писанном в Константинополе, в Никоновском академическом XIV—XV в., в полном списке Библии 1499 г. и во множестве бумажных рукописей XV—XVI в.»¹⁸.

Ниже будут рассмотрены первая и особенно вторая из этих редакций, так как списки евангелия, относящиеся к ним, содержат наиболее ценный материал для изучения древнейшего периода истории славянских языков. Именно к этим двум редакциям принадлежит около ста рукописей евангелия, начиная с древнейших, дошедших до нас, и вплоть до конца XIV в. На материале лишь части из них были сделаны основные открытия в истории славянских языков древнейшего периода. Для извлечения фактов по истории восточно-славянских языков

14 Однако известно, что иногда древнейшие черты перевода, особенно словарные, могут сохраняться в сравнительно поздних списках, если более древние из числа дошедших (кстати, их древность условна, так как ни Маринское и Зографское, ни Ассеманиево евангелие и Саввина книга не датированы, причем относительно датировки последней ученые расходятся на целое столетие) представляют вторичные редакционные изменения первых переводов, а не копии с ранних переводов и редакций.

15 Г. А. Воскресенский, Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв., [М., 1896], стр. 1, примеч. 2 (ниже это сочинение Г. А. Воскресенского обозначено: *указ. соч.*).

16 Г. А. Воскресенский, *указ. соч.*, стр. 1, примеч. 1.

17 Г. А. Воскресенский много лет работал над изучением древних рукописей евангелия. Завершающим трудом является названное выше исследование «Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка...», вышедшее в 1896 г. В ранней работе «Характеристические черты главных редакций славянского перевода евангелия, по рукописям XI—XV вв.» («Труды VI Археологического съезда», т. I, Одесса, 1886) Г. А. Воскресенский считал возможным говорить о пяти редакциях славянского евангелия.

18 Г. А. Воскресенский, *указ. соч.*, стр. 1.

«древнерусская редакция» имеет особое значение. Ее роль объясняется, с одной стороны, тем, что письменные источники древнейшего периода в основном являются каноническими по содержанию и среди них, естественно, первое место по количеству сохранившихся до настоящего времени списков занимают рукописи евангелия, как текст, наиболее распространенный в древности. С другой стороны, евангелия «древнерусской редакции» важны тем, что подавляющее большинство их написано в Галицко-Волынской, Новгородской и Ростово-Сузdalльской землях, говоры которых сыграли весьма важную роль в последующем формировании русского и украинского языков¹⁹.

Прежде чем рассматривать вопрос о происхождении «древнерусской редакции»²⁰ и о самом характере произведенных работ, необходимо остановиться на составе текстов, относящихся к этой редакции, а также на составе текстов, принадлежащих предыдущей первой редакции (или нескольким предыдущим).

К первой редакции евангелия Г. А. Воскресенский относит краткие апракосы: Ассеманиево, Остромирово евангелия, Саввину книгу, Архангельское евангелие 1092 г., Туровские отрывки евангелия и Реймское евангелие (кириллическая часть), четвероевангелия — Зографское, Мариинское, Галичское 1144 г. и Никольское XIV в. К этой же редакции принадлежат неиздававшиеся рукописи. Среди них:

четвероевангелия: 1) XII в., б. Синодальной типографской библиотеки, № 1—54; 2) XIII—XIV вв., б. Синодальной типографии, № 2—1200; 3) XIV в., б. Типографской библиотеки, № 3—1187; 4) XIV в., Белградской народной библиотеки № 92; 5) 1401 г., Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, собр. Румянцевского музея, № 118; 6) XIV в., Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Гильфердинга, № 5; 7) XIV в., того же собрания, № 6; 8) XIV в., той же библиотеки, собр. Софийское, № 9; 9) XIV в., той же библиотеки, собр. Верковича, № 100; 10) Хвалево евангелие 1404 г., Болонского университета; 11) XIV в., Государственного исторического музея, собр. Хлудова, № 16;

краткие апракосы: рукописи Государственной библиотеки им. В. И. Ленина — 1) Галичское евангелие 1283 г.; 2) XII в., собр. Григоровича, № 1690; 3) XIII—XIV вв., собр. Румянцевского музея, № 107; 4) XIII—XIV вв., того же собрания, № 108; рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — 5) XIII в., собр. Верковича, Q п. I № 43; 6) XIII в., того же собрания, Q п. I № 99; 7) XIII в., собр. Погодина, № 11; 8) XIII—XIV вв., того же собрания, № 16; 9) XIII—XIV вв., F. п. I № 13; 10) XIV в., Q. п. I № 26; 11) XIV в., собр. Петербургской духовной академии, Кирил.-Белоз. № 1; 12) XIII в., собр. б. Синодальной типографии, № 13—1188; 13) XIV в., того же собр., № 11—1203; рукописи Государственного исторического музея — 14) XIV в., собр. Хлудова, № 31;

¹⁹ Сравнительно малое число древних списков евангелия из южных и восточных областей Руси, в том числе и из Киевской земли, объясняется тем, что большое число рукописей в этих местностях погибло в период татаро-монгольского нашествия.

²⁰ Термином Г. А. Воскресенского «древнерусская редакция» мы пока пользуемся условно. Он может быть наполнен конкретным содержанием лишь после решения вопроса о месте выполнения редакции и о характере произведенных работ: было ли проведено исправление текста, новый перевод его или и то и другое для каких-то определенных его частей; для каких именно? Это требует многостороннего тщательного исследования списков евангелия — как входящих в данную редакцию, так и не относящихся к ней. Предлагаемые ниже соображения могут быть в дальнейшем так или иначе использованы в ходе подобного исследования.

15) XIV в., собр. Синодальной библиотеки, № 28—64; 16) XIV в., того же собрания, № 30—401;

полные апракосы: 1) XIII в., Библиотеки Академии наук, собр. Срезневского, № 1; 2) Полоцкое евангелие XII—XIV вв., Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина, № 12; 3) XIV в., Государственного исторического музея, собр. Хлудова, № 28; 4) XIV в., того же музея, собр. Синодальной библиотеки, № 31—66; 5) XIV в., Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, собр. Волоколамское, № 1.

Из рукописей, не известных Г. А. Воскресенскому, к первой редакции следует отнести краткий апракос — Македонское евангелие попа Иована конца XII в. (за исключением листов 104—112). В. А. Мошин, сравнивавший Македонское евангелие со старославянскими евангелиями, пришел к выводу, что «листы 102—112 текстологически больше всего приближаются к Остромирову евангелию и в меньшей мере к Ассеманиеву»²¹. С нашей точки зрения, только листы 104—112 (вряд ли 112 об.) восходят к списку второй редакции. По-видимому, к первой редакции может быть отнесено сербское Мирославово евангелие (ок. 1200 г.) — полный апракос.

Таким образом, рукописи евангелия, отнесенные Г. А. Воскресенским к первой редакции, являются достаточно пестрыми по составу. В нее входит 15 тетров, 22 кратких апракоса и несколько полных апракосов²² (подробнее о количестве полных апракосов первой редакции см. ниже).

«Древнерусская редакция» евангелия, в отличие от первой, является весьма однообразной по составу. К этой редакции Г. А. Воскресенский отнес только один тетр, 55 полных апракосов и ни одного краткого апракоса. Об одном из полных апракосов — Вукановом (или Волкановом) евангелии начала XIII в. — Г. А. Воскресенский говорит: «Что касается текста, то в евангелии Марка чтения первой половины (до Нового лета) следуют второй редакции, с некоторыми отклонениями к первой, а во второй половине, с Нового лета и в великопостных чтениях преобладает уже первая редакция текста; кроме того список этот представляет иногда особые любопытные чтения»²³. С нашей точки зрения, на основании лексических данных к «древнерусской редакции» еще могут быть отнесены не известные Г. А. Воскресенскому два полных апракоса — Сийское евангелие 1339 г. и евангелие Оболенского (собрание Государственного исторического музея, № 3651). Кроме того, к этой же редакции должны быть отнесены два полных апракоса, необоснованно зачисленные Г. А. Воскресенским в первую редакцию: рукопись Гос. исторического музея, собр. Синодальной библиотеки № 66 и рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина № 12. О первой из них Г. А. Воскресенский замечает: «Правописание русское. Текст древней первой редакции, но часто склоняется ко второй»²⁴. Рукопись из собрания Погодина № 12 в настоящее время содержит 170 листов. В разных местах из нее утрачена по крайней мере одна пятая часть текста:

²¹ Македонско евангелие на поп Иована, приредил Владимир Мошин, Скопје, 1954, стр. 33.

²² Реймское евангелие в подсчет не включено, так как кириллическая часть его, которую, видимо, только и рассматривал Г. А. Воскресенский, содержит лишь чтения месяцеслова, специфика состава которых для кратких апракосов, с одной стороны, и полных апракосов, с другой, не определена.

²³ Г. А. Воскресенский, указ. соч., стр. 47.

²⁴ Г. А. Воскресенский, указ. соч., стр. 23.

недостает более 36 листов в середине, нет конца²⁵. Неполнота этого списка позволяет поставить под сомнение вывод Г. А. Воскресенского, тем более, что по нашим наблюдениям, словарь рукописи разрешает отнести ее ко второй редакции (хотя в ней и сохраняется часть непереведенных грецизмов и некоторые слова, характерные для рукописей Евангелия первой редакции). Таким образом, полные апракосы Сийское, Евангелие Оболенского, Синодальной библиотеки № 66 и Погодинское № 12 увеличивают состав Евангелий «древнерусской редакции» до 59 полных апракосов при одном тетре. Этот особый тетр хранится в отделе рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина — собр. Румянцевского музея, № 117. Как сообщает Г. А. Воскресенский, это четвероевангелие — «Неполное. Начинается с ев. Матфея IV 1. Из ев. Марка нет V 26—42, VI 24—37, VII 10—IX 48, XII 20—XVI 20; из ев. Луки гл. I—VII 36, XXIII 54—XXIV 53. Евангелие Иоанна все утрачено. Месяцеслов краткий»²⁶. Тетр № 117 из собрания Румянцевского музея своеобразен: чтения в нем расположены в порядке следования по евангелистам, но при этом перед каждым отрывком указывается, к какому дню и неделе относится каждое чтение, как это имеет место в апракосах. Недостаточность материала в этой рукописи могла бы поставить под сомнение вывод Г. А. Воскресенского о принадлежности этого составляющего исключение тетра к «древнерусской редакции», но, по нашим, пока предварительным наблюдениям, вывод Г. А. Воскресенского правилен: по лексическим данным этот тетр можно отнести к «древнерусской редакции».

Из числа рукописей, не вошедших в исследование Г. А. Воскресенского, два четвероевангелия, Тырновское и Добромирово, были изучены М. Н. Сперанским. В своей развернутой рецензии на труды Г. А. Воскресенского М. Н. Сперанский признал эти два тетра промежуточными и между первой редакцией и «древнерусской редакцией»²⁷. Мы специально не изучали эти рукописи, и поэтому, основываясь на определении М. Н. Сперанского, не включаем их в дальнейшее рассмотрение вопроса.

²⁵ Как обнаруживается при внимательном изучении самой рукописи, в ней недостает двух листов в первой тетради, одного листа во второй (конец чтений на субботу второй недели по пасхе, на воскресенье и начало понедельника третьей недели), одного листа в третьей тетради (конец чтений воскресенья четвертой недели, чтений понедельника и начала вторника), семи листов в четвертой (конец чтений воскресенья пятой недели, всех чтений с понедельника по субботу той же недели, воскресенья и понедельника шестой недели и начала чтений вторника шестой недели), двух листов в пятой тетради (конца чтений пятницы и чтений субботы шестой недели и начала воскресенья седьмой недели), отсутствует целиком вся восьмая тетрадь (может быть, и две тетради: чтения с понедельника первой недели по пятнадцатнице до начала чтений четверга третьей недели), утрачено два листа в одиннадцатой тетради (с конца чтений субботы десятой недели по начало среды одиннадцатой), недостает одного листа в двенадцатой тетради (с конца чтений пятницы двенадцатой недели по начало чтений понедельника тринадцатой), одного листа в тринадцатой тетради (с конца чтений субботы пятнадцатой недели по начало понедельника шестнадцатой), двух листов в четырнадцатой тетради (конец чтений субботы шестнадцатой недели и чтения в воскресенье семнадцатой), одного листа в девятнадцатой тетради (с конца чтений вторника десятой недели нового лета, чтений на среду той же недели и начало чтений четверга), двух листов в двадцатой тетради (с конца чтений пятницы двенадцатой недели, чтений на субботу той же недели и начала чтений воскресенья тридцатой недели), отсутствует вся двадцать третья тетрадь (если не две тетради: отсутствует самый конец чтений понедельника мясопустной недели и чтения всей мясопустной недели до текста на понедельник сыропустной недели — Л. XII 20). Рукопись не имеет конда (обрывается чтением И. XIII 12 в великий четверг).

²⁶ Г. А. Воскресенский, указ. соч., стр. 38—39.

²⁷ М. Сперанский, [Рецензия]. Разбор сочинений Г. А. Воскресенского. Отчет о тридцати девятом присуждении наград графа Уварова, «Записки императорской Академии наук», серия VIII, т. III, № 5, СПб., 1899, стр. 27—151.

Таким образом, после критического рассмотрения состава текстов первой и второй редакций славянского евангелия к первой редакции следует отнести, кроме 15 тетров и 22 кратких апракосов, четыре полных апракоса. Три из них являются южнославянскими по происхождению: 1) сербское Мирославово евангелие, изданное Стояновичем; 2) рукопись Государственного Исторического музея, собр. Хлудова, № 28 и 3) рукопись Библиотеки Академии наук, собр. Срезневского, № 1. О полном апракосе собр. Хлудова, № 28 Г. А. Воскресенский пишет: «Правописание юсовоое, с заметным влиянием сербского наречия (в употреблении ь, ы и т. п.)²⁸. В отношении языка и текста список весьма замечательный: с полною вероятностью можно предполагать, что первоначальный извод этой рукописи был глаголический»²⁹. О рукописи из собрания И. И. Срезневского Г. А. Воскресенский пишет: «Правописание юсовоое, с следами влияний сербского языка»³⁰. Четвертый полный апракос, относящийся к первой редакции — рукопись Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, собр. Волоколамское, № 1 — представляет собой единственный русский список, и в этом его специфика. Несмотря на то, что это «Рукопись ветхая и неполная, прерывается на еванг. чтении в нед. 5-ю поста. Из ев. Марка недостает: I 1—8, VI 14—30, VIII 34—IX 1, IX 2—9, X 35—45, XIII 37—XIV 2, XIV 3—9, XV 43—47, XVI 1—20»³¹, вывод Г. А. Воскресенского о принадлежности ее к первой редакции, по-видимому, правилен.

Сопоставление состава рукописей первой редакции и «древнерусской» редакции позволяет определить последнюю как редакцию полных апракосов, причем очень важно, что все эти апракосы являются русскими по письму и языку. «Все списки с евангельским текстом этой редакции, — пишет Г. А. Воскресенский, — русские: болгарских и сербских нет ни одного. Видно, что списки этого рода совсем неизвестны были у славян южных, болгар и сербов. Да и на Руси, по-видимому, они не имели широкого распространения и общего признания, и в XV столетии были вытеснены иными, принесенными с юга, исправленными и более однообразными списками с евангелия в его полном виде (по евангелистам, а не по церковным чтениям). Текст в этих русско-болгарских списках евангелия, большую частью бумажных, распространявшихся у нас с XV в. в чрезвычайном множестве, в основе своей древний, первой редакции, хотя и значительно подновленной»³².

М. Н. Сперанский подверг серьезной критике ряд положений Г. А. Воскресенского. Однако и он не отрицал существования особой редакции евангелия, соответствующей «древнерусской» редакции Г. А. Воскресенского. М. Н. Сперанский считал возможным говорить *a priori* о таких редакциях, предшествовавших «древнерусской» редакции» Г. А. Воскресенского: 1) древнейшая югозападно-славянская, 2) первая восточноболгарская, 3) вторая восточноболгарская, 4) третья восточно-болгарская. Переходя на Русь, третья восточноболгарская редакция развивалась в русских списках, составляющих «древнерусскую» редакцию» Г. А. Воскресенского³³.

Таким образом, «древнерусская редакция», редакция полных апракосов, представляет собой явление вторичное, по сравнению с первой редакцией (или с первыми четырьмя, по М. Н. Сперанскому) — редак-

²⁸ Так же по употреблению ё вместо я, ѿ — Л. Ж.

²⁹ Г. А. Воскресенский, указ. соч., стр. 19.

³⁰ Там же, стр. 25.

³¹ Там же, стр. 19.

³² Г. А. Воскресенский, Древнерусская редакция славянского перевода евангелия, журн. «Странник», СПб., 1888, июнь—июль, стр. 317.

³³ См. М. Н. Сперанский, указ. соч., стр. 102.

цией кратких апракосов и тетров. Иными словами: русские полные апракосы представляют собой явление вторичное, по сравнению с тетрами и краткими апракосами.

Есть основания полагать, что характерные черты «древнерусской редакции» связаны не столько с особым редактированием всего переведенного текста полного апракоса³⁴, сколько с особым переводом некоторых его частей. Это вытекает из того, что, по нашим наблюдениям, произведенным, однако, на незначительном числе полных апракосов³⁵, специфическая лексика «древнерусской редакции» не характерна для чтений от Иоанна (первые шесть недель после пасхи), которые одинаково имеются как в полных, так и в кратких апракосах; сравнительно мало она встречается в чтениях великого поста, которые также имеются в обоих типах апракосов. Но в чтениях летне-осеннего цикла, т. е. в неделях Матфея и Луки, преимущественно эта специфическая лексика встречается в субботних и воскресных чтениях и особенно в чтениях простых дней недели, имеющихся в полных апракосах и отсутствующих в кратких апракосах.

Первым это обстоятельство отметил К. И. Невоструев, исследовавший Мстиславово евангелие в сравнении с кратким апракосом: Остромировым евангелием, полными апракосами (Юрьевским евангелием, евангелиями XII в., собр. Синодальной типографии, № 60 и XIII в., собр. Московского Архангельского собора) и с двумя тетрами (Галичским 1144 г. и тетром XII в., собр. Синодальной типографии № 54). После рассмотрения чтений Мстиславова евангелия от пасхи до пятидесятницы в сравнении с указанными списками евангелия К. И. Невоструев делает вывод: «Списки апракосов, не исключая и Остромирова, имеют ближайшее сходство между собою, тогда как тетры, иногда отступая от них, сходятся между собою, хотя в тех и других бывают исключения»³⁶. После сопоставления чтений от пятидесятницы до великого поста К. И. Невоструев заключает: «Тогда как выше, в чтениях от Иоанна, Мстиславов список так близко сходствовал с Остромировым, в настоящем отделении, по неполноте чтений в Остромировом списке, всецелописан с другого списка, и потому более или менее отступает от Остромирова, а имеет ближайшее отношение к прочим трем сличаемым с ним апракосам... В сих весьма многих местах, где Мст. список согласуется с апракосами, содержитя перевод древний, с недостатками, показывающими отчасти недоразумения переводчиков, вульгарность и необработанность языка, естественные у необразованного народа, с словами и формами его древнейшими»³⁷. Заключение К. И. Невоструева об относительной древности и «недостатках» перевода частей, специфических для полного апракоса и отсутствующих в кратком апракосе, не соответствует положениям всех последующих исследователей канонических памятников, поэтому он должен быть отклонен. Однако само замечание о спе-

³⁴ Иначе полагал М. Н. Сперанский: «2-ая редакция есть результат, конечный результат, целого ряда исправлений, которые только в конце концов выработали, или, точнее, могли выработать новую редакцию, отличающуюся от первой последовательными вариантами... вторая редакция славянского текста возникла не сразу, не путем одной сверки, а постепенно, путем целого ряда сверок, исправлявших, изменявших старый текст не весь сразу, а постепенно», (указ. соч., стр. 84).

³⁵ Более тщательно изучены Галичское евангелие 1357 г. — рукопись Гос. Исторического музея, собр. Синодальной библиотеки № 68; Полоцкое евангелие XIV в. — рукопись Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Погодина, № 12, Сийское евангелие 1339 г. и выборочно некоторые другие рукописи полных апракосов.

³⁶ К. И. Невоструев, указ. соч., л. 24 об.

³⁷ Там же, л. 80 об.

цифика этих чтений важно и должно быть отмечено. Далее в своей работе К. И. Невоструев сравнивал уже рассмотренные им чтения от пятидесятницы до поста, специфические для полных апракосов, с чтениями поста, которые существуют как в полных, так и в кратких апракосах. Он пишет: «Во втором, напротив, случае в параллельных чтениях от Марка, особенно у Луки — перевод лучший, исправный, язык очищенный³⁸. Сии вторые места почти всегда согласны с тетрами, в которых точно так же читаются и первые, т. е. одинаково со вторыми параллельными, тогда как в апракосах различно... С тетрами согласен и список Остромирова³⁹. Эти выводы К. И. Невоструева о специфике чтений летне-осеннего цикла, существующих для простых дней недели только в полных апракосах и отсутствующих в кратких, очень важны. Но его выводы и наши наблюдения должны быть проверены по всем сохранившимся рукописям полных апракосов; прежде всего нужно определить место тех списков евангелия, о которых выше говорилось, что они, возможно, представляют исключения (тетр № 117 собр. Румянцевского музея и полный апракос XIV в., собр. Волоколамское, № 1).

На данном этапе изучения, суммируя факты, установленные предыдущими исследователями «древнерусской редакции» евангелия, и наши наблюдения, можно сделать следующие выводы.

1. К «древнерусской редакции» евангелия относятся русские списки XII—XIV вв., по составу представляющие собой полные апракосы. Отдельные части их восходят к переводам разного времени. Таким образом, эти полные апракосы не представляют собой только особую редакцию (в противном случае редактированию должны были быть подвергнуты все части полного апракоса в более или менее одинаковой степени или по возрастающей или нисходящей степени, как, например, Саввина книга)⁴⁰.

2. Известная близость текста кратких апракосов, тетров (ср. выше рассуждения о составе первой редакции, установленной Г. А. Воскресенским) и тех частей полных апракосов, которые общи с краткими апракосами (см. выше положения К. И. Невоструева), с одной стороны, и специфика лексики полных апракосов в частях, отсутствующих в кратких апракосах, с другой, свидетельствуют о существовании особого перевода тех частей полного апракоса, которые дополняли его по сравнению с кратким апракосом. Этот дополнительный перевод производился, видимо, заново, без учета чтений, существовавших в составе тетра (но отсутствовавших в кратком апракосе), так как они отличаются от чтений тетра.

3. Перевод чтений, специфических для полного апракоса (в отличие от краткого), представляет собой третий по времени перевод евангелия на славянский язык. Это вытекает из нижеследующего.

Выше на основании анализа состава рукописей первой редакции (или четырех первых, по М. Н. Сперанскому) в сравнении с составом второй «древнерусской редакции» полных апракосов был сделан вывод о том, что русские полные апракосы представляют собой явление вторичное, по сравнению с тетрами и краткими апракосами (стр. 94—95). Это положение в свете рассмотренных выше выводов К. И. Невоструева

³⁸ Под «очищенным» К. И. Невоструев понимал язык канонизированного типа евангелия, более близкий к языку первой редакции, чем к языку «древнерусской редакции».

³⁹ Там же, л. 90 об. — 91.

⁴⁰ См. В. Погорелов, Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы, статья III, «Опыт изучения текста Саввиной книги», *Sborník filosofické faculty University Komenského v Bratislavě*, г. V, č. 46, Bratislava, 1927.

получает новое подтверждение уже на самом языковом материале полных апракосов. Это — с одной стороны. С другой стороны, в научной литературе доказано первенство появления у славян апракоса (теперь ясно, что этот апракос был кратким) по сравнению с тетром. На основании всего этого последовательность переводов евангелия на славянский язык определяется так: а) перевод чтений краткого апракоса⁴¹; б) второй перевод, дополнявший чтения краткого апракоса до тетра; в) третий перевод с греческого, дополнявший чтения краткого апракоса до полного апракоса.

4. В связи с вышеизложенным последовательность создания разных типов евангелия у славян, по-видимому, должна быть определена так: 1) краткий апракос, 2) четвероевангелие, 3) полный апракос.

Все изложенное выше касается относительной последовательности переводов отдельных типов евангелия. В отношении же абсолютной хронологии, места совершения этих переводов и лиц, которые их производили, пока приходится только делать предположения и опираться преимущественно все еще на свидетельства «Жития» Кирилла и Мефодия. Сделать какие-либо выводы об этом на основании лингвистического материала — дело будущего. Пока обращает на себя внимание то обстоятельство, что лексика, специфическая для частей полных апракосов «древнерусской редакции» [например, *дебрь огньная* или *озеро огньное* вместо *геена*, *жидовъскии* вместо *иудѣискии*, *масло* вместо *олеи*, *право* вместо *аминь*, а также *дѣля* вместо *ради* (*διά*), *жизнь* вместо *животъ* (*ζωή*), *львица* вместо *шишица* (*ἀριστερά*), *лють* вместо *горе* (*οὐαί*), *невѣстникъ* вместо *женихъ* (*υυμφίος*), *подолокъ* вместо *вѣскрилие* (*χράσπεδον*), *поль* вместо *страна* (*πέραν*), *страна* вместо *языкъ* (*ἔθνος*) и др.], имеет место в переводе толковых редакций ветхозаветных книг.

⁴¹ Вопрос о месяцеслове должен быть рассмотрен отдельно, так как не через него в первую очередь вскрывается история перевода евангелия на славянский язык.

O. A. Лаптева

РАСПОЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ОДИНОЧНОГО АТРИБУТИВНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Прилагательное, поскольку оно является подчиненным своему определяемому членом наиболее тесно грамматически спаянного слово-сочетания — атрибутивного¹, обычно имеет закрепившееся место в предложении даже в языках с так называемым «свободным» порядком слов. Оно располагается по определенной модели, что находит свое выражение и в определенной интонации; выбор модели обычно оказывается связанным с ролью прилагательного в «актуальном членении предложения»².

По способам расположения одиночного прилагательного-определения славянские языки представляют во многом сходную, но отчасти и различную картину³. Как отметил Э. Бернекер⁴, для ряда славянских языков (сербского, словенского, чешского) — как в древнейшую засвидетельствованную памятниками эпоху, так и в современном состоянии — оказывается характерной препозиция прилагательного по отношению к определяемому слову⁵; колебания в этом отношении обнаруживают притяжательные прилагательные и прилагательные с суффиксом *-ьск-*. Для других славянских языков (русского, украинского, белорусского) отмечаются различия в современном расположе-

¹ Тесная связь — синтаксическая (согласование определения и определяемого в роде, числе, падеже) и семантическая (определение и определяемое обычно означают одно понятие) — между членами атрибутивной группы не раз отмечалась исследователями. Подробно об этом см., например: А. С. Посвяанская, К вопросу о порядке слов в польском языке (место одиночного определения, выраженного именем прилагательным). Канд. диссерт., М., 1954; Н. И. Толстой, Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов), сб. «Вопросы славянского языкознания», вып. 2, М., 1957, стр. 52.

² Ср.: V. Mathe sius, O tak zvaném aktuálním členění větném, [сб.] «Čeština a obecný jazykozpryt», Praha, 1947, стр. 234—235; его же, Základní funkce českého pořadku slov, там же; его же, K pořadku slov v hovorové češtině, там же; его же, Rozpor mezi aktuálním členěním souvěti a jeho organickou stavbou, там же.

³ О древности использования разных способов расположения прилагательных говорит А. И. Толкачев: «Порядок слов, видимо, играл роль и тогда, когда сложных форм прилагательных еще не было. В различных индоевропейских языках прилагательные занимают различное место по отношению к существительным» (А. И. Толкачев, История членных прилагательных русского языка. Канд. диссерт., М., 1951, стр. 102).

⁴ См. E. Bergneker, Die Wortfolge in den slavischen Sprachen, Berlin, 1900.

⁵ Фр. Травничек, впрочем, указывает на частое употребление в старочешских текстах постпозитивного одиночного прилагательного (см. Fr. Trawníček, Historická mluvnice česká, III — Skladba, Praha, 1956, стр. 153).

ний прилагательного (обычна его препозиция) и в более древнем виде его употребления (обычна постпозиция); в современном болгарском и украинском языках отмечено колебание в расположении прилагательных притяжательных и с суффиксом *-ъск-*; последние не имели постоянного места по отношению к определяемому и в древнерусском, и в древнеболгарском. Наконец, в польском языке ряду категорий прилагательных свойственно постпозитивное расположение — как в древности, так и в настоящее время⁶.

Такое несогласие в показаниях современных славянских языков и особенно разнообразие фактов, представляемых памятниками письменности, заставляют с осторожностью отнестись к той точке зрения, согласно которой в современной славянской (и, в частности, русской) препозиции прилагательного (ср., впрочем, колебание в отношении порядка слов для прилагательных на *-ъск-* и притяжательных в ряде языков) всегда усматривают следы древнейшего состояния. В соответствии с этой точкой зрения широко распространенную в древнерусских памятниках постпозицию прилагательного обычно считают не свойственной русскому языку и объясняют воздействием греческого словопорядка. Подобный взгляд высказывается и в специальных исследованиях⁷, и в ряде работ, где данная проблема затрагивается лишь попутно⁸. Между тем установленные многими исследователями принципы составления древнейших славянских переводов с греческого не дают достаточных оснований для подобного мнения.

Так, неоднократно указывали, что древнейшие переводчики с греческого, стремясь к максимальной точности перевода, искали такие средства славянского языка, которые позволили бы передать все особенности греческого оборота, даже если в славянском ему не было непосредственного соответствия⁹. Например, греч. ἀνθρώπος εὐγενής передается как *чъкъ добра рода*¹⁰. К калькам прибегали лишь в случаях прямой необходимости. Исследователи неоднократно отмечали наличие в переводах собственно славянских синтаксических средств в соответствии некоторым греческим конструкциям. Так, родительный само-

⁶ Помимо указаний Э. Бернекера, см. выводы А. С. Посвяинской (указ. соч.).

⁷ См. M. W i d n ä s, La position de l'adjectif épithète en vieux russe, «Commentations humanarum litterarum [Societatis scientiarum fennicae]», t. XVIII, № 2. Helsingfors, 1953.

⁸ Ср., например: Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 3-е изд., 1950, стр. 358; В. Масальский, Порядок слів в українській мові. Лекція для студентів-заочників пед. ін-тів, Київ, 1948; К. Норалек, Úvod do studia slovanských jazyků, Praha, 1955, стр. 238—239, и др.

Препозиция определения-прилагательного в ряде работ признается исконным славянским порядком, хотя специальное указание на греческое воздействие здесь отсутствует: Ср.: I. Kozlovs̄kij, Zwei syntaktische Eigenthümlichkeiten der russischen Sprache, II — Die Stellung des Adjectivs, «Archiv für slavische Philologie», Bd. 23, Hf. 1 и 2, Berlin, 1901; V. Vondrák, O místě attributivního adjektiva a substantivního genitivu ve větě, «Zborník u slavu Vatroslava Jagića», Berlin, 1908; B. Unbegau, La langue russe au XVI-e siècle, Paris, 1935; Л. Шакун, Употребление именных и местоименных форм прилагательных в белорусском языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1953; С. М. Вачадзе, Некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка, «Труды Тбилисского гос. пед. ин-та», IX, 1952, и др.

⁹ Иное мнение высказывает Н. И. Ильминский (см. его «Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия», 2-е изд., СПб., 1886).

¹⁰ Примеры приводятся в следующей статье: G. Cuendet. La traduction par explication en vieux slave, [сб.] «Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Baye», Paris, 1925.

стоятельный греческого языка переводится славянским дательным са-
мостоятельным, что, по мнению И. Белоруссова, свидетельствует
о славянском характере этого синтаксического оборота¹¹. На ряд
характерных славянских замен при переводе псалтыри и среди них
на употребление прилагательного на месте греческого родительного
приименного указывает В. Срезневский¹². Он же приводит и некото-
рые, достаточно последовательно представленные случаи отступления
славянского словопорядка от греческого, в основном касающиеся рас-
положения славянских энклитик¹³. Вопрос о характере воздействия
греческого синтаксиса на древнеславянский и о степени проницаемости
славянского синтаксиса в последнее время вновь подвергся широкому
обсуждению. Исследователи, в особенности чехословацкие, единодушно
предостерегают от опасности преувеличения греческого воздействия.
Они говорят о большой самостоятельности древнейших славянских
переводчиков, стремящихся не механически калькировать греческий
текст, но усваивать только те работы, которые не поддавались сино-
нимической замене славянскими средствами. При этом если какая-
либо конструкция представлена и в греческом и в славянском, это
может быть и свидетельством исконного параллельного употребления
этого оборота в обоих языках¹⁴. Таким образом, буквальное следо-
вание за греческим оригиналом далеко не обязательно свидетельствует
об отступлении от норм родного языка; оно могло быть вызвано сов-
падением соответствующих греческих и славянских конструкций¹⁵.

Автор фундаментального труда о способах передачи порядка сле-
довования членов именных групп греческого оригинала в готском, ар-
мянском и старославянском переводах евангелия Ж. Канде на многих
примерах показывает, что переводчики, сохраняя греческий сло-

¹¹ И. Белоруссов, Дательный самостоятельный падеж в памятниках
дерковнославянской и древнерусской письменности, РФВ, т. XL, № 1—2,
Варшава, 1899, стр. 72—73.

¹² Вяч. Срезневский, Древний славянский перевод псалтыри, СПб.: ч. I—
1877, ч. II—1878. — Отметим, что греческая препозиция могла заменяться славян-
ской постпозицией; ср. ἐλέγον μου τὸν ωἶον — помилуши сына моего (пример взят
из указанной статьи Ж. Канде, стр. 255).

¹³ Там же, стр. 104—106. Из других работ см.: Н. А. Мещерский, Древнерусский
перевод еврейской книги «Есфирь» и проблема переводов с еврейского
в древнерусской литературе киевского периода. Канд. диссерт., б. м. и г.
[Н. А. Мещерский считает возможным на основании языка перевода судить о том,
«каков же был язык, служивший орудием переводчику» (стр. 91)].

¹⁴ См.: J. Vaclav, Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovan-
ských jazyků, сб. «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů
v Moskvě», Praha, 1958; J. Kurgz, Problematika zkoumání syntaxe staroslověnského
jazyka a nástin rosnboru významu častic i, a a pod. v konstrukčních participiálních
vazeb s určitými slovesy, сб. «K historickoslovnávacímu studiu slovanských jazyků»,
Praha, 1958, стр. 92 и след. Из других работ, посвященных этой теме, см.: R. Ruzicka,
Griechische Lehnsyntax im Altslavischen, «Zeitschrift für Slawistik»,
Bd. III, Hf. 2—4, Berlin, 1958; H. Birnbaum, Zur Aussonderung der syntakti-
schen Gräzismen im Altkirchenslavischen, «Scando-slavica», t. IV, 1958.

¹⁵ Ср. в этом плане замечание в книге В. Дж. Энтуистла и В. А. Морисона
(W. J. Entwistle and W. A. Morison, Russian and the Slavonic languages,
London, [1949], стр. 265): когда славянский переводчик ставил глаголы в начале
предложения, он следовал в этом «слово в слово греческому оригиналу, но это
в не меньшей степени принадлежало и его собственному стилю, который заставлял
его сообщать свои понятия в том порядке, в каком они его интересуют». —
П. С. Кузнецов указывает на возможность расширения сферы употребления славянской
конструкции под воздействием соответствующей греческой (см. П. С. Кузнецов,
О задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков,
«Slavia», гоčn. XXI, ses. 2—3, 1953, стр. 172—174). Это положение сейчас призна-
ется всеми исследователями, высказывающимися по данному вопросу. Так,
Г. Бирнбаум в указанной работе обращает внимание на то, что внешнее воздей-
ствие активизирует синтаксические модели языка. Ср. о том же у И. Курца (указ.
соч., стр. 107), а также у Я. Бауэра (указ. соч., стр. 85, 91).

вопорядок в тех случаях, когда он соответствовал нормам словорасположения родного им языка¹⁶, редко прибегали к насилию над синтаксисом своего языка и обычно изменяли греческий словопорядок, если такого соответствия не было¹⁷. По мнению Ж. Канде, сравнительное изучение словорасположения греческого оригинала и переводов позволяет заметить тенденции, в еще более чистом виде представленные в оригинальных текстах языков, на которые сделан перевод¹⁸. Так, притяжательные местоимения, обычно в греческом следующие за своим определяемым, в основном сохраняют постпозитивное положение в переводах на рассматриваемые три языка, что, по мысли Ж. Канде, свидетельствует об общности норм их расположения в языке оригинала и переводов. Отклонения могут вызываться своеобразным толкованием текста переводчиком, стремлением еще более строго выдержать нормы родного языка и т. п.¹⁹

Греческое прилагательное, как показывает Канде, обычно постпозитивно и занимает препозитивное положение в тех случаях, когда оно должно было привлечь особое внимание или входило в состав «этимологической фигуры». Однако эта норма проводилась в греческом не всегда последовательно; положение осложнялось также тем обстоятельством, что место греческого прилагательного зависело от наличия или отсутствия артикла при именной группе²⁰. В переводах на готский и армянский имеются многочисленные и закономерные отклонения от такого словорасположения. Так, целые разряды прилагательных (*qualificatifs* и *comparatifs* — в готском евангелии, *qualitatifs* — в армянском) употребляются преимущественно в препозиции²¹. Приведенные Канде материалы показывают, что славянский перевод не обнаруживает в этом отношении закономерной картины. Здесь возможны и случаи типа *τοφλοῖς πολλοῖς ἔχαρισατο βλέπειν* — *многомъ слѣпомъ дарова прозърѣнъе*, и такие случаи, как *οὗτοι λήφουνται περισσότερον κρίμα* — *сии приимѣтъ осужденье большее* (Зогр., Мар.), боле (Асsem.). Преимущественно постпозитивными являются производные прилагательные на *-инъ* и *-ынъ*²². Какими бы ни были причины подобной мены места прилагательного (а такая мена могла быть вызвана как стремлением переводчика к точности высказывания —ср. замечание Канде о нечеткости греческих норм,— так и тем обстоятельством, что в славянском не было артикла, который влиял на порядок членов греческой атрибутивной группы), факультативность и эпизодичность ее позволяет не согласиться со следующим предположением Канде: «По некоторым признакам можно, тем не менее, допустить, что оно (т. е. славянское прилагательное. —*O. L.*) имело тенденцию пред-

¹⁶ Ср. в этом плане приводимое М. Соколовой в ее статье «К истории русского языка в XI в.» («Изв. по рус. яз. и слов.» т. III, [кн. 1], Л., 1930, стр. 130) соответствие: *и оутвърдисѧ роука юго и исцѣлѣ шко и дроугаи* — *καὶ ἀποκατεστάθη ἡ χειρ αὐτοῦ ὑγῆς ὡς ἡ ἀλλῆ.*

¹⁷ G. Cuendet, *L'ordre des mots dans le texte grec et dans les versions gothique, arménienne et vieux slave des évangiles. Part. I—Les groupes nominaux*, Paris, 1929, стр. 171.

¹⁸ Там же. — Н. А. Лавровский не допускает возможности изменения переводчиком положения греческих слов, хотя сколько-нибудь веских доказательств этому не приводит (Н. А. Лавровский, *О византийском элементе в языке договоров русских с греками*, СПб., 1853, стр. 68).

¹⁹ G. Cuendet, указ. соч., стр. 42. Р. Ружичка (указ. соч.) замечает, что иногда при переводе с греческого слово располагается не так, как обычно в славянском предложении. Однако делать отсюда вывод о заимствованном характере такого способа расположения, по его мнению, было бы преждевременно.

²⁰ Там же, стр. 26—27.

²¹ Там же, стр. 29—35.

²² Там же, стр. 36, 37. — Подобные расхождения приводятся и в указанной работе М. Виднес (см. M. Wiednes, указ. соч.).

шествовать существительному»²³. В целом мы видим лишь, что славянский переводчик оставил без изменения греческое положение прилагательного, что свидетельствует о сходстве в этом отношении греческих и славянских норм.

Древнейшие оригинальные славянские памятники, очевидно не могут не отразить собственно славянских норм словорасположения своей эпохи. Трудно предположить вслед за М. Виднес, что прилагательные, представленные чуть ли не в каждом предложении древнейших русских памятников, располагались по усвоенным греческим нормам, которые, согласно мнению М. Виднес, были диаметрально противоположны нормам собственно русским, в ранних памятниках якобы отраженным очень слабо²⁴. Слабая нормативность древнерусского письменного языка начального периода предполагала значительную его близость к живой речи, особенно сказавшуюся в области синтаксиса²⁵. Насыщенность древнерусских памятников разговорными конструкциями позволяет некоторым исследователям даже непосредственно сопоставлять синтаксические данные современных диалектов и древнерусского литературного языка²⁶. Достаточно ярко выраженная стилистическая дифференциация древнерусского литературного языка зависела от большей или меньшей степени проникновения греко-славянских элементов в разные языковые сферы и не определяла собою характера древнерусского синтаксиса в целом²⁷; на этом общем фоне предположение о возможном заимствовании такого постоянно употребляемого способа конструирования атрибутивного словосочетания, как определенное взаиморасположение существительного и прилагательного, оказывается изолированным и не согласуется с другими языковыми фактами древнерусского словопорядка в целом²⁸. Отметим попутно, что многие современные говоры (и разговорный язык) знают, по-видимому, постпозитивное употребление обычного невыделенного определения, хотя условия его функционирования недостаточно ясны²⁹.

23 Там же, стр. 36.

24 См. M. W i d n ä s , указ. соч.

25 Ср., например: М. И. Сухомлинов, О древней русской летописи как памятнике литературном, «Уч. Зап. Второго отд-ния Имп. Акад. наук», кн. III, СПб., 1856, стр. 182 и сл.; Е. Карский, Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, «Изв. по рус. яз. и слов.», т. II, кн. 1, Л., 1929; Г. Винокур, Русский язык, М., 1945, стр. 85—87, 102, и др.

26 Ср. А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, М., 1953, стр. 305, и др.

27 Все сказанное не означает, что синтаксис не может подвергаться иноязычным воздействиям. Заимствоваться могут отдельные конструкции, не имеющие себе эквивалентов в языке, испытывающем воздействие [ср. В. В. Виноградов, Основные этапы истории русского языка. (Статья первая), «Русский язык в школе» 1940, № 3, стр. 15], что не изменяет строя его синтаксиса в целом. Об отдельных синтаксических заимствованиях из греческого в старославянском см., например, R. R u z i c k a , указ. соч.

28 О разговорном характере древнерусского словопорядка, как он представлен в памятниках, ср., например: П. А. Л а в р о в с к и й , О языке северных русских летописей, СПб., 1852, стр. 105; М. И. Сухомлинов, указ. соч., стр. 198—199; Е. Карский, указ. соч., стр. 52, 53; Н. Д. Петрович, Синтаксис двинских грамот XIV—XV вв. Канд. диссерт., б. м., 1946.—Автор последней работы отмечает: «... в некоторых случаях по отношению к каждой паре сочинительных членов предложения особый порядок слов соблюдается довольно-таки последовательно» (стр. 130).

29 Ср. некоторые свидетельства: О. П. Каюрина, Исследование говора юго-западной части Чусовского района Пермской области. Канд. диссерт., М., 1953, стр. 234, 235; С. И. Котков, К изучению орловских говоров, «Ученые зап. Орловск. гос. пед. ин-та», т. VII, вып. 3, 1952, стр. 124—125; Н. П. Гринкова, Постпозитивный член в пермском говоре Кировской обл., сб. «Памятник акад. Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 130 и др.

Показания древнерусских памятников позволяют определить особенности функционирования различных способов расположения членов атрибутивной группы существительное-прилагательное. Остановимся на данных свободного употребления качественных прилагательных.

* * *

При помощи обычно применяемых в таких случаях приемов простого подсчета не удается установить, какой порядок расположения прилагательного-определения был характерен для древнейших русских оригинальных памятников: количество случаев постпозитивного и пре-позитивного использования прилагательных приблизительно одинаковое³⁰. Различия касаются условий употребления прилагательных.

Как нечленные, так и членные прилагательные в древнейших памятниках обычно занимают препозитивное положение в тех случаях, когда они связаны с сообщением нового и особо выделяются в высказывании. На такое выделение указывают определенные особенности конструирования предложения (или словосочетания), включающего в свой состав препозитивное прилагательное³¹. Ср., например: «·нынъ оу васъ нѣсть меду ни скоры · но мало оу васъ прошю · дайте ми от двора по ·г. голуби да [по] ·г. воробы ·азъ бо не хощю тяжьки дани вѣзложити ·икоже и мужъ мои сего прошю оу васъ мало ·вы бо есте изънемогли в [о]садѣ ·да сего оу васъ прошю мала.» (П 946, 58—59)³². Основной смысловой стержень этого отрезка — противопоставление *тяжьки дани*: *мало* — несколько раз конкретизируется и уточняется (*нѣсть меду, ни скоры, но мало оу васъ прошю; по ·г. голуби да по ·г. воробы; вы бо есте изънемогли въ осадѣ, да сего оу васъ прошю мала*) в связи со своей особой значимостью во фразе. В первом члене этого противопоставления — атрибутивном словосочетании *тяжьки дани* — наиболее активно участвует в противопоставлении прилагательное *тяжьки*, лексическое значение которого антонимично значению второго члена противопоставления *мало*, в то время как значение существительного *дани* безразлично к этому противопоставлению. О выделении прилагательного может свидетельствовать

³⁰ Ср.: В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, [Львов], 1949, стр. 217—311; Л. А. Коробчинская, К вопросу о порядке слов в древнерусском языке (по материалам Сузdalской летописи по Лаврентьевскому списку). Канд. диссерт., Львов, 1950; ее же. Функции порядка слов в древнерусском языке, «Вопросы языкоизложения», кн. 1, Львов, 1955.

³¹ Указаний на те или иные особенности интонации предложения в тексте памятников, к сожалению, найти не удается, хотя можно предположить, что интенсивность голосового тона — наиболее общий для разных языковых состояний компонент интонации — была аналогична современной. О роли интонации в смысловом членении высказывания ср.: Fr. Daneš, Intonace a věta ve spisovné češtině, Praha, 1957.

Интересные соображения об интонационном членении древнеславянского предложения высказал недавно Я. Бауэр (см. J. Bauer, Staročeská veta a staročeské souvětí na základě srovnávacím, сб. «K historikosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», Praha, 1958, стр. 111—112). По его мнению, интонационное разграничение предложений в речевом потоке в древности было значительно менее отчетливым, чем при современном состоянии славянских языков.

³² В настоящей статье приняты следующие сокращения: П — ПСРЛ, 2-е изд., т. I, вып. 1, Лаврентьевская летопись, Повесть временных лет, Л., 1926; ПП — Поучение Владимира Мономаха; Л — ПСРЛ, 2-е изд., т. I, вып. 2, Сузdalская летопись по Лаврентьевскому списку, Л., 1927; С — Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список), М.—Л., 1950.; Ип — ПСРЛ, 2-е изд., т. II, Ипатьевская летопись, СПб, 1908; РпС — Правда Русская. Тексты, Синодальный вид, М.—Л., 1940; А — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XV века, т. I, М., 1952. Орфография в примерах несколько упрощена.

вать наличие при нем усилительных слов: «·аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ» (Л 1237, 466); «не подабашеть бо. таковому силноу [-ому] Хлеби., Пог.] дому. поне единъ часъ бес пастоуха быти» (Ип 1182, 220); «створи же Рюрикъ. Ростиславоу велми силноу свадбоу ака же несть бывала в Роуси» (Ип 1187, 229) — в последнем примере, помимо употребления прилагательном усилительного наречия, акцентуация признака свидетельствуется и последующим разъяснением прилагательного. Выделение прилагательного может достигаться дальнейшей конкретизацией в предложении его значения: «·и совокуплѧ нача многы черноризъци · и совокупи братъ числомъ р.» (П 1051, 159—160); «·бѣ бо тогда многа зданыя въздвиже · докончавъ цркви [Ип., Хлеби.: много зданье въздвиже въ церкви] стаго Михаила · заложи цркви на воротѣхъ городных.... и посемь стаго Андрѣя.» (П 1091, 209).

Прилагательное может считаться выделенным и в тех случаях, когда оно является семантическим ядром атрибутивного словосочетания; ср., например: «· и члвка не минѣте не привѣчавше. добро слово юму дадите.» (ПП 1096, 246), где о семантической структуре рассматриваемого словосочетания говорит значение глагола *привѣчати* (скажать не просто какое-нибудь слово, а именно доброе слово). Аналогичны и примеры типа «аже холопъ оударить свободна моужа а оубѣжитъ въ хоромъ...» (РпС, 624), где активным элементом противопоставления (*холопъ — свободна³³ мужа*) в составе атрибутивного словосочетания оказывается в силу своего лексического значения прилагательное. Ср. также: «потомъ найде дѣжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы» (С 1145, 23 об.), где семантическим стержнем словосочетания *ясна дни* выступает прилагательное *ясна*, которое является активным элементом второго противопоставляемого члена в противопоставлении *дѣжгъ — ясна дни* (лексическое значение существительного *дни* не позволяет ему участвовать в данном противопоставлении)³⁴. В примерах типа «и придохомъ в Нѣмци. и видѣхомъ въ крамѣхъ. многи службы творѧща а красоты не видѣхомъ никоемже.» (П 987, 106) встречаем сопоставление двух групп (*видѣхомъ... многи службы творѧща — красоты не видѣхомъ никоемже*), соотнесенность которых усиливается повторением управляющего глагола. Все члены этих групп, в том числе определения *многи* и *никоемже*, оказываются выделенными благодаря своей сопоставленности. Характерно, что показания отрывков торжественно-книжного стиля и мест, зависимых от греческого оригинала, принципиально не отличаются от приведенного материала. Сопоставление двух синонимических групп *злѣженѣ — жены любодѣщи*, где нейтральное к сопоставлению существительное *жена* повторяется, а прилагательное *злѣ* замещается близким по значению, почти синонимичным *любодѣщи*, находим в следующем примере: «·не вѣнимай злѣженѣ. медь бо капльетъ от оустъ еи · жены любодѣщи» (П 980, 80). Ср. также случай: «вложили будуть зло слово золь бо члвкъ противу бѣсу. и бѣсь того не замыслить. еже золь члвкъ замыслить» (Ип 1170, 193 об.), где сопоставляются *золь члвкъ*.

³³ Здесь относительное прилагательное *свободынъ* в своем употреблении не отличается от рассматриваемых качественных прилагательных.

³⁴ Ср. аналогичную семантическую природу сложений типа *Новъгородъ, Вѣловѣро, великъ дѣнь и т. п.*, известных только в таком оформлении. На основании, в частности, этих фактов И. Козловский в указанной выше работе делает вывод об исконности препозиции атрибутивного прилагательного для русского языка, не учитывая при этом первоначально различную степень значимости членов в пределах таких словосочетаний. Ср. критику подобного вывода в указанной работе М. Виднес.

ловѣкъ — бѣсъ. Усиленный смысловой вес слова *золь* во всех трех словосочетаниях определяется всем построением предложения: определение *золь* повторяется в предложении трижды, из них два раза при одном и том же определяемом; в словосочетании *золь бо человѣкъ* определение и определяемое разделены союзом *бо*; во второй части предложения *золь* вынесено на первое место. Препозитивное употребление прилагательного сочетается с его выделением в высказывании и в случаях такого типа: «от единныи рыбы оурѣза оутрѣники · бѣснующисѧ отроковицю ипѣли · и слѣпа старца съльнца · видѣти створи ему оубо.» (Ип 1111, 100 об.), где имеется скрытое противопоставление: *слѣпа старца — съльнца видѣти*. При выделении препозитивном прилагательном может быть усилительное наречие: «·г. [т. е. зѣло]бо велье дѣло паче нас всприих.» (Л 1231, 458).

Препозитивное употребление членных прилагательных в древнейших памятниках определяется аналогичными условиями. Такие прилагательные обычно встречаются в составе конструкций, строящихся на основе противопоставления прилагательных. Ср.: «·постави Варлы посредѣ а на правѣи сторонѣ Кыине. а на лѣвѣи крилѣ Новгородци» (П 1036, 151); «·и идѧше на деснѣй сторонѣ Стополкъ · на шюеи Володимеръ · посредѣ же бѣ Ростиславъ ·» (П 1093, 220); «Вѣ то же лѣто заложиша великии мостъ выше стараго моста» (С 1229, 108 об.). Как и в отношении употребления нечленных форм, показания отрывков славянлизированного торжественного стиля и мест, зависимых от греческого оригинала, не обнаруживают особенностей в расположении препозитивного прилагательного, которое обычно является выделенным в высказывании. Ср. такие случаи: «·се же рече Соломанъ о прелюбодѣцах · о добрых женах рече...» (П 980, 80). Ранее приводятся слова Соломона о злых женах, затем следует высказывание о добрых женах; в самом приведенном предложении налицо противопоставление: *о прелюбодѣцах — о добрых женах*; во втором члене этого противопоставления именно прилагательное обладает значением, создающим самую возможность противопоставления. Ср. также такие примеры, где прилагательное входит в конструкцию противопоставления: «·си бо омылъ купѣлью стою · и совлечасѧ грѣховною одежевъ. ветхаго члвка адама · и вѣ новыи адамъ облечесѧ еже есть хсъ» (П 969, 68); «· ако правому пастуху · а не наимнику.» (Л 1194, 411); «· ни одиночество · ни чернечество · ни голодъ · ико ини добрии терпѧть · но малым дѣломъ оулучити млѣсть бью.» (ПП 1096, 244). В конструкции сопоставления: «·и дьяволъ радуетсѧ злому оубиству · и крови пролитью.» (П 1068, 167). В конструкции разъяснения: «в нихъ же суть · храбрыи жены ловити звѣрь крѣпко.» (П, 15).

Постпозитивное употребление прилагательного, широко представленное в древнейших памятниках, обычно не связывается с какими-либо определенными особенностями конструирования предложения или особенностями семантической структуры атрибутивного словосочетания, которые указывали бы на повышенную значимость прилагательного в высказывании. Можно полагать, таким образом, что постпозитивное прилагательное выражало обычный, невыделенный признак, не акцентированный особо в смысловом отношении и не служащий целям дальнейшего продвижения высказывания. Ср., например, такие случаи с нечленными формами: «· и посемь собравше кости · вложаху в судину малу ·» (Ипатьевский, Радзивилловский и Академический списки дают лексическое разночтение, но с тем же по-

рядком следования членов атрибутивной группы: *въ сосудъ малъ* (П, 14); «и ведоша и въстобку малу .» (П 1097, 260); «и повель комуждо голуби . и къ воробьеви привазывати цѣрь . обертывающе въ платки малы . нитькою поверзывающе . къ моемуждо ихъ.» (П 946, 59); «В се же лѣто престависл инь старецъ добрыи живъ лѣт . ч. в старости мастихъ» (П 1106, 281); «да бы бѣ повелѣль и твои мѣтва . да быхомъ поставили црквию [Ип., Хлебн.: церковицу малу, Радз., Тр.—церквицу (церковь) малу на дворѣ] въ печеры.» (П 1051, 158). В пропуске в Лавр. списке сравнительно с другими списками Повести постпозитивного прилагательного видим указание на невыделенность прилагательного, так как вряд ли возможен пропуск слова, формирующего основное ядро высказывания. Об этом же, возможно, свидетельствует тот факт, что значение прилагательного, собственно, повторяет уменьшительное значение суффикса существительного. Из других аналогичных случаев ср.: «възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ хоташе сѣти с родом своимъ» (П, 10); «и повель людемъ своимъ съсуги могилу велику .» (П 945, 57); «и възложиша на ил дањ тажьку.» (П 946, 60); «ависа звѣзда велика на западе.» (П 911, 32); «. и прииде на мѣсто идѣже бѣша лежаще кости его голы. и лобъ голъ» (П 912, 39). Показания отрывков славянизованного стиля аналогичны; ср.: «прудникъ будет. от слуха зла не оубоится.» (П 969, 68); «и се муж одѣнь въ пѣстро. и ладвии его припоисани златомъ чистомъ. и тѣло его аки фарсисъ . и лице ему аки молны . и очи ему ико свѣщи огненѣи . и мыщи ему плеши. подобни мѣди чистѣ. и глас его аки народа многа» (Ип 1111, 101 об.); «и чающе есмы бжиз блгти. и лика преславна.» (Ип 1187, 228); «. и мужа неправедна зло уловить въ истлѣнъ.» (Л 1207, 430, псал. СХХХІХ, 12); «млтвми твоими влдко . да схранена буду от сѣти неприязнны.» (П 955, 61). Ср. также случаи, не носящие следов торжественного стиля, но в которых определения-прилагательные входят в состав оборотов, обычных для церковнославянской образности: «не вѣдяше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничество дати Михалку.» (С 1255, 134); «.и многи крестыны от плениния избависта и пѣсь славноу поихоу има.» (Ип 1251, 273).

Членные постпозитивные прилагательные, как и нечленные, встречаются в составе предложений, в которых отсутствуют какие-либо указания на особое выделение таких прилагательных. Ср.: «и облѣютса квасомъ оуснилины. и возмутъ на ил прутье младое. . . . и облѣютса водою студеною.» (П, 8); «аще ли будаше нужное орудье . то оконцемъ малым бесѣдоваше. въ суботу ли в недѣлю.» (П 1074, 185); «аже починить моста ветхаго, то колико городень починить, то взѧти имоу по кунѣ от городне.» (РПС, 626); «...сгорѣ церкы святого Василья, а дворовъ добрыхъ 30; ...сгорѣ церкы святого Дмитрия, а дворовъ добрыхъ 50» (С 1261, 138); «. Данилови женоущо чересъ дебрь глоубокою . на Оугры. и Роусь бьющю ъ» (Ип 1249, 270); «и купляхомъ кадку малую по 7 кунъ» (С 1161, 32); «конь дикихъ своима руками свазалъ исьмь. въ путах . и . живых конь.» (ПП 1096, 251); в последнем примере, впрочем, не наблюдаем обычных отношений между постпозитивным и препозитивным определением (прилагательное в группе живыхъ конь так же не выделено, как в группе конь дикихъ, что, возможно, связано с тем, что в Поучении Владимира Мономаха, обнаруживающем большую близость к живой речи, может быть зафиксировано более позднее языковое состояние); «и. Петръ же отл ему руку десную» (Ип 1175, 208); «.и руку правую отсѣкоша . и

очи ему вынаша.» (Ип 1172, 197 об.). Характерно, что подобные словосочетания допускают постпозитивное расположение прилагательного в отличие от случаев типа *на правѣ сторонѣ* (см. выше), где прилагательное всегда является противопоставленным, в связи с чем была возможна только его препозиция. (Во всем обследованном материале не встретилось ни одного случая с постпозитивным прилагательным в подобных конструкциях.) Ср. далее такие примеры: «*блъхоуть бо полчи видениемь. акы боровѣ велицыи*» (Ип 1268, 288); «*оно ти сѣдить вранъ черныи . иди ими и.*» (П, 1074, 195). Последний пример особенно показателен — он встретился в прямой речи, относящейся к обычному бытовому разговору (слова принадлежат повару) и может *mutatis mutandis* рассматриваться как характерный для живого языка древнейшей эпохи. Из примеров переводных ср., например, следующие места из Мефодия Патарского, где членные постпозитивные прилагательные означают обычный невыделенный признак: «*и [Радз., Акад. загна их на] полуночныи страны и [Радз., Акад.: въ] горы высокии.*» (П 1096, 236); «*. и видѣ ту члвки нечстыи . от племене Нелфетова*» (П 1096, 235).

Следует отметить, что как членные, так и нечленные постпозитивные прилагательные встречаются в конструкциях определенного типа, что свидетельствует об отсутствии их особой акцентуации в высказывании. Именно, если прилагательное определяет одно из перечисляемых дополнений или подлежащих, оно, как правило, постпозитивно, так как в таких конструкциях смысловым стержнем высказывания являются сами дополнения (подлежащие) и глаголы (сказуемые, если их несколько), характеристика же какого-либо из перечисляемых членов оказывается менее существенной для высказывания. Ср.: «*потрлесся земля. и цркви и трапеза . и иконы подвѣжшася по стѣнам. и панікади с свѣща*. и свѣтла поколѣбашася, и людии мнози изумѣшася*» (Л 1230, 454); «*А скота рогатово воловъ и коров и телѧ малых полсемадесѧт*» (А, гр. 71).

Кроме рассмотренных случаев контактного расположения прилагательного и его определяемого, древнейшие памятники знают и дистантное их расположение. В этом последнем случае определение обычно постпозитивно. Роль такого определения в высказывании различна. Постпозитивное дистантно расположенное прилагательное-определение синонимично постпозитивному контактно расположенному, если между членами атрибутивного словосочетания находится предлог-энклитика, союз-энклитика или энклитическая усилительная частица: такое разъединение членов атрибутивного словосочетания вызывалось не какими-либо особенностями их смыслового взаимоотношения, но строгими требованиями определенного расположения такого рода слов в древнеславянском предложении³⁵. Ср.: «*мѧс не идуще ни вина пьюще. ни блуда творѧще. . . . страха ради многа.*³⁶» (П, 15) (соответствующее место из Амартола: *διὰ πολὺν φόβον θεοῦ*; предлог стоит перед атрибутивным словосочетанием); «*Дигитрию же чудьную, иже по гряду хожаше, святую богородицу, съблюде ю богъ добрыми людьми*» (С 1204, 71).

Повторение предлога при постпозитивном прилагательном (с препозитивным прилагательным не встретилось ни одного случая с предлогом) — широко распространенное в древних памятниках явление — создавало, по-видимому, известную расчлененность атрибутивной

³⁵ См., например, Fr. Trávníček, указ. соч., § 111—114.

³⁶ Здесь издатели добавляют еще *Божиѧ* из Амартола.

группы, но не служило специально целям выделения прилагательного. Таким образом, конструкция с повторяющимся предлогом также, очевидно, была синонимична построению с постпозитивным прилагательным без предлога. Ср.: «аже погоубать слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села не боудеть, или на поусте, кдѣ же не боудеть ни села, ни людии, то...» (РпС, 624 об.). Противопоставление *на гостинци на велицѣ — на пусте* не дает оснований говорить о том, что прилагательное выделено. Выделение прилагательного достигается таким разъединением прилагательного и определяемого им слова, при котором между ними оказываются другие члены предложения; при этом нередко прилагательное выносится в конец фразы. При таком построении атрибутивная группа, обычно имеющая одну интонационную вершину, получает возможность интонационного выделения обоих своих членов, которые, обрамляя какую-то часть предложения, оказываются в центре внимания говорящего в течение всего данного отрезка речи. О выделении этих членов иногда свидетельствуют и некоторые дополнительные особенности смыслового строения предложения. Ср., например: «Того же лѣта заложиста Твѣрдиславъ съ Федоромъ церковь камяну святого Михаила, а другую святыхъ З отрокъ посторонъ малу, съвѣршиша ю въ 4 дни». (С 1219, 92), где противопоставляется большая каменная церковь св. Михаила, которую заложили в то лето, и маленькая, которую можно было построить в течение четырех дней (хотя слово *велика* или его синоним в предложении отсутствует).

Однако иногда в дистантном положении находится такое прилагательное, которое не сообщает чего-либо нового и вообще отсутствует в первоначальных установках сообщения. Оно добавляется в процессе речи, после того как основное сообщение уже сделано, для пояснения какого-либо момента высказывания, который до того представлялся достаточно ясным. Ср.: «игумен же и братии заложиша цркви велику и манастирь огородиша. а съ столпьемъ кельѣ поставиша многы. цркви свершиша. и иконами украсиша.» (П 1051, 159). Структура данного предложения определяется рядом однородных сказуемых, при которых имеются прямые дополнения. В этом плане понятно отсутствие особого акцента на первом (постпозитивном) определении (*велику*) и непонятно дистантное положение второго, если только оно означает выделение прилагательного. Полагаем поэтому, что определение *многы* добавлено в поступательном ходе речи как дополнительный элемент, не играющий существенной роли в продвижении предложения.

Препозитивные дистантно расположенные прилагательные встречаются чрезвычайно редко, преимущественно в поздних памятниках. Это, очевидно, объясняется тем, что препозиция прилагательного была связана в древности с выделением в предложении прилагательного, расположенного непосредственно перед своим определяемым. Какая-либо дополнительная модификация препозиции оказывалась здесь излишней.

* * *

Атрибутивность постпозитивных прилагательных в приведенных примерах, по-видимому, не вызывает сомнений. Во всяком случае, нет никаких данных, которые могли бы указывать на процессуальный характер признака, обозначенного этими прилагательными. В связи с этим представляется неоправданным реальными отношениями мнение о том, что постпозитивное прилагательное обозначало в древности признак особо энергичного проявления, т. е. признак преди-

цируемый³⁷. Такое мнение не согласуется и с общим ходом исторического развития в отношении порядка слов: памятники различных жанров и стилей свидетельствуют о росте препозитивного использования прилагательных (не в составе сказуемого)³⁸. Таким образом, следовало бы допустить уменьшение количества предицируемых прилагательных, а подобное допущение, естественно, не может оправдываться фактами языкового употребления. Вообще материал древнейших памятников показывает, что атрибутивность и предикативность прилагательного, видимо, не различались в зависимости от того, какое место занимало прилагательное в отношении существительного; такая дифференциация, по-видимому, — факт более позднего развития, связанный и с новым распределением синтаксических функций между членными и нечленными формами³⁹. Так, в конструкции двойного винительного падежа, где имя прилагательное выступало в роли второго винительного, при общем преобладании постпозитивного расположения прилагательного (контактного или дистантного) в ранних памятниках встретились и препозитивные случаи. Ср.: «. близны же епспъ Кириль. взл *кназа мертвa.*» (Л 1237, 465); «. и тако выша (в Хлебн. и Пог. прибавлено: его) ис пороба . *вельми болнаго.*» (Ип 1146, 124); «*еїспа* оставша *жива.*» (Ип 1237, 264); «.и не лѣнива *мл* быль створилъ *худаго* на всѧ дѣла члвчскайа по- требна.» (ПП 1096, 252). В различных предикативных конструкциях, в которых прилагательное выступает в форме именительного падежа, его положение также не было определенным. Ср. возможные варианты расположения членов в конструкции типа *бысть сѣча зла* (где синтаксическая природа прилагательного допускает двоякое толкование): «.и бѣ гладъ *великъ* . ико по полугрівнѣ глава коняча.» (П 971, 73—74); «нъ лютъ бяше путь, оже купляху по ногатъ хлѣбъ» (С 1123, 10 об.); «Въ се же лѣто вода бяше велика въ Волхове, и хоромъ много сноси» (С 1128, 12 об.).

Прилагательное в составе именного сказуемого со связкой могло также иметь различное расположение. Ср.: «. бѣ бо Болеславъ *великъ* и *тажекъ* . ико и на кони не могы сѣдѣти. но блише смыслень.» (П 1018, 143); «братья же ради бывше» (П 1015, 139); «люба ми есть рѣчъ ваша.» (П 945, 56); «. лютъ се мужъ хоче быти.» (П 971, 71). Различные случаи расположения прилагательного-сказуемого при от-

³⁷ Ср. Е. С. Истрина, Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1 Новгородской летописи, Пг. 1919, (ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1, 1918); В. И. Борковский, указ. соч. Интересные соображения о древнем значении прилагательных в предикативной функции см. в указанной работе Н. И. Толстого, стр. 99—104.

³⁸ Ср., например: Н. Д. Петрович, указ. соч.; З. Д. Попова, Виды синтаксических связей в Азовской записной книге 1698—1699 гг. Канд. диссерт., Воронеж, 1954; Л. Шакун, Употребление именных и местоименных форм прилагательных в белорусском языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1953; В. Увегаин, указ. соч.

³⁹ Так, Станг отмечает для XVII в., что «употребление „краткой“ формы — то же, что и в современном русском языке: она является формой, которую принимает прилагательное в предикативной функции» (Chr. S. Stang, La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотных людей», 1647, Oslo. 1952, стр. 42).

Для языка грамот XIV в., по свидетельству П. Г. Стрелкова, «употребление именных форм прилагательных в атрибутивном значении весьма обычно», хотя «процесс вытеснения именных форм членными свидетельствуется многими примерами...» (П. Г. Стрелков, О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в., «Сб. общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете», вып. 2, Пермь, 1927, стр. 121). Постпозитивные атрибутивные нечленные формы почти полностью отсутствуют в Устюжском летописном своде, в Ремизовской летописи.

существии связки: «.лютъ бо граду тому в нем же *князь оунъ*» (П 1015, 140); «.се бо не по земли ходимъ . но по глубинѣ моръстѣи *объча смиръ всѣмъ.*» (П 944, 46). Ни одного случая препозитивного расположения прилагательного не встретилось лишь в конструкции с двойным именительным типа «.Глѣбъ же вынемъ топоръ роста и . и паде *мертвъ*» (П 1115, 181). Впрочем эти конструкции в ранних памятниках немногочисленны и встречаются лишь в «Повести временных лет». Характерно, что в ранних памятниках в немногих встретившихся случаях использования членной формы в предикативной функции прилагательное только постпозитивно. Возможно, это следует связывать с более поздним характером этих конструкций.

Таким образом, наиболее распространенные в древности типы предикативных конструкций, включающие прилагательное, знали различные способы его расположения; постпозиция прилагательного имела некоторое количественное преобладание, однако это обстоятельство еще не позволяет считать постпозицию отличительным признаком предикативного прилагательного. Расположение прилагательного вслед за словом, к которому оно относилось, было средством оформления как атрибутивных, так и предикативных отношений. Дальнейшее развитие, представленное памятниками, показывает дифференциацию его функций и позволяет считать, что при всей сложности отношений между разными конструкциями в памятниках различных жанров и стилей в русском языке действовала определенная тенденция к закреплению постпозитивного положения за предицируемым прилагательным. Такое стремление к однозначности данного синтаксического средства, естественно, не могло не вызвать к жизни длительного процесса противоположного направления, в результате которого предпозитивное расположение стало средством выражения атрибутивности прилагательного.

Для понимания того обстоятельства, почему именно постпозиция прилагательного явилась средством оформления его предикативности, следует иметь в виду и некоторые особенности древнего распределения различно расположенных прилагательных по падежам. Так, прилагательные в форме именительного падежа (а эту форму имело по давляющее большинство древних предикативных прилагательных) вообще в любой функции обычно были постпозитивными, что могло быть связано с преимущественным употреблением имен в функции приложений (обычно постпозитивных) в форме именительного падежа. В древнейших памятниках на восемнадцать случаев употребления постпозитивного атрибутивного нечленного прилагательного в именительном падеже приходится лишь три случая препозиции прилагательного (во всех трех случаях оно выделено). Членные прилагательные дают несколько менее яркое соотношение — здесь на пять случаев постпозиции приходится три случая препозиции, но при этом любопытно, что все эти три случая (прилагательное всюду выделено) принадлежат церковно-книжному стилю.

* * *

Итак, в древнерусском языке древнейшей эпохи существовала определенная система расположения атрибутивных качественных прилагательных, не зависящая от оформления этих прилагательных по членному или нечленному типу: постпозитивное контактное положение означало, что прилагательное не является наиболее актуальным членом высказывания; препозитивное контактное положение было свойственно прилагательному, сообщающему нечто новое; постпозитивное дистантное расположение имело различные функции, и в том

числе могло оформлять прилагательное, несущее новое сообщение; препозитивное дистантное положение также означало, что прилагательное является сообщением нового; последнее положение встречалось редко. Члены охарактеризованной системы, как видно, не были строго оппозитивны. К основному функциональному противопоставлению контактной постпозиции и контактной препозиции прилагательного добавлялось противопоставление контактной постпозиции и дистантной постпозиции, а также контактной постпозиции и дистантной препозиции. Такая нечеткость коррелятивных отношений, создаваемая синонимичностью трех членов корреляции, содержала в себе потенциальную возможность смешения функций членов системы при условии достаточно интенсивных иных воздействий.

Следует отметить, что в отношении прилагательных, подобных приведенным выше, охарактеризованные принципы их размещения осуществлялись достаточно последовательно. Исключения здесь буквально единичны. Однако в то же время некоторые категории прилагательных остались вне этой системы. Среди качественных прилагательных сюда относились (по-видимому, в силу некоторых особенностей своего лексического значения) прилагательные *многъ* (-ъи), *великъ* (-ъи) (в особенности те из них, которые были употреблены не в своем первоначальном пространственном или количественном значении, а в переносном, означающем степень качества и пр.) и различные прилагательные эмоционально-экспрессивные, оценочные, выступающие в качестве эпитетов с определенным стилистическим заданием; эти последние употреблялись в основном в славянизированном стиле⁴⁰. Данные группы прилагательных в общей своей массе оказывались безразличными к месту их расположения в атрибутивной группе и в предложении в целом, хотя в отдельных случаях выделенные прилагательные этих групп занимали препозитивное, невыделенные — постпозитивное положение (ср. приведенные выше случаи). Широко представленные в древних памятниках прилагательные этих разрядов могли при одинаковом строении предложения и одинаковых семантических взаимоотношениях членов атрибутивного словосочетания занимать различное положение. При этом оформление прилагательного по членному или нечленному типу значения не имело.

Ср., например, такие случаи употребления прилагательных *многъ* (-ъи), *великъ* (-ъи): «и тоу пребыша в *весельи велицѣ* [-ци — Хлебн., Пог.] и в *любви мнозѣ*.» (Ип. 1195, 235 об.); «да в *велицѣ* чти [чести — Ип., Хлебн.] приду за вашь *князъ*. еда не пустать мене людье Киевьстии.» (П 945, 56—57); «. преиша црквь Дмитрия Печерне . и нарекоша ю Петра . съ грѣхом велиkim . и неправо.» (Л 1128, 299); «тѣхъ святыхъ *великими молитвами* пособи богъ князю Александру» (С 1242, 129 об.); «. хрѣсномъ бо *многыми напастями* внiti въ црство ибсное.» (Л 1185, 393; Л 1239, 468). Для употребления прилагательных эмоционально-экспрессивной оценки (выступающих в функции эпитетов) характерны такие, например, случаи: «. супротивника по-правъ. дьявола и юго козни. побѣдникъ явисѧ противнымъ юго стрѣламъ. и гордымъ помысломъ. ставъ супротивно. . .» (П 1091, 214); «. и прободенъ быс от *прокламого Нерадьца*. от дьявола наученъ и от злыхъ члкъ.» (П 1086, 206); «.и радовашесѧ с нимъ *неиздреченою*

⁴⁰ По имеющимся данным, среди относительных (и притяжательных) прилагательных, нормы расположения которых в общем были теми же, что и у качественных прилагательных, имелись отдельные группы, не обнаруживающие сколько-нибудь четких принципов расположения (например, прилагательные с суффиксом *-ъск-*).

радостью . юже оулучиста братолюбемъ своимъ.» (П 1015, 136); «... оу Въладыки Всецрѧ . пребывающа в радости бесконечнѣй . во свѣтѣ неиздреченьиѣмъ.» (П 1015, 137); «. си же оумръ во исповѣдании . добрымъ» (Ип 1015, 49 об.). Ср. такое употребление прилагательного в разных положениях в одном предложении: «. върою во истину тѣло и кровь , приемлю прквнаꙗ преданы . и кланяюся чстнмъ иконамъ . кланяюся древу чстнму...» (П 988, 113). Особо следует отметить прилагательное *свѧтъи* (встречалось, как правило, в членном оформлении), которое во всех памятниках, начиная с древнейших, употребляется исключительно в препозиции. (При необычайно широкой распространенности этого прилагательного отмечены лишь единичные случаи его постпозиции; некоторые из них связаны с фразеологическим характером соответствующих словосочетаний.)

Полагаем, что безразличие указанных прилагательных к месту их расположения связано с экспрессивно-оценочным характером этих прилагательных, благодаря которому у них ослаблялась, а часто и вовсе отсутствовала функция называния конкретного признака предмета. А ведь именно эта функция позволяет прилагательному выполнять в предложении определенную познавательную роль и передавать новое сообщение. Таким образом, в отношении указанных прилагательных возникла синонимичность основных противопоставленных по функциям средств — контактной постпозиции и контактной препозиции прилагательного. Препозиция утрачивала свою выделяющую функцию. При исключительно широкой употребительности прилагательных-эпитетов [а прилагательные *многъ* (-ти), *великъ* (-ти) в отвлеченном значении примыкали к этим прилагательным], особенно в торжественно-книжном стиле⁴¹, когда некоторые часто повторяющиеся обороты имели тенденцию даже стабилизоваться (ср. приведенное выше въ *велицѣ чти* и др.), легко могло возникнуть колебание и в употреблении тех прилагательных, которые подчинялись установившейся в языке системе. Это влияние могло оказаться тем более эффективным, что сама система не была устойчивой. Особо следует отметить то обстоятельство, что прилагательные-эпитеты в подавляющем большинстве выступали в членной форме, которая впоследствии явилась единственной формой для выражения атрибутивных отношений. Таким образом, в самих особенностях функционирования древнерусских качественных прилагательных-определений крылась возможность утраты той роли, которую имела препозиция для смыслового выделения прилагательных. Материал более поздних памятников позволяет установить направление, в котором осуществлялся этот процесс.

Охарактеризованные выше некоторые особенности расположения древнерусского одиночного прилагательного-определения, разумеется, не существовали изолированно. Они были связаны с определенными более общими тенденциями древнерусского словопорядка и, в частности, с правилами расположения других разрядов определений, различающихся в зависимости от морфологических особенностей входящих в их состав слов. Только на фоне общего процесса развития норм расположения русского определения могут быть выяснены те более частные явления, освещение которых входило в задачу настоящей статьи.

⁴¹ Заметим, однако, что употребление экспрессивно-оценочных прилагательных с такой же непоследовательностью в выборе того или иного положения наблюдается и в отношении стиля, более близкого к устной речи, лексический состав прилагательных которого далек от книжного калькирования; ср. например, *лютый зверь* из «Поучения Владимира Мономаха».

E. И. Мельников

О ЯЗЫКЕ И ГРАФИКЕ ПОДПИСИ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ 1063 ГОДА

I

Подпись дочери великого князя киевского Ярослава Мудрого, французской королевы Анны Русской¹, на латинской грамоте 1063 года — ценный исторический памятник, однако все еще недостаточно изученный. Интересен он с точки зрения лексикологии, фонетики, палеографии; ценен как для славянской, так и для романской филологии.

Текст грамоты² ничего, к сожалению, не дает для решения историко-лингвистических проблем, связанных с подписью. Подпись содержит два слова, написанных слитно, — *анаරъина*, которые и по-латыни и по-французски значат «Анна королева». Относительно языка подписи были высказаны разные мнения.

1. Лексико-фонетический прототип подписи французский³; *ръина* — это написанное славянскими буквами старофранцузское слово *reine*.

2. Прототип подписи латинский⁴.

3. Прототип подписи латино-французский: мать короля «славянскими кирилловскими буквами приблизительно передала тогдашнее французское произношение латинского *Anna regina*»⁵.

¹ В русской научной литературе ее называют Анной Ярославной и Анной Ярославовной.

² M. Prou, Recueil des actes de Philippe 1-er, roi de France (1059—1108), Paris, 1908, № XVI, стр. 48. Из текста явствует, что это дарственная грамота, полученная от короля Франции аббатством св. Кристини в Суассоне в 1063 г.

³ A. Thomas, Essais de philologie française, Paris, 1897, ч. 1, стр. 159—165, гл. XVIII: «La signature de la reine Anne de Russie»; Кр. Нугор, Grammaire historique de la langue française, I, Copenhague, 1904, стр. 178; E. Gamillscheg, Nochmals Ana Rъina, «Zeitschrift für slavische Philologie», V, Leipzig, 1928, стр. 136—138; Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. 1, Брно, 1927, стр. 23: «Подпись сделана по-французски, но русскими буквами».

⁴ См., например, R. Ekblom, Ana Rъina, «Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar», Uppsala, 1928—1930; K. Vossler, E. Bergneker, Zur Unterschrift der Königinmutter Anna, «Archiv für slavische Philologie», XLII, 3—4, Berlin, 1929, стр. 258—261; П. Черных, К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославовны, «Доклады и сообщения филолог. фак-та Московского гос. ун-та», вып. 3, М., 1947, стр. 27—31.

⁵ Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 125.

Судя по латинским грамотам⁶ Филиппа I, *Anna regina* — имя и титул его матери, вдовствующей королевы⁷. Сочетание этих имени и титула находим в четырех из дошедших до нас грамот (1061, 1065 и 1067 гг.⁸). Кроме *Anna regina*, грамоты дают также один случай написания *Agna regina* (точнее род. падеж *Agne reginę* 1060 г.⁹) и один случай *Agnes regina* (1061 г.)¹⁰. Имя Агнессы встречаем еще в одном месте в род. падеже *Agnetis* (1060 г.)¹¹. Именем Анны названа королева в разных грамотах в собрании грамот Филиппа I, изданном М. Пру, не менее восьми раз. Не входя в обсуждение вопроса о том, почему Анну Ярославну называют некоторые памятники Агнессой¹², отметим, что это имя не типично для грамот; типично имя Анны. В грамоте 1069 г. прямо сказано от имени Филиппа I: «*mater mea, nomine Anna*¹³. Тем же именем называет французскую королеву и булла папы Каликста II 1119 г.: «*ecclesiam sancti Vincentii... a rege Francorum Philippo et matre sua Anna fundatam*¹⁴. Важно также то, что сама королева написала о себе, что она Анна, то есть написала имя, которое было в православной Руси не только принято, но и хорошо известно (чего нельзя сказать об имени католической святой Агнессы). Форма имени и титула *Anna regina*, встречающаяся в грамотах Филиппа I гораздо чаще, чем *Agnes regina* или *Agna regina*, наиболее близка в фонематическом отношении к подписи *анаръина*.

Анна Ярославна написала свое имя с одним *н*, хотя, кажется, более обычным в русской письменности в XI в. было написание этого имени через два *н* — *Анна*¹⁵. Впрочем, колебания в написании двойных согласных в древности — не редкость даже у профессионалов-писцов. Так, очень известное имя *Иоанн* писалось в XI в. с двумя *н* и с одним *н*¹⁶. Случай написания женского имени *Анна* с одним *н* имеется в Остромировом евангелии¹⁷. И поэтому, как и по вышеприведенным соображениям, трудно согласиться с предположением¹⁸, что *ана* — не *Anna* (Анна), но *Agna* (*Agnes*, Агнесса) с пропущенным (по графическим или фонетическим причинам) *г*. В разговорном стиле современного русского языка, особенно в быстрой речи, стирается удвоенный, двухвершинный характер согласных, и они заметно сокращаются¹⁹. Возможно, что и в старину пишущие пропускали одно из двух *н* между гласными, тоже подчиняясь менее четкому разговорному стилю произношения.

⁶ Первые грамоты на французском языке появились только в XIII в.

⁷ После смерти своего мужа, короля Генриха I (1060 г.), в царствование своего малолетнего сына Филиппа I, королева Анна принимала участие в управлении Францией.

⁸ М. Ргоц, указ. соч., стр. 31, 35, 53, 98.

⁹ Там же, стр. 14.

¹⁰ Там же, стр. 34.

¹¹ Там же, стр. 20.

¹² См. П. Черных, указ. соч., стр. 29, 30; ср. В. А. Тимирязев, Французская королева Анна Ярославна, «Исторический Вестник», XV, СПб., 1894, январь, стр. 205, 206.

¹³ М. Ргоц, указ. соч., стр. 121.

¹⁴ Там же, стр. 122.

¹⁵ Например, в мине 1095 г.; см. Е. Ф. Карский, Образцы славянского кирилловского письма с X по XIII век, Варшава, 1901, стр. 14.

¹⁶ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1, 2-е изд., М., 1952, табл. при стр. 8, стр. 17, 25, 29.

¹⁷ П. Черных, указ. соч., стр. 29. См. М. М. Козловский, Исследование о языке Остромирова евангелия, «Исследования по русскому языку», т. 1, СПб., 1885—1895, стр. 49.

¹⁸ П. Черных, указ. соч., стр. 29, 30.

¹⁹ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским, 5-е изд., М., 1955, стр. 191, 80.

Одно и в имени подписаншейся показывает отсутствие у нее зависимости от латинской орфографии. В грамотах Филиппа I ее имя с двумя *и*. Нелатинская подпись на грамоте, написанной на официальном письменном языке королевской канцелярии — латинском, говорит о том, что французская королева не владела латинским языком. О незнании латинского письма, вероятно, свидетельствует и крестик над славянской подписью под крестом, заменяющим подпись короля²⁰. Поскольку Анна Ярославовна не владела латинским языком, не могла она знать и особенности латинского правоописания.

В конце слов *ана* и *ръина* стоит буква *-a*, так же как и в латинском *Anna* и *regina*. В памятниках старофранцузской письменности у аналогичных слов *-e* на конце, потому что звук *-a* в конце латинских заимствований подчинился закону французского языка, требующему ослабления конечного *-a* в *-e* (*-a*), так что конечное *-a* встречается в старофранцузской словесности уже в IX в. лишь у архаизмов или латинизмов²¹. В букве *-a* на конце слова *ръина* можно видеть латинское влияние, то есть влияние латинского выражения *Anna regina*, которое, впрочем, королева слышала в произношении французов, и отчасти влияние ее русского имени, стоящего рядом с титулом. Для Анны Ярославны, как славянки, естественно окончание *-a* в иминительном падеже существительных женского рода, оканчивающихся на гласный, особенно имен лиц женского пола. Свое имя, то есть слово *ана* (Анна), французская королева написала по-русски, как умела. Трудно себе представить, чтобы Анна Ярославна, подписываясь по-славянски, стремилась во что бы то ни стало передать «тогдашнее французское произношение латинского *Anna*», скорее можно думать, что она как могла и как научилась в отечестве, так и написала свое имя.

Что касается слова *ръина*, то, по предположению П. Я. Черных, это латинское *regina* в передаче киевлянки, которая «процитила *g*, вероятно, потому, что с этим знаком в ее сознании связывалось представление с фрикативным *z*, тогда как по-латыни слово *regina* произносится с *g* взрывным»²², а «произношение латинского взрывного *g* (*z*) для Анны представляло непреодолимые трудности, потому что в XI в. в Киеве *g*, вероятно, произносилось как фрикативный звук»²³.

²⁰ Есть предположение, что верхний крестик сделан рукой самого короля, а нижний — рукой королевы-матери (М. Ргоу, указ. соч., стр. 48). Действительно, верхний крест с длинной и неровной горизонтальной чертой написан неискосно, явно неопытной рукой, сильно нажимавшей на перо, — рукой мальчика (совсем иные линии у монограммы Филиппа I, нарисованной уверенной рукой писца королевской канцелярии). Нижний крестик гораздо меньше и изящнее верхнего, написан более правильными и более тонкими чертами — твердой рукой взрослого (но не рукой лица, написавшего грамоту). См. снимок части грамоты с подписью, крестиками и монограммой в «Archiv für slavische Philologie», т. 42, стр. 259. Подписи в виде креста на средневековых латинских грамотах — обычное явление. См. подписи-крести неграмотных монархов и феодальной знати на грамотах XI—начала XII в. с приписками писца, сопровождающими кресты-подписи, как, например: «Signum crucis a Phillipo rege» (1060 г., М. Ргоу, указ. соч., стр. 7); «Ego Philippus rex Francorum mea manu subscripsi», «Ego Guillelmus rex Anglorum mea manu subscripsi» (там же, стр. 244); «Ad firmitudinem perpetuam facti Goffridus comes signum hoc sanctae crucis manu sua impressit» (1106 г.) и т. п.

²¹ М. В. Сергиевский, Введение в романское языкознание, М., 1952, стр. 225.

²² П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 2-е изд., М., 1954, стр. 146.

²³ П. Я. Черных, указ. соч., стр. 36. См. также: Ф. И. Медведев, Історична граматика української мови, ч. 1, Харків, 1955, стр. 87: «Пропуск же Ганною Ярославною взрывного латинского *g* свідчить про те, що, мабуть, для мови киян XI століття цей звук був не властивий і замінений фрикативним *h*».

Наличие в старофранцузском языке *reïne* и *roïne*²⁴ дает, однако, повод предполагать, что *ръина* может быть также латинским *regina* во французском произношении. *Reïne* — *roïne*, происходя от латинского *regina*, в старофранцузский период является французским словом. Отсутствие *г* в *ръина*, вероятно, представляет не столько графический прием Анны Ярославовны, сколько отражение отсутствия этого звука в самом слове, произносимом соответственно фонетике французского языка, на котором королева французов в то время и говорила. Анна Ярославна, подписывая грамоту, несомненно, владела французским языком, будучи уже не менее двенадцати лет во Франции, куда она приехала молодой²⁵, в возрасте, когда сравнительно легко усваивают произношение. Со своими детьми²⁶ и приближенными она разговаривала по-французски; слышала в столице королевства не латынь, а живую французскую речь. Анна Ярославна, безусловно, должна была хорошо знать французское слово, которое обозначало высокое положение, занимаемое ею в королевстве, и умела его произносить. Слово, соответствующее латинскому *regina*, в наречиях французского языка того периода было без *г*: *reïne*, *roïne*, *raïne* — первая форма принадлежала западу, а вторая востоку северофранцузской языковой области, третья была юго-восточной формой²⁷.

Вполне возможно, что звуки в *ръина*, за исключением конечного *-а*, отражают в какой-то степени старофранцузскую фонетику.

В таком случае пропуск *г* в *ръина* следовало бы объяснить так же, как и отсутствие *г* (*г*) в *reïne*, то есть историей взрывного *г* латинских заимствований во французском языке²⁸. В вульгарной латыни вместо *г* в *regina* произносился звук *й* (*j*), так что звука *г*, присущего *regina* классической латыни, нет в этом слове не только во французском, но и в некоторых других романских языках²⁹.

2

По вопросу о графике подписи Анны Ярославны существуют два мнения³⁰.

²⁴ См. *reine*: A. Dauzat, *Dictionnaire étymologique de la langue française*, Paris, 1938; E. Gamillscheg, *Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache*, Heidelberg, 1928; «Словарь старофранцузского языка» к «Книге для чтения по истории французского языка» В. Шишмарева, М.—Л., 1955, стр. 219.

²⁵ Анна Ярославна родилась около 1024 г., (умерла между 1075—1089 г.); см. БСЭ², т. 2, стр. 457.

²⁶ У королевы Анны, кроме Филиппа, было еще два сына: Роберт, умерший в малолетстве, и Гуго — впоследствии граф Верманду (см. «Энциклопедический словарь», Изд. Брокгауза и Эфрона, СПб., 1, 1890, «Анна Ярославна»).

²⁷ K. Vossler, E. Bergkeller, указ. соч., стр. 260.

²⁸ A. Thomas, указ. соч., стр. 164. K. Rocher-Skála, *Učebnice staré francštiny*, Praha, 3. vydání, 1946, стр. 60. F. Brinot et Ch. Grinpeau, *Précis de grammaire historique de la langue française*, Paris, 1949, 3-е éd., стр. 44, 46.

²⁹ O. Bloch, *Dictionnaire étymologique de la langue française*, Paris, 1932, т. II, «Reine».

³⁰ Палеографическое обследование подписи было бы очень желательно. Исследователи подписи высказывают только общее впечатление от графики памятника, не анализируют ее, во взглядах расходятся; снимки подписи в различных изданиях не вполне совпадают и не совсем точны. Ср., например, воспроизведение буквы *р* у А. Тома (указ. соч., стр. 160), М. Пру (указ. соч., стр. CXXXIV) и Е. Ф. Карского (Славянская кирилловская палеография, стр. 125). — В популярных изданиях подпись, как правило, воспроизводится неточно (например, «Исторический Вестник», СПб., 1894, январь, т. XV, стр. 209; М. Грушевский. *Ілюстрована історія України*, Київ, 1911, стр. 99, рис. 91; А. П. Воротников, Анна Ярославна, королева Франции, Париж, 1930, и др.).

Грамота 1063 г. воспроизведена фотомеханически в издании: Larousse, *La Russie*, Paris, 1892, см. стр. 474.

1. Подпись сделана славянскими кирилловскими буквами. Таков взгляд большинства исследователей — романистов³¹ и славяноведов³².

2. «Подпись сделана частью кирилловскими, частью латинскими буквами» — А. А. Шахматов³³. Латинским элементом в ней является буква *N*, судя по передаче подписи современными буквами у Ф. П. Медведева: «Цей підпис, як відомо, зроблений кирилівськими і латинськими буквами: *Ana rъlna*, тобто *Ana reina*»³⁴.

Подпись содержит пять различных букв: *a*, *n*, *p*, *ъ*, *и*. Е. Ф. Карский касается четырех из них (*a*, *n*, *p*, *ъ*) в своем труде «Славянская кирилловская палеография» и относит их к кириллице. И действительно, если сравнить буквы подписи Анны Ярославны с буквами латинских грамот Филиппа I, то видно явное их несходство, свидетельствующее об отсутствии какого бы то ни было влияния латинской графики на подпись.

Буква *n* с косой соединительной чертой, напоминающая латинское прописное *N*, — не латинский элемент в подписи, а элемент славянской кириллицы и ее источника — греческого унциального письма. В кирилловском *n* (займствуем характеристику у Е. Ф. Карского): «в древнейшем письме поперечная линия проходит между двумя вертикальными, подобно диагонали, слева направо, касаясь краев буквы: *n* (надпись 993 г., Супрасльск. рукоп., Остромирово еванг., подпись Анны Ярославовны 1063 г. и др.)»³⁵.

Буква *a*³⁶ с петлей, образующей острый угол, заметно отличается от *a* латинских грамот XI в., у которой петля закруглена.

У *p* в подписи мачта прямая, как в надписи на гнездовском сосуде начала X в., в надписи Самуила 993 г. и в житии Кондрата XI в. Верхняя черта у *p*, которая, как правило, в древних рукописях бывает согнутой, в подписи 1063 г. — прямая, так что головка отличается угловатым характером. Соответствие можем найти в начертаниях *p* на одной из древнейших новгородских берестяных грамот³⁷.

В букве *ъ* подписи 1063 г. Е. Ф. Карский отмечает допущенное видоизменение в том смысле, что «низ у *ъ* закруглен»³⁸.

Буква *и* (*u*) представляет древний кирилловский тип с горизонтальной поперечной чертой посередине буквы.

³¹ Например, А. Thomas, указ. соч., стр. 159. Более старая литература вопроса указана у него в ссылках; М. Ргоу, указ. соч., стр. CXXXIV, стр. 48; К. Нугор, указ. соч., стр. 178; Е. Gamillscheg, Zum Lautwert von altruss. *ъ*: *Ana Rъlna*, «Zeitschrift für slavische Philologie», IV, Leipzig, 1927, стр. 141.

³² В. А. Тимирязев, указ. соч., стр. 209; А. Крымский, Украинская грамматика, т. I, вып. 1, М., 1907, стр. 133; Н. Дурново, Введение в историю русского языка, стр. 23; Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 125; П. Я. Черных, Историческая грамматика, стр. 36; П. Я. Черных, Две заметки по истории русского языка. 1. К вопросу о происхождении имени «Москва». 2. К вопросу о Гнездовской надписи, ИАН ОЛЯ, М.—Л., 1950, т. IX, вып. 5, стр. 398; С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, указ. соч., стр. 16, и др.

³³ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 203. См. также В. Н. Сидоров, Редуцированные гласные *ъ* и *и* в древнерусском языке XI в., «Тр. Института языкоznания», т. II, М., 1953, стр. 200.

³⁴ Ф. П. Медведев, указ. соч., стр. 87.

³⁵ Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 195. См. также палеографию памятников письменности X в. — начала XII в. в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография», М., 1956, стр. 157 и др.

³⁶ О букве *a* подписи Анны Ярославовны см. Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 125, 181.

³⁷ Л. П. Жуковская, Палеография, «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955, табл. IV, грамота № 8, стр. 52, 53.

³⁸ Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 203.

Анна Ярославна написала два слова слитно, а в грамоте написаны слова раздельно. В древнерусской, как и в греческой письменности, господствовало слитное, сплошное письмо, тогда как латинский минускул, которым писали в XI в. во Франции и в других западноевропейских странах, уже довольно строго придерживался раздельного написания слов³⁹.

«Подпись Анны Ярославовны, сделанная твердой рукой, напоминает крупное письмо Остромирова евангелия» (Е. Ф. Карский⁴⁰). В отличие от Остромирова евангелия подпись дает знаки устава, начертанные рукой не писца-художника, а просто человека, который хорошо усвоил грамоту и уверенно пишет буквы, допуская не совсем одинаковые начертания одинаковых букв (три *a* в подписи написаны отчасти по-разному, тоже и два *n*), но сохранив основные черты типа буквы.

С кирилловской азбукой Анна Ярославовна познакомилась, конечно, на родине, в семье своего отца, несомненно, культурной семьи; Ярослав Мудрый — любитель книг, «почитая я часто в нощи и въ дне», по словам летоискусца в «Повести временных лет», распространитель просвещения на Руси (который позаботился, безусловно, о пребывании и своих детей к грамоте и просвещению). Вышла замуж дочь Ярослава за короля Генриха I, по-видимому, в 1051 году⁴¹. Филипп, ее старший сын, родился в 1052 г.⁴² Эти даты истории говорят о том, что в пятидесятые годы XI в. Анна Ярославна была уже во Франции, в Париже. Подпись французской королевы сохраняет кирилловское письмо более старого времени, чем год выдачи грамоты, — времени пребывания ее на Руси, то есть самое малое на двенадцать лет более раннее — сороковые годы XI в. Таким образом, кириллица подписи Анны Ярославны только на полвека моложе кирилловского письма старославянской надписи Самуила 993 года и, в сущности, немного старше, а не моложе, графики Остромирова евангелия 1056—1057 годов.

На основании рассмотренного выше материала можно высказать некоторые предположения и сделать некоторые выводы.

Подпись Анны Ярославны на латинской грамоте 1063 г. сделана кирилловскими буквами, а не «частью кирилловскими, частью латинскими буквами»; причем это памятник письма, отражающий графику 40-х годов XI в. на Руси.

Подпись *анаръина* является своеобразной передачей славянскими буквами имени и титула французской королевы Анны Русской *Anna regina*, известных нам по латинским грамотам Филиппа I.

Написание имени *ана* — древнерусский элемент подписи, совпадающий по звукам больше с латинским соответствием (*Anna*), чем с французским (*Anne*).

Слово *ръина* представляет собой соответствие как латинскому *regina*, так и слову *reine* (*reine*) или *roine* (*roïne*) старофранцузской литературы (судя по основе *ръин-*).

³⁹ См. О. А. Добиаш-Рождественская, История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии, СПб., 1923, табл. II, III; M. Rieu, Manuel de paléographie latine et française, Paris, 1924 (см., например, табл. IX, 2, X); F. Steffens, Lateinische Paläographie, Zweite Auflage, Berlin und Leipzig, 1929, стр. XX и др. соответствующие таблицы.

⁴⁰ Е. Ф. Карский, указ. соч., стр. 125. — Подпись в длину имеет 72 мм. Ширина пергаментной грамоты 312 мм, длина 560 мм.

⁴¹ A. Fläche, Le règne de Philippe I-er, roi de France (1060—1108), Paris, 1912, стр. 1; M. Rieu, Anne de Russie, reine de France, «La grande encyclopédie», t. III, Paris.

⁴² M. Rieu, Recueil des actes, стр. XXIII.

Так как латинское *regina* состоит из трех слогов и старофранцузское *reïne* — *roïne* также состоит из трех слогов⁴³, причем с ударением на предпоследнем слоге⁴⁴, то *ръина* тоже трехсложное слово с ударением на предпоследнем слоге.

Таким образом, *-и* в *ръина* представляет слог после гласного, образующего слог, *и*, следовательно, является слоговым гласным *и* (или слогом *ий*), а не неслоговым звуком *й*; к тому же на *-и-* в *ръина* падает ударение.

Отсутствие в *ръина* буквы *г*, которая имеется в латинском *regina*, скорее объясняется особенностями вульгарно-латинского и старофранцузского произношения, чем пропуском буквы *г*, вследствие фрикативности звука *г* в родном языке лица, подписанного на грамоте.

Слово *ръина*, представляющее собой соответствие не только латинскому *regina*, но и старофранцузскому *reïne* и *roïne*, следует включать (хотя бы и с оговоркой) в историческую лексикологию и этимологический словарь французского языка и ставить в этимологии слова *reine* перед *reïne* оксфордской рукописи (середина XII в.) «Песни о Роланде», как материал более древнего памятника⁴⁵.

⁴³ A. Thomas, указ. соч., стр. 165.

⁴⁴ Об ударении на втором слоге в этом древнефранцузском слове свидетельствуют женские ассонансы и рифмы в старофранцузской поэзии. Ударение в старофранцузском языке могло быть не только на последнем, но и на предпоследнем слоге. См. М. В. Сергиевский, История французского языка, 2-е изд., М., 1947, стр. 98, 99.

⁴⁵ В случае передачи слова *ръина* латинскими буквами следует сохранять историческую букву *ъ* (*rъina*, *rъina*).

Автор этих заметок не касается вопроса о букве-звуке *-ъ-* в подписи, так как этот интересный, сложный и, судя по всему, до сих пор еще не решенный вопрос требует специального рассмотрения.

B. Клейбер
**ПОРОМЯНЬ В ПСКОВЕ
и ПОРОМОНИ ДВОР В НОВГОРОДЕ**

В Псковской III летописи (Строевский список) мы под 1418 г. находим следующую запись: «И посадник Микула и псковичи повелеша мастером намостити мост вонь стене Великою оулицоу, а дроугую на Завеличию Изборскую от Поромяни»¹. Здесь речь, очевидно, идет о дороге, спуске от Кремля к р. Великой и о подъеме от реки на Завеличье и далее по направлению на Изборск (впоследствии — Рижская улица). Через р. Великую на этом месте теперь проходит мост. Судя по записи, в то время моста еще не было; первое упоминание о нем относится к 1456 г.

Поромянь встречается в летописи только в указанной записи. Но следы его дошли до наших дней в названии церкви, построенной здесь в 1444 г.: Парамо-Успенская церковь², церковь Успения «с Пароменя»³, Пароменская церковь⁴, Паромская церковь⁵. Улица на Завеличье, выходящая около церкви на берег р. Великой, называется и сейчас еще Пароменской.

Совершенно ясно, что название *Поромянь* (*Паромянь*) связано с местом перед церковью Успения на берегу р. Великой. Едва ли могут быть сомнения и в том, что за *Поромянь* скрывается слово *паром*. Неясно лишь, означает ли *Поромянь* паромную переправу или пристань парома. Полагаю, что последнее более вероятно.

Поромянь лежит вверх по реке, выше моста, т. е. именно там, где парому и надлежит быть. Мост через р. Великую назывался Пловучим: «Того же лета помостиша мость плавущий чрез Великую реку» (1463 г.). По-видимому, это был своего рода понтонный мост: суда, типа паромных, были закреплены на реке и через них переброшены мостки. Из Новгородской летописи мы знаем, что мосты постоянно проваливались или их сносило во время весеннего половодья и ледохода. Поэтому представляется вероятным, что паром продолжал существовать и при мостах.

Но слово *паром* в летописях, насколько мне известно, отсутствует (неоднократно упоминается *перевоз*), в других документах *паром* встречается лишь в более позднее время. И. Срезневский указывает на

¹ «Псковские летописи», вып. 2, М., 1955, стр. 120.

² «Россия», под ред. В. Семенова, т. III, СПб., 1900, стр. 310.

³ БСЭ², т. 35, стр. 251.

⁴ Н. М. Чирышев, Искусство фрески в древней Руси, М., 1954, стр. 58.

⁵ «Живописная Россия», т. I, ч. 1, СПб., 1881, стр. 470.

выписку из Белоз. писцов. кн. 1585 г. («В поромъ выходитъ большого лесу пять коловъ») и на слово *поромщик* «владелец парома» в Жал. несуд. грамоте Коневского мон. 1554 г. («А поромщиком тяглецом в верх идучи дают с лодыи по десяти алтын»). Ст.-слав. *прамъ* Срезневский нашел в житии св. муч. Агафии, по списку XV в. («Възлезе на прамъ съ кони своими»)⁶.

В связи с этим слово *Поромянь* представляет живой интерес с точки зрения языковедения. Но и историкам следует обратить на него внимание, так как оно помогает объяснить следующее темное место в «Повести временных лет» под 1015 г. (в Новгородской летописи под 1016 г.): «...варязи бяху мнози у Ярослава, и насилие творяху новгородцем и женамъ ихъ. Еставше новгородцы, избирая варяги во дворе Поромони»⁷. В Новгородской 1-й летописи младшего извода (Комиссионный список) читаем: «В Новегороде же тогда Ярославъ кормяще Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи и насилие деяти на мужатых женахъ. Ркота новгородци: «сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собирашася в иощь исекоша Варяги в Поромоне дворе...»⁸.

Обычно выражение *двор Поромони* понимают как двор какого-то новгородца по имени Поромон. Есть, однако, серьезные основания сомневаться в правильности такого толкования. В 1907 г. финский ученый И. И. Миккола опубликовал маленькую заметку о «дворе Поромони»⁹. Привожу ее полностью в переводе на русский язык: «В древней русской летописи под годом 6523 (1015) рассказывается, как новгородцы восстали против варягов князя Ярослава, потому что „творили они насилие новгородцам и женам их“ и убили варягов в Поромони дворе. Из летописи явствует, что этот двор был расположен на большой улице, которая, по живущим там варягам, называлась Варяжской. Таким образом, *Поромони двор* был, судя по всему, варяжским центром. Это предположение подкрепляется самим именем. *Поромонь* — притяжательное прилагательное от **поромонъ*, которое едва ли может быть чем-нибудь иным, кроме *фарман*, исл. *farmadr* „лицо, занимающееся мореплаванием и торговлей“, ср. *farmannaeifdir* „наследство после человека, умершего за границей“». Заслуга Миккола в том, что он первый выдвинул эту интересную проблему, но его толкование рассматриваемого выражения нельзя признать удачным.

Из летописи совершенно не следует, что *Поромони двор* «был расположен на большой улице». О местоположении двора в летописи абсолютно ничего не говорится. Вообще *поромяни двор* упоминается лишь один раз в 1016 (1015) году. Указывая на летопись, Миккола, по-видимому, имел в виду те записи, которые мы встречаем в ней о Готском и Немецком дворах в XIII в. Сообщения летописи, а также договорные грамоты с князьями и договорные грамоты Великого Новгорода с Западом дают нам ясную картину истории возникновения этих дворов. Особенно любопытно известие летописи о пожаре в Новгороде в 1217 г., когда «... в Варяжской божнице изгоре товаръ всъ варяжской бещисла, а церкви сгоре 15»¹⁰. Речь идет об исключительно большом пожаре в варяжском районе, и если бы тогда уже существовал варяжский двор, то он несомненно был бы упомянут, как

⁶ И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1902, стр. 1370.

⁷ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, стр. 95.

⁸ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 174.

⁹ J. J. Mikkola, Forngy. Poromoni dvorъ, fisl. farmadr, «Archiv für nordisk filologi», bd. XXIII, Lund, 1907.

¹⁰ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949, стр. 258.

это обычно имело место при сообщениях о подобных пожарах. А тот факт, что весь варяжский товар был сложен в церкви, косвенно указывает на то, что варяжского двора тогда еще не существовало. Начиная с третьей по счету (от 1270 г.) из известных нам договорных грамот Новгорода с князьями, мы постоянно находим в них следующее требование: «А въ Немецкомъ дворе тебе торговати нашю братию; а двора ти не затваряти; а приставовъ ти не приста[в]ливати»¹¹. В проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде (от 1269 г.) впервые называются Немецкий и Готский дворы. В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле (между 1262—1263 гг.) имеется следующее любопытное заявление: «А которыхъ трее дворцъ въпросили ваша братъ посли, а техъ ся есмы отступили по своей воли»¹². Из этих свидетельств ясно видно, что иностранные дворы возникли в Новгороде в начале 60-х годов XIII в., и нет решительно никакого основания приводить их в связь с каким-то гипотетическим «фарманом» — двором начала XI в. Даже если бы такой двор действительно существовал, то остается непонятным, почему летописец называет его не привычным летописцу именем — варяжский двор, а совершенно чуждым ему словом.

Миккола впоследствии сам отказался от своей гипотезы; в письме к шведскому филологу Кларе Тэрнквист¹³ он предложил новое tolkning: *поромони* — это греческое *παραμονή*. Шведский профессор Р. Экблом в своей статье «Двор телохранителей в Новгороде Ярослава Мудрого»¹⁴ уточнил новую гипотезу Миккола, указав на то, что следует иметь в виду не *παραμονή*, которое у Константина VII Порфирородного обозначает «служба охраны», но форму мн. числа — *παραμοναι* — «чины охраны, телохранители». Фонетически это, конечно, прекрасное решение вопроса, но только фонетически. Клара Тэрнквист отнеслась критически к новой гипотезе Миккола, указав с полным основанием, что в русских летописях дружины князя никогда не называется греческим словом *παραμονή*. К этому можно еще прибавить (что из летописи совершенно ясно видно), что речь идет не о дружине Ярослава (в которой, весьма вероятно, были также и варяги), но о довольно многочисленном варяжском наемном войске, завербованном в связи с конфликтом между Ярославом и Владимиром Святославичем. К тому же вся историческая обстановка в Новгороде, а также и личные отношения Ярослава с Византией были таковы, что переименование двора, где помещалась дружины, в двор *παραμοναι* представляется неправдоподобным.

Против понимания формы *поромони* как притяжательного прилагательного от имени *Поромон* говорят следующие соображения. В Новгородской летописи имя *Поромон* встречается лишь один раз, в 1269 г., в сообщении об убийстве подвойского Поромана. В Псковской летописи и в «Повести временных лет» имя *Поромон* вообще не встречается. Не встречается оно и в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», где очень много личных имен. В «Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»¹⁵, тоже

¹¹ Там же, стр. 13.

¹² Там же, стр. 57.

¹³ Cl. Thörnqvist, Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen, Uppsala og Stockholm, 1948.

¹⁴ R. Ekblom, Livvaktens gård i Jaroslav den vises Novgorod, «Kungl. Humanistiska vetenskaps-samfundet i Uppsala», Årsbok, 1952.

¹⁵ «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», М., 1952.

очень богатых личными именами, имя это проскальзывает один раз в названии местности *Парамонова* (*Парамонцева*) пустошь в Костромском уезде (грамота 1447—1455 гг. № 213). Очевидно, имя *Поромон* было еще и в XV в. чрезвычайно редким. Следует обратить внимание также на то, что в обоих списках летописи пишется *Пороман*. Ударение, вероятно, падало на второй слог, т. е. произношение было близко к греческому *παρόμων*. Не означает ли это, что для летописной записи 1269 г. имя это было еще новым и не вполне русифицированным?

Заметим далее, что, исключая «княжий» и «владыкин» дворы, местоположение которых всем было известно, летопись, называя какой-нибудь двор, как правило, приводит некоторые пояснения о владельце или местоположении двора. Кроме «княжья» и «владыкина» дворов (а также немецкого двора), в Новгородской летописи называется еще около 25 других именных дворов. За исключением «Поромони двора» только в одном еще случае (в записи 1255 г.) мы встречаем такое же лаконическое сообщение о дворе. После сообщения о примирении Новгорода с князем Александром Невским говорится: «И поиде (князь) в город, и срете и архиепископ Далмат со всемъ иереискымъ чиномъ, съ кресты, у Прикуповича двора...». Значение слова *Прикупович* здесь не совсем ясно, но едва ли его следует понимать как имя собственное. Из текста можно сделать вывод, что двор, вероятно, лежал на окраине города. *Прикупъ* в значении участка земли, прикупленного к земельному владению, довольно часто встречается в грамотах. Думается, что и здесь это следует понимать как «прикупленный двор». Если это так, то *Поромони двор* в смысле «двора Поромона» является единственным во всей летописи примером такого краткого обозначения именного двора. А это, естественно, заставляет критически отнестись к такому решению вопроса.

Исходя из того, что *Поромянъ* в Пскове обозначала «пристань парома», полагаю, что и в Новгороде было такое название. В пользу этого говорят тесные политические, административные и экономические связи между обоими городами. Таким образом, в *Поромоне дворе* обозначает «во дворе парома».

В скандинавской «Саге об Эймундаре»¹⁶, которая является частью «Саги об Улафе Святом», записанной в Исландии в 1390 г.¹⁷, рассказывается, что норвежец Эймунд, набрав дружину в шесть сотен — 720 человек (речь идет о «большой сотне» — 120), отправился к Ярославу, с которым заключил договор на 12 месяцев. Ярослав предоставил ему каменный дом (*steinhall*). Местоположение его нам неизвестно, но есть некоторые основания полагать, что он находился на Софийской стороне, которая, как показывают археологические данные, была заселена позднее Торговой стороны (вероятнее всего в X в.). Е. Голубинский¹⁸ указывает, что епископский кафедральный собор, расположенный на Софийской стороне, был окружен крепостью. К началу XI в. христианство в Новгороде уже настолько окрепло, что духовенство более не нуждалось в защите. Крепость постепенно становилась чисто военным сооружением; при Ярославе она несколько раз перестраивалась и увеличивалась. Представляется весьма вероятным, что

¹⁶ В русском переводе была издана О. И. Сенковским («Эймундова сага», перевод с текстом и примечаниями, «Библиотека для чтения», СПб., 1834, т. II, отд. III); см. также А. И. Лященко, «Eymundar Saga» и русские летописи, ИАН, серия VI, т. XX, 1926, № 12.

¹⁷ «Olafs saga hins helga. Eymundar saga», Flateyjarbók, bd. II, Christiana, 1862.

¹⁸ Е. Голубинский, История русской церкви, т. I 2-й полутом, М., 1904, стр. 309.

варяжское войско было расположено именно там, чему могло способствовать и желание держать иностранных наемников подальше от города.

Когда началось избиение варягов, о котором сообщает летопись, варяги, спасаясь от толпы бросились бежать по направлению к Софийской стороне. Чтобы попасть туда, им нужно было переправиться на пароме через Волхов (захватить мост не представляло для новгородцев никакого труда, — «и мост переимаша» — обычное явление во время уличных боев в Новгороде). На дворе парома — *во поромони дворе* — при посадке или сходе с парома и было убито несколько десятков варягов.

O. H. M o r a h o v s k a y

К ВОПРОСАМ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

На всех этапах развития русской диалектологии фонетическим особенностям говоров отводилось существенное место. Весьма значительна доля фонетики в атласах русских говоров, над которыми ведется работа в настоящее время, и в вышедшем из печати «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»¹.

Если говорить о сходстве и различиях наших атласов и большинства атласов других языков в отношении картографирования фонетических диалектных особенностей, следует признать, что такое сравнение оказывается весьма затруднительным — настолько неодинаков подход к картографируемому материалу.

В печати не раз уже отмечалось, что одно из основных отличий зарубежных атласов различных языков от диалектологического атласа русского языка заключается в том, что в них, как правило, объектом картографирования на каждой карте является отдельное слово со всеми его местными синонимами, во всех произносительных вариантах картографируемых форм, в то время как в диалектологическом атласе русского языка объектом наблюдения и картографирования является диалектное различие как таковое, в чем бы оно ни заключалось.

За последние годы в разных странах опубликованы новые интересные работы по лингвистической географии, свидетельствующие о дальнейшей разработке методов картографирования, о выявлении специфики диалектных различий во всех областях языковой структуры, в частности и в области фонетики. В связи с этим представляется своеевременным рассмотрение вопросов о различиях специфических приемов составителей лингвистических атласов, о том, какие преимущества и в каких случаях представляет тот или иной прием картографирования для изучения фонетических особенностей, каких целей он достигает и т. д.

¹ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» сост. коллективом авторов под ред. Р. И. Аванесова, М., 1957, см. стр. 24 и сл., карты № 1—93 (включая карты, посвященные составу фонем в отдельных словах).

Составлены, но не опубликованы: «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР», под ред. В. И. Борковского и С. С. Высотского (в печати); «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атлас русских народных говоров юго-западных областей РСФСР» (рукописи хранятся в Институте русского языка АН СССР).

* * *

Возникновение лингвистической географии в Западной Европе относится к последней трети XIX в. Как известно, основоположник метода лингвистической географии в Германии Георг Венкера был современником младограмматиков и предпринял работу по сбору диалектного материала и картографирования с целью уточнить границы диалектов, но при этом он исходил из господствовавшего в то время представления о существовании между диалектами резких границ, о совпадении границ отдельных диалектных особенностей. Собранный им материал опроверг это положение, а также поставил под сомнение положение младограмматиков о незыблемости исследуемых ими звуковых законов.

Материал Г. Венкера показал также, что правильность или ошибочность, «безысключительность» или ограниченность того или иного фонетического закона проще всего можно проверить при беспристрастной фиксации проявления этого закона в каждом слове, содержащем соответствующие звуки или сочетания звуков. Отсюда и основной принцип картографической работы Г. Венкера и его преемников — картографирование таких специально подобранных слов во всех произносительных вариантах картографируемых форм, зафиксированных в материале.

Возникновение французской лингвистической географии относится к тому же времени, что и начинание Венкера, и связано с теми же общелингвистическими проблемами и узко диалектологическими задачами.

Несмотря на различия в способах собирания материала, в решении вопросов о сети обследования и т. п., по методике составления карт «Deutscher Sprachatlas» (печатное издание, сделанное на основе рукописного атласа Г. Венкера)² и «Atlas linguistique de la France» Ж. Жильерона³ (с дополнениями⁴) очень близки между собой.

Для изучения фонетических особенностей оба рассматриваемых атласа представляют лишь материал произношения отдельных слов. Другими словами, для фонетических диалектных различий, специфика которых состоит в том, что они представляют собой не единичные факты, а общие закономерности, эти атласы являются добросовестной публикацией материала специально подобранных слов способом картографирования.

На каждой карте ALF показано произношение какого-либо слова и всех его соотносительных членов по говорам — местных синонимов. Таким образом, все те звуки и сочетания звуков данного слова, которые могут быть использованы для изучения той или иной фонетической закономерности, показаны на карте, но степень наглядности здесь такова, что карта требует внимательного прочтения, на ней трудно увидеть какие-либо изоглоссы, не прочитав надписи у каждого населенного пункта. Чтобы выяснить, одинаково или по-разному проявляется фонетическая закономерность в разных словах и нет ли различий в территориальном распространении по словам, надо составлять специальную карту или несколько карт с условными знаками или изоглоссами.

² F. Wrede (B. Martin, W. Mitzka), Deutscher Sprachatlas, вып. 1—13, Marburg, 1926—1951 (сокращ. DSA).

³ J. Gilliéron, E. Edmont, Atlas linguistique de la France, Paris, 1902—1910 (сокращ. ALF).

⁴ J. Gilliéron, E. Edmont, Atlas linguistique de la France: Corse, Paris, 1914.

Специфику карт немецкого атласа (DSA) по сравнению с картами ALF и других атласов, составленных по его образцу⁵, представляет некоторый элемент анализа и обобщения материала на них: он заключается в том, что на картах применяются не только надписи, но и условные обозначения. В последних намечается общность тех или других элементов при обозначении одинаковых произносительных вариантов какого-либо элемента слова. Кроме того, для некоторых произносительных вариантов слова вычерчиваются изоглоссы, ограничивающие районы, где господствуют такие варианты. Обобщение в знаках не проводится последовательно, оно и не может проводиться последовательно — слишком много картографируется разных структурных элементов, слишком много произносительных вариантов должно быть учтено в знаках при нерасчлененном картографировании разных фактов фонетики, морфологии, словообразования, а иногда и лексики. И все же мы можем здесь проследить попытку составителей разграничить некоторые планы противопоставлений, хотя и в пределах одной карты.

Возьмем, например, карту № 12. На ней картографировано произношение корня слова *Bruder*. Собственно, на карте показаны только варианты произношения орфографического сочетания *id*. Относительно сочетаний начальных согласных *br* в комментарии к карте сказано, что во всех ответах на вопросник оно всегда передается через *br* как для севера, где *b* звонкое, так и для юга, где *b* глухое. Всего в легенде этой карты 128 знаков. Такое их количество связано с многообразием сочетаний вариантов произношения звуков на месте гласного и на месте согласного. При этом намечается общность некоторых элементов знаков в зависимости от общих элементов произносительных вариантов; так, например, если отмечен согласный *r* на месте *d*, таким элементом знака является маленький черный кружочек, а если на месте *d* отмечено *w*, то это выражено в маленьком контурном кружочке; отсутствие согласного передается наклонным положением знака; другие зубные звуки на месте *d* (*s*, *th* и т. д.) — черным полукругом; средне- и заднеязычные на месте *d* картографированы перекрециванием линий. Некоторые элементы соотносятся в знаках и для произношения гласных, однако такое соотношение выдержать до конца авторам не удается, поскольку все сочетание картографировано целиком, а употреблять разные цвета для знаков авторы атласа при печатании не имели возможности из-за материальных причин. Условные знаки на карте используются для детализации, а надписи показывают господствующие или существующие варианты. Проведены также и границы распространения тех или иных форм.

На карте № 18 показаны варианты произношения 3-го лица от глагола *essen*: *ißt*. Условными знаками показаны не только произносительные варианты, но и синонимы этого слова. В условных знаках здесь также можно обнаружить некоторые элементы обобщения, хотя и менее резко выраженные, чем на рассмотренной выше карте. Изо-

⁵ См. например, K. Jäberg, J. Jud, Sprach—und Sachatlas Italiens und der Südschweiz, Zofingen, 1928—1940; S. Pop, E. Petrovici, Atlasul linguistic român, pp. I—II, Cluj—Sibiu, 1938—1942; A. Griera, Atlas linguistic de Catalunya, Barcelona, 1923—1939; M. Małecki, K. Nitsch, Atlas językowy Polskiego Podkarpacia, Kraków, 1934; P. Gardette, Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais, Lyon, 1950 и сл.; Hans Kurath, Linguistic Atlas of New England, Providence, Rhode Island, 1939—1943; J. Séguy, Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne, v. I. Toulouse, 1954. — См. также атласы, в которых произведено обобщение разных произносительных вариантов в одном типичном написании с обозначением границ распространения произносительных вариантов: G. Millardet, Petit Atlas linguistique d'une région des Landes, Toulouse—Paris, 1910; O. Bloch, Atlas linguistique des Vosges méridionales, Paris, 1917 и др.

глосса верхненемецкого передвижения согласных, отразившегося в этом слове, проведена и на карте, и на кальке отчетливой линией, а в комментарии к этой карте указано, что это сделано специально, чтобы дать возможность накладывать кальку на другие карты, отразившие то же явление, и указаны номера карт для сопоставления.

Таким образом, хотя сами авторы атласа по поводу некоторых карт оговариваются, что смотреть их надо либо людям с острым зрением, либо через увеличительное стекло, все же, по сравнению с ALF, в DSA сделан шаг вперед в сторону большей наглядности карт, возможности их сопоставления для изучения фонетических явлений.

Несколько иную методику картографирования, в том числе и в отношении фонетических особенностей, представляет румынский лингвистический атлас. Работа румынских составителей атласа Севера Попа и Эмиля Петровичи является, с одной стороны, прямым продолжением традиций ALF, так как «Atlasul linguistic român»⁶ состоит из карт на отдельные слова или словосочетания, картографированные при помощи надписей у точки каждого населенного пункта. Но составители румынского атласа не ограничиваются этим. «Micul Atlas linguistic român»⁷ в более скромных масштабах повторяет данные карт ALR в упрощенном виде.

В этом атласе произношение слов картографируется огрубленно при помощи цветных условных знаков, чем достигается большая степень наглядности. По сравнению с DSA карты MALR представляют более высокую ступень аналитического подхода к материалу: здесь элементы, характеризующие различные диалектные особенности, картографированы на разных картах. Например, на карте № 2 показана палатализация *r* в слове *piele*; на карте № 3 — произношение в том же слове сочетания *ie*. На карте № 21 показаны звуки на месте *o* в слове *ochiu*, а на карте № 22 — звуки на месте *k'* (*ch*) в том же слове. На карте № 42 показаны звуки на месте *d* в слове *dinte*, а на карте № 43 — звуки на месте *t* в том же слове. Слова для картографирования в MALR взяты выборочно по тому же вопроснику, по которому собирался материал для ALR и где так подробно освещена лексика, связанная со всеми областями человеческой жизни. Но многие из этих слов составляют ряды для изучения того или иного фонетического явления, так же как и той или иной морфологической особенности. Например, звуки на месте *t* перед *e*, *i* можно изучать на основании карт № 13 (слово *mine*), № 18 (*frunte*), № 43 (*dinte*), № 76 (*degete*), № 101 (*strib*), — 209 (*pârinte*), № 219 (*frate*), № 244 (*peroate*), № 256 (*tineri*), № 275 (*fete*). Таких рядов можно указать несколько, особенно для палатализованных согласных, которым в MALR (как и вообще в румынской фонетике) уделяется много внимания. Карты MALR представляют произносительные варианты различных слов и звуков в обобщенном, огрубленном виде, как об этом пишет Север Поп во введении, но именно это обобщение создает условия для наглядности.

Таким образом, карты MALR представляют вполне реальные возможности для сопоставления слов, в которых проявляется какая-либо звуковая особенность, а привлечение соответствующих карт ALR, на которых можно увидеть и транскрипцию всех деталей произношения слов, создает возможность более углубленного исследования фонетической закономерности.

⁶ S. Pop, *Atlasul linguistic român*, p. I, Cluj-Sibiu, 1938—1942; E. Petrovici, *Atlasul linguistic român*, p. II, Sibiu, 1940 (сокращ. ALR).

⁷ S. Pop, *Micul Atlas linguistic român*, p. I, Cluj—Sibiu 1938—1942; E. Petrovici, *Micul Atlas linguistic român*, p. II, Sibiu, 1940 (сокращ. MALR).

Кроме рассмотренных атласов, имеются еще атласы, составители которых, придерживаясь в основном той же методики картографирования произношения отдельных слов, осуществляют это иными техническими приемами.

Так, «Atlas linguistique de la Wallonie» Л. Ремакля⁸ содержит 100 карт, на которых знаками показано произношение отдельных слов, представляющих интерес с точки зрения фонетики. Во введении указано (стр. 16—17), что составители вынуждены были прибегнуть к интерпретации и типизации различных написаний слова, чтобы картографировать их при помощи знаков, что дает возможность сократить размеры атласа и оформить его для удобства пользования в виде книги. Однако типизация проведена, по-видимому, только за счет обобщения написаний целых слов, а не с целью выделения в этих словах каких-то общих сопоставимых элементов, как это сделано в MALR. Что касается самого подбора слов, то составители считали своей целью использовать его для характеристики общих фонетических особенностей, о чем сказано во введении (см. стр. 69—70).

В атласе есть указатель всех картографированных слов в транскрипции, а в самом конце имеются пояснения того, какие фонетические особенности отражены в атласе и на каких именно картах или же в каких материалах.

Примерно теми же приемами пользуется Зд. Штибер, составивший «Atlas językowy dawnej Lemkowszczyzny»⁹.

Однако во многих случаях он прибегает и к приемам DSA, отражая в каком-либо элементе знака звуковую особенность слова; больше того, в некоторых случаях звуковые особенности получают специальное отражение на отдельных картах, как в MALR. Мы должны кроме того принять во внимание намерение автора дать в следующих выпусках своего атласа карты, посвященные специально фонетическим особенностям Лемковщины, вследствие чего, возможно, окажется преждевременной данная попытка охарактеризовать его методику.

Выше мы попытались наметить основные этапы эволюции наиболее распространенного в наше время метода картографирования диалектного материала — картографирование произношения отдельных слов, в которых можно наблюдать проявление той или иной фонетической особенности или нескольких особенностей одновременно. Методика румынских диалектографов представляется наиболее удачной, так как выделение для картографирования определенных сопоставимых элементов направляет внимание на изучение диалектных различий как таковых и в то же время позволяет установить, одинаково или по-разному проявляется данное диалектное различие в отдельных словах. При наличии расхождений в территории распространения или в качестве звучаний в отдельных словах такое выделение позволяет судить о характере этих расхождений, о характере проявления закономерности в целом.

Если бы практически можно было достигнуть исчерпывающего картографирования всех слов, в которых проявляется изучаемая закономерность, и исключить всякий элемент случайности в фиксации произношения каждого слова для каждого населенного пункта, говор которого изучается, тогда атлас представлял бы полный материал для всестороннего изучения фонетической закономерности. Однако возникает вопрос: может ли ограниченное число заранее заданных

⁸ Louis Remacle, *Atlas linguistique de la Wallonie*, t. I, *Introduction générale. Aspects phonétiques*, Liège, 1953.

⁹ Zdzisław Stieber, *Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny*, z. I, II, Łódź, 1956.

слов служить исчерпывающим материалом для изучения фонетической закономерности? По-видимому, это зависит от характера самой фонетической закономерности, но прежде всего внушает сомнение «количественная» сторона ее проявления по говорам: так, если закономерность представлена в немногих словах, тогда легче достигнуть такого исчерпывающего картографирования, а в каких-то случаях (см. ниже) применение такого метода является единственным целесообразным. Если же для характеристики какой-либо закономерности служат десятки, или даже сотни примеров, тогда принять эту методику труднее, так как даже и намеченные к углубленному исследованию диалектные различия всегда могут оказаться неполностью охваченными лексическим составом, в котором они проявляются: заданные слова по говорам могут отсутствовать, но зато бытуют другие слова с нужным звуком или сочетанием звуков, которые могут быть не зафиксированы, поскольку их нет в вопроснике. Никогда нельзя быть уверенными, что именно в таких словах диалектной лексики данная фонетическая закономерность не проявляется иначе, чем в словах, предложенных в вопроснике. В результате фонетическая закономерность оказывается освещенной не полностью, искаженно. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Напомним, что в свое время такие наиболее известные атласы, как ALF и DSA, только в какой-то мере уточнили представление о «звуковых законах», но зато вызвали к жизни крайние точки зрения, отрицавшие существование звуковых закономерностей, сделавшие объектом исследования не диалекты во всех аспектах их языковой структуры, а лишь судьбу отдельных слов.

Рассмотренная методика картографирования произношения отдельных слов, как уже указывалось, применяется в подавляющем большинстве опубликованных атласов, но она не является единственной. Так, уже для периода зарождения самой лингвистической географии известны работы, посвященные картографированию фонетических особенностей как таковых или же использующие этот метод картографирования для исследования. Таковы «*Petit Atlas phonétique du Valais Roman*» Жильерона¹⁰ и «*Atlas linguistique de la Normandie*» Герлена де Гера¹¹ (судя по описаниям и образцам карт в книге Севера Попа «*La dialectologie*»), такова же работа Герлена де Гера «*Essai de dialectologie normande*»¹². Она посвящена изучению палatalизации начальных сочетаний *gl*, *kl*, *fl*, *pl*, *bl* в говорах 300 населенных пунктов департамента Calvados. В этой работе карты составлены для каждого сочетания, но не для каждого слова, произношение которого выяснялось. Произношение всех слов, послужившее материалом для составления карт, отражено в таблицах. Сам автор считал недостатком своей работы то, что карты составлены на явления, а не на произношение каждого слова, хотя такие карты гораздо нагляднее, а при наличии таблиц с материалом по каждому населенному пункту исследование в целом не проигрывает, а выигрывает от такого способа картографирования.

В то же время, принимая во внимание неразработанность методов картографирования языковых явлений в целом в таких работах и связанный с этим неизбежный излишний схематизм, мы можем понять и неудовлетворенность самого автора.

¹⁰ J. Gilliéron, *Petit Atlas phonétique du Valais roman (sud du Rhône)*, Paris, 1880.

¹¹ Ch. Guerlin de Gueg, *Atlas dialectologique de Normandie*, Paris, 1903.

¹² Ch. Guerlin de Gueg, *Essai de dialectologie normande. La palatalisation des groupes initiaux gl, kl, fl, pl, bl*, Paris, 1899.

Как бы то ни было, но картографирование фонетических диалектных особенностей как таковых, применявшееся французскими диалектологами еще в конце XIX в., не получило развития и не возобладало в их работах по составлению атласов.

В последние годы в ряде работ по лингвистической географии наблюдается тенденция к изучению фонетических закономерностей в целом, к обобщению данных произношения отдельных слов. «Mały atlas gwar polskich», составляемый под руководством К. Нитша¹³, только еще начал выходить из печати. В I томе лишь один цикл карт посвящен фонетике, но это именно цикл специально подобранных слов, в которых картографировано произношение только определенных звуков. Этот цикл имеет общее название: «Слова с группами согласных *śrz*, *źrz* и их синонимы». По сравнению с MALR в MAGP можно отметить четкое разграничение разных структурных элементов языка, что отражено, например, на карте № 3, где по-разному картографируется произношение *dak* вместо *dach* в случаях, когда оно связано с фонетическим явлением перехода *x* в *k* и в случаях, где оно не связано с фонетикой (см. на карте границу перехода *x* → *k* и комментарии, стр. 11).

К сожалению, пока еще мало данных для более детального анализа метода польских диалектологов в отношении картографирования фонетических особенностей.

В Чехословакии атласы еще не издаются, но об изучении фонетических особенностей методами лингвистической географии можно судить, например, по книге Ярослава Ворача «Česká nářečí jihozápadní»¹⁴.

Книга представляет собой исследование фонетических особенностей юго-западного наречия чешского языка. Автор пользуется методом картографирования. На картах при помощи изоглосс, реже — штриховки и условных знаков, показано, как проявляется та или иная фонетическая особенность в отдельных словах, в разных морфологических категориях. Уже по картам можно судить, что каждое изучаемое Я. Ворачем явление представляет, в той или иной мере, так называемый «ступенчатый ландшафт» (по терминологии немецких диалектографов), отражая такие фонетические закономерности, которые в настоящее время уже не действуют как «живые» фонетические законы. В этом, вероятно, надо видеть специфику диалектных различий изучаемых Я. Ворачем чешских говоров.

Диалектологический атлас русского языка по своему подходу к картографированию диалектных различий в области фонетики, насколько об этом можно судить в настоящее время, ближе всего к работам польских и чешских диалектологов. В связи с тем, что опубликованная его часть — «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» — представляет собой по составу карт законченное целое, а также ввиду наличия определенной методической и теоретической литературы, связанной с работой над ним¹⁵, каждый интересующийся уже может судить о принципах его составления, в частности и в отношении рассматриваемой здесь проблемы.

¹³ Kazimierz Nitsch, Mały atlas gwar polskich, t. I, Wrocław—Kraków, 1957 (сокращ. MAGP).

¹⁴ Jaroslav Voráč, Česká nářečí jihozápadní. Studie jazykově zeměpisná, Praha, 1955.

¹⁵ «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», под ред. Р. И. Аванесова, М.—Л., 1947; «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», под ред. Р. И. Аванесова, М., 1957; «Методические указания к „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1957.

* * *

Являясь членом коллектива составителей атласа, автором ряда карт по фонетике, а также одним из многочисленных собирателей материала, я постараюсь ниже именно с позиций практического работника охарактеризовать те основные задачи, которые поставлены перед составителем карт по фонетике в связи с основными принципами нашего картографирования.

В диалектологическом атласе русского языка объектом картографирования являются диалектные различия как таковые¹⁶, независимо от того, проявляются ли они в фонетике, морфологии, синтаксисе или лексике, в неограниченном ряду однородных фактов или в единичном факте¹⁷. Это находится в соответствии с общей целью, поставленной перед составителями диалектологического атласа русского языка, которая была сформулирована в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка»¹⁸ и во вступительной статье к «Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы»¹⁹: выяснить территориальное распространение диалектных различий, в основном изученных, важных для построения более детальной классификации русских говоров и изучения вопросов их генезиса.

Таким образом, на каждой карте диалектологического атласа русского языка картографируются не выхваченные из системы разнородные факты, а только элементы, занимающие одно и то же место в системе языка, которые можно сопоставить, если они представляют диалектное различие.

Применительно к фонетике речь обычно идет о рядах однородных фактов. Например, взрывной или щелевой характер сильной задненёбной звонкой согласной фонемы прослеживается в большом количестве слов русского языка, содержащих согласный *г* и в этом отношении представляющих ряд однородных фактов; наличие или отсутствие перехода *а* в *е* под ударением между мягкими согласными также можно наблюдать в некотором количестве слов, представляющих в силу этого ряд однородных фактов.

И если для какого-либо говора тот или иной факт фонетики единичен, то на иной территории или для языка в целом этот же факт известен в ряду однородных фактов. Например, произношение *опеть* вместо *опять* для многих говоров является единичным фактом, но этот единичный факт следует рассматривать с учетом того, что в ряде говоров звук *е* на месте *а* под ударением между мягкими согласными произносится более или менее последовательно во всех словах, где данный звук имеется в указанном положении.

¹⁶ Р. И. Аванесов, Достижения современного языкоznания в области русской диалектологии, «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. XVII, 1958. — См. также в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» на стр. 153 о таких языковых явлениях, «по отношению к которым предполагается, что они реализуются различно на различной территории, и которые поэтому дадут изоглоссу на картах атласа».

¹⁷ О характере диалектных различий в разных сторонах структуры языка и, в частности, в фонетике см. во вступительной статье к «Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», стр. 20, а также в работе Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой «Вопросы изучения диалектов языков народов СССР», «Вопросы языкоznания», 1953, № 5, стр. 40—42.

¹⁸ «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», под ред. Р. И. Аванесова, М.—Л., 1947, стр. 152 и сл.

¹⁹ См. «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», стр. 60.

Ниже речь идет именно об этих характерных для фонетики диалектных различиях, относящихся к рядам однородных фактов.

В соответствии с такой спецификой диалектных различий в области фонетики намечены и объекты картографирования, что отразилось уже в определенном построении разделов «Программы», посвященных фонетике²⁰.

Наиболее существенной особенностью «Программы» является то, что она, будучи посвящена только диалектным различиям, в целом основана на понимании языка как определенной системы²¹. Это является определяющим моментом в ее построении, в членении ее по разделам и вопросам, в группировке вопросов и т. д.

Все это полностью относится и к разделу фонетики. Существующие в нем подразделы также отражают внутреннюю специфику фонетической системы русского языка в тех ее звеньях, в которых могут проявляться диалектные различия.

В соответствии с этим должна находиться и собирательская работа наблюдателя говора, степень его подготовленности: момент анализа любой диалектной черты, в том числе и фонетических особенностей говора, начинается уже собирателем материала. Собиратель должен каждое слово своих записей проанализировать с точки зрения его структуры, т. е. состава слогов и звуков, определить его место в структуре тех вопросов «Программы», для ответа на которые оно может служить материалом. Эта первая стадия анализа материала необходима для того, чтобы обеспечить каждый вопрос, пункт и подпункт «Программы» достаточным количеством примеров, которое дало бы возможность составителю карты выявить для каждой фонетической черты закономерности ее проявления.

Непосредственным выражением того, что в число фонетических особенностей русских говоров, картографируемых в атласе, включены как общие явления, так и единичные факты, является само построение «Программы», а именно: наличие в ней вопросов, выясняющих произношение звуков в любых словах, где эти звуки встречаются (в определенных положениях или независимо от положения), и вопросов, в которых выясняется произношение звуков в отдельных словах. Таким образом, в «Программе» учтено, по возможности, все то, что было известно о характере проявления диалектных особенностей, о возможности неодинакового их проявления в разных словах, о наличии реликтов фонетических явлений в отдельных словах²². Вопрос о методике собирания материала на явления, охватывающие принципиально неограниченные ряды однородных фактов, решен в нашей практике иначе, чем в практике составителей большинства других атласов: собирателю материала предлагается делать записи в процессе слушания живой речи, а затем использовать эти записи для ответа

²⁰ Выше при анализе картографирования фонетических особенностей в зарубежных атласах соответствующие вопросы и анкеты не подвергались рассмотрению. Представляется крайне желательным рассмотрение этих вопросников и анкет с точки зрения отражения в них диалектных различий в области фонетики. Однако это должно быть осуществлено специалистами, хорошо знающими диалектные различия соответствующих языков.

²¹ Слово «система» употребляется здесь только в том смысле, в каком мы противопоставляем метафизическому подходу к явлению — как к сумме не связанных между собой разнородных фактов — диалектический подход к чему-либо, в данном случае к языку, с учетом специфики и взаимосвязи различных сторон его структуры. Вопрос о терминах «система» и «структура» не связан с проблематикой данной статьи и в ней не затрагивается.

²² Некоторые уточнения к «Программе» см. в «Методических указаниях», раздел «Фонетика».

на вопросы «Программы», распределяя по ним отдельные слова и слово-сочетания — любые из тех, которые подходят для характеристики данного явления²³. При необходимости выяснить произношение отдельных слов ни в коем случае не рекомендуется задавать прямой вопрос, допускаются только наводящие вопросы²⁴. Такая методика определена, с одной стороны, характером самих диалектных особенностей русского языка, с другой, характером соотношения разных русских говоров и литературного языка, исключающим возможность «перевода» с литературного языка на диалект. Этим обеспечивается «натуральность» материала, отсутствие в нем моментов надуманности и стилизации.

В «Программе» в качестве примеров приведены слова, наиболее часто встречающиеся в разговорной речи. Поэтому в ответах часто приводятся некоторые из этих слов, хотя это и не обязательно в тех случаях, когда речь идет о диалектных чертах, охватывающих неограниченный ряд однородных фактов. Но при этом, благодаря описанной выше методике, в ответ не попадают чуждые говору слова и формы. Например, в вопросе № 6^a приведены в качестве примеров для гласного *а* в первом предударном слоге после мягких согласных слова *пряла*, *плясать*, *рябая*. Но может оказаться, что слова *пряла* и *рябая* имеют ударение на первом слоге, а слово *плясать* является чуждым говору, так как в нем бытует слово *скакать*. В этом случае собиратель материала должен будет заполнить ответ какими-то другими, свойственными данному говору словами, которые характеризуют данное явление.

В «Программе» учтена также возможность неодинакового проявления фонетического диалектного различия в разных морфологических категориях. Это имеет особенно большое значение для конечных слов слов. Самой структурой «Программы» наблюдатель говора в ряде случаев заранее ориентирован на то, чтобы специально проследить, имеется ли какая-нибудь разница в проявлении фонетической особенности по разным морфологическим категориям или такая разница отсутствует (см., например, вопросы № 5, 17, 18, 43). Для выявления этих различий применяется та же методика наводящих вопросов, что и при выяснении произношения отдельных слов.

Еще один момент, который хотя и не отражен в самой «Программе», но оговорен в приложении к ней²⁵ — это необходимость при наблюдении традиционного говора отмечать дублетные формы одного и того же явления, т. е. существование разных соотносительных членов соответственного явления. По наличию двух или нескольких диалектных вариантов или отсутствию их можно судить о динамике проявления закономерности, о степени последовательности ее проведения.

Таким образом, вся направленность «Программы» и методики наблюдения над говорами, как правило, обеспечивает возможность получения полноценного материала для картографирования предусмотренных «Программой» диалектных различий в области фонетики.

В результате составитель карты получает от собирателя не «сырой», а частично обработанный материал, освещдающий каждый вопрос «Про-

²³ См. «Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М., 1957, стр. 6—8.

²⁴ Там же, стр. 8—9. — Отметим, между прочим, что иногда оказывается необходимым выяснить произношение отдельных слов и для явлений, которые охватывают неограниченный ряд однородных фактов; это имеет место тогда, когда особенность может проявиться всего в немногих словах в силу ограниченности самого языкового материала.

²⁵ См. в приложении к «Программе» статью «О построении „Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“», стр. 181—182.

грамм» в отдельности. Составителю карты предстоит теперь оценить каждый вопрос со многих точек зрения, для того чтобы выявить объект картографирования. Мы не ставим задачей дать исчерпывающую характеристику всех конкретных случаев, с которыми может встретиться составитель карты в своем исследовании, а попытаемся лишь осветить в общих чертах этапы его работы.

Приступая к анализу материала того или иного вопроса или группы вопросов, составитель карты заранее знает, какое место в фонетической системе языка может занимать выясняемое в вопросе диалектное различие: заключается ли оно в наличии или отсутствии какой-либо сильной²⁶ фонемы (например *ф* и *ф'*), касается ли состава слабых²⁷ фонем того или иного положения (например, гласные безударных слов) или качества фонемы (например, сильная фонема *э*), или, наконец, качества какого-либо звука независимо от его положения в системе фонем (например, мягкие *с'* и *з'*). Составитель карты знает также, что диалектное различие может представлять собою сочетание каких-либо признаков (например, различение фонем *ч* и *ц* или их совпадение в одном звуке и качество их при различении и при неразличении; губно-губное или губно-зубное качество согласного *в* и его изменения в различных положениях).

Задача составителя карты — проанализировать ответ по каждому населенному пункту и выяснить, каков характер проявления диалектного различия в каждом конкретном случае. Для диалектных различий, относящихся к составу слабых фонем, очень существенной может оказаться работа, связанная с анализом более сложных закономерностей, охватывающих определенную категорию звуков не в одной позиции, а в системе слабых позиций (например, аканье и оканье, диссимиллятивное и недиссимиллятивное аканье). В отдельных случаях мы имеем дело с еще более сложными явлениями, когда налицо результат действия разных закономерностей в отношении одних и тех же звуков в какой-либо системе слабых позиций (например, ассимилятивно-диссимиллятивные, ассимилятивно-умеренный и другие сложные типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных). В задачу составителя карты в этих случаях входит определение действия закономерности для каждого отдельного звука в каждой позиции и для системы в целом.

Таким образом, начиная от места диалектного различия в системе языка, от характера проявления закономерности, от возможного сочетания разных признаков диалектных различий, с учетом возможности неодинакового проявления данного диалектного различия в отдельных словах или группах слов, в разных морфологических категориях составитель карты должен решить ряд задач исследовательского характера:

1. Определить соотносительные члены того диалектного различия (соответственного явления, по терминологии Р. И. Аванесова), которое ему предстоит картографировать. Например, в отношении вокализма 1-го предударного слога после твердых согласных такими соотносительными членами на территории, охваченной «Атласом русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», оказываются оканье, ассимилятивное оканье, аканье и диссимиллятивное аканье (см. карту № 1). Для вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных соотносительными членами являются разные типы яканья, иканье, еканье и разные типы различия этимологических гласных неверхнего

²⁶ По терминологии Р. И. Аванесова в книге «Фонетика современного русского литературного языка», М., 1956.

²⁷ По терминологии того же автора.

подъема (см. карты № 3, 7, 8). Для качества мягких *m'* и *ð'* — наличие в них свистящих призвуков, шипящих призвуков или отсутствие каких бы то ни было элементов, отличающих их качество от качества *m'* и *ð'* в литературном языке (см. карту № 61).

2. Установить наличие одного или нескольких планов противопоставления. Для этого составитель карты должен выяснить, может ли каждый соотносительный член быть на равных основаниях противопоставлен всем другим соотносительным членам данного соответственного явления или же одни соотносительные члены могут быть объединены по какому-либо признаку и вместе противопоставлены другим соотносительным членам. Это связано с многопланностью и многостепенностью, свойственными многим диалектным различиям в области фонетики русских говоров. Например при картографировании качества долгих шипящих приходится учитывать, что они различаются наличием или отсутствием в них взрывного элемента, а также мягкостью или твердостью, причем в каждом отдельном населенном пункте шипящие различаются и по признаку наличия или отсутствия взрывного элемента, и по признаку твердости — мягкости, так как данное диалектное различие многопланово. Выбор основного и второстепенного планов противопоставления обусловлен в данном случае характером изоглосс, которые образуют диалектное различие по каждому из этих признаков: предпочтение отдается признаку, образующему более четкую изоглоссу.

Несколько иначе решается вопрос для соотносительных членов многостепенных диалектных различий: в таких диалектных различиях соотносительные члены, представляющие основное противопоставление, объединяют в себе по нескольку более частных соотносительных членов, создающих второстепенные планы противопоставлений. В этом случае составитель карты должен только определить соотносительные члены основного и второстепенных противопоставлений. Это отражается и на карте. Например, различие аффрикат *ц* и *ч* или их неразличение — это те главные соотносительные члены, которые создают основное противопоставление на карте. При различении встает вопрос о характере различия, т. е. о качестве аффрикат *ц* и *ч* (их твердость или мягкость); при неразличении точно так же могут быть внутренние различия в качестве того звука, в котором они совпали. Таким образом, внутри каждого из основных соотносительных членов выявляются еще и второстепенные. Все это создает на карте разные планы противопоставлений, четко разграниченные между собой графическими средствами (см. карту № 40).

3. Установить необходимость составления карт на проявление данного диалектного различия в неограниченном ряду однородных фактов или в отдельных словах и группах слов, в разных морфологических категориях. Выше уже говорилось о структуре вопросов «Программы», которая подсказывает составителю карты, в каких вопросах он может ожидать того или иного из указанных случаев.

Анализ материала соответствующих вопросов подтверждает или отрицает, а в отдельных случаях уточняет необходимость создания карт на явления или карт на частные случаи и единичные факты.

С точки зрения проявления закономерности неограниченно или с указанными выше ограничениями надо различать так называемые лексические ограничения от морфологических. Для лексических ограничений вопрос может быть связан с тем, какой характер носит фонетическое явление: представляет ли оно действующую закономерность, которой не подчинились только отдельные слова в силу каких-либо причин (например, слабоударяемость слова *теперь* делает его исключи-

нием в системе предударного вокализма после мягких согласных), или же оно является лишь результатом действия какой-то закономерности, и тогда оно может быть зафиксировано в отдельных словах, причем территории распространения слов, отражающих данное явление, могут не совпадать.

Для морфологических ограничений характерно, что в тех случаях, когда фонетическая закономерность действует в таком ряду однородных фактов, часть которого представляет какие-либо морфологические категории, некоторые морфологические категории могут противостоять действию фонетической закономерности или дают гораздо более узкий ареал ее действия. Ср., например, карты № 12, 13 и 14, на которых произношение гласного *a* на месте этимологического *и* в заударном конечном закрытом слоге шире всего распространено в корнях слов (карта № 12), менее широко в окончании *-ил* глаголов прошедшего времени и совсем узко в окончании 3-го л. ед. ч. глаголов II спряжения.

4. Составитель карты должен решить вопрос о показе последовательности проявления диалектного различия в каждом его соотносительном члене. С этим связано наличие в атласе карт с полным противопоставлением, карт с частичным противопоставлением и карт без противопоставления.

Карты с полным противопоставлением составляются, как правило, тогда, когда хотя бы в какой-то части говоров диалектное явление зафиксировано как последовательно проведенная закономерность. В этом случае на карте могут быть разграничены говоры, где соотносительные члены соответственного явления проведены последовательно, и говоры, где имеет место их сосуществование (см., например, карту № 1). Карты с частичным противопоставлением составляют тогда, когда необходимо показать только наличие диалектного явления, а вопрос о последовательности его проявления имеет второстепенное значение (см., например, карты № 16, 17, 20, 21). Карты без противопоставления в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» составлены лишь в тех случаях, когда пришлось выделить звено какой-то закономерности для более детального его отражения на карте (см. карты № 4, 5, 6).

В результате анализа материала во всех намеченных аспектах осуществляющее затем картографирование уже никак нельзя назвать просто показом материала. Не представляет оно также и простой схемы, простого установления границ диалектных различий. Картографирование в нашем смысле слова — это определенный этап научного обобщения наших знаний о той или иной диалектной черте. При картографировании не только обобщается то, что уже исследовано, но и выявляется то, что мы должны узнать. Само собой разумеется, что карта и составленные к ней комментарии не могут заменить собой монографического исследования диалектного различия, даже если оно будет проведено на том же материале. Карта решает вопрос о территориальном распространении диалектных различий, это — основная задача, которая перед ней поставлена. Но в процессе того многостороннего анализа картографируемого материала, который мы попытались охарактеризовать, уточняются наши знания о диалектных различиях, выявляются новые аспекты их рассмотрения. Это естественно, так как обусловлено описанной методикой картографирования.

Наконец, и в плане решения проблем общего языкоznания эта методика оказывается продуктивной, ибо она дает большой конкретный материал для постановки, а иногда и решения таких, например, задач, как понятие фонетической закономерности, последовательность

ее проявления, результат взаимодействия разных фонетических закономерностей, ограничение действия фонетической закономерности факторами морфологическими, синтаксическими и т. п., выделение синхронического и диахронического аспектов ее проявления, понятие фонетического процесса или его результата.

В данной статье была сделана попытка наметить основные этапы развития лингвистической географии в том ее аспекте, который связан с отражением диалектных различий в области фонетики. Такая попытка представляется своевременной для более успешного введения в научный обиход методов лингвистического картографирования.

Б. Н. Головин

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Едва ли кто-нибудь из языковедов стал бы возражать против утверждения, что слово несет в себе по крайней мере два смысловых слоя, один из которых принято называть лексическим значением, а второй — значением грамматическим. Но не является ли слово носителем также и третьего смыслового слоя — значения словаобразовательного? Думается, что этот вопрос в последние годы получил положительный ответ в самой практике лингвистического исследования словообразовательных явлений. Теперь нужно бы внести соответствующую поправку в теорию смыслового значения слова.

Если верно, что лексическое значение принадлежит одному, данному слову, а грамматическое значение — целому классу слов, то словообразовательное значение слова нужно будет признать промежуточным между значениями лексическим и грамматическим: ведь словообразовательное значение принадлежит одинаково всем словам одной и той же словообразовательной группы внутри грамматического класса.

Материальным выражителем словообразовательного значения являются прежде всего одинаковые в пределах известной группы слов аффиксы, объединение которых с производящими основами и служит базой формирования и средством выражения словообразовательного значения: *чай-ник, кофей-ник, салат-ник, молоч-ник; в-везти-, в-нести, в-катить, в-двигнуть, в-толкнуть* и т. д.

Все слова той или иной части речи разделяются на определенные структурно-семантические группы, основанные на общности словообразовательных значений и их формальных показателей. Отражение этих групп в соответствующей области научного знания о языке должно дать словообразовательную типологию слов, образующих в своей совокупности ту или иную часть речи.

Задача создания словообразовательной типологии особенно актуальна и интересна применительно к современному русскому глаголу. В частности (и, может быть, прежде всего), должны быть тщательно описаны и осмыслены словообразовательные типы приставочных глаголов, так как именно приставки являются наиболее сильным средством внутриглагольного словообразования.

В основу словообразовательной типологии приставочных глаголов, очевидно, не могут быть положены глагольные классы, потому что внутри одного и того же класса существуют и развиваются различные словообразовательные значения; с другой стороны, глаголы одного и того же словообразовательного значения могут оказаться в разных

глагольных классах (*взести, вкатить, втолкнуть* и т. п.). Поэтому единственно приемлемой основой словообразовательной типологии приставочных глаголов современного русского языка могут быть словообразовательные значения, взятые в единстве с их формальными выразителями — сочетаниями определенных приставок с определенными производящими основами, а также с суффиксами и аффиксом *-ся*. Иначе говоря, типология должна быть структурно-семантической: она должна отражать все типовые словообразовательные значения, выражаемые каждой из продуктивных приставок современного русского глагола.

Попытку создания такой именно типологии предприняли авторы академической «Грамматики» и академического словаря. Содержащиеся в «Грамматике» обширные перечни значений, «вносимых» в глаголы различными приставками, можно считать началом систематического описания словообразовательных типов русских приставочных глаголов. Впрочем нужно отдать должное и наблюдениям П. К. Ковалева, а также наблюдениям авторов нескольких запущенных в последние годы диссертаций¹.

Однако полное систематическое описание и научное истолкование типов приставочного внутриглагольного словообразования все же остается еще не достигнутой целью, так как описание словообразовательных значений русских приставочных глаголов в упомянутых работах пока не дает достаточно полной и правильной картины.

Эта неполнота и в отдельных случаях неточность выделения и определения «приставочных» значений объясняются тем, что внимание большинства исследователей было направлено на выискивание особых значений, якобы вносимых в производящие основы приставками; действительная же задача состоит в том, чтобы выделить и определить словообразовательные значения, возникающие в результате смыслового взаимодействия производящих основ с приставками.

Теоретические обобщения И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушинского, В. А. Богородицкого, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова показывают, что внутри производных глагольных основ между производящими основами и приставками осуществляется семантическое взаимодействие, в результате которого и возникает цельное единое словообразовательное значение производной основы. Объединение производящей основы и приставки в одно смысловое целое создает новое семантическое качество — возникает производное значение, определяемое

¹ П. К. Ковалев, Функции глагольных префиксов в русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1940, № 1—5. См. также: Е. А. Земская, Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. Автореферат диссертации, М., 1952. См. также ее статью «Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке», «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 5; Т. В. Дыбина, Развитие значений приставки *из-* и ее связь с различными глагольными основами. Автореферат диссертации, Л., 1954; А. В. Знаменская, Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке. Автореферат диссертации, Л., 1954; К. С. Самуйлова, Вопросы суффиксального образования глаголов первого продуктивного класса в современном русском языке. Автореферат диссертации, М., 1954; В. П. Григорьев, Префиксация как средство внутриглагольного словоизводства в современном русском литературном языке. Автореферат диссертации, М., 1955; В. Г. Костомаров, Словообразовательная структура глаголов класса *-ить, -ят* в современном русском языке. Автореферат диссертации, М., 1955; А. М. Чепасова, Роль приставок в образовании просторечных глаголов, «Ученые записки» (Саратовского ГПИ), Саратов, 1955, вып. 17, стр. 209; Н. С. Авилова, Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом *-ева-*. Автореферат диссертации, М., 1953. См. также ее статью «К вопросу о словообразовательных типах русского глагола», «Русский язык в школе», 1955, № 2, стр. 15.

смысловыми возможностями производящей основы и приставки. Очевидно, словообразовательная типология приставочных глаголов должна отражать живые словообразовательные отношения между производящими и производными глагольными основами, и она может быть выявлена лишь в результате тщательно осуществленной структурно-семантической группировки соответствующего круга явлений.

Главным приемом исследования здесь должен быть, по нашему убеждению, прием структурно-семантического соотнесения производящей и производной основ, позволяющий выявить их смысловую и формальную взаимозависимость². Соотнесение фактов языка, в отличие от сопоставления их (прием сопоставления часто сопутствует приему соотнесения), предполагает связь взаимообусловленности между соотносимыми единицами. Так, не могут быть соотнесены слова *гулять* и *петь*: они не взаимообусловлены в системе глагола. *Гулять* и *погуливать* или *петь* и *запевать* взаимообусловлены и поэтому соотнесены в самом языке. Между прочим, так же обстоит дело с соотносимостью фактов и в других областях языка — в лексике, грамматике, фонетике и т. д.

Соотнося глагольные основы — производящую, первичную, и производную, вторичную, — мы устанавливаем тот дополнительный формальный и смысловой элемент, который наращивается на производящую основу. Обобщение же ряда одинаковых или весьма близких смысловых приращений в ряду производных основ — при условии, что эти одинаковые приращения связаны с одним и тем же формальным их выразителем, — и дает основание определить типовое, словообразовательное значение. Так, сопоставляя приращения смысла в основах глаголов *бегать*, *ходить*, *влетать*, *вливать* и подобных, мы не можем не заметить того, что эти приращения одинаковы или очень близки и что они связаны с одним и тем же формальным выразителем — приставкой *в-*; значит, наблюдаемое нами приращение смысла является типовым и дает возможность определить одно из словообразовательных значений глаголов с приставкой *в-*.

Весь ряд глаголов с одной и той же приставкой и общим словообразовательным значением образует один структурно-семантический тип, характеризующийся общим типовым словообразовательным значением и общностью его формального выявления. Нередко один и тот же структурно-семантический тип приставочных глаголов оказывается носителем двух или нескольких словообразовательных значений, причем одно из этих значений обычно сильнее остальных и может считаться главным, а остальные — сопутствующими. Так, один из типов глаголов с приставкой *за-* имеет главное значение — «действием производящей основы изменить характер поверхности предмета (цвет, гладкость), нанести на поверхность тонкий слой чего-либо»: *мелить* — *замелить*, *мазать* — *замазать*, *красить* — *закрасить*, *гладить* — *загладить*, *тушевать* — *затушевать*, *зеленить* — *зазеленить*³. В части слов этого типа проступает второе, сопутствующее значение — «действием производящей основы привести что-либо в загрязненное, неопрятное состояние»: *замаслить перчатки*, *закрасить новое платье*, *замелить всю доску...* Это значение оказывается главным в особом, самостоятельном типе приставочного внутрглагольного словообразования,

² Этот прием интересно использован в изучении суффиксальных глаголов Н. С. Авиловой (см. ее статью «Глаголы с суффиксом *-ова-* и его вариантами *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-* в русском языке». «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 42).

³ Здесь и дальше перечни не являются полными.

представленном в языке такими, например, фактами: *мусорить — замусорить*, *ллать — заллать*, *топтать — затоптать* (пол), *лить — залить* (чернилами), *плевать — заплевать*.

Таким образом, существует внутренняя, семантическая связь между различными типами глаголов с одной и той же приставкой: главное значение одного типа может быть сопутствующим в другом или наоборот; сопутствующее значение при этом всегда слабее главного и по кругу захваченных им основ; главное словообразовательное значение присуще всем основам данного типа, сопутствующее — лишь их части.

Возможны и такие случаи, когда два структурно-семантических типа приставочного внутриглагольного словообразования семантически взаимодействуют с одним и тем же третьим типом. Например, упомянутые выше типы, представленные соотношениями *красить — закрасить* и *мусорить — замусорить*, имеют, каждый в своем составе, глаголы с таким сопутствующим словообразовательным значением, которое является главным в очень сильном типе, отражающем возникновение процесса. В самом деле, ведь в один ряд могут стать соотношения *говорить — заговорить* (= начать говорить), *петь — запеть*, *летать — залетать* (= начать летать), а также *красить — закрасить* (начать красить), *плевать — заплевать* (= начать плевать).

Факты языка позволяют, следовательно, говорить о словообразовательной полисемии, т. е. о наличии в одном и том же структурно-семантическом типе двух и даже нескольких словообразовательных значений. Возможно, языковой материал поставит и проблему словообразовательной омонимии; на известный круг вопросов, относящихся к этой проблеме, еще в 1940 г. обратил внимание В. В. Виноградов⁴.

От словообразовательной полисемии нужно, по-видимому, отличать явление дифференциации типового словообразовательного значения. Так, в числе словообразовательных типов глаголов с приставкой *на-* есть такой, который опирается на значение «интенсивно проявить, обнаружить процесс, обозначенный производящей основой». Это типовое словообразовательное значение существует в двух его разновидностях, каждая из которых захватывает свой круг производных основ внутри одного и того же типа. Первая разновидность значения — «интенсивно охватить действием ряда предметов один за другим»: *строить — настроить* (домов, заводов), *плодить — наплодить*, *ловить — наловить*. Вторая разновидность значения — «интенсивно-многократно повторить действие до результативного изменения в состоянии одного предмета»: *хлестать — нахлестать*, *мять — намять*, *шлепать — нашлепать*.

Словообразовательная типология приставочных глаголов зависит не только от лексического содержания производящей основы и значения приставки: заметное воздействие на нее оказывают, например, залоговые значения. Так, очевидно, что нельзя признать членами одного типа приставочные глаголы *вбежать*, *войти*, *влиться* и *взлезти*, *внести*, *втянуть*, хотя значение приставки во всех этих глаголах — одно и то же. *Вбежать*, *войти*, *влиться* имеют словообразовательное типовое значение «действием производящей основы переместиться внутрь предмета», а глаголы *взлезти*, *внести*, *втянуть* имеют словообразовательное типовое значение «действием производящей основы переместить внутрь другого предмета»; разница словообразовательных значений обусловлена разницей лексико-залоговых значений производящих основ.

Таким образом, даже в системе современного языка типология приставочного внутриглагольного словообразования оказывается весьма

⁴ В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке, «Русский язык в школе», 1940, № 1, стр. 9. См. также В. П. Григорьева, указ. соч., стр. 13.

сложной; разумеется, типологическая картина еще более осложнится, если на нее смотреть с точки зрения историко-генетической. Признавая большую пользу и большие возможности историко-генетического изучения приставочных словообразовательных типов, автор склонен думать, однако, что не менее интересной и практически значимой является и задача описательного изучения и истолкования системы глагольных словообразовательных типов в современном русском языке — с присущими ей сложными взаимовлияниями и взаимопереходами между типами. Эта задача не может быть решена путем наблюдения за развитием отдельных глагольных приставок или даже их соединения с глагольными основами: для ее решения нужно изучить живые соотношения в области современного, наших дней, приставочного словообразования — с учетом, разумеется, исторически пережиточных и только еще возникающих явлений. Описательное изучение приставочного внутриглагольного словообразования должно иметь целью не регистрацию попавших в поле зрения наблюдателя фактов, а понимание живых функционально-структурных связей между ними и их типами — в области значения не меньше, чем в области формы.

Общее представление о типологическом описании приставочного внутриглагольного словообразования, изложенное в первой части настоящей статьи, можно в какой-то мере конкретизировать, если дать набросок структурно-семантической характеристики глаголов с приставкой *до-*.

* * *

По наблюдениям авторов академического словаря, приставка *до-* придает глаголам три значения: 1) окончания, завершения, предела действия, достижения цели (*добросить*, *докурить*, *долететь*, *допрыгнуть*); 2) прибавки сверх чего-либо, пополнения чего-либо до известной меры, до нормы (*добавить*, *доплатить*, *дополнить*); 3) отрицательной оценки результата чего-либо (*довоиться*, *дозвониться*, *доиграться*, *допрыгаться*)⁵.

Авторы академической «Грамматики» утверждают, что приставка *до-* вносит в глаголы такие значения: а) достижения пространственного или временного предела [*добежать* (до дверей), *доехать* (до города), *дожить* (до весны), *дочитать* (книгу до середины)]; б) доведения действия до результата (*добудиться*, *дозваться*, *додуматься*, *дозвониться*, *докричаться*, *доплясаться*, *допрыгаться*, *достучаться*); в) добавления до определенного предела (*доплатить*, *долить*, *додать*, *доварить*, *дописать*, *доработать*, *дослать*, *досыпать*)⁶.

Нетрудно заметить, что и словарь и «Грамматика» имеют в виду одни и те же значения, хотя и не одинаково их определяют. Легко увидеть также то, что и там и здесь поставлены в один ряд глаголы различных словообразовательных значений, например *добежать*, *доехать* и *дочитать*, *дожить*. Трудно понять, почему в словаре в одном ряду с приставочным глаголом *довоиться* оказались приставочно-аффиксальные *дозвониться*, *доиграться*, *допрыгаться*; точно так же не понятно, почему второе значение приставки иллюстрируется в «Грамматике» сплошь приставочно-аффиксальными образованиями. Можно думать, что фактическая словообразовательная типология производных глаголов с приставкой *до-* богаче ее академического отражения.

⁵ «Словарь современного русского литературного языка», т. III, М.—Л., 1954, ст. 832.

⁶ Грамматика русского языка, т. I, Фонетика и морфология, М., 1953, стр. 582—583.

Попытаемся же перечислить словообразовательные типы глаголов с этой приставкой.

1. Очень ясно выделяется тип глаголов со значением «переместиться до какого-либо предмета или места действием производящей основы»: *ехать — доехать, плыть — доплыть, идти — дойти, бежать — добежать, лететь — долететь, ползти — доползти, прыгать — допрыгать*. Производящие основы имеют значение движения, перемещения. Вот почему в описываемый тип оказались втянутыми и глаголы *растя — дорастя*: идея движения здесь достаточно ясно выражается. Но своеобразие семантики слова *растя* сказалось в том, что производный глагол *дорастя* обозначает чаще не перемещение до предмета или места (*березка доросла до окна*), а развитие до определенного предела (*дорос до седых волос*).

2. Близок к первому типу глаголов со значением «переместить кого-что-либо до какого-либо предмета или места действием производящей основы»: *везти — довезти, вести — довести, нести — донести, тянуть — дотянуть, тащить — дотащить, катить — докатить*. Производящие основы обозначают перемещение предмета деятелем.

Типовые словообразовательные значения первого и второго типов различны прежде всего потому, что различны залоговые значения производящих основ в том и в другом случаях, хотя значения приставки и одинаковы. Вот почему если словообразовательное значение отождествлять со значением приставки, как это обычно и делается, пришлось бы отрицать существование только что описанных двух типов и признать глаголы того и другого типа одинаковыми по значению, «внесенному в них приставкой».

3. Значение третьего типа глаголов с приставкой *до-* можно определить так: «дополнительно, до нормы осуществить действие производящей основы»: *брать — добрать, платить — доплатить, лить — долить, сыпать — досыпать, грузить — догрузить, направлять — дозаправлять, получать — дополучать*. Почти все производящие основы несут в себе идею движения, перемещения.

Хочется обратить внимание на одно интересное явление в области лексико-залоговой соотносительности производящей и производной основ описываемого типа: глаголы *лить, класть, сыпать, грузить* и т. п., т. е. те, которые обозначают направляемое перемещение сыпучих или жидких веществ, меняют свои способности управлять, как только приобретают приставку *до-*. Эти глаголы, помимо присоединения к себе слов, обозначающих вещество (*долить водой, досыпать соли*) начинают присоединять слова, обозначающие «оболочку», форму, вместе с ними, куда это вещество перемещается: *долить стакан молоком, догрузить вагон углем, досыпать закром пшеницей*.

4. Четвертый тип глаголов с приставкой *до-* имеет значение «осуществить акт, завершающий, доводящий до предела действие производящей основы»: *пить — допить, бить — добить, писать — дописать, смотреть — досмотреть, есть — доесть, рисовать — дорисовать, делать — доделать, играть — доиграть, говорить — договорить, глядеть — доглядеть, знать — догнать, носить — доносить, варить — доварить, читать — дочитать*. Производящие основы не обнаруживают заметного единства семантики. По-видимому, потенциально четвертое типовое значение может выявляться в очень большом кругу глаголов с приставкой *до-*. Поэтому в глаголах первых трех типов проступает и значение четвертого типа, разумеется, не в качестве главного, а в качестве сопутствующего. Особенно заметно значение, главное для четвертого типа, проступает в известном кругу глаголов третьего типа: ведь *долить* значит не только «дополнительно, до нормы осуществить

действие», но и «осуществить акт, завершающий, доводящий действие до предела».

5. Пятый словообразовательный тип глаголов с приставкой *до*- объединяется значением «дополнительно испытать, пережить состояние производящей основы»: *спать — доспать, лежать — дождаться, бражничать — дображничать, гулять — догулять, думать — додумать, шутить — дошутить, хихикать — дохихикать*. Это значение сплетено с другим — «окончиться, прекратиться состоянию производящей основы»: *рожь дозрела, молоко докисло, роза доцвела, чайник докипел*. Глаголы *должать, досидеть, доспать, догулять, дошутить* — т. е. те, которые обозначают деятельность людей, развивают и еще одно словообразовательное значение, уже отмечавшееся в ином словообразовательном типе — «распространить процесс производящей основы до определенного временного предела»: *должать до вечера, досидеть до полуночи, доспать до обеда, догулять до зари*. Таким образом, описываемый тип обладает большими возможностями развития словообразовательной полисемии и, вероятно, омонимии. Значения производящих основ глаголов пятого типа имеют известную семантическую общность: все основы обозначают состояние лиц или предметов. Конечно, это определение очень широкое и требует уточнения на основе новых наблюдений.

6. Шестой тип глаголов с приставкой *до*- формально осложнен аффиксом *-ся*; производная приставочно-аффиксальная основа передает значение «достичь чего-либо, соприкоснуться с чем-либо» (в прямом или переносном смысле): *добраться до скрытого смысла, докопаться до воды, до сути чего-либо, дотянуться до лампы, дотронуться до руки, додуматься до ясного понимания чего-либо*. Производящие основы выделяются в этом типе не вполне ясно: например, *дотянуться* можно соотнести и с *тянуться* и с *тянуть*. Но все же, как правило, производящими оказываются основы безаффиксальные, т. е. *докопаться* — от *копать*, *дотронуться* — от *tronуть*, *додуматься* — от *думать*, *допилиться* — от *пилить*, *допахаться* — от *пахать* и т. д. Есть ли здесь какая-либо заметная семантическая общность в производящих основах, с которой было бы связано формирование типового словообразовательного значения? Можно предполагать, что эта общность заключена в идеи приближения к чему-либо, углубления, проникновения во что-либо — посредством того процесса, который обозначается производящей основой.

7. В отдельный тип обособились глаголы с приставкой *до-*, имеющие значение «добыться отклика, ответа, реакции действием производящей основы»: *будить — добудиться, звонить — дозвониться, просить — допроситься, кликать — докликаться, звать — дозваться, кричать — докричаться, ждать — дождаться, стучать — достучаться, искаль — доискаться, служить — дослужиться*.

Очевидно, что и в этом типе в качестве словообразовательного средства использована не одна приставка, а сцепленный комплекс *до-ся*. Производящие основы лексически неоднородны. По-видимому, все они могут нести в себе идею воздействия, которое требует ответа, отклика. Эта идея, точнее этот элемент в лексическом значении слов, и стала базой развития типового словообразовательного значения.

8. Восьмой тип глаголов опирается на словообразовательное значение «дойти до крайности, причинить себе вред, вызвать недуг действием производящей основы»: *бегать — добегаться, болтать — доболтаться, вертеть — довертеться, вертеться — довертеться, возить — довозиться, возиться — довозиться, воровать — договороваться, врать — довраться, говорить — договориться, гулять — догуляться, ездить — доездиться, играть — доиграться, катать — докатиться, кататься — до-*

кататься, курить — докуриться, лежать — долежаться, лечить — долечиться, лечиться — долечиться, писать — дописаться, плясать — доплясаться, прыгать — допрыгаться, смеяться — досмеяться, сплетничать — досплетничаться, спорить — доспориться, стоять — достояться, терпеть — дотерпеться, философствовать — дофилософствоваться, чесать — дочесаться, чесаться — дочесаться, читать — дочитаться, шутить — дошутиться. В подавляющем большинстве случаев глаголы этого типа образованы от безаффиксальных основ при помощи сцепленного комплекта *до* — *ся*. Но вошли в этот тип и такие, хотя и немногочисленные, глаголы, которые образовались от аффиксально-возвратных основ — при помощи одной приставки. Вот почему во многих случаях (как правило, не отмечаемых словарями) глаголы восьмого типа оказываются по существу расщепленными на омонимы, соотносимые с различными производящими основами: *добротиться* от *болтать* и *добротиться* от *болтаться*; *довертеться* от *вертеть* и *довертеться* от *вертеться*; *довозиться* от *возить* и *довозиться* от *возиться*, *докататься* от *катать* и *докататься* от *кататься*.

Напрасно было бы искать в производящих основах этого типа лексическое единство, семантическую общность: лексически они очень разнородны и пестры. Словообразовательное типовое значение формируется в этом типе на основе идеи занятости осуществлением того или иного процесса. Но эта общая идея выявляется, по-видимому, почти каждым глаголом. Поэтому-то глаголы описываемого типа и образуются практически очень свободно, в разговорной речи — едва ли не от каждой основы несовершенного вида, даже от основы второй ступени видообразования: *доперечивался*, *доразговаривался*, *допропоминался* и т. д. Конечно, эти и подобные факты, может быть, несколько необычны, но они несомненно возможны в речи и не вступают в противоречие с «духом» типового словообразовательного значения. Но и в системе языка глаголов восьмого типа значительно больше, чем показано современными словарями, даже академическим, не говоря уже о словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. В. И. Даля оказался более точным и последовательным собирателем и регистратором фактов живой русской речи, включив в свой словарь *добавлужничаться*, *дабала-гурилось*, *дабаниться*, *добрашничаться*, *дебездельничаться*, *доброжничаться*, *добротаться*, *довоеваться*, *доворчаться*, *доглядеться* и много других. Правда, Даляр очень часто при подобных словах дает пояснение — «дойти до чего, достигнуть чего (действуя соответствующим значению производящей основы образом)». Иначе говоря, Даляр обнаруживает в таких глаголах значение известного предела, результата, но не всегда — значение крайности, отрицательных последствий. Возможно, что ныне окрепшее значение «дойти до крайности, до отрицательных последствий» в XIX в. развивалось лишь в тех случаях, когда производящая основа в своем лексическом значении несла идею отрицательного влияния на человека: *дубяниться*, *догруститься*, *додразниться*, *додрематься*, *додурачиться*, *дозеваться*, *докуриться*, *долизаться*. К напомню же времени круг основ, участвующих в образовании указанного выше типового значения, расширился, так как любое действие и состояние стало осознаваться потенциально способным отрицательно воздействовать на человека, если это действие или это состояние осуществляется неумеренно часто или неумеренно интенсивно.

Так как круг глаголов, вовлеченных в описываемый тип, очень велик, естественно, что во многих из них проступают значения шестого и седьмого типов: *дозвонился*, *и мне открыли*, *наконец*, *дверь* (седьмой тип) и *дозвонился до того, что звонок испортил* (восьмой тип); *достучался и меня впустили* (седьмой тип) и *достучался до боли*

в руках (восьмой тип); *додумался до новых выводов* (шестой тип) и *додумался до головной боли* (восьмой тип); *докопался до воды* (шестой тип) и *докопался до того, что не могу спину выпрямить* (восьмой тип).

В глаголах данного типа производящая и производная основы легко и точно соотносятся: между ними сохраняется ясная граница — формальная и смысловая; это лишний раз говорит об относительной молодости и большой речевой активности восьмого типа.

Типологическое описание приставочных глаголов должно включать в себя не только выделение словообразовательных типов и указание их типологического значения и формальных примет, но также характеристику сложных взаимоотношений между выделенными типами, с одной стороны, и главными лексическими и грамматическими явлениями глагола — с другой.

Пока в этом смысле могут быть высказаны лишь некоторые предварительные соображения. Так, по-видимому, во всех описанных типах внутриглагольного приставочного и приставочно-аффиксального словообразования приведенная основа опирается не на все лексические значения основы производящей, а лишь на некоторые из них; лексический объем глагольной основы суживается; иначе говоря, производящая и производная основы вступают в суживающую лексическую соотносительность. Например, глагол *бежать* в значениях: а) «проходить, быстро протекать (о времени)», б) «течь, литься», в) «скрываться тайком, спасаться бегством, убегать» — не участвует в образовании глагола первого типа *добрежать*. Глагол *тянуть* в словосочетаниях *тянуть товарища в кино, молодежь тянуло к знанию, тянет холодом, не тяните с ответом* имеет такие значения, которые не соотносятся со значением производного глагола второго типа *долгнуть*. Глагол третьего типа *долить* соотносится со значениями глагола *лить* «заставлять жидкость течь во что-то или на что-то»: *лить чай в стакан — долить чая в стакан*; но нельзя соотнести лексически, скажем, *лить пушки — долить пушки, лампа лила мягкий свет — лампа долила мягкий свет*. Конечно, отсюда еще нельзя сделать вывод о том, что каждый производный глагол суживает лексический объем каждого глагола производящего. Но наличие тенденции к сужению лексического объема производящих глагольных основ в процессе приставочного словообразования с участием приставки *до-* несомненно.

Обращает на себя внимание и связь описываемых явлений с процессами образования парных приставочных форм глаголов несовершенного вида. Очевидно, например, что приставочные совершенные глаголы третьего и четвертого типов (*доплатить, догрузить, допить, дописать, доесть* и т. п.) допускают образование парных глаголов несовершенного вида, обозначающих как процесс течения, развертывания одного незавершенного акта какого-либо действия или состояния, так и процесс возобновления, повторения многих завершенных актов того же действия или состояния: 1) *доплачивать, догружать, допивать, дописывать, доедать* — значит «осуществлять в определенный момент времени те действия, которые, будучи доведенными до своего естественного предела, должны быть обозначены глаголами *доплатить, догрузить* и т. д.»; 2) *доплачивать, догружать, допивать, дописывать, доедать* — значит «возобновлять, повторно осуществлять уже доведенные до предела действия: *доплатить, догрузить* и т. п.».

Глаголы первого и второго типов (*доехать, доплыть, долететь, донести, довезти* и т. п.) также допускают образование парных глаголов несовершенного вида, но уже с одним значением — возобновления, повторения многих завершенных актов того действия, кото-

рое обозначено соответствующей производящей основой совершенного вида. *Долетать, доплыть, доходить, довозить, дотаскивать, докатывать* не могут иметь значения «осуществлять в определенный момент времени те действия, которые, будучи доведенными до своего предела, должны быть обозначены глаголами *долететь, доплыть и т. д.*».

Таким образом, хотя первые четыре типа и допускают как будто одинаковую возможность образования парных слов несовершенного вида, однако по существу между первым и вторым типами, с одной стороны, и третьим и четвертым типами — с другой, есть важное различие. Первый и второй типы не допускают возникновения в глаголах несовершенного вида такого значения, которое аналогично значению английских времен группы *Continous* и является в русской глагольной системе одним из внутривидовых значений несовершенного вида; третий и четвертый типы допускают развитие этого значения в парных приставочных формах несовершенного вида. Таким образом, глаголы третьего и четвертого типов получают более богатое семантико-грамматическое «отражение» в парных формах несовершенного вида.

Интересны возможности образования парных форм несовершенного вида от глаголов шестого, седьмого и восьмого типов. Глаголы *докопаться, допилиться, дострогаться, досверлиться, додуматься и т. п.* (пятый тип) образуют парные видовые формы, но, кажется, лишь со значением повторения многих завершенных актов соответствующего действия: *не раз докапывались до воды, допахивались до слоя глины, досверливался до железного листа внутри и т. д.* Эти и подобные формы омонимичны формам страдательного залога, образованным от безаффиксальных приставочных глаголов несовершенного вида: *докапывать — докапываться, допиливать — допиливаться, дострагивать — дострагиваться и т. п.: котлованы докапываются строителями, дрова уже допиливаются, доски дострагиваются.* Между прочим, это явление не нашло никакого отражения в академическом словаре.

Глаголы *дозвониться, добудиться, дозваться* и подобные (седьмой тип) обычно не дают парных форм несовершенного вида, хотя словарь Д. Н. Ушакова и показывает: *дозваниваться, дослуживаться*. Но толковый словарь В. Даля и словарь 1847 г. свободно дают все теоретически допустимые формы несовершенного вида, даже *добуживаться, допрашиваться, докрикаться*. По-видимому, речевая активность седьмого типа (в смысле возможностей образования приставочных парных форм несовершенного вида) уменьшается.

Глаголы восьмого типа (*добегаться, догуляться, доиграться и т. п.*) также, как правило, не развивают парных форм несовершенного вида, хотя в речи и не исключена возможность применения слов *догуливался, доигрывался, долеживался* и т. д.

Особого рассмотрения потребовали бы связи между типами словообразования и глагольной синонимией, возникающей на различных ступенях видеообразования (*копать картофель — выкапывать картофель, стремиться к цели — устремляться к цели, красить пол — окрашивать пол и т. д.*)⁷, а также связи между типами видеообразования и образованием отглагольных имен.

Таким образом, оказывается несомненной задача широкого и углубленного описания реальной типологии приставочных глаголов в ее общих связях с грамматикой и лексикой. Решение этой задачи обещает дать новые интересные данные для прояснения многих проблем лексикологии, грамматики и лексикографии.

⁷ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.-Л., 1947, стр. 510.

P. P. Рогожникова

К ВОПРОСУ О МЕЖДОМЕТИЯХ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В разряд междометий включаются не только первичные междометия, но и такие, которые связаны по происхождению с знаменательными частями речи. Это отмечал еще акад. А. А. Шахматов, причисляя к междометиям такие слова, как *беда*, *горе*, *батюшки мои*, *господи* и т. д., «... слова знаменательные, обратившиеся в выкрики для выражения душевного состояния...»¹.

Вслед за Шахматовым междометия, связанные с знаменательными частями речи, выделяют и некоторые другие исследователи². Тем не менее эта группа слов до сих пор мало изучена в смысловом отношении, не определен полностью ее лексический состав, не выявлены синтаксические особенности. Так, например, неясно, насколько правомерно включение в разряд междометий таких слов, как *горе!*, *ужас!*, *глупости!* и других. Ведь междометия — это слова, выражющие чувства или волеизъявления говорящего, но не называющие их. Поэтому при переходе в разряд междометий существительное должно утратить свое лексическое значение и свою функцию существительного.

Возьмем слово *горе*, которое приводится А. А. Шахматовым, В. В. Виноградовым и в «Грамматике русского языка» АН СССР как пример междометия, образовавшегося из категории существительного. Одним из значений слова *горе* является обозначение чувства скорби, глубокой печали, огорчения: «Вот и обоих нет... Никогда еще не знал Вася такого чувства — *горе* стояло в горле, не давало вздохнуть, проглотить кусок» (Эренбург, Буря).

В восклицательном предложении благодаря интонации усиливается передача чувства скорби, печали: «Как ты с хозяином управлялась? Что дети? Экое *горе!*!» (Пушкин, Письмо Н. Н. Пушкиной от 5 мая 1836).

В сочетании с междометием *о*: «Вдруг — *о горе!* не поворотили во время — и шхуну потащило течением назад, прямо на огромную... джонку» (Гончаров, Фрегат «Паллада»).

Как видим, слово *горе* в последнем примере получает большую эмоциональную окрашенность. Однако оно сохранило свое лексическое значение, не утратило свойств существительного, в частности, может

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 507.

² См., например: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 755; «Грамматика русского языка», т. I — Фонетика и морфология, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 675.

иметь при себе определение, причем определение не образует со словом *горе* устойчивого сочетания: *какое, экое горе; мое горе; великое горе* и т. п. Говорящий, выражая словом *горе* чувство печали, огорчения, в то же время и называет его. Чувства противоположные, например, радости, восхищения и другие, этим словом выражаться не могут.

Во всех рассмотренных выше примерах слово *горе* не становится междометием.Правильнее было бы говорить об особом употреблении существительного в восклицательном предложении. Так же, как слово *горе*, могут употребляться слова, обозначающие другие чувства: досаду, радость, счастье, тоску, печаль и т. п. Например: «*О радость, о восторг! Я Лулу молодую Вчера нечаянно узрел полунагую!*» (Рылеев, Нечаянное счастье).

Некоторые существительные в этом употреблении могут выражать чувства, противоположные лексическому значению слова. Таковы слова *страсть, страх, беда, ужас* и некоторые другие: «*Наш станичник Витька, сын вдовы Грачихи! Ты бы поглядел на него — франт, просто ужас!*» (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды).

Эта их особенность обусловлена более широким кругом употребления данных слов. Слова *страх, ужас, страсть* и другие могут употребляться не только как существительные, но и как наречия со значением интенсивности качества или большого количества чего-нибудь. Например: *страх жадный, ужас какой добрый*. Ср. также наречия, соотносительные с этими словами, изменяющие свое лексическое значение: *страшно жадный, ужасно добрый*.

О переходе существительного в междометие, с нашей точки зрения, можно говорить лишь тогда, когда существительное полностью утрачивает свое лексическое значение и получает возможность выражать самые разнообразные чувства. Так, можно говорить о переходе в междометия группы слов, которые соотносительны с бывшей звательной формой существительных или с обращением. Сюда относятся такие слова, как *батюшки!, матушки!, господи!, боже!, черт!*, сочетания этих слов с другими словами: *батюшки мои!, матушки мои!, боже мой!, мать честная!, черт возьми!, черт побери!, черт дери!*, а также несколько менее употребительные: *маменька!, маменька родная!, мамочки!, отцы мои!, отцы родные!* и другие: «*Карпов и Умара расцеловались... — Маменька родная!* Как трогательно — поцелуй на морозе!» (Ажаев, Далеко от Москвы).

Эти слова, переходя в разряд междометий, утрачивают грамматические свойства имен существительных: способность изменяться по падежам, категорию рода и числа. Утрачивается и их реальное лексическое значение, изменяется синтаксическая функция, что и сближает их с первичными междометиями. Отсутствие у этих слов реального лексического значения позволяет использовать их, как и первичные междометия, для выражения самых разнообразных чувств: «*Как хорошо, боже мой!* — подумал Николай Петрович, и любимые стихи пришли ему на уста» (Тургенев, Отцы и дети).

Такие междометия употребляются часто в сочетании с первичными междометиями. Например: *a, черт; эх, черт; ах, батюшки.*

Междометия *господи, боже (мой), черт* могут быть употреблены в сочетании с первичным междометием и местоимением *ты*, причем последнее утрачивает значение местоимения 2-го лица единственного числа и становится просто усилительной частицей: *ах ты господи; фу ты черт*. Междометие *боже мой* может повторяться для более сильного выражения какого-либо чувства, настроения и т. п.: «*Ах, боже мой, боже мой,* какие бывают тяжелые, грустные дни» (Л. Толстой, Дневник, 1881).

В академической «Грамматике русского языка» указывается: «В связной речи междометия могут выступать или в качестве отдельного слова в составе предложения или в качестве целого самостоятельного предложения; и в том и в другом случае они выражают эмоции или побуждения к действию» (т. I, стр. 674). В обоих случаях они образуют особый эмоционально-оценочный тип слов-предложений, которые тесно связаны с другими предложениями.

По своему синтаксическому употреблению несколько отличается от других междометий сочетание слова *черт* с глаголом: *черт возьми*, *черт побери*, *черт дери* и т. п. Эти сочетания выступают в предложении не только как междометия — выражатели чувств, но и как модальные слова для выражения утверждения, сомнения. Другими словами, ими выражаются не эмоции, а отношение говорящего к высказыванию: «А ведь, *черт побери*, так ли уж нужен человечеству мой труд, как это кажется?» (Куприн, Болото); «И я бы, *черт возьми*, женился» (Чехов, Ненужная победа). В этих сочетаниях глагол не всегда еще утрачивает категорию лица и наклонения. Поэтому возможно сочетание с местоимением, а также употребление глагола в другой личной форме и в форме сослагательного наклонения. Личное местоимение в этом сочетании не превращается в усиленительную частицу, как в сочетании *ах ты господи, боже ты мой, ах ты черт*. Оно заменяет определенное существительное, которое может находиться в том же или в соседнем предложении: «Меня убивают разные философии, *черт их дери!*» (Достоевский, Братья Карамазовы).

Таким образом, междометиями, производными от знаменательных частей речи, на наш взгляд, могут считаться лишь слова, соотносительные с бывшей звательной формой или обращением.

* * *

Другую группу составляют слова, выражающие или подчеркивающие категоричность высказывания. В эту группу включаются такие слова, как *капут*, *каюк*, *шабаш*, *дудки*, *крышка*, *баста*, *точка*, *конец*, *амба*. В работах по русскому языку эти слова обычно рассматриваются как междометия³.

Однако, на наш взгляд, такое безоговорочное отнесение этой группы слов к междометиям вряд ли возможно. Слова *конец*, *крышка*, *капут*, *каюк* в эмоциональной речи употребляются для обозначения смерти, гибели кого-, чегο-нибудь. В предложении они могут быть как подлежащим, так и сказуемым. Как подлежащее они употребляются обычно со словами *пришел*, *будет*: «Плыту, из сил выбился... Ну, думаю, *капут пришел*: опусти ногу — и на дне будешь» (Панферов, Бруски). При этих словах может быть определение: «Грянул громовой *капут* тысячелетней бредовой немецкой мечте о надмирном владычестве» (Леонов, Утро победы).

В качестве сказуемого слова *капут*, *каюк*, *конец*, *крышка* употребляются в безличном предложении с тем же значением смерти, гибели. Обычно они имеют сильную эмоциональную окраску: «Это наши — понял парень, — Наши бьют, — теперь *каюк*» (Твардовский, Василий Теркин). В этом же значении может быть употреблено слово *шабаш*.

³ См., например: В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 755; «Грамматика русского языка», т. I, стр. 677; «Современный русский язык. Морфология», изд. Моск. ун-та, 1952, стр. 486; Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, М., 1957, стр. 397.

Как в любом безличном предложении, к сказуемому может относиться дополнение в дательном падеже, например: «Мы вспашем пустыню, Пшеницу засеем, Тогда-то уж *крышка* — конец суховеям!» (Замятин, Зеленый заслон). Эти слова, употребляемые как сказуемое, могут иметь при себе определение: — «Чего жмешься, тетка? Теперь фашисту *окончательный капут*» (Полевой, Свои).

Как мы видели, во всех рассмотренных выше случаях слова *капут*, *каюк*, *конец*, *крышка* имеют определенное лексическое значение гибели, смерти. Они выступают в качестве главных членов предложения — подлежащего и сказуемого, т. е. являются знаменательными словами, существительными. Однако от обычных существительных они отличаются большей эмоциональной окрашенностью, невозможностью употребления их в другом падеже, кроме именительного, а также во множественном числе.

Так как эти слова имеют яркую эмоциональную окраску, они легко могут быть употреблены как восклицания для выражения категорического утверждения, для того чтобы подытожить размышления, подчеркнуть окончание какого-либо действия. Однако лексическое значение у них не исчезает полностью: «Мотя, победы над тобой у Савчука нет. *Крышка!* Свободная ты женщина» (Гладков, Цемент).

Слово *шабаш* как существительное употребляется в современном русском языке для обозначения окончания работы в какое-нибудь урочное время, например *вечерний шабаш*. Отсюда оно стало употребляться как восклицание при окончании или перерыве в работе: «*Шабаш!* — заревел кто-то с берега. Грузчики выпустили веревки из рук» (Горький, Жизнь Климова Самгина). Как восклицание, первоначально обозначающее окончание карточной игры, перешло из итальянского языка в русский слово *баста*: «Моя ставка выиграла; это был крупный выигрыш. — *Баста!* — крикнул я» (Достоевский, Подросток). *Шабаш* и *баста* употребляются затем как восклицания, обозначающие окончание вообще любого дела, в значении «довольно, хватит», причем обязательно дальше должно следовать обращение к собеседнику или окружающим: «Патап Максимыч крикнул охмельевшей беседе: — *Шабаш*, ребята! Допивай последышки!» (Мельников-Печерский, В лесах).

С тем же значением эти слова могут выступать в предложении в качестве сказуемого, к которому относится дополнение: «*Баста*ходить по цензуре! Ослобонилась печать, Авторы наши в натуре Стали статейки пуштать» (Н. Некрасов, Рассыльный). Таким образом, слова *шабаш*, *баста* употребляются в качестве подлежащего и сказуемого, а также как восклицание для обозначения окончания работы, какого-нибудь дела. В этих случаях они являются знаменательными словами.

Эти же слова *шабаш*, *баста*, а также *амба*, *точка* могут быть употреблены в восклицательном предложении. Так же, как слова *конец*, *каюк*, *капут*, *крышка*, они не утрачивают полностью своего лексического значения. Они употребляются не для выражения каких-либо эмоций, чувств, а подчеркивают категоричность высказывания. В данном случае можно говорить о междометном употреблении этой группы слов. Находясь в начале предложения, они свидетельствуют о том, что говорящий принял какое-то решение. «На предложение сделать новую операцию он ответил холодно и резко: «*Точка*. С меня хватит. Я для науки отдал часть крови, а то, что осталось, мне нужно для другого» (Н. Островский, Как закалялась сталь). Употребленные в конце высказывания, они подчеркивают, что решение, высказанное говорящим, принято окончательно: «— Решено, — говорит полковник, вздыхая. — *Баста!*» (Чехов, Задача).

В сочетании со словом *нет* слова *шабаш*, *баста* и другие обозначают категорическое подтверждение возражения (обычно самому себе): «Приехав в Тулу, я невольно вступлю опять в колею Куликовских, Гаш и Лютиковых. *Нет, баста!*» (Л. Толстой, Дневник 1853). Часто эти слова употребляются с союзами *и*, *да и*, подчеркивающими категоричность предыдущего высказывания. Например, в предложении «Я требую, *и баста!*» (Решетников, Глумовы) слово *баста* подчеркивает усиленное, категорическое требование. В этом случае слово *баста* синонимично усильтальному выражению *и всё тут*. С таким же значением могут употребляться и все подобные слова.

Несколько отличается по значению и синтаксическому употреблению слово *дудки*. В сочетании с отрицанием *нет* оно является восклицанием, усиливающим возражение, отказ выполнить что-нибудь: «— Что, опять на окиян? — говорит царю Иван. — *Нет уж, дудки*, ваша милость! Уж и так во мне все сбылось. Не поеду ни за что!» (Ершов, Конек-Горбунок). Для усиленного возражения оно может быть употреблено и без слова *нет*: «Чтобы я снаряды берег, а дивизию уложил? Вам этого хочется?... *Дудки!*» (Сергеев-Ценский, Брусловский прорыв). В отрицательном предложении слово *дудки* является восклицанием, подтверждающим, усиливающим отрицание чего-нибудь. «[Антипа] Меня с сестрой никому не поссорить — *дудки!*» (Горький, Зыковы).

Слово *дудки* может быть сказуемым в предложении. Как сказуемое оно употребляется в сочетании *это дудки*. Смысл указательного местоимения *это* раскрывается предыдущим контекстом: «— К вам ведь он тогда придет! — Ну нет, *это — дудки!* И на порог к себе его не пущу!» (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы).

Таким образом, слова рассмотренной группы могут употребляться как знаменательные в роли подлежащего и сказуемого. В восклицательном предложении они выражают или подчеркивают категоричность высказывания. Нельзя сказать, что при этом они совсем утрачивают свое лексическое значение, и вряд ли их можно считать междометиями. В этом случае можно говорить о междометном употреблении данной группы слов.

Г. В. Д а г у р о в

О ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ РУССКИХ МЕЖДОМЕТИЙ

Категория междометий в настоящее время представляет собой конгломерацию самых разнообразных слов. Поэтому большое значение приобретает вопрос о том, какие слова действительно относятся к междометиям и как их ограничить от тех слов, которые без достаточного основания причисляют к ним. Для разрешения этого вопроса, кроме, разумеется, специального выяснения лингвистической природы подлинных междометий, необходимо еще дать им просто более точное определение, учитывающее их основные грамматические признаки.

Междометия — это неизменяемые и неразложимые слова-сигналы, не имеющие определенного лексического значения и номинативной функции¹ и служащие для непосредственного сжато-экспрессивного выражения ощущений и чувств говорящего.

Будучи целостным высказыванием², т. е. заключая в себе смысл целого предложения и являясь эмоциональным эквивалентом последнего, междометие, как правило, не входит в состав предложения в качестве его члена и ни с какими словами синтаксически не связывается. Оно находится в смысловых отношениях лишь с целым предложением, и эти отношения обнаруживаются только в интонации, а не в каких-либо грамматических формах.

Если такое определение междометий признать правильным, то многие слова, причисляемые к ним, должны быть исключены из состава междометий.

Например, звукоподражательные слова, которые служат в языке не для выражения чувств, а для непосредственного эмоционально-образного живописания явлений действительности, имеют совершенно иную лингвистическую природу, чем междометия. Если междометие, представляя собой целостное высказывание, нерасчлененно выраждающее чувства, обычно поясняется примыкающим к нему предложением, то звукоподражательное слово не нуждается в этом, ибо оно обозначает конкретное явление внешнего мира и входит в состав предложения в качестве его члена: «Колокольчик *дин-дин-дин*» (Пушкин, *Бесы*); «Громадный огненный сноп вылетел из ствола, и раздалось оглушительное *бу! бу!*» (Чехов, *Белолобый*).

В функции междометий могут выступать лишь те немногие звукоподражательные слова, которые условно воспроизводят звучания, сопровождающие действия и физиологические акты человека, если

¹ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 745.

² См. Otto Behaghel, *Die deutsche Sprache*, Halle (Saale) 1954, стр. 237.

они являются выражением ощущений и чувств, например: *Тъфу! Мерзость какая!; Ха-ха-ха! То-то забава молодецкая!*

Ни один из существенных признаков междометий не присущ и словам типа *толк*, *прыг*, *хвать*. Зато они в той или иной степени сохраняют почти все основные грамматические признаки глагола: имея определенное лексическое значение, называют конкретное действие, т. е., в отличие от междометий, обладают номинативной функцией, входят в состав предложения и служат в нем сказуемым, управляя, как и другие глаголы, дополнением или обстоятельством: «Мартишка... тихохонько медведя *толк ногой*» (Крылов, Зеркало и Обезьяна); «Татьяна *прыг* в другие сени» (Пушкин, Евгений Онегин); имеют вид (совершенный), значение времени (прошедшего), наклонение (изъявительное), переходность и непереходность; могут употребляться безлично.

Против отнесения этих слов к междометиям очень убедительно выступил А. И. Германович³. Аналогичное мнение высказывали и многие другие лингвисты⁴, к которым присоединился и С. Карцевский, предложивший вместо выражения «глагольное междометие» (*interjection verbale*) употреблять «междометный глагол» (*«verbe interjectionnel»*)⁵.

Н. Ю. Шведова пользуется термином «глагольные междометия», чтобы выделить слова *хлоп*, *бац*, *трах*, *хвать* и некоторые другие из числа «междометных глагольных форм» (*бух*, *топ*, *шасть*, *мах* и т. д.), считая, что первые полностью утратили лексическое значение⁶. В приведенных ею примерах эти слова, действительно, не имеют лексического значения, однако и междометиями они не являются, а играют роль экспрессивных частиц, помогающих выразить внезапность, неожиданность действия, о котором говорится в предложении: «А на двор, на постоянный, *хлоп*, въезжает троешник» (Лесков, Воительница).

Думается, что рассмотрение этих слов не следует ограничивать лишь подобными примерами, ибо все эти *хлоп*, *бац*, *трах*, *хвать* широко употребляются и с конкретным лексическим значением, как и остальные слова данного типа: «Она вдруг *хлоп* на диван» (Писемский, Тысяча душ); «Если он не ответит — *бац* его по роже» (пример Пешковского); «Громады скал... Косясь — и *трах!*» (Казин, Байдарские ворота); «А он *трах* кулаком по столу» (Словарь Ушакова); «Хвать друга камнем в лоб!» (Крылов, Пустынник и Медведь).

Можно привести множество аналогичных примеров из литературных произведений и разговорной речи, и это дает основание утверждать, что слова *хлоп*, *бац*, *трах*, *хвать*, обозначающие, как в приведенных примерах, совершенно конкретное действие, нельзя причислять к междометиям, даже под названием «глагольных междометий»,

Без всякого основания относят к междометиям и слова клича животных. Слова эти являются не чем иным, как особой звателной формой, образованной путем усечения начальной формы существительных, т. е. они восходят к полным названиям животных: *цып-цып* (от *цыплёнок*), *уть-уть* (от *утка*), *чух-чух* (от *чушка*), *кис-кис* (от *киска*)

³ См. А. И. Германович, Глаголы типа «толк», «шасть», «Известия Крымск. пед. ин-та.», т. XIV, 1948.

⁴ См.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 188; А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 199—200; В. А. Богоординский, Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935, стр. 199; Л. В. Шерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 20; К. Д. Ушинский, Собр. соч., т. 7, М.—Л., 1949, стр. 285.

⁵ S. Karcevski, Introduction à l'étude de l'interjection, «Cahiers Ferdinand de Saussure», 1, Genève, 1941, стр. 65—68.

⁶ Н. Ю. Шведова, Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи, ВЯ, 1957, № 1, стр. 93.

и т. д. Ведь такую же звательную форму в настоящее время можно отметить и у других существительных, служащих обращением к людям: «*Вась, а Вась...* — говорила Марья» (Серафимович, Бомбы). Подобные усеченные слова-обращения ни по своему лексическому значению, ни по своей синтаксической роли не отличаются от тех полных существительных, которыми мы обращаемся к людям или животным; по своим грамматическим признакам они не могут быть отнесены к междометиям.

Не подходят под категорию междометий и побудительные слова типа *брысь*, *цыц*, *кыш*, *вон*, *прочь*, *айды*, *стоп*, *на*, *тпру*, *но*, *ну*, *усь*, *ату* и др.⁷, которые выражают не чувства, а однословные приказания и поэтому могут быть заменены отдельными глаголами-синонимами, тогда как междометия заменяются только целыми предложениями. В отличие от междометий, эти слова входят в состав предложения в качестве сказуемого или выступают в роли главного члена односоставного предложения (иногда с обращением): *Айда на речку купаться!*; *Стоп!*; *Тпру, ретивый!*.

Семантически все такие побудительные слова весьма близки к глаголам, а многие из них обладают и ярко выраженным грамматическими признаками глагола: имеют значение вида и наклонения, переходность (*ату*, *на*) и непереходность (*марш*, *стоп*), глагольное управление (*ату его! на книгу!*, *марш бегом!*, *айды домой!*, *брысь под лавку!*). Очень показательно, что некоторые из этих слов присоединяют к себе глагольное окончание второго лица множественного числа и частицы *ка* и *же*: *на, на-ке, на-та-ке, на-те-ка, на-те же, ну, нуте, ну-ка, нуте-ка, ну же, айда, айдате, айда же, брысь-ка*.

Разумеется, не все побудительные слова с одинаковым постоянством передают цонятие о действии. Если, например, *марш* или *айды* не имеют иной функции, кроме глагольной, то *ну* может не только употребляться самостоятельно в качестве сказуемого, выражающего энергичное побуждение к действию (*Ну, мертвая!* — крикнул малюточка басом), но и играть вспомогательную роль при сказуемом, оттеняя и усиливая выраженное в нем побуждение (*Ну, тащися, Сивка!*; *Ну, полно, старина*). Во втором случае *ну* есть не что иное, как побудительная частица⁸.

Побудительной частицей является и восклицание *эй*, которое безоговорочно относят к междометиям и приводят обычно такие примеры: *Эй, жители!*; *Эй, Иван, иди-ка стряпать!*; *Эй, вставай, голубушка!*⁹. Но во всех этих примерах *эй* — не междометие, а частица, служащая для привлечения внимания того, к кому обращается говорящий.

Некоторые из побудительных слов, например *но*, *ну*, *эй*, иногда выступают в роли междометий. Это имеет место тогда, когда они

⁷ А. И. Германович, который так категорически возражал против отнесения глаголов типа *толк* и *шашь* к междометиям, причисляет к последним все императивные слова (*брись!*, *стоп!*, *марш!*, *айд-дал...*). Этой традиционной точки зрения придерживается он во всех своих работах о междометиях, в том числе и в последней статье «Синтаксические свойства междометий» («Русский язык в школе», 1957, № 6, стр. 29), которая является как бы новым изданием его статьи «Междометие как часть речи» («Русский язык в школе», 1941, № 2).

⁸ Д. В. Бубрих, причисляя *ну* к «глаголоподобным повелительным словам», отмечает, что эти слова могут лишь «частично уподобляться глаголам, принимая оформление повелительных форм» (см. Д. В. Бубрих, Грамматика литературного коми языка, ЛГУ, 1949, стр. 163). С. Карцевский подчеркивает в *ну* только глагольный признак. Он пишет, что *на* и *ну* «в лингвистическом чувстве ассилированы с повелительным наклонением» (см. С. Кагсевский, указ. соч., стр. 71).

⁹ См. «Современный русский язык. Морфология (курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952, стр. 488.

служат сигналами, выражающими чувства — удивление, разочарование, предостережение, угрозу, досаду и т. д.: «— Она выходит замуж... — Но?! За кого это?» (Горький, Мещане); «— Тебе не скучно жить, Надя? — Н-но! С таким красивым телом, как моё?» (Горький, Последние); «Мальчик посмотрел на Заусайлова и разочарованно протянул: «— Ну-у... Он старый» (Горький, Рассказы о героях); «Ты мне под руку не попадайся, фриц... Эй, не попадайся! К тебе у меня доброты нет» (Горбатов, Алексей Куликов, боев. ...).

Ни как нельзя считать оправданным отнесение к междометиям таких явных глаголов, как *пли* (от *палить*) и *нишкни* (от *нишкнуть* — «не пикнуть»). Кроме сильной экспрессии, в них нет ничего от междометий. В любом сочетании они неизменно остаются глаголами, имеющими форму повелительного наклонения и выступающими в роли *сказуемого*: *Взвод, по мишеням пли!* Ср.: «Сам царь скомандовал: *Пали!*» (Некрасов, Русские женщины); «*Дём, нишкни!*» («Д. Бедный, У господ на елке»); «*Нишкните, проснётся, — будет вам!*» (Серафимович, Чубис). Близки по значению к *нишкни* и императивные слова *тиши*, *тс* и их варианты, также необоснованно причисляемые к междометиям, которые не имея определенного лексического значения, не могут выражать волевых побуждений.

Не являются междометиями также слова *брось* (*бросьте*), *полно*, *полноте*, *будет*, *хватит*, *довольно*, *постой*, *долой*, *край*, *вали*, *дуй*, *жми*, ни со стороны лексического значения, ни со стороны грамматической формы не утратившие связей с соответствующими частями речи. Употребленные как императивные слова, они получают лишь более экспрессивное значение, которое само по себе, без изменения других грамматических признаков, не в силах превратить эти слова в междометия. Имея более конкретное значение, чем междометия, эти слова входят в синтаксические отношения с другими словами по законам, которым подчиняются соответствующие части речи.

Не в обычном своем значении нередко употребляются и существительные *страсть*, *ужас*, *пропасть*, *глупость*, *ерунда*, *дудки*, *беда*, *горе*, *крышка*, *каюк*, *канут*, *шабаш*, *караул* и др., но, за редкими исключениями (см. ниже) они тоже не становятся междометиями, так как и выражая новое, переносное значение, не теряют присущей им номинативной функции. Например, слово *каюк* (первоначально — «плоскодонная лодка»), приобретая значение «конец, гибель», сохраняет функцию называния: «Застрелись — и *каюк!*» (Е. Карпов, Зарево); «Вот и любви пришел *каюк*» (Маяковский, Юбилейное). Не междометия и такие «бездорные» в русском языке слова, как *bast'a*, *лафа*, *бис* и др.¹⁰, ибо, выражая определенные представления, а не чувства, они имеют конкретные значения (*bast'a* — «довольно, конец, все»; *лафа* — «хорошо, вольготно»; *бис* — «еще, повторить»).

Однако некоторые слова данного типа в известных случаях могут полностью утрачивать свой обычный смысл и функцию называния и превращаться в сигнал для выражения чувств, который можно истолковать только предложением, а не отдельным словом-сионимом. Таковы, например, слова *дудки*, *пропасть* и *караул*: «Вы думаете, не узнается?.. *Дудки!* Мир тесен, уважаемые девушки!» (Э. Казакевич, Весна на Одере); «*Тыфу, пропасть!* Брать батальоном; город мог, а при атаке в буднях — робость» (Безыменский, Выстрел); «Клим вдруг вывалился из телеги и на четвереньках побежал к чаще. — *Караул!* — заголосил он. — *Ка-*

¹⁰ Все слова типа *лафа*, *каюк*, *полно* А. И. Германович по традиции безоговорочно относит к междометиям. См. его статью «Синтаксические свойства междометий» («Русский язык в школе», 1957, № 6, стр. 29).

раул!.. Бери, окаянный, и лошадь, и телегу, только не губи ты моей души!.. Карапул!» (Чехов, Пересолил).

Междометное значение на первый взгляд приобретают слово *беда* и сочетание *о горе*. Но трудно их причислять к междометиям, поскольку они не утрачивают своего лексического значения. Кроме того, они, как и другие существительные, могут иметь при себе определенные (*эка беда! какое горе!*) и управляемое слово (*горе мне!*).

В категорию междометий обычно включают также слова и слово-сочетания, выражающие приветствие, прощание, извинение, благодарность. Однако все эти слова и выражения не потеряли своих лексических значений, сохраняют грамматические формы и живые синтаксические связи (*извини, извините, извиняюсь, большое спасибо, спасибо вам, спасибо за угощенье, прощай навек* и т. д.).

Заметно отличаются от междометий и целостные сочетания, служащие выражением энергичного уверения: *ей-богу, ей-ей, ей-же-ей, вот те Христос!, вот те крест!* и др. Они близки не столько к междометиям, сколько к категории модальных слов, а именно, к тем из них, которые выражают отношение говорящего к достоверности высказываемого, а в предложении выступают в качестве вводных слов и поэтому свободно заменяются другими вводными словами, например: *Вот комик! Ей-богу (право), комик!; Я, ей-ей (честное слово), не виноват!*

Совершенно чужды природе междометий и такие слова, как *чу и чур*. *Чу!* служит лишь сигналом, настораживающим внимание человека к каким-либо звукам. Никаких эмоций это слово не выражает и обращено исключительно к явлениям внешнего мира: «Чу... снег хрустит... прохожий» (Пушкин, Евгений Онегин). *Чур!* как возглас, выражающий требование соблюсти какое-нибудь условие, уговор, как призыв к согласию играет роль вводного слова: «У меня, чур, не озоровать!» (Гладков, Лихая година). Ближе всего подходит к междометиям это слово тогда, когда в играх, заклинаниях или просто в разговоре оно означает запрет переходить какую-нибудь черту: *Чур! здесь дом!* (в игре); *Чур! наше место свято!* (А. Островский).

Выше были рассмотрены те группы слов, которые без достаточного основания относят к междометиям и которые должны быть отведены от последних, если мы хотим в категории междометий объединить лишь подлинные междометия. Если же категория междометий существует в грамматике только для удобства классификации слов, то все «бездонные» слова языка, разумеется, останутся в одной категории. При таком подходе вопрос решается очень просто, как например, у Н. В. Касаткина, утверждающего, что «к междометиям надо отнести слова, которые не являются ни именными, ни служебными, ни модальными словами¹¹. Вот почему разряд междометий превращается в кладовую, куда сваливают все слова, которые по тем или иным признакам не совсем подходят под категорию той или иной части речи.

Здесь уместно вспомнить слова А. А. Потебни: «Изучать язык — значит различать сходные явления, а не сволакивать их в кучу»¹².

Однако нельзя отметать от междометий все слова и идиоматические сращения, которые функционально сближаются с ними или даже совсем переходят к ним и наряду с первичными междометиями образуют большую группу производных междометий: *боже!, боже мой!, бог мой!, слава богу!, господи!, господи боже!, творец мой!, дьявол!, дьявольщина!, чёрт!, вот чёрт!, чёрта с дёва!, чёрт возьми!, чёрт дери!, батюшки!*,

¹¹ Н. В. Касаткин, Смысл междометий, «Ученые зап. Томск. гос. пед. ин-та», 1954, т. XI, стр. 139.

¹² А. А. Потебня, указ. соч., стр. 189.

батюшки мои!, батюшки-сесты!, батюшки родные!, матушки!, матушки мои!, мамушки!, мамоньки!, маменька родная!, мамочки!, мать честная!, вата!, вот на!, вот тебе (те) на!, вот тебе (те) раз!, вот тебе и раз!, вот так да!, вот так раз!, вона!, эва!, ишь!, ишь ты!, как!, как бы не так!, не тут-то было! и многие другие.

Переходят в междометия в первую очередь те слова и словосочетания, которые обычно произносятся с более сильным чувством, нежели другие. Таковы, например, традиционные обращения к богу, к чёрту, к дьяволу, обращения к родителям и другие слова или их сочетания, которые почему-либо интонировались с большей экспрессией. Постепенно эмоциональная сторона выдвигается на первый план и слово превращается в эмоциональное восклицание, т. е. в междометие. Полная утрата лексического значения составляет непременное условие перехода слов и сочетаний в междометия.

Кроме слов и сочетаний, перешедших или в определенном контексте легко переходящих в междометия, в живой речи имеет обращение масса таких слов и выражений, которые часто употребляются в значении междометий или функционально весьма близки к ним: *какое!, каково!, куда!, куда там!, шалишь!, и то!* и многие другие: — «Что ж он, буйнит что ли? — *Какое!* напротив, совсем тихие-с» (Достоевский); «*Каково!* — подумал он, — стало быть, подействовали стишки» (Тургенев, Затишье); «Сейчас кричала я во весь народ, что ко дну наш корабль пойдет: *Куда!* Никто и ухом не ведет, как будто б ложные я распустила вести» (Крылов, Мыши); «*Шалишь!* — Мы будем бороться и все-таки установим на реке новый режим» (Закруткин, Пловучая станица); «— Чай, у его не одна наша деревня. — *И то!* Всю Расеюшку ослобонить надобно» (Тренев, Пугачевщина).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что междометия составляют особый разряд слов, стоящих в языке обособленно и имеющих специфические, но совершенно определенные признаки; поэтому к междометиям и должны быть отнесены только те слова и сочетания, которые обладают этими признаками, а слова, неправильно причисляемые к междометиям, следует отвести от них и тщательно изучить с целью установления принадлежности их к тем или иным категориям.

B. I. Троицкий
К ИСТОРИИ СОЮЗА *ЧТО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Образование союза *что* принято связывать в последнее время с изменением функций относительного местоимения *что* в придаточных, поясняющих имя главного предложения (определительных). Считается, что это относительное местоимение, первоначально выступавшее в придаточном при имени существительном как его определение, а затем (когда определяемое имя в придаточном стало опускаться) в роли его заместителя, позднее утрачивает связь с определяемым именем, стоящим в главном предложении, и из союзного слова перерождается в союз. Одни исследователи подчинение придаточного посредством местоимения *что* глаголу главного предложения рассматривают как явление вторичное, более позднее, чем подчинение имени¹, другие, не касаясь этого вопроса, ограничиваются указанием тех особенностей в строении определительных придаточных, которые, по их мнению, отражают разрыв связи относительного местоимения *что* с определяемым именем главного предложения².

Источником для этих взглядов на образование союза *что* в русском языке можно считать известные высказывания А. А. Потебни о местоимениях *кто*, *что* в т. IV «Из записок по русской грамматике». Здесь в главе «Местоимение», действительно, говорится о разрыве связи местоимения *что* с существительным в придаточных определительных как о заключительном этапе превращения относительного местоимения *что* в союз³. Однако это верное утверждение А. А. Потебни нельзя понимать слишком прямолинейно и в отрыве от всего предшествующего изложения. Следует иметь в виду, что главная цель А. А. Потебни в данном случае — не выяснение путей превращения местоимения в союз, а характеристика местоимений *кто*, *что* «как существительных атрибутивных». А. А. Потебня обращает внимание на то обстоятельство, что эти местоимения в древности обладали чертами, сближающими их с прилагательными, и могли нести в предложении те же функции, что

¹ См., например, С. И. Макарова, Из истории конструкций со словом *что* в русском языке (К вопросу об абстрагирующей роли грамматики). Канд. диссерт. (машинопись), М., 1954, стр. 170—171; Е. С. Хмелевская. Синтаксис сложно-подчиненного предложения грамот Северо-восточной Руси XIV—XVII вв. (относительные и условные конструкции). Автореф. канд. диссерт., Минск., 1955, стр. 13.

² См. например: Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века, «Ученые зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 112, кн. 6, Сб. работ кафедры русского языка, Казань, 1952, стр. 90.

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 216.

и местоимения *который*, *каждой*, укр. *який*. Приводимые им примеры и показывают местоимения *что*, что в роли, сходной с ролью местоимений-прилагательных. Употребление же этих местоимений как существительных оставлено здесь в стороне, но подразумевается Потебней. Между тем, если принять во внимание столь же древние примеры на эти последние функции местоимения *что*, то не остается сомнений в том, что почву для превращения местоимения *что* в союз создавало употребление его и как местоимения-прилагательного, и как местоимения-существительного. Более того, союз *что* в его современном употреблении восходит прежде всего к оборотам, в которых относительное местоимение *что* выступало со свойствами существительного, тогда как союз *что*, возникший на основе местоимения *что* — прилагательного, почти не оставил следов в современном языке. Для подтверждения этой мысли обратимся к примерам адъективного и субстантивного употребления относительного местоимения *что* в весьма интересном по разнообразию конструкций, но мало обследованном памятнике деловой письменности конца XVII в. — «Розыскным делам о Федоре Шакловитом и его сообщниках»⁴.

КОНСТРУКЦИИ, ВОЗНИКШИЕ НА ОСНОВЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ ЧТО КАК ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Следы употребления местоимения *что* как прилагательного находим только в конструкциях, зависимая часть которых относится к имени главной части. Относительное местоимение *что* подчинено в зависимой части существительному как его определение и по функции тождественно местоимению *который*. Если зависимая часть предшествует главной, определяемое имя оказывается в обеих частях конструкции: в зависимой части — при местоимении *что*, в главной — в сочетании с указательным местоимением; определяемое имя в главной части иногда заменяется местоимением личным.

В редких случаях местоимение *что*, в соответствии со своей этимологической природой, стоит в сочетании с им. падежом ед. числа сред. рода: «... а *что* масло прислано полынное, и *то* масло плохо, не двойное и не перепускное» (II, 89).

Обычно находим местоимение *что* при им.-вин. падежах как ед., так и мн. числа муж. и жен. рода: «А *что* сулемщик Петр умер, и ты у него сулемы вели взять» (II, 77); «А *что* грамотки послал, и ты *те* грамотки сама розвези» (II, 116); «А *что* князь Михайла Алегуковича бронник делал *стволы*, и за *те* *стволы* дал я ему два ведра вина...» (II, 77).

Форма им.-вин. падежа местоимения *что* может быть при дат. падеже мн. числа определяемого слова: «А *что* дал я к *двум пищалем* ложи сделать Денису Чернородцкому, и за *те пищали* дал я ему вина да полоть мяс...» (II, 77).

Наличие сочинительного союза и между зависимой и главной частью говорит об архаичности этого типа, впоследствии совсем исчезнувшего. Примеры его встречаются в нашем памятнике лишь в письмах боярина Андрея Безобразова жене, случайно попавших в его розыскное дело. Наблюдаемое здесь безразличное употребление местоимения *что* по отношению к роду, числу и падежу определяемого имени, нередкое отделение последнего от местоимения рядом других членов предложения

⁴ «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», Изд. Археографической комиссии, СПб., т. I—1884, т. II—1885, т. III—1888, т. IV—1893.— Орфография в примерах несколько упрощена.

явно отражает тенденцию к превращению относительного местоимения в союз. Еще более далеко заходит эта тенденция в тех случаях, когда зависимая часть не имеет глагольного сказуемого и в ней лишь называется предмет речи: «*А что* у Матюшки Валыгина с Ондреем Семеновым *дело о недовозе судов серебреных, с того дела и с роспросных речей и сказок... списки...* посланы в приказ «Розыскных Дел»...» (III, 410).

И эти обороты не закрепились в русском языке. Они оказались вытесненными соотносительными с ними по смыслу конструкциями типа *что касается... то, что до... то*, получившими название «придаточных касательства», которые «предваряют, относительно кого или чего дается содержание главного предложения»⁵.

При положении зависимой части после главной или внутри ее изредка при местоимении *что* стоит определяемое им существительное: «*А та изба поставлена на дворе, что двор на Смоленской улице, Тимофею Епаничу с товарыщи*» (IV, 619).

В большинстве случаев определяемого имени в зависимой части нет, и местоимение *что*, заменяя его в роли подлежащего или дополнения, приобретает вместе с тем свойства существительного.

Местоимение *что* стоит в зависимой части в форме именительного падежа, если оно заменяет определяемое имя в роли подлежащего. Согласование глагола-сказуемого зависимой части с определяемым именем главной как со своим подлежащим (в настоящем времени в лице и числе, в прошедшем времени — в числе и роде) является следом былого употребления в зависимой части этого имени: «*А Ивашке Черному 5 рублей дал Аган Петров, что ныне сидит в подъячих в Хлебном приказе у Колуских ворот*» (I, 29); «...и его де взял брат его Арсенко, что прежде сего бывал во псаломщиках в Верху, а после того жил в Спасском монастыре, что за иконным рядом»... (I, 180).

При именном составном сказуемом в зависимой части встречаем согласование связки не с подразумеваемым подлежащим, а с присвязочным членом: «...в село Богородицкое, что была Черная Грязь, да в село Троицкое, Озношино тож... в село Спасское, что была деревня Савина... да Московского ж и Боровского уездов в село Ивановское ж, что бывала Григорьевская вотчина Богданова...» (III, 173).

Если местоимение *что* заменяет определяемое имя в зависимой части в роли дополнения, оно употребляется двояким образом.

1. Местоимение *что* имеет форму того падежа, которого требует управляющий им глагол.

В и. падеж (при замене как неодушевленных, так и одушевленных существительных): «*И ныне де те все писма, что ему он, Андрей, отдал, на его Андрееве, дворе у него, Гришки*» (II, 114); «*И ныне де тот волхв Дорофейка, что прислал он, Андрей, живет у него, Андрея, на московском его дворе*» (II, 190).

Род. падеж: «[*И он де Ивашка ему говорил:*] пора де *то дело делать, для чего ты прислан*» (II, 43).

Твор. падеж: «*А посыпал де он, Сенка, его Ивашку купить коляскую черкасскую да кожу большую, чем тое коляскую покрыть*» (I, 979).

Местн. падеж: «...и на загородном своем дворе ты, Сенка, коляскую, на чем было бежать ему Федке, изготовил...» (I, 937).

2. Местоимение *что* имеет неизменяемую форму им.-вин. падежа, независимо от того, какого косвенного падежа требует по смыслу связанный с ним глагол.

⁵ И. Г. Чередниченко, Особые случаи придаточности в современном русском языке, «Ученые записки Львовского гос. ун-та им. Ив. Франко», т. VII, Вопросы славянского языкознания, кн. 1, Львов, 1948, стр. 116.

При переходном глаголе: «Да вели сыскать образец мой чюлопшной бумажной, что чюлки кроят, два образца бумажные» (II, 74).

При непереходном глаголе: «Ивана Щербачева отпусти на той лошади, что приехал Левка Арефьев, нижегородской моей деревни, рыж...» (II, 115); «А ныне я, богомолец ваш, приискал себе двор в Китае городе, у Николских ворот, что жил певчей Лаврин Бурмистров, и тот его, певчего Лаврина, двор никому не отдан» (I, 1062). Несомненно, что в примерах с несклоняемым *что* последнее находится на пути к превращению в союз.

Для выражения требующейся грамматической формы относительного местоимения возникали гибридные построения — с одновременным употреблением неизменяемого *что* и склоняемого местоимения *который*: «... один анбар, что в котором была толчая, и тот анбар водою подмыло, и он от подмою воды завалился...» (III, 638).

Другим путем, делающим возможным выражение грамматических функций определяемого имени в зависимом предложении, было повторение в последнем при неизменяемом *что* того же имени с указательным местоимением или употребление личного местоимения в соответствующем падеже.

В зависимом предложении имя с указательным местоимением: «...преж сего он Андрей был в полку Богдана Пыжова, что ныне у того полку столник и полковник Родион Остафьев, а ныне он Андрей за полками» (I, 194—195). «...родом де он, Ганка, русский породы, родился и жил в крестьянстве... в селе Тарутине, что ныне то село за боярином за Кирилом Полуехтовичем Нарышкиным» (II, 356—357); «...ездили мы во Брянской уезд на реку Снежат, в вотчину Петровского монастыря, на мелницу, что тою мелницей владел приказу Болгия казны подъячей Сенка Надеин...» (I, 1239).

В зависимом предложении личное местоимение, указывающее на определяемое имя: «... а вдову бы Нарышкину, что двор ее в Чертольских воротах, убить же бы...» (I, 20); «И Августа в 7-м числе, за час до отдачи денежных часов, шел де он от истопника от Василья Ильина, что двор его на Арбацкой улице, на двор отца своего, Стенки Овдокимова» (I, 651); «Из Сузdalского уезду, из Золотниковской пустыни приходил игумен Семион с синодиком, что написаны в нем род боярина князя Василья Васильевича, и тое пустыни игумену, для поминовения, дан рубль денег» (IV, 606—607).

Ф. Е. Корш, первый обративший внимание на подобные обороты, встречающиеся во всех славянских языках, писал, что употребление неизменяемой формы относительного местоимения, не дающее возможности обозначать падежи, сопровождается здесь «прибавкой личных или указательных местоимений в требуемых падежах»⁶. Сходный взгляд на структуру этого типа высказывается и другими исследователями. Так, Л. А. Булаховский отмечает: «Как в русских народных говорах, в белорусском и украинском языке, относительное *что* для выражения падежных функций может (но очень редко) получать при себе дополняющие его падежи от местоимения *он*, *она*, *оно...*»⁷. В такой формулировке наличие имени, сопровождаемого указательным местоимением, или личного местоимения во второй части этих конструкций представляется результатом ввода или вставки их для уточнения функций местоимения *что*. Однако аналогичное строение второй части — повторение в ней с указательным местоимением имени первой части или замену

⁶ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения, М., 1877, стр. 27.

⁷ Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 3-е изд., Киев, 1950, стр. 301. См. также Н. А. Широкова, указ. соч., стр. 91.

его местоимением личным — мы встречаем как в бессоюзных сложных конструкциях, так и в конструкциях с сочинительными союзами *и*, *а*⁸. Это наводит на мысль, что в данном, уже бытовавшем в языке типе, имеющем во второй части имя с указательным местоимением или одно личное местоимение, нашло себе применение и местоимение *что*, но лишь тогда, когда оно превратилось в союз: как и союзы *и*, *а*, оно связывает обе части конструкции, с тем отличием, однако, что вносит в эту связь оттенок подчинения.

В современном литературном языке не находим подобных оборотов с союзом *что*. Известное структурное сходство с конструкциями, в которых отражаются старые атрибутивные функции местоимения *что*, имеют лишь сложноподчиненные предложения с придаточными, по функции представляющими собою развернутое сказуемое главной части: «[А им же Ивашку с товарыщи говорил:] а вы де воры *такие ж, что* и Ларион с товарыщи...» (I, 199); «[а сказал:] тот де человек отец его родной, а дело до него есть *такое ж, что* и до него, Ивашка» (II, 771); «[Яков Рындин говорил:] ни к кому де *такой милости* нет, *что* к уставщику Сергею» (II, 784).

В этих примерах, где союз *что* выражает различные оттенки сравнения, можно предполагать наличие в первичном прототипе при местоимении *что* определяемого им имени главной части (*воры такие ж, что воры..., дело такое ж, что дело...* и т. д.).

КОНСТРУКЦИИ, ВОЗНИКШИЕ НА ОСНОВЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *ЧТО* КАК СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Относительное местоимение *что*, употребляясь как существительное, выполняет роль подлежащего или дополнения в зависимой части. Последняя может относиться при этом не только к имени, но и к местоимению или непосредственно к глаголу главной части.

Если зависимая часть поясняет имя главной части и стоит перед ней, местоимение *что* также может быть в сочетании с именем: «А *что*, государи, в поимке у старца Селиверстка и товарищей его *лошадей и животов* взято и с ними послано, и *тем животам* роспись, за их руками, послал я, холоп ваш, к нам...» (I, 524); «...а *что* де они за те столы брали *денег*, и *тех денег* ему Мишке и иным стрелцом не давали» (I, 185).

Эти конструкции по синтаксическим отношениям между местоимением *что* и существительным резко отличны от рассмотренных в начале статьи, в которых местоимение *что* (прилагательное) сохраняло следы употребления его в роли определения имени: здесь местоимение *что*, сочетаясь с родительным падежом существительного, управляет последним как обычное существительное. В первом примере именно местоимение *что* является подлежащим, с которым согласовано стоящее в сказуемом причастие *взято*.

В других случаях местоимение *что* не имеет при себе управляемого им члена: «А *что* в роспросе и с пыток говорил, и *те* его, Сенкины,

⁸ Например, в нашем памятнике в конструкциях с союзом *и*: «Да он же Федка... собрав именные *росписи* *кажденным* и *сырьенным* людем, отдал ему Степану, и ныне *те* *росписи* у него Степана» (I, 154); «Да он же Федька имал его с подъячим с Иваном Федоровым в Марьинскую *рошу*; и в той же *роше*, при нем, Федьке, пытали; а кого — того не упомнит» (I, 158); «А у него остался один статейный *список* вчерне, и *тот* *список* он привез с собою, да дело как он Федка Стремянного полку у стрелцов велел дворы отписывать и жен посадить за караул...» (I, 163).

роспросныя и пыточныя *rечи* к вам, великим государем, к Москве послал я, холон ваш, под сею отпискою» (II, 391—392); «...и что она, татарка Аксютка, у пытки и с пытки сказала по-татарски, и он, Иван, *те* ее *речи* переводил и сказывал по-русски» (II, 374); «А *для* чего де тот коновал и Андрюшкин человек к Москве были посланы, и *про* *тот* де воровской умысл он, Ивашко, ведал же» (II, 506).

В таких оборотах, по выражению Е. Ф. Карского, придаточные предложения «заменяют имя предмета»⁹. Зависимая часть по функции является придаточным дополнительным.

Зависимая часть является по смыслу развернутым дополнением главной части также тогда, когда она относится к местоименному дополнению: «А *что* тех его, Леонтьевых, всяких *пожитков* объявитца, и *тому* велел учинить книги...» (II, 608); «А *что* по мере того двора *длиннику* и *поперечнику*, и в какову цену оценен будет, о *том* в приказ Розыскных Дел к тебе боярину к Тихону Никитичу Стрешневу с товарыщи отписать» (II, 412).

В диссертациях последних лет неоднократно высказывалось предположение о появлении этого типа в результате опущения имени в главной части и, следовательно, о развитии придаточных дополнительных из придаточных определительных¹⁰. Этому предположению противоречит ряд фактов. Во-первых, местоимение *то* в главной части не допускает здесь подразумевания при нем какого-либо имени: оно указывает на все содержание предшествующего предложения, а не на один из его именных членов, и эта его функция не может быть выведена из функции замены имени. Во-вторых, уже в глубокой древности конструкции относительного подчинения с субстантивным употреблением указательного местоимения существовали параллельно и наряду с теми, где оно употреблялось в роли определения имени¹¹.

Наконец, против предположения о возникновении придаточных дополнительных из придаточных определительных говорят и примеры субстантивного употребления как указательного местоимения в главной части, так и относительного местоимения в зависимой части, когда подразумевание пропуска имени лишено смысла: «Что де коновал Дорошка на него в роспросе сказал и с пытки говорил, и в *том* де во всем он, Андрей, перед великими государи виноват...» (II, 252); «А *для* *чего* он, Ивашка Щербачов, его, Дорошку, с собою имал в поход, и она *о том* его, Ивашка, не спрашивала и не ведает» (II, 40).

Значение развернутого дополнения по смыслу зависимая часть имеет и при положении ее после или внутри главной (если она относится к местоименному дополнению или непосредственно к глаголу главной части): «И из тех де телег они, Иван да Кузка, тое серебряную посуду и *все*, что *ни было*, собрав, положили в два сундука, да в коробью...» (III, 203—204); «И послали де с ним Микиткою Михайла Капранова проводать, что в Кремле делаетца» (I, 23).

Когда зависимая часть относится к имени главной части и следует за ней или включена в нее, относительное местоимение *что* является подлежащим, с которым согласовано сказуемое (в форме настоящего времени — по 3-му лицу ед. числа, в форме прошедшего — по ед. числу

⁹ Е. Ф. Карский, Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, «Изв. по русск. яз. и словесн. АН СССР», т. II, кн. 1, Л., 1929, стр. 58.

¹⁰ См., например: Р. В. Алимпиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореф. канд. диссерт., Куйбышев, 1953, стр. 11; С. И. Макарова, указ. диссерт., стр. 171; Е. С. Хмелевская, указ. автореф., стр. 10.

¹¹ См. К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 660.

средн. рода): «А подъячих, и приставов и разыщицков имать ему, что понадобитца для того дела, в Севску и в Кромах» (II, 606); «А брат де его Арсеней перед Семениным днем в суботу из кельи выбрался со всем своим пожитком, что у него было...» (I, 180); «А Кодаралейка сказал, что Ибраимка его приводил в дом к ближнему боярину и оберегателю ко князю Василью Васильевичу Голицыну ворожить о пропажех, что у него учинилось в Богородском» (I, 159).

Именно эти конструкции рассматриваются как переходные между употреблением местоимения *что* в роли союзного слова и употреблением его в роли союза. Такое утверждение обосновывается тем, что в подобных случаях, как писала Н. А. Широкова, «имеет место нарушение согласования с определяемым именем, проявляющееся в несоответствии форм числа и рода сказуемого с формами того имени, которое поясняется зависимым предложением»¹². В аналогичных примерах отмечает «нарушения согласования сказуемого в роде» Т. П. Ломтев¹³. Видеть «нарушение согласования» в этом типе можно лишь исходя из предпосылки, что относительное местоимение здесь заменяет имя, которое оно первоначально определяло. Между тем этого как раз и не было, и такая интерпретация подобных оборотов несостоятельна. Согласование сказуемого зависимой части с определяемым именем главной в данном случае не могло иметь места, так как относительное местоимение тут вовсе не заменяет имени, и сказуемое зависимой части согласовано с местоимением совершенно закономерно. Такие обороты допускают первоначальное наличие имени в зависимой части, но не в функции подчиняющего слова, а в функции подчиненного местоимению *что*, т. е. наличие имени, стоявшего в родительном падеже и управлявшегося местоимением-существительным. Что это действительно так, подтверждается примерами, правда, редкими, когда родительный падеж существительного сопровождает местоимение *что* в зависимой части: «А суды серебреные, как станеш отдавать под залклад, и ты вели роспись учинить и вес записать, что в них весу будет...» (II, 107).

В таких конструкциях перерождение местоимения *что* в союз проявляется, на наш взгляд, не в строении зависимой части, а в семантике относительного местоимения: оно сходно в приведенных примерах по значению с наречием *сколько*, следовательно, уже не выполняет функций существительного. О переходе местоимения *что* в союз через стадию наречного его употребления писал, как известно, еще Ф. И. Буслаев¹⁴.

* * *

С конструкциями, в которых относительное местоимение *что* употребляется в функции существительного, преимущественно связаны, как со своими прототипами, разнообразные построения с союзом *что*, встречающиеся в памятнике. Имея то же внешнее строение, что и соответствующие сложные предложения с относительным местоимением, конструкции с союзом *что* отличаются от них в одних случаях лишь отсутствием роли члена предложения у бывшего местоимения *что* в зависимой части, в других — новыми логическими отношениями между главной и зависимой частью.

¹² Н. А. Широкова, указ. соч., стр. 90.

¹³ Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, 1956, стр. 554.

¹⁴ Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка, ч. II. Синтаксис, М., 1858, стр. 371.

Свободное употребление *что* лишь в союзной функции установилось, по-видимому, не сразу: вначале оно могло сопровождать имевшееся в зависимой части относительное местоимение как дополнительный элемент связи между частями конструкции. На это указывают примеры с одновременным употреблением союза *что* и союзного слова в зависимой части: «...только де нам о том печально, что воры изменники Федка Шакловитов с товарыщи к великому государю... в поход, в Троицкой Сергиев м-рь для чего не посланы» (I, 198—199); «...и изволили им говорить, что тот вор Федка Шакловитой как умышляли на их государское здоровье...» (I, 386).

Главные типы конструкций с союзом *что* в нашем памятнике следующие.

Зависимая часть стоит перед главной и относится к имени существительному со значением речи или мысли. По функции зависимая часть тождественна с придаточным дополнительным: «А что де он в роспросе и на очной ставке, выше сего, про то не сказал, и в той де его, Дорошкине, вине волны великие государи» (II, 32); «А что же во 196 году, Сентября 1-го числа, приготовить из полков стрелцов и взять бы за караул боярина Лва Кириловича с братьями, и чтоб Кремль запереть, и ему де Оброске такого приказу не было и про то он не ведает» (I, 118).

Зависимая часть относится к местоименному дополнению главной части: А что де Кремль запереть, и иные де полки про то не сведают; а не сделав де того дела, Кремля не отопрем — того он Ивашко им не говаривал» (I, 104); «А что де он, Ивашко, по указу великих государей, сослан был в ссылку, и что с дороги бежал, и про то де никто не ведает...» (II, 504).

То же «изъяснительное» значение у союза *что* при положении зависимой части после или внутри главной. Зависимая часть относится к имени главной части, обозначающему речь или мышление: «А в роспросе и с пыток говорил прежние свои речи, что он коновал Федки Бобылева волшебству никакому не учивал, и его Федки не знает» (II, 398); «... Федка де Шакловитой такие слова, что святейшаго патриарха переменить, а взять бы изо властей или и простого старца, говорил...» (I, 173); «И за тое твою вину, что ты ведала про воровской злой умысл мужа своего на государское здоровье, и сама волхвовала..., по Уложенью, довелась ты смертной казни» (II, 316).

Интересны случаи пояснения имени, входящего в состав непредиктивного словосочетания: «А Марта в 6-й день, по отписки из Нижнего столника Павла Леонтьева, что коновал Сенка Андреев, Генваря против 24 числа, в тюрме умре скоропостижно смертью» (II, 400); «А по сказке дворника Андрюшки Андреева, что клетишко старое было строенье Андрюшки Безобразова, а избу строил он, дворник Андрюшка, своими денгами» (II, 492); «... а по сказке того села Битягова жителей старост и целоваликов и крестьян, что тое рощу своим насилиством высекают села Константинова, вотчины столника князь Федора княж Юрьева сына Ромодановского крестьяня» (IV, 386).

Зависимая часть относится к местоименному дополнению главной части: «И на утре де пришел он Оброска к Федке Шакловитому с ними, и про то, что то окно выломано, он Оброско сказывал» (I, 125).

Если местоимение, поясняемое зависимой частью, в главной части является сказуемым, зависимая часть становится придаточным сказуемым: «А государево де дело то за ним, что Микифор Анисимов, ... Еким Мартынов кабаки откупают и табаком торгают...» (I, 185—186); «... а к Ивану Войтвеннику свечи простыя ж, а в них бывала свеча такая, что вместо светилны кладена холстина...» (II, 68).

Зависимая часть относится к глаголу речи или восприятия. «Да он же, Никитка, говорил, что де великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... с ума споили» (I, 109—110); «И он, Якимка, его Оброску увидел, что он идет съезжия избы крылцом того же полку с пятидесятники, с Ильею Афанасьевым и с Василем Тулой» (I, 132).

Зависимая часть получает значение придаточного подлежащего, если она относится к сказуемому главной части, выраженному страдательным причастием в форме им. падежа ед. числа средн. рода, или непереходным глаголом в форме ед. числа средн. рода прошедшего времени: «Да в той же де сказке написано, что царской венец изломал Федор Кирилович Нарышкин» (I, 178); «А неведомо де чрез какия слова в Верху носилось, что он великий государь не долговечен» (I, 212).

Если в главной части местоименное дополнение, поясняемое зависимой частью, управляет предлогом с причинным значением между зависимой и главной частью возникают причинно-следственные отношения, выразителем которых становится союз *что* вместе с предложно-местоименным сочетанием: «И он де от страха ничего ему отповеди не учинил, потому что был от него Федки замучен» (I, 83); «Да по его Федкину приказу посадскому человеку вырезан язык и послан в Сибирь за то, что он говорил про боярина князя Василья Васильевича Голицына безчестные слова...» (I, 88); «... и в попы де его владельца не благословил за тем, что борода у него была брита» (II, 778); «И в смутное де время он Петр с Москвы ушел для того, что хотели его убить стрелцы» (I, 153).

Союз *что* выражает причинные отношения между частями конструкции и при отсутствии в главной части предложно-местоименного сочетания: «И в его хоромех, в сенях, пытана вдова Маврутка Федорова, что она называлась верховою боярынею» (I, 157); «... в Нижнем де он у Андрея Безобразова был трожды, и ворожил о жене его, Андрееве, что де она скорбна нутренею болезнью» (II, 30); «Того ж числа, по указу боярина князя Василья Васильевича Черкасского, города Гадича гончару Михайлу Федорову дана полтина, что он клал печь в полате князя Алексея Васильевича орлистую» (IV, 598).

Как показала Е. Т. Черкасова, «причинный союз *что* появляется в результате эллиптического опущения (*что* вм. потому что, оттого что)»¹⁵. Этому опущению предложно-местоименного сочетания могло способствовать, как нам кажется, наличие конструкций, в которых главная часть имела не местоименное, а именное дополнение при тех же причинно-следственных отношениях между частями: «А жил де он в монастыре по знакомству, что отец его Селиверстов был в Курску» (I, 106); «... привез де его он Дмитрей по приказу столнику и полковнику Ивана Цыклера, что били челом ему столнику и полковнику на него Сенку сотенные ж...» (I, 197); «А к Федке де Шакловитову, перед поездом своим в монастырь, ходил он, дни за три, для сукна, которое, наперед сего, велел ему он Федка дать за работу, его, что он писал у него полатку» (I, 68).

Если зависимая часть относится к местоименному наречию главной части, союз *что* выражает обстоятельственные отношения: «... с Москвы идут изо всех полков стрелцы с ружьем, а хотят так же учинить, что над царевичем Дмитреем Ивановичем» (I, 487); «... а буде де он не поедет и его князя Василья так же станут писать, что и Федку Шак-

¹⁵ Е. Т. Черкасова, Причинные союзы и их значение в древнерусском языке. Канд. диссерт. (машинопись), МГПИ им. В. И. Ленина, 1947, стр. 406.

ловитова» (II, 788); «[И жена моя тебе сказала:] не зарежь де *так*, что Ивана Ильина» (II, 96).

Можно предполагать, что сходным путем, на основе эллиптического опущения наречия *так* в сочетании *так что*, возникает союз *что*, подчиняющий придаточные следствия: «... а иныя многия строки и слова писал неведомо каким писмом, что перевесть и прочесть того писма никто не умеет» (III, 1119); «... и из устья двинского на море не пустила нас встрешная погода многое время, болши трех недель, и в устье было сутки слишком, что насилу спаслись от смерти...» (III, 1303).

Союз *что* выражает целевые отношения между частями конструкции, если зависимая часть называет цель того, что сообщается в главной части: «... бить на козле кнутом и дать на поруку, что им впредь непристойных слов не говорить» (I, 454); «... и как он к тебе придет, и ты ему бей челом, что он ко мне был добр» (II, 87).

Сделаем краткие выводы из предложенного обзора.

1. Среди древних конструкций с относительным местоимением *что* резко дифференцируются два типа: конструкции, восходящие к адъективному употреблению этого местоимения, и конструкции, восходящие к его субстантивному употреблению. Формирование союза *что* связано с изменением семантики и грамматических функций относительного местоимения *что* как в том, так и в другом типе.

2. Конструкции, в которых относительное местоимение *что* характеризуется свойствами прилагательного, в конце XVII в., по материалам нашего памятника, представляют собой отмирающий тип, примеры на который встречаем преимущественно в бытовой переписке. Генетически связаны с этим типом современные сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, в которых относительное местоимение *что* выступает в придаточном в именительном или винительном падеже в роли заместителя имени, и немногие типы сложноподчиненного предложения с союзом *что*, присоединяющим придаточные сказуемые.

3. Конструкции, в которых относительное местоимение *что* исконно употреблялось как существительное, сохраняясь в ряде случаев в современном языке, послужили основой для образования различных видов сложноподчиненного предложения с союзом *что*. В этих конструкциях опознаются прототипы современных сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными, подлежащими, сказуемыми и т. д. Употребление одиночного союза *что* для выражения причинных, следственных и целевых отношений, еще возможное в конце XVII в., вытеснилось в современном языке употреблением сложных союзов *потому что*, *так что*, *для того чтобы* и др.

A. B. Велтисова

ОБРАЩЕНИЕ И БЛИЗКИЕ К НЕМУ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Проведенное на материале, взятом из произведений художественной литературы на современном русском и английском языках, исследование слов (соединений слов), под которыми понимается второе лицо, показало, что и в том и в другом языке мы имеем дело не только с обращениями в собственном смысле слова, но также и с функционально близкими к обращениям синтаксическими конструкциями.

Сравнение же английских и русских обращений и английских и русских функционально близких к обращению синтаксических конструкций позволяет сказать, что обращения и близкие к ним конструкции в этих языках не только совпадают соответственно по своему значению, но и весьма сходны по способу своего выражения.

Обращение в собственном смысле слова — это просто называние лица или предмета (в случае его олицетворения) при адресовании к нему с каким-либо высказыванием. В современном русском языке оно осуществляется номинативом, а в английском — формой, известной у советских англистов, как «общий падеж».

Отнесенность слова (сочетания), выполняющего назывную функцию, ко второму лицу получает свое выражение в обоих языках в интонации. Наиболее яркое интонационное выражение такой отнесенности слова или сочетания наблюдается в тех случаях, когда обращение стоит в начале предложения, т. е. когда оно интонационно выделено в отдельную синтагму.

Побудительный характер обращений, выделенных в отдельную синтагму, находит свое яркое выражение в интонационной отнесенности слова, выполняющего свою назывную функцию, ко второму лицу.

Для обращений, стоящих в начале предложения, характерна интонация незаконченности.

В серединном и конечном положениях, когда обращение слабоударно (в русском и английском) или совсем лишено ударения (в английском), интонационное выражение его отнесенности ко второму лицу сведено к минимуму. Интонация обращений, стоящих в середине или в конце какого-либо предложения, подчиняется мелодическому ходу всей предшествующей части предложения.

Яркость интонационного выражения значения «обращение» зависит также и от объема самого обращения. Как пишет А. М. Пешковский: «...звательная интонация по самому существу дела приспособ-

лена только для кратких сочетаний и выдержать ее на большом протяжении невозможно»¹.

И английское и русское обращения могут состоять как из одного слова, так и из разложимого и неразложимого, устойчивого или свободного (неустойчивого) сочетания слов (*John, mother, miss Smith, my ownest, my man, old boy, your worship, ladies and gentlemen; Петя, папа, дядя Ваня, товарищ Петров, гражданин Краснодара, Советская Россия, дорогая моя и т. п.*).

В обоих языках в функции обращения чаще всего выступает имя существительное собственное или нарицательное (имя, название адресата речи), а также беспредложное или предложное сочетание с ним (*Peter, father, dear sir, sister of mine, Таня, товарищ дорогой друг, борцы за мир, товарищи в беде и т. п.*); имя прилагательное с различной степенью субстантивации, причастие (реже) и беспредложное и предложное сочетание с ним (*dear, stupid, beloved of Heaven; дорогая моя, жестокая, неуязвимые в борьбе и т. п.*); личное местоимение второго лица, а также конструкции, содержащие его в своем составе (*you, you two, you dear darling, ты, вы; вы, на «Анадыре»; ты, в шляпе и т. п.*).

По мнению О. Есперсена, личное местоимение второго лица и существительное в этой конструкции находятся в отношениях аппозиции².

И в русском, и в английском языках обращение может быть распространено причастными оборотами, а также может иметь при себе определительное предложение. Например: *Though thy crest be shorn and shaven, Hiou, I said, art sure no craven, Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly shore — Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!* (Poe, *The Raven*); *Weary wind, who wanderest Like the world's rejected guest, Hast thou still some secret nest On the tree or billow?* (Shelley, *The World's Wanderers*); *Тебя в свидетели зову, О мученик ошибок славных, За предков в шуме бурь недавних Сложивший царскую главу* (Пушкин, *Вольность*); *Приветствуя тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов и вдохновенья, Где льется дней моих невидимый поток На лоне счастья и забвенья* (Пушкин, *Деревня*).

Как известно, в английском языке имя нарицательное из числа исчисляемых, как правило, не принимает артикля, если оно употребляется в функции обращения. Несочетаемость такого имени с артиклем в функции обращения объясняется О. Есперсеном тем, что в этом случае оно выполняет примерно ту же роль, что и имя собственное — роль простого указания на адресат, простой отнесенности к нему («*mere reference to the person addressed*»)³.

Как пишет П. Кристоферсен: «Вокатив поистине занимает особое место среди членов предложения: он во втором лице. Артикль обычно употребляется в третьем лице; им (определенным артиклем — *A. B.*) пользуются ради сл�шателя, чтобы вызвать у него ассоциации с чем-то прошлым, пережитым, известным ему (*to refer to past experience on his part*), но не затрагивающим его самого (*outside his personality*)»⁴.

Считая, что вокатив не отдельный падеж, а разновидность номинатива в назывной функции, А. В. Бельский в своей кандидатской дис-

¹ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., Учпедгиз, 1956, гл. XXI, стр. 409.

² См. O. Jespersen, *A Modern English Grammar on Historical Principles*, Part VII, London, 1946, стр. 505.

³ Там же, стр. 529.

⁴ P. Christoffersen, *The Articles. A Study of Their Theory and Use in English*, Copenhagen, 1939, § 80, стр. 191.

сертации⁵ так же, как и П. Кристоферсен, полагает, что различать предмет, называемый в качестве объекта (3-е лицо) и предмет, называемый (призывающий) в качестве собеседника (2-е лицо), резонно и возможно, поскольку 2-ое лицо имени корреспондирует не с номинативом в функции грамматического субъекта, а с номинативом в функции называния⁶.

Степень смысловой, а следовательно и грамматической связанности обращения с предложением, бывает различной. Обращение наиболее тесно связано с предложением в том случае, когда оно стоит в предложении, главный член которого выражен формой повелительного наклонения глагола и занимает в нем место, непосредственно за этим членом. В этом положении оно не только по смыслу близко к подлежащему, поскольку под обращением в глагольных повелительных предложениях понимается и адресат речи и субъект будущего действия, но и по интонации максимально приближается к подлежащему⁷;ср. например: *Drink, pretty creature, drink* (Lindsay, *Betrayed Spring*) и *says the old creature* или *answer, man, at once* и *answered the man at once*; ср. также в русском: Шуми, шуми, послушное ветрило (Пушкин, *Погасло дневное светило*), и шумит, шумит послушное ветрило.

В сопоставляемых языках обращения можно разделить на две группы: 1) обращения, носящие общеупотребительный характер, и 2) обращения, являющиеся результатом индивидуального творчества, отражающие личность говорящего и его отношение к адресату речи.

Первые представляют собой принятые и всенародно употребляемые формы адресования в процессе устного или письменного (в основном эпистолярного) общения (*Mary, father, my dear, sir; Ваня, мама, дядя Коля, дорогой мой, товарищ Сидоров* и т. п.). Они выработаны в соответствии с существующими отношениями в обществе, а потому и отражают социальные, бытовые, деловые (официальные) и неделевые (неофициальные) взаимоотношения членов общества, которые и пользуются ими как готовыми формулами.

Использование в речи такой готовой формулы не в соответствии с выражаемым им отношением придает всему предложению, в составе которого оно находится, ту или иную стилистическую окраску.

В отличие от общеупотребительных обращений, обращения, отражающие личность говорящего и его отношение к адресату, носят творческий, субъективный и целеустремленный характер. И те и другие обращения могут состоять из слов оценочного характера или содержать таковые в своем составе. В этом случае обращения — результат индивидуального творчества — приобретают значение оценки и становятся похожими на предложения оценочного характера, а общеупотребительные обращения воспринимаются как не имеющие такого значения. Ср. например: «Oh! my poor dear! — said Emily. — How miserable you look in here! This is too bad of him, really!» (Galsworthy, *In Chancery*) «Ах, бедняжка моя дорогая! — сказала Эмилия. — Что у тебя за несчастный вид! Право, это просто возмутительно с его стороны!» и *My dears, good morning!* (Dickens, *Martin Chuzzlewit*) «Дорогие мои, добре утро!».

⁵ См. А. В. Бельский, Интонационное выражение логико-грамматических значений номинатива в русском литературном языке, канд. диссерт., М., 1941.

⁶ А. В. Бельский считает, что номинатив может выполнять следующие функции: 1) номинатив-предложение, 2) номинатив-грамматический субъект и предикат, 3) номинатив в функции называния предметов, в том числе называния говорящего и собеседника.

⁷ В диссертации А. В. Бельского высказана мысль, что номинатив может быть падежом и в функции обращения, когда с ним согласовано сказуемое во 2-м лице.

На сходство обращений, выраженных словами (сочетаниями) со значением оценки, с предложениями того же значения, обратил внимание А. А. Шахматов⁸. По мнению А. А. Шахматова, в обращениях, выраженных словами (сочетаниями) со значением оценки, видна особым способом выраженная мысль, что, как указывает А. А. Шахматов, и роднит такое обращение с предложением. В приведенном в «Синтаксисе русского языка» примере в обращении *мерзавец* в предложении *ты лжешь, мерзавец!* А. А. Шахматов усматривает мысль «ты мерзавец». Такими обращениями, как указывает А. А. Шахматов, определяется отношение говорящего к собеседнику. Эту же мысль, по сути дела, приводит и А. М. Пешковский⁹, указывающий на то, что основной смысл обращения, «этого именительного» — побудительный, но что уже в разговорной речи эта функция тесно переплетается с функцией квалификации самого слушателя, так что получается среднее между обращением и именительным предикативным с опущенным *ты*.

Сходство обращения оценочного характера с предложением того же значения увеличивается или уменьшается в зависимости от занимаемого им места в предложении. В начальном, эмфатическом положении сходство его с предложением максимальное: *Monster, your perfidy grows deeper every moment* (Gow, Higgins) «Чудовище, твоя измена с минутой каждою становится яснее». В неэмфатическом серединном или в конечном положении сходство его с предложением уменьшается. Например: *Sleep well, my love* (Spring, My Son, My Son!) «Спи спокойно, моя дорогая». В положении после глагола в повелительной форме оно минимально. Например: *Sleep, my little one, sleep, my pretty one, sleep* (Tennyson, Song) «Спи, моя крошка, спи, моя хорошенка, спи».

Однако, как и в случае обращений, не имеющих значения оценки, основная функция обращения оценочного значения заключается в простом названии второго лица при адресовании к нему с каким-либо высказыванием, что и подтверждается интонацией такого обращения. Выражение отношения говорящего к называемому лицу, передаваемого обращением оценочного значения, обусловлено предикативным (оценочным) характером составляющих его слов.

В английской и русской книжной речи значение «обращение» бывает не всегда достаточно ярко выражено. Так, например, слово (сочетание), под которым понимается второе лицо, если оно стоит в предложении непосредственно за находящимся под ударением местоимением второго лица, допускает в обоих языках двоякое толкование.

В таком примере, как: *And you, Germans, — what are you fighting for?* (Неум, The Crusaders). «А вы, немцы, ради чего вы сражаетесь?» слово *Germans* может быть воспринято и как слово, употребленное в функции называния второго лица, т. е. как обращение, и как слово, употребленное как название в функции уточнения личного местоимения второго лица, т. е. как приложение.

Кроме того, в русском языке, как указывает Л. А. Булаховский¹⁰, в предложениях со словесно невыраженным подлежащим, но содержащих глагол во втором лице, восприятие такого слова (сочетания) может колебаться между отношением к нему как к обращению, или как к приложению предикативного типа. В качестве иллюстрации Л. А. Булаховский приводит пример: *Или, мудрец придворный, С улыбкою притворной* Пред лентою цветной Поникнув головой,

⁸ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1, Л., 1941, стр. 511.

⁹ См. А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 407.

¹⁰ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века. Синтаксис, М., 1954, Приложение 2, стр. 447.

С вертушкою слепой Знакомиться желаешь? (Пушкин, Послание к Галичу).

Как известно, на трудность отграничения обращения от обособленного приложения в русском языке указывали и другие авторы трудов по грамматике современного русского языка и, прежде всего, А. М. Пешковский¹¹. А. М. Пешковский также отмечал, что обращения, когда они относятся не к реальным предметам, тесно граничат с «именительным представлением». «И действительно, мы видим — пишет А. М. Пешковский, — что обращения, когда они относятся не к реальным предметам, тесно граничат с простым напоминанием себе предмета, с представлением себе его. Так, в известном стихотворении Пушкина:

Мечты, мечты,
Где ваша сладость? —

стоит только переменить интонацию, примерно так:

Мечты, мечты...
Где ваша сладость? —

и мечты перестанет быть обращением, а будет просто именительным представлением»¹².

При отграничении обращения от «именительного представления» обычно руководствуются тем соображением, что «именительный представления», в отличие от обращения, употребляется при воспоминании о чем-либо или о ком-либо, когда в памяти всплывает то или иное представление или впечатление в процессе размышления и дальнейших рассуждений. Поэтому «именительный представления» не наделен, подобно обращению, стоящему в начале предложения, побудительным смыслом, и все следующие за ним предложения носят необращенный характер. Однако и в русской и в английской художественной литературе (чаще всего в поэтических произведениях) можно встретить примеры, где обращение, не отнесенное к нереальным предметам и стоящее при предложении со словесным выражением своей обращенности, не наделяется побудительным смыслом и этим максимально напоминает «именительный представления». Сходство наблюдается в том случае, когда под именем в функции обращения и под именем в функции подлежащего в последующем предложении понимаются разные лица и само последующее предложение носит либо описательный характер, либо характер рассуждения, как, например: «*O Rome! my country! city of the soul!* The orphans of the heart must turn to thee, Lone mother of dead empires! and control In their shut breasts their petty misery. What are our woes and sufferance? Come and see The cypress, hear the owl, and plod your way O'er steps of broken thrones and temples, Ye! Whose agonies are evils of a day — A world is at our feet as fragile as our clay» (Byron, Roma).

Сходству выделенных обращений с «именительным представлением» способствует не только то обстоятельство, что два последующих предложения в этом отрывке носят характер рассуждения, а третье обращено совсем не к тому лицу, которое понимается под обращением, но также и то, что *Lone mother of dead empires* представляется здесь сочетанием, вместо которого в предложении стоит местоимение второго лица. Благодаря этому выделенные обращения воспринимаются как

¹¹ См. А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 408.

¹² См. там же, стр. 175.

лишенные побудительного смысла и оторванные от последующего предложения самостоятельные высказывания — предложения, воспроизводящие действительность. Наличие при первом обращении еще двух обращений, последнее из которых носит характер оценки, усиливает это впечатление.

Примером обращения, близкого по восприятию к «именительному представлению», в русском языке может служить обращение с последующим предложением описательного характера *Звезда печальная! вечерняя звезда!* Твой луч осеребрил увядшие равнины И дремлющий залив и черных скал вершины (Пушкин, Редеет облаков летучая гряда).

Такие факторы, как описательный характер предложения, в составе которого находится обращение, повтор самого обращения, наличие нескольких подряд расположенных обращений, отягощение обращения большим количеством определителей, а также оценочный характер самого обращения и его начальное положение в предложении, ослабляют значение «обращение», что было видно из вышеупомянутых примеров, а также подтверждается и такими примерами, как: *Fool, fool: come along. Don't you want to?* (Shaw, Misalliance) «Глупец, глупец пойдемте. Разве не хотите?»; *Look at me now, my dear one, my lovely one* (Spring, My Son, My Son!) «Посмотри на меня теперь, дорогая моя, моя милая»; *Well, my dear, sweet, loving, little darling, I really can't see why you should object to the name of Algernon* (Wilde, The Importance of Being Earnest) «Но, моя родная, милая, славная, любимая, дорогая крошка, я, право, не могу понять, почему тебе не должно нравиться имя Алджернон».

И, наоборот, такие факторы, как обращенный характер предложения, в составе которого находится обращение [предложение — сообщение, вопрос (не риторический) — волеизъявление], а главное — наличие в таком предложении словесного выражения обращенности, усиливают значение «обращение».

Обращение в собственном смысле в английском и русском языках употребляется изолированно, без сопровождения предложения, функцию уточнения направленности которого оно выполняет, только в оборванной, неоконченной речи, как, например: *He spoke in a subdued and troubled voice, very different from his usual dictatorial manner; and was often at a loss for words. «My dear Louisa. My poor daughter».* He was so much at a loss at that place, that he stopped altogether. He tried again. *«My unfortunate child».* The place was so difficult to get over, that he tried again. *«It would be hopeless for me, Louisa, to endeavour to tell you how overwhelmed I have been...»* (Dickens, Hard Times) «Он говорил глухим, полным страдания голосом, далеким от его обычного менторского тона, и часто подыскивал слова: «Дорогая моя Луиза! Бедная моя дочь!». Он так застрял на этом месте, что остановился совершенно. Он пытался начать снова: «Мое несчастное дитя». Переход был настолько труден, что он попытался начать вновь: «Я не могу передать тебе, Луиза, как я потрясен...».

В отличие от обращения в собственном смысле, т. е. слова или сочетания слов, выполняющих функцию простого называния второго лица при адресовании к нему с каким-либо высказыванием, функционально близкие к обращению конструкции представляют собой такие синтаксические построения, в которых находит свое выражение эмоционально-интеллектуальная реакция говорящего на высказывание, поступки, поведение, наличие и т. п. называемого лица, что видно из предшествующего контекста. Иначе говоря, функционально близкие

к обращению синтаксические конструкции представляют собой в обоих языках в той или иной степени предикативно окрашенные единицы — предложения эмоционального функционального типа.

Одни из них служат эмоциональным выражением отношения говорящего к самому называемому лицу в результате того, что явствует из предшествующего контекста.

Вторые служат эмоциональным выражением отношения говорящего к тому, на что указывает контекст и что вызвано называемым лицом, а также его волеизъявления в адрес называемого лица. Поскольку эмоциональными предложениями первого типа передается оценка самого называемого лица с точки зрения говорящего, мы называем их эмоциональными предложениями оценочного характера.

Вторые же, которыми оценка самого называемого лица не передается, мы называем эмоциональными предложениями вокативного характера.

Русские и английские предложения разбираемого здесь эмоционального функционального типа можно отнести к бессказуемым¹³.

В обоих языках эмоциональные предложения оценочного характера близки к тому типу бессказуемых предложений, который назван Л. А. Булаховским предикативно окрашенным типом с эмоциональной характеристикой предшествующего¹⁴. По своей грамматической форме и лексическому составу они сходны с обращениями в собственном смысле. По значению они близки к обращениям, носящим оценочный характер. Однако выполняемые ими функции различны. Функция обращения, в том числе и обращения со значением оценки, заключается в назывании второго лица при обращении к нему с речью. Поэтому основная функция слов (сочетаний), составляющих обращение оценочного значения — функция простого названия второго лица. Функция эмоционального предложения оценочного характера — эмоциональное выражение отношения к называемому лицу и основная функция слов (сочетаний), составляющих такое предложение, — функция квалификации этого лица. Сходство между эмоциональным предложением оценочного характера и обращением в собственном смысле по грамматической форме и лексическому составу (и их функциональное различие) можно видеть из сравнения следующих пар, содержащих обращения в первом примере и эмоциональные предложения во втором.

1) *Don't sit there, stupid* (Gaskell, *Mary Barton*) «Не сиди там, глупышка»;

2) *The eleventh baronet repeated the performance, and looked for applause with a determined smile.* «*Naughty!*» (Galsworthy, *The Silver Spoon*) «Одиннадцатый баронет повторил тот же номер и, весело улыбаясь, ждал похвалы. — Шалун!»

1) *It's mutual, baby* (Maltz, *The Undergroud Stream*) «Обоюдно, малютка»;

2) *Fee wfy. Oh God! he felt the little child's hands on his neck—I cant... (desperately). No: it wasnt him. I only said it out of spite*

¹³ Данный термин заимствован нами из работы Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX века», гл. II, § 2.

¹⁴ Предложения этого типа служат, как указывает Л. А. Булаховский, эмоциональным выражением отношения к содержанию, высказанному в предшествующей фразе (см. там же).

В русском языке, как пишет Л. А. Булаховский, этот тип предложений получил сравнительно широкое распространение в первой половине XIX в., в тот самый период, когда происходила субстантивация русских имён прилагательных и началось употребление их в функции обращения.

because he insulted me. May I be struck dead if I ever saw him with the horse! Blanco (whispering at her). *Softy! Cry-baby!* Landed like me! Doing what you never intended!... (Shaw, *The Shewing-up of Blanco Posnet*). «Фими. О, Господи! Он чувствовал на шее руки крошки — я не могу.... (в отчаянии): Нет, это был не он. Я сказала это только со зла. Пусть меня гром разразит, если я когда-нибудь видела его с лошадью! Бланко (шепча ей). *Дура! Плакивая малютка!* Попалась как я! Делаешь, что и не собиралась!».

1) «Well, he said, — what news, poor exile?» (Galsworthy, *In Chancery*) «Ну! — сказал он, — что нового, бедная изгнанница?»;

2) «*Poor prisoner!*» He said, and put his arm round her (Galsworthy, *Swan Song*) «Бедная узница! — сказал он, обнимая ее».

1) «Is it so, my dear?» (Dickens, *Hard Times*) «Так ли это, дорогая моя?»

2) «I'm sorry, Livia — my dear, my sweet» (Spring, *My Son, My Son!*) «Прости, Ливия, — моя дорогая, моя милая».

1) «Do come back. Dear Becky, do come» (Thackeray, *Vanity Fair*) «Возвращайтесь, пожалуйста. Дорогая Бекки, пожалуйста возвращайтесь»;

2) Gwendolen... But although she may prevent us from becoming man and wife, and I may marry someone else, and marry often, nothing that she can possibly do can alter my eternal devotion to you. Jack. *Dear Gwendolen!* (Wilde, *The Importance of Being Earnest*) «Гвендолен... И хотя она может помешать нам стать мужем и женой и я, может быть, выйду замуж за кого-нибудь другого и часто буду выходить замуж, ничто, чтобы она ни делала, не сможет изменить моей любви к вам. Джек. Дорогая Гвендолен!».

1) «Never mind the postage but write every day, you dear darling», said the impetuous and woolly-headed, but generous and affectionate Miss Swartz... (Thackeray, *Vanity Fair*) «Посытай без марок, но пиши каждый день, прелесть моя, — сказала восторженная и курчавая, как баран, но великолушная и любящая мисс Шварц...»;

2) «And I'll speak to your father and see what we can do about it.» «You will? Oh, Uncle Bill, you darling!» (Spring, *My Son, My Son!*) «И я поговорю с твоим отцом и посмотрю, что мы сможем сделать в этом отношении. — Правда? О, дядя Билл, ты прелесть!».

1) «Welcome, respected sir», said Mr. Pecksniff, «to our humble village» (Dickens, *Martin Chuzzlewit*) «Добро пожаловать, уважаемый господин, — сказал мистер Пексниф, — в нашу скромную деревушку»;

2) Lord Caversham... Do you always really understand what you say, sir? Lord Goring (after some hesitation). Yes, father, if I listen attentively. Lord Caversham (indignantly). If you listen attentively! *Conceited young puppy!* (Goes off grumbling into the smoking-room) (Wilde, *An Ideal Husband*) «Лорд Кавершам. Вы действительно всегда понимаете, что говорите, сэр? Лорд Горинг (после некоторого колебания). Да, отец, если слушаю внимательно. Лорд Кавершам (с негодованием). Если слушаешь внимательно! Самонадеянный молодокос! (с ворчанием уходит в курительную)».

Такое же сходство между ними (по грамматической форме и лексическому составу) и функциональное их различие видно и на примерах, взятых из произведений русской художественной литературы.

1) Говорите, негодный, говорите сейчас! (Островский, *На всякого мудреца довольно простоты*);

2) Пищик... (Любови Андреевне) И вам четыреста... прекрасная, удивительная... (Чехов, *Вишневый сад*).

- 1) Ну, до вечера, скучный господин (Горький, Фальшивая монета);
 - 2) Мерзкая женщина! — вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель (Толстой, Война и мир).
- 1) ... Устала ты, бедная... (Чехов, Три сестры);
 - 2) Шелавина. Себе платье спиши? *Oх ты, бедная!* (Островский, Без вины виноватые).
- 1) Аристарх. Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь? (Островский, Горячее сердце);
 - 2) Дудукин. *Aх, красавица моя!* (Островский, Без вины виноватые).
- 1) Поди сюда, голландская ты рожа! (Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели);
 - 2) *Бедная ты, бедная мученица!* (Островский, Горячее сердце).

В отличие от обращения, под которым понимается только второе лицо, под эмоциональным предложением оценочного характера может пониматься не только второе, но и третье лицо. Например: «She and June were bosom friends!» he muttered. «Poor little June!» said young Jolyon softly (Galsworthy, The Man of Property) «Она и Джун были такими закадычными друзьями! — пробормотал он. — *Бедная крошка Джун!* — мягко сказал молодой Джолион»; When Francis Wilmot left them that evening after dinner at the Café Royal, Fleur said to Michael: — «Poor Francis! Did you ever see any one so changed? He might be thirty» (Galsworthy, The Silver Spoon) «Когда после обеда в кафе «Рояль» Фрэнсис Уилмот распрощался с ними, Флер сказала Майклу: *Бедный Фрэнсис*, как он изменился! Ему можно дать тридцать лет»;

Куров. *Бедная девушка!* Как она страдает, на нее глядя, я думаю (Островский, Бесприданница); Вожеватов... Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были? Куров. *Бойкая женщина* (там же).

Эмоциональные предложения, содержащие оценочную характеристику лица, могут носить не только обращенный, но и необращенный характер, что также отличает их от обращения, например: «Good-bye!» «Good-bye!... Little piece of fashion!» muttered June, closing the door. «That family!» (Galsworthy, To Let). «До свидания! — До свидания!... *Модная куколка!* — пробормотала Джун, закрывая дверь. — Ну и семейка!»; «*Трусы!*» — присвистил сквозь зубы Бородавкин, но явно сказать это затруднился и вынужден был отступить от горы с уроном (Салтыков-Щедрин, История одного города).

В отличие от обращения, употребляющегося вне состава предложения только в незаконченной речи, эмоциональные предложения оценочного характера чаще всего употребляются изолированно, но могут стоять как перед предложением, так и после него, а также бессоюзно присоединяться к другому предложению, занимая там начальное, конечное или даже серединное положения: *Liza. ... You wanted to get rid of me. Higgins. Liar* (Shaw, Pygmalion) «Лиза. ... Вы хотели избавиться от меня. Хиггинс. Лгунья!»; «*Swimming's no good. I don't seem to care for it somehow, when there ain't anybody to say I sha'n't go in. I mean to go home.*» «*Oh, shucks! Baby! You want to see your mother, I reckon?*» (Twain, The Adventures of Tom Sawyer) «На что мне купание! И неинтересно даже купаться, когда никто не запрещает. Нет, я домой хочу». — «*И проваливай! Сопляк!* К мамаше захотел, видно»; *Lord Summerhays. And all the women have been kissing you and pitying you ever since to stop your crying, I suppose. Baby!* (Shaw, Misalliance) «Лорд Саммерхейз. И с тех пор, конечно, все женщины целуют тебя и жалеют, чтобы прекратить твой рев. *Младенец!*»; *You men perceive nothing. You silly, blind*

creature — if anything happens to Lady Crawley, Miss Sharp will be your mother-in-law (Thackeray, *Vanity Fair*) «Вы мужчины ничего не замечаете. Глупый вы слепец, — если что-нибудь случится с Леди Кроли, мисс Шарп будет вашей мачехой»; «... but goodness gracious me, Miss Floy, you haven't got your things off yet, you naughty child, you haven't, come along!» (Dickens, *Dombey and Son*). «... но, господи! Мисс Флой, вы не разделись еще, непослушное вы дитя, еще не разделись, пойдемте! — Hadn't any aunt! — you numskull. What has that got to do with it? (Twain. *The Adventures of Tom Sawyer*) «Нет никакой тети! — дуралей ты этакий. При чем тут тетя?»; Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуньи, проклятые! (Гоголь, Ревизор); Что я, ... на смерть, что ли, вас веду... мерзавцы! (Салтыков-Щедрин, История одного города); У! Проклятый! Выколоть тебе белльмы-то твои, завистливые (Островский, Горячее сердце); Долго и внимательно он рассматривал белый, неопределенный в своих очертаниях бугорок и темное пятно лица и бороды и злорадно шептал: — Ду-рак! (Андреев, Жили-были); Действительность! Ax, чудак, чудак! (Андреев, Первый гонорар).

Наконец, эмоциональные предложения оценочного характера могут сами иметь в своем составе обращение: She looked at me wearily. «Will you? Oh, Bill, you fool! Не hasn't come to give you joy...» (Spring, My Son, My Son!) «Она взглянула на меня устало. — Да? Ох, Билл, ну и глупец вы! Он не приехал доставить вам радость...»; Jack. You young scoundrel, Algy, you must get out of this place as soon as possible. I don't allow any Bunburying here (Wilde, *The Importance of Being Earnest*) «Джек. Ну и негодяй вы, Алджи, вы должны убраться отсюда, как можно скорее. Я не разрешаю никакого банбурирования здесь»; Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... (Горький, На дне).

Следует отметить, что английские и русские эмоциональные предложения оценочного характера (типа *you darling, ax ты варвар, дурак ты этакий* и т. д.), содержащие в своем составе личное местоимение второго лица, похожи на двусоставные предложения. Однако хотя местоимение второго лица в них и обозначает того, кому приписывается признак, называемый именем, его нельзя рассматривать как грамматическое подлежащее. В английском предложении *you fool* и в соответствующем ему русском предложении *ах ты дурак* нет утверждения, свойственного английскому повествовательному предложению *you are a fool* и русскому предложению *ты дурак*. А. А. Шахматов писал: «По-моему, односоставны и предложения типа: *Ax, вы золотой человек!* — со вздохом промолвила Мария Николаевна. (Вечные воды, XXXV) [не то, чтобы она утверждала, что Санин золотой человек, вы — не подлежащее; вы золотой человек — нераздельное сочетание!]»¹⁵.

По мнению же Н. Ю. Шведовой, эмоционально-оценочное значение, например, в *ах ты мошенник*, выражается не только «нераздельным сочетанием» *ты мошенник*, но всей конструкцией в целом¹⁶. Такие же «нераздельные сочетания», видимо, представляют собой и не содержащие утверждения предложения типа: *подлец ты этакий, варвар ты* и даже *глупый ты человек*, которые обычно рассматриваются как двусоставные предложения с инвертированным порядком слов. Инверсия здесь не просто средство выражения эмоциональности, в подобных случаях она конструктивно значима, а личное местоимение в предложениях этого

¹⁵ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 511.

¹⁶ См. Н. Ю. Шведова, Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи, ВЯ, 1957, № 1.

типа выполняет ту же полуслужебную роль, что и в предложениях *ах ты мошенник* или *ах вы золотой человек*.

В отличие от русских эмоциональных предложений оценочного характера, типа: Да, я знаю, что вы очень рады себе из жены кухарку сделать. *Бесчувственный вы человек* (Островский, Доходное место); Наркис... Потому как я в купцы выходить хочу вскорости и беспременно; так, значит, чтоб мне была тысяча рублей. Матрена. *Варвар ты, варвар!* (Островский, Горячее сердце); Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «*Aх ты, татарин!*» Ей-богу! (Гоголь, Ревизор) и т. п., содержащих в своем составе только одно личное местоимение второго лица, английские эмоциональные предложения оценочного характера часто имеют не одно, а два личных местоимения второго лица: *You lie, you old soupkitchener, you* (Shaw, Major Barbara) «Ты врешь, попрошайка ты старая».

В зависимости от передаваемого ими содержания в группу эмоциональных предложений оценочного характера входят как предложения собственно оценки, при помощи которых дается эмоционально оценочная характеристика называемого лица и выражается эмоционально-интеллектуальное отношение к нему со стороны говорящего, так и предложения, которыми дается не столько оценка, сколько собственно эмоциональные переживания говорящего, вызванные называемым лицом. В отличие от предложений собственно оценки, последние чаще всего представляют собой слова, лексическое значение и предметная отнесенность которых расходятся (*корова, свинья* и т. п.). Обычно такие обращения повторяются подряд несколько раз или употребляется несколько различных обращений. Однако четкой границы между этими разновидностями эмоциональных предложений оценочного характера нет.

Примерами эмоциональных предложений собственно оценки могут служить: *With her right she was lashing his back with a cane. «Cheat! Liar! Thief!» she cried (Spring, My Son, My Son!)* «Правой она стегала его плеткой.— *Обманщик! Лгун! Вор!*— кричала она»; *Cecily... I darsay it was foolish of me, but I fell in love with you, Ernest. Algernon. Darling! And when was the engagement actually settled?* (Wilde, The Importance of Being Earnest) «Сесили. Должна сказать, что это было глупо с моей стороны, но я влюбилась в вас, Эрнест. Альджерон. Прелест! А когда фактически было решено с помолвкой?»; *«A-a! said the eleventh baronet, plopping the spoon. The contents spurted wastefully. «Oh! you spoiled boy!» (Galsworthy, The Silver Spoon)* «—А-а! — издал одиннадцатый баронет, шлепая ложкой. Содержимое расплескалось.— *Aх ты баловник!*»; *Algernon (Crossing to her, and kneeling). What a perfect angel, you are, Cecily. Cecily. You dear romantic boy. (He kisses her, she puts her fingers through his hair). I hope your hair curlies naturally, does it?* (Wilde, The Importance of Being Earnest) «Альджерон (приближаясь к ней и опускаясь на колени). Вы настоящий ангел, Сесили. Сесили. Ах, вы дорогой, восторженный мальчик! (Он целует ее, она проводит пальцами по его волосам). Ваши волосы завиваются сами, ведь правда?»; ...— тебе сколько раз кричать? *Мерзавец!* (Андреев, Книга); Как брали? *Чудак!* Руками (Островский, Горячее сердце); *Aх, проказник!* Откуда вы столько пословиц знаете? (Островский, Бесприданница).

Примерами эмоционального предложения оценочного характера, выражают не столько оценку называемого лица, сколько собственно эмоциональные переживания говорящего, могут служить: *Bentley... I don't care about your fist: but if everybody here dislikes me—(he is checked by a sob). Well, I don't care. (Trying to recover himself) I'm sorry I intruded: I didn't know. (Breaking down again). Oh you*

beast! you pig! Swine, swine, swine, swine! Now! (Shaw, Misalliance). «Бентли... Что мне за дело до вашего кулака: но если все меня здесь не любят — (рыданья мешают ему продолжать). Ну что ж и пусть (пытается справиться с собой). Извините за павязчивость: я не думал (снова сдает). О, скотина ты! чушка ты! Свинья, свинья, свинья, свинья! Вот!; Архиплуты, протобестии, надувалы морские! жаловаться? (Гоголь, Ревизор).

В отличие от эмоциональных предложений оценочного характера, передающих оценку называемого лица, эмоциональными предложениями вокативного характера оценка называемого лица, как указывалось выше, не передается.

В группу эмоциональных предложений вокативного характера входят: 1) предложения, главным членом которых являются обращения общеупотребительного характера. Их интонацией передается либо эмоционально-интеллектуальная реакция говорящего на высказывание, поведение, состояние называемого лица, либо волеизъявление говорящего, его стремление получить от называемого лица желаемое, вызвать ответную реакцию на что-либо и т. д. и 2) предложения обращенного характера, которыми не только выражается эмоциональная реакция говорящего на наличие называемого лица, но и утверждается или берется под сомнение само наличие именно данного называемого лица.

В отличие от первых предложений, где называемым лицом всегда является второе лицо, называемым лицом во вторых может быть как второе, так и третье лицо: *What! Over there! Fleur! Fleur in her Goya dress, grape-coloured* — «La Vendemia — the Vintage» — floating out from her knees, with her face close to the face of a sheik, and his face close to hers (Galsworthy, Swan Song) «Что это! Вот там! Флер! Флер, в своем костюме с картины Гойя! Виноградного цвета платье — La Vendemia — сбор винограда — разлетается от колен, лицо почти касается лица шейха».

Эти предложения могут носить как обращенный, так и необращенный характер, например: *«Robert!» She stared at him in confusion. «But — but you're not coming yet. I mean you're not due. Oh Robert!» She laughed at herself and he...* (Doherty, A Miner's Sons). «Роберт! — Она глядела на него с недоумением. — Но — но ты еще не возвращаешься. Я хочу сказать, тебе еще не пора. О, Роберт! — Она рассмеялась над собой, а он...»; Иван Гаврилович (всматриваясь, встает, обходит костер). *Василий Иванович!* Ты ли это? Товарищ Черных! Родной! (Овечкин, Настя Колосова).

Обращенный и необращенный характер подобных предложений находит свое выражение в интонации. Контекст далеко не всегда может быть достаточно надежным показателем обращенности и необращенности таких предложений. Отнесенные ко второму лицу предложения этого типа приобретают вокативный характер. Предложения, которые образуются из обращений под влиянием эмоций и волевых импульсов, известны в русской лингвистической литературе, как «вокативные предложения А. А. Шахматова». Однако в некоторых работах по грамматике русского языка под термином «вокативное предложение» понимаются только эмоциональные предложения вокативного характера, образованные из обращений, которые произносятся с интонацией упрека, негодования, укора или сожаления¹⁷. Как известно, А. А. Шах-

¹⁷ См., например, А. А. Юдин, К вопросу об односоставных предложениях в современном русском языке, «Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1956, стр. 189.

матов называл вокативными предложениями те предложения, главным и единственным членом которых является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если оно произнесено с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо¹⁸. Такие предложения, как указывает А. А. Шахматов, могут выражать упрек, сожаление, укор, негодование и т. п. Однако А. А. Шахматов относит к предложениям, например, и *Коля!*, произносимое с интонацией призыва (подойди сюда)¹⁹.

Так же, как и эмоциональные предложения оценочного характера, эмоциональные предложения вокативного характера тесно связаны с бытовой и речевой ситуаций. По передаваемым ими функциональным значениям, которые в устной речи находят свое выражение в интонации и раскрываются в бытовой и речевой ситуации, а в письменной речи — в контексте, они могут быть подразделены на: 1) предложения собственно-побудительного типа, передающие зов, оклик, просьбу, приказание и т. п.; 2) предложения эмоционально-побудительного типа, передающие укор, сожаление, негодование, упрек, и т. п. и 3) предложения собственно-эмоционального типа, передающие собственно эмоциональные переживания говорящего: чувства, возникающие в связи с появлением, встречей, наличием называемого лица, чувства беспокойства, восхищения, радости, отчаяния и т. п., вызванные состоянием, высказыванием, поступком или поведением называемого лица.

Чем однозначнее интонация эмоционального предложения вокативного характера, тем меньше оно нуждается в бытовой и речевой ситуации для своего раскрытия и тем ярче проявляется предикативный характер его интонации.

Наиболее бедными по количеству интонационных вариаций и наиболее однозначными по своей интонации являются предложения собственно-побудительного типа, к числу которых можно отнести такие, например, как: *Анна* (*Calling*). *Janet! Janet!* *Janet* (*off stage*). *Coming, sister* (*Kennard, The Wanderer*) «*Анна* (зовет) *Джанет!* *Джанет!* *Джанет* (за сценой). Иду, сестра»; ... «*Jon! Jon!*» *No answer!* *She ran towards the gate...* (*Galsworthy, Swan Song*) «... *Джон!* *Джон!* — не отвечает! Она побежала к калитке ...»; *Gerald. Have you, mother?* *Do answer. Lord Illingworth.* *If you have, Mrs. Arbuthnot, pray, pray, say it.* *We are quite by ourselves here.* *Whatever it is, I need not say I will not repeat it.* *Gerald. Mother?* (*Wilde, A Woman of no Importance*) «*Джеральд.* Есть причины, мама? Ответь! *Лорд Иллингворт.* Если есть, миссис Арбатнот, прошу, прошу, скажите их. Мы здесь совсем одни. Нечего и говорить, что все, что будет здесь сказано, останется между нами. *Джеральд. Mama?*»; *Fleur darted after him.* «*He gives me up? You mean that? Father!*» *Soames turned and forced himself to answer:* «*Yes*» (*Galsworthy, To Let*) «*Флер* кинулась за ним — Он отверг меня? Это ты хочешь сказать? *Папа!* — Сомс повернулся к дочери и заставил себя ответить: — Да.»; *Курослев*. Вот я тебя разочту сейчас. *Силантий!* *Дядюшка!* Эй! (*Островский, Горячее сердце*); *Папа, да папа же!* — Прямо не знаю, — сказал Андрей совсем серьезно, освобождая голову из ее цепких ручонок. — Взять ее с собой или не стоит? (*Коптева, Товарищ Анна*); *Господин Петров!* *Господин Петров!* — звал его околоточный (*Андреев, Иван Иванович*); — *Тетя, ну, тетя же!* — Отстань, не хочу слушать (*Катаев, Белеет парус одинокий*).

18 См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, стр. 86.

19 Там же, стр. 261.

Предложениями эмоционально-побудительного типа передается оценка говорящим высказывания, поступка или поведения называемого лица, а в английском языке еще и переспрос (непонимание). Интонация предложений этого типа многозначнее и богаче интонационными вариациями, чем интонация предложений собственно побудительного типа.

Примерами предложений эмоционально-побудительного типа могут служить следующие: *Gwendolen* (reproachfully) *Mamma!* (Wilde, *The Importance of Being Earnest*) «Гвендолен (укоризненно) *Мама!*»; *The Bishop* (amused, but hospitably remonstrant). *My dear Boxer!* (Shaw, *Getting Married*) «Епископ (заинтересованный, но как хозяин протестующий). *Дорогой мой Боксер!*».

Mrs. Bridgenorth } (shocked). *Edith! My love!* (Там же).
The Bishop

«Миссис Бриджнорс } (потрясенные). *Эдифь! Любовь моя!*
Епископ

Lesbia (warningly). *Boxer!* (Там же) «Лесбия (предостерегающее) *Боксер!*» *The Bishop* (remonstrating). *My dear, my dear!* (Там же) «Епископ (протестуя). *Дорогая моя, дорогая моя!*»; *Leo* (admonitorily). *Rejzy!* (Там же) «Лео (увещевающе) *Реджи!*»; *Lord Goring*. . . Why should you do him the wrong Mrs. Chevly tried to do and failed? *Lady Chiltern*. *Lord Goring?* *Lord Goring*. (Pulling himself together for a great effort, and showing the philosopher that underlies the dandy). *Lady Chiltern*, allow me... (Wilde, *An Ideal Husband*) «Лорд Горинг... Зачем вы хотите сделать ему то зло, которое миссис Чевлей пыталась сделать и не смогла? Леди Чильтерн. Лорд Горинг?! Лорд Горинг (Напряженно, с усилием, обнаруживая философа, скрывающегося в нем под дэнди). Леди Чильтерн, позвольте! . . .»; *Abs*. O Lord! she won't mind me—only tell her Beverly. *Mrs. Mal. Sir!* (Sheridan, *The Rivals*) «А б. О боже мой! она не будет возражать против меня — только скажите ей, что Биверли. Госпожа Мал. *Сэр!*»; *Жорж, Жорж!* — с укором произнес Гагарин, и протянув ему руку, краснея, сказал: — Кланяйся маме, я непременно сегодня буду (Овчаренко, Путь к свободе); — *Иван Иванович!* — укоризненно сказал Малинин, с сожалением посмотрев в лицо Нагретшину (Горький, Мужики); *Эх Прохор, Прохор!* — упрекнул только Шуриков грустным тоном, покачивая головой (Станюкович, Человек за бортом); *Михаил. Марфа!* (угрожающе). Марфа. Что Марфа? Знаю, что Марфа... (Л. Толстой, От ней все качества); — *Вадик!* — снова воскликнула Зинаида Павловна. — Еще одно такое слово, и я тебя попрошу из комнаты (Немцов, Семь цветов радуги); Треплев (умоляюще и с упреком). *Мама!* (Чехов, Чайка); Варя (умоляюще). *Дядечка!* (Чехов, Вишневый сад).

Интонация вокативных предложений собственно-эмоционального типа чрезвычайно богата вариациями, что обусловлено различием эмоциональных значений. Ими выражается целая гамма человеческих эмоций, вызванных называемым лицом или связанных с ним. Чем многозначнее интонация, тем больше они приближаются к восклицаниям междометного характера.

В эту группу входят как обращенные предложения, выражающие не только эмоционально-интеллектуальную реакцию говорящего на наличие (появление) называемого лица, но и утверждающие или берущие под сомнение наличие именно этого называемого лица, так и предложения, образованные под влиянием эмоций из обращений. Например: «*Mr. Soames!*» she said: «Why! *Mr. Soames!*» Soames nodded (Gals-

worthy, To Let) «— *Мистер Сомс!* — сказала она. — Неужели? *Мистер Сомс!* Сомс кивнул»; «*Why, Polly!*» creid Jemima. «*You, what a turn you have given me; who'd have thought it! ...*» (Dickens, *Dom'bev and Son*) «— Ба, *Полли!* — вскричала Джеймайма, — Ты! Вот так сюрприз!»; «*Mr. Val Dartie?* How's Mrs. Val Dartie? She's well, I hope». And he saw beside him the Belgian he had met at his sister Imogen's» (Gals-worthy, To Let) «*Мистер Вэл Дарти!* Как поживает миссис Вэл Дарти? Надеюсь, хорошо. — И рядом с собой он увидел бельгийца, которого он встретил в доме своей сестры Имоджин»; «*Mrs. Bergfeld?* My name's Mont. You wrote to me» (Galsworthy, *The Silver Spoon*) «*Миссис Бергфельд?* Моя фамилия Монт. Вы писали мне»; «*Mr. Mont?* Sir James is expecting you. This way, sir» (Galsworthy, *The Silver Spoon*) «*Мистер Монт?* Сэр Джемс ожидает вас. Сюда, пожалуйста, сэр»²⁰; «*Rose, my love!*» cried Mrs. Maylie, rising hastily, and bending over her. «What is this? In tears! My dear child, what distresses you?» (Dickens, *The Adventures of Oliver Twist*) «— *Роза, любовь моя!* — вскричала миссис Мэйли, поспешно поднимаясь и склоняясь над ней. — Что это значит? В слезах! Дитя мое дорогое, что тебя так расстроило?»; I took his hand. It closed on mine like iron, not trembling. «*Oliver... Oliver...*» It was a mere quiver of sound, the ghost of all that had been between us... (Spring, *My Son, My Son!*) «Я взял его руку. Она ската мою, как железным обручем. — *Оливер... Оливер...* — Имя прозвучало как вздох, как призрак всего, что произошло между нами»; Cecily. I don't think that you should tell me that you love me wildly, passionately, devotedly, hopelessly. Hopelessly doesn't seem to make much sense, does it? Algernon. *Cecily!* (Wilde, *The Importance of Being Earnest*) «Сесили. Думаю, что вам незачем говорить мне, что вы любите меня безумно, страстно, беззаветно, безнадежно. В «безнадежно», по моему мало смысла, ведь так? А лджеярон. *Сесили!»; — Штольц, Штольц!* — в восторге кричал Обломов, бросаясь к гостю (Гончаров, Обломов); Кручинина (приходя в себя). Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама! Незамов. Я здесь. Кручинина. Да, это он... *Гриша мой, Гриша!* Какое счастье! Как хорошо жить на земле (Островский, Без вины виноватые); Любовь (заглядывая ему в лицо). Я знаю одну твою ошибку. Яков (беспокойно). Да? Любовь. Ты должен был жениться на маме... Яков (испуган) *Люба?* (Горький, Последние).

Однако наряду с примерами употребления явно выраженных обращений, имеющих и не имеющих значение оценки, и явно выраженных эмоциональных предложений оценочного и вокативного характера в произведениях английской и русской художественной литературы часто встречаются примеры, где слово (сочетание), под которым понимается второе лицо, может быть в равной мере отнесено и к обращениям, и

²⁰ По своей форме и лексическому составу эмоциональные предложения вокативного характера, которыми выражается сомнение, неуверенность в наличии именно этого называемого лица, сходны с вопросительными предложениями, где имя не есть обозначение адресата, а нечто спрашиваемое у адресата, как, например: He picked up his revolver and turned to me: «*Maggio Donnelly?*» he said. «*Maggio O'Riordan*» (Spring, *My Son, My Son!*) «Он поднял свой револьвер и повернулся ко мне: — *Мэгги Доннелли?* — спросил он. — Мэгги О'Райдорден»; «*Father Schlemm?*» Jates asked. «Yes, I'm the parish priest of St. Margarethen's, the biggest parish in town» (Неум, *The Grusaders*). «— *Отец Шлемм?* — спросил Ейтс. — Да, я приходский священник церкви святой Маргариты, самого большого прихода города». — Академическая «Грамматика русского языка» рассматривает подобные вопросительные предложения в русском языке как предложения в форме именительного падежа имени существительного собственного, выполняющие функцию сказуемого при подразумевающемся личном местоимении второго лица.

к эмоциональным предложениям. Например: Straight out into the road they walked, arms wrapped around each other, and only then, caught in the sudden blaze of headlights, did they pause, wrenched back to the world of sense. Then they stood stockstill, while my heart cried: «Oh, poor young fools! Leap! Backwards or forwards. But leap!» (Spring, My Son, My Son!) «Прямо по середине дороги они шли, прижавшись друг к другу, сплетя свои руки, и только ослепленные внезапным светом фар, они остановились, возвращаясь к действительности. И тогда они замерли неподвижно, в то время как во мне все кричало: «О, глупцы неразумные! Отскочите! Вперед или назад! Только отскочите!»; или: Cecily. I suppose that is why he often looks a little bored when we three are together. Miss Prism. Cecily! I am surprised at you. Mr. Worthing has many troubles in his life... (Wilde, The Importance of Being Earnest). «Сесили. Значит, вот почему в нашем с вами обществе он выглядит так, как будто бы немножко тяготится нами. Мисс Призм. Сесили! Ты меня удивляешь. У мистера Уорзинга столько в жизни беспокойства...».

Сочетание *poor young fools* в первом примере в равной мере связано и с предшествующим контекстом, и с последующим предложением и может рассматриваться и как эмоциональное предложение оценочного характера, и как обращение со значением оценки. Точно так же слово *Cecily* во втором примере может быть воспринято и как эмоциональное предложение вокативного характера, которым передается упрек (порицание), и как обращение, т. е. простое называние второго лица при адресовании к нему с каким-либо высказыванием.

Наличие большого количества подобных переходных случаев свидетельствует о том, что обращения и эмоциональные предложения, как оценочного, так и вокативного характера, не отделены друг от друга непроходимой стеной и легко переходят друг в друга.

E. P. Седун

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ВВОДНЫХ» И «ВСТАВНЫХ» КОНСТРУКЦИЯХ

1

По определению академической «Грамматики», «вводными называются такие синтаксически не связанные с предложением слова и сочетания слов, которые выражают отношение говорящего к тому, о чем он говорит, общую оценку сообщения, либо заключают в себе указание на его источник, связь с другими сообщениями или с более широким контекстом речи»¹; к «вставным» «Грамматика» относит «... слова и сочетания слов, синтаксически связанные с членами предложения, но представляющие собой разного рода попутные дополнительные примечания»².

Соответствующее различие выдерживается также и в области предложения: «Вводными называются предложения, включенные в другое (основное по отношению к ним) предложение и выполняющие в нем те же функции, что и вводные слова, и вводные сочетания слов»³, тогда как «вставные предложения» — это «... предложения, вносящие дополнительные, попутные замечания и интонационно обособленные ...»⁴.

Проведя такое разграничение, академическая «Грамматика» внесла известную ясность в трактовку синтаксических явлений, которые по традиции долгое время не различались, что создавало разнобой в определениях синтаксической категории вводности и противоречивое, двойственное истолкование ее⁵.

Однако в связи с указанным разграничением неминуемо возникает вопрос: в таких же отношениях друг к другу стоят обе эти синтаксические категории? Действительно ли у них нет никаких общих признаков, и, следовательно, они не могут быть объединены в одной более общей, более отвлеченной категории? Могут ли «вводные» и «вставные»

¹ «Грамматика русского языка», т. II — Синтаксис, ч. 2, изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 142.

² Там же, стр. 143 (примеч. к § 1205).

³ Там же, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ Впрочем, отдельные указания на необходимость разграничивать «вводные» и «вставные» образования встречались в грамматической литературе и прежде. См., например: С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, А. М. Земский, Грамматика русского языка, изд. 14-е, М., 1940, стр. 204; А. Шапиро (Рецензия на книгу: С. И. Абакумов, Методика пунктуации, изд-во. АПН РСФСР, 1947), «Русский язык в школе», 1948, № 3, стр. 64, § 10.

структуры, различаясь по своему смыслу и назначению, иметь нечто общее в грамматическом оформлении и выразительных функциях, что позволит представить оба типа как виды одного рода?

Академическая «Грамматика» не дает прямого ответа на эти вопросы. Из примечания 2-го к § 1205 можно заключить, что «вводные» слова и сочетания слов не имеют ничего общего со «вставными» ни по функции, ни по структурно-сintаксическим свойствам⁶. В то время как первые выражают модально-субъективную оценку, вторые служат для пояснения или уточнения; если первые синтаксически не связаны с предложением, при котором «состоят», то вторые имеют форму главных или второстепенных членов предложения и, таким образом, синтаксически связаны с предложением⁷. Что касается различия между «вводными» и «вставными» предложениями, то об этом академическая «Грамматика» не говорит ничего определенного, так что в конце концов остается все же неясным, дифференцируются ли те и другие только по функции или у них есть и решающие структурные отличия.

Несомненно, различие «вводных» и «вставных» образований соответствует фактам языка. Неточность традиционных взглядов на синтаксическую категорию вводности ясна. Но не менее ясно и то, что безоговорочное отделение «вставных» элементов от «вводных» приводит к большим затруднениям в практике синтаксического разбора и не оправдано теоретически. В действительности это разграничение возможно лишь до известной степени и не исключает объединения разграничиваемых понятий в синтаксической категории более широкого объема. Преобладание черт сходства над различительными признаками особенно бросается в глаза при сопоставлении «вводных» и «вставных» предложений.

2

Разница в смысловом наполнении и назначении «вводных» и «вставных» предложений была отмечена еще И. И. Давыдовым, который указывал, что вводное предложение «... имеет два значения: во-первых, содержит в себе стороннее основание убеждения говорящего, которое он имеет о соединении сказуемого с подлежащим, и тогда оно то же, что обстоятельство образа действия; во-вторых, оно заключает в себе такой оттенок целой мысли, который не составляет существенной необходимости»⁸. На это различие указывают и синтаксисты более позднего времени⁹.

Примечательно, что большинство отечественных исследователей не разобщает эти функции (субъективно-модальную и объективно-поясительную) настолько, чтобы считать «вводные» и «вставные» конструкции отдельными синтаксическими категориями. Это и верно, так как синтаксическая категория, как и другие категории грамматики, выделяется только в том случае, если она имеет специальные грамматические средства выражения. Между тем «вводные» и «вставные» предложения не могут быть принципиально разграничены ни по линии конструктивно-синтаксического, ни по линии интонационного оформления.

⁶ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 143.

⁷ Там же, стр. 175 (§ 1246).

⁸ [И. И. Давыдов], Опыт общесравнительной грамматики русского языка, СПб., 1854, стр. 354.

⁹ См., например: Д. Н. Овсянникова - Кулаковский и П. Н. Сакулин, Практический курс синтаксиса русского языка, СПб., 1912, стр. 75; С. И. Абакумов, Современный русский литературный язык, М., 1942, стр. 148; А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Современный русский литературный язык, Киев, 1951, тр. 392–393.

Не может быть сомнений в том, что ритм и интонация — это составная часть синтаксиса вводности, что здесь интонационные своеобразия служат целям структурного оформления и им вызываются¹⁰. А. Б. Шапиро считает, что «вставки» имеют специфику ритмико-интонационного характера: отделены паузами и в интонационном отношении совершенно самостоятельны, в то время как «вводные» предложения в интонационном отношении обычно составляют одно целое с тем предложением, в которое вводятся¹¹. Так ли это в действительности?

И модально-вводные («вводные»), и пояснительно-вводные («вставные») предложения имеют то общее свойство, что они разрывают синтаксическую ткань основного предложения; как те, так и другие внедряются, включаются в конструктивно связанное целое, почему, собственно, и получают родовое наименование вводных. При этом создается особое семантико-синтаксическое отношение основного предложения к вводному, сохраняющее свою силу одинаково и для модальных, и для объективно-пояснительных включений: то, что А. Б. Шапиро говорит о «побочности» модально-вводного высказывания¹², в основном относится и к вводному объективному сообщению. Обычно вводные предложения имеют своим предметом нечто из содержания или формы основного предложения, служат высказываниями по поводу сообщаемого в основном предложении и имеют характер сопутствующий, побочный.

Отношение побочности, сопутствования вводного предложения основному передается взаимным расположением обоих предложений и специальными интонационными средствами. Бывает, что вводное предложение включается в основное при значительном, если не полном, сохранении собственной модальной и экспрессивной интонации. Это одинаково относится как к модально-вводным, так и к «вставным» предложениям: «Из Клавдии — он это сразу увидел — инженера не выйдет» (Панова, Кружилиха); «Славянский вопрос — ты слушаешь меня? — это гвоздь мировой политики» (А. Н. Толстой, Хождение по мукам).

В приведенных примерах включение предложения сопровождается отчетливым обособлением его, произнесение вводного предложения характеризуется исчерпывающей выразительностью, продиктованной стремлением говорящего подчеркнуть, выделить заключенный во вводном высказывании смысл¹³. Поэтому оттенок побочности, сопутствования выражается здесь не интонационными средствами, а самим порядком следования предложений, образующих сложное целое: предложение включающее, охватывающее будет, естественно, основным, а включаемое, вносимое — попутно — вводным.

Однако чаще самостоятельность интонации включаемого предложения оказывается несколько сглаженной именно потому, что перед нею ставится синтаксическая задача — передать специфику вводного предложения как присоединяемого попутно и между прочим. Основатель экспериментальной фонетики в России В. А. Богородицкий определял эту специфическую мелодию вводных предложений следующим образом: «При

¹⁰ Характерно, что на ритмико-интонационное оформление «вводных» и «вставных» предложений академическая «Грамматика» почти не обращает внимания.

¹¹ См. А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, М., 1955, стр. 306—307; его же, Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, М., 1953, стр. 33, 290.

¹² См. А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 290.

¹³ См. А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949, стр. 154.

произношении они получают особый темп (чаще более быстрый) и другую силу и тон (тише и ниже), между тем как часть фразы, следующая за вводным предложением, во всех этих отношениях примыкает к типу или течению начальной части, прерванной вводным предложением»¹⁴.

Особенно отчетлива эта интонация «скобок» во вводных предложениях спокойно-повествовательных; гораздо менее сказывается она на других модальных типах, особенно на осложненных выражением аффектов (вопросительные предложения, «обратно-вопросительные», восклицательные и т. п.): «Наконец он велел запречь себе беговые дрожки, оделся потеплее (*это было уже в конце сентября*) и, сам правя, выехал со двора» (Пушкин, Дубровский). «Переписываясь и разговаривая таким образом, они (*что весьма естественно*) дошли до следующего рассуждения...» (Пушкин, Метель). Примеры показывают, что приглушенно-убыстренная интонация свойственна не одним только модально-вводным предложениям, но и вводным предложениям объективно-пояснительного типа, т. е. «вставным».

Л. А. Булаховский подчеркивает, что при вставке предложений одного в другое «...самое характерное — специфический для «скобок» ускоренный темп произношения заключенного в них содержания: «Воробей упал из гнезда (*ветер сильно качал березы аллеи*) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крыльшки» (Тургенев)»¹⁵.

С другой стороны, приведенные и множество других примеров иллюстрируют обособление модально-вводных предложений при помощи пауз, что не отмечено А. Б. Шапиро. Внимательный анализ убеждает в том, что ритмические остановки на грани вводных предложений широко применяются в предложениях обоих типов — субъективно-модальных и объективно-сообщающих. Однако стремление представить «вводность» и «вставочность» как несогласительные синтаксические понятия приводит А. Б. Шапиро к мысли, что, вместе с тем, эти понятия не исключают друг друга: в случаях ритмического обособления «вводные» (модальные) предложения являются одновременно и «вставочными»¹⁶.

Но тогда возникает вопрос: когда же рассматривать эти предложения как собственно «вводные»? Видимо, в тех случаях, когда предложение модальности или субъективного отношения сопровождает основное высказывание, не выделяясь на общем фоне синтаксического целого. Однако если так, то в следующих парах предложений надо усматривать, очевидно, разные синтаксические типы, а не вариации одного типа: 1) а) «К твоему барину слишком, я *думаю*, много ездит графов и князей» (Гоголь, Ревизор); б) «Пора б уж ей приехать; Без нее — Я *думаю* — скучает командор» (Пушкин, Каменный гость); 2) а) «Вечор, ты *помниши*, вьюга злилась» (Пушкин, Зимнее утро); б) «Чудный случай: Когда (*ты помниши*) бросилась она В реку, я побежал за нею следом» (Пушкин, Русалка).

Вряд ли с этим можно согласиться. Ослабленная интонация вводности в примерах 1а, 2а свидетельствует не о коренном различии конструкции сравнительно с примерами 1б, 2б, но лишь о различии в степени: в «а» следует видеть «вводные слова», тогда как в «б» восстановление пауз

¹⁴ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935, стр. 240.

¹⁵ Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, изд. 5, Киев, 1952, стр. 375.

¹⁶ См. А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, стр. 317 (примеч. 1-е).

и более самостоятельная интонация включения побуждает усматривать вводные предложения.

Необходимо отметить, что в таких коротких модально-вводных предложениях, как *я вас спрашиваю, говорит такой-то, как я вижу* и т. п., резкость и прерывистость включения особенно сглаживается, так как эти «предложения» в значительной мере грамматикализованы и поэтому не имеют собственной модальной интонации. Но, во-первых, подобная редукция пауз в быстрой разговорной речи — не исключительная особенность модально-вводных предложений; (ср., например, «вставки»: «Сам узнаешь, будет время, бранное житье» (Лермонтов, Казачья колыбельная); «Но и я, было время, держался» (Федоров, Подпольный обком действует); во-вторых, следует признать — и академическая «Грамматика» это отмечает, — что устойчивые сочетания вроде *можно сказать, как видишь, если угодно, я думаю, я бы сказал* и многие другие, равно как и формы *вижу, говорю, думаю, говорят, естественно, кажется* и т. п., известные в регулярном вводном употреблении, — это по существу уже не «предложения», а «вводные слова». Именно поэтому они и должны сопоставляться в отношении ритмо-мелодики не со «вставными предложениями», а, соответственно, со «вставными словами».

Что же касается полновесных модально-вводных предложений, создаваемых в речи *ad hoc*, то они интонационно всегда выделены и не сливаются со своим окружением. В этом отношении они ничем не отличаются от предложений «вставочных». И в тех, и в других степень смысловой побочности бывает различной; в зависимости от этого и от других условий варьируется и степень их обоснления в синтаксическом целом.

Обращаясь далее к рассмотрению других, собственно синтаксических, приемов организации и оформления вводных предложений, обнаруживаем, что и здесь между пояснительно-вводными («вставными») и модально-вводными («вводными») предложениями нет существенной разницы: так, например, и те и другие могут включаться в синтаксическое целое в бессоюзной форме (часто с использованием лексических элементов как средств связи): «Ребенок, черепком наметя голубка (*Сей возраст жалости не знает*), Швырнул и раскроил висок у бедняка» (Крылов, Два голубя); «И это добрый — враг бы не взял его! — вояка!» (Гоголь, Тарас Бульба). И те и другие могут включаться в синтаксическое целое при помощи сочинительных или подчинительных союзов и относительных слов, но в обоих случаях — с сохранением формально-грамматической полноты, законченности основного предложения: («На Воропаева — что случалось за последнее время редко — напло вдохновение остроумия» (Павленко, Счастье); «Опа была красивая и, что еще важнее, умная женщина» (там же).

Структурная разница между модально-вводными и «вставными» предложениями идет лишь по линии использования в качестве средства связи с основным предложением подчинительных союзов. В модально-вводных предложениях эти союзы (*если, чтобы, насколько* и т. п.) не указывают на объективно-логическое отношение к основному предложению, но получают модально-ограничительный смысл: «Что вы это говорите! Да я, — хоть оно непристойно сказать, — ходил к булочнице против самого страстного четверга» (Гоголь, Вий).

Во «вставных» предложениях, наоборот, конструкция с подчинительными союзами сходна с конструкцией придаточных; от них «вставные» предложения отличаются «... большей смысловой, синтаксической и интонационной самостоятельностью, а также тем, что, независимо от значения союза или относительного слова, связь их с основным предложением

всегда имеет оттенок присоединительного значения»¹⁷. Таким образом, в академической «Грамматике» отмечается присоединительный характер «вставочных» предложений с подчинительными союзами и относительными словами. То же констатируется и в отношении «вставок», включаемых в основное предложение при помощи союзов *а*, *и*, *да и*, *но* (§ 1245).

Возникает вопрос, что же представляют собой «вставочные» предложения в бессоюзной форме? Ответа на этот вопрос академическая «Грамматика» не дает. Однако, если взглянуться в бессоюзные сложные предложения, приводимые в § 1611¹⁸, например, «Поселок Первомайский был самым старым шахтерским поселком в этом районе, — от него, собственно, и начался город Краснодон» (Фадеев, Молодая гвардия), которые определены как особая группа «... бессоюзных предложений присоединительного типа...»¹⁹, то нетрудно заметить, что второй части этих сложных целых недостает лишь соответствующей интонации (убыстрение темпа и понижения тона) для того, чтобы стать бессоюзными «вставными» предложениями. Действительно, если под присоединительной связью понимается «...связь двух предложений в составе сложного, при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него»²⁰, то очевидно, что такого рода смысловая и синтаксическая связь в полной мере проявляется и в отношениях «вставного» предложения к основному, ибо «вставки» тоже ведь представляют собой не что иное, как дополнительные замечания, добавочные сообщения, «... вызванные содержанием всего предложения или отдельного слова...»²¹.

Различие между присоединительными конструкциями обычного, не «вставного» типа и присоединением «вставных» предложений сводится по сути дела к тому, что последние, помимо общего значения присоединительности, получают еще особый оттенок сопутствования, побочности, выражаемый описанной выше «интонацией скобок».

Но, признав, таким образом, что бессоюзные «вставные» предложения, разрывающие основную часть синтаксического целого или присоединяемые к ней в заключение, имеют присоединительный характер, мы не видим оснований и в бессоюзных «вводных» предложениях не признавать присоединительного оттенка тогда, когда они оказываются в тех же позициях: «Заподозрить Якова Лукича во вредительстве — теперь уже казалось ему — было нелепо» (Шолохов, Поднятая целина).

Известно, что расчлененное предложение, выражающее модальность сообщения или субъективное к нему отношение, может выступать в сложном целом в двойкой конструкции: либо как синтаксически главная часть, от которой зависит придаточное со значением объективного высказывания, либо как вводное предложение, сопутствующее высказыванию о факте. На этом основании представители логистического синтаксиса утверждают, что бессоюзные модально-вводные предложения типа *я думаю, сказал он, мне казалось и т. п.* связаны с основным предложением подчинительной связью, т. е. они видят во вводном предложении сдвинутое, запоздалое главное, а в основной части — зависимое придаточное²². С этой точки зрения, нет никакой

¹⁷ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 171 (§ 1241).

¹⁸ Там же, стр. 402.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 257.

²¹ Там же, стр. 167.

²² Ср., например, C. de Boer, Syntax du français moderne, Leiden, 1947, стр. 31.

разницы между *Вы знакомы, я думаю, с этим человеком и Я думаю, что вы знакомы с этим человеком*. Изменения, наступающие при этом в структуре целого, затрагивают, как полагает де Бур, одну лишь внешнюю сторону его, являются «вопросом только синтаксического ритма»²³.

Действительно, по смыслу всего синтаксического целого, основная часть в приведенном примере выражает объект вводного высказывания. Но этот формально-логический анализ не должен затемнять действительной языковой природы вводного предложения, которая состоит в том, что выражение модальности входит в строй синтаксического целого как побочное, стороннее звено, и поэтому объектное или S—P отношение такого звена к основному составу, устанавливаемое с формально-логической точки зрения, не может служить показателем синтаксического подчинения одного предложения другому. Предложение модальности или субъективной оценки, вдвинутое внутрь высказывания о факте или добавляемое к нему в заключение, располагается в иной семантико-синтаксической плоскости и выступает в ином экспрессивном освещении сравнительно с его (модального предложения) позицией в роли главной части сложноподчиненного целого.

Каково бы ни было логическое отношение вводного предложения к основному, вводное остается на положении более или менее стороннего внедрения, которое не связано с содержанием основной части непосредственно, не вытекает из нее органически, но возникает как попутный субъективно-модальный комментарий к сообщению. Налицо, таким образом, основные признаки присоединительной связи, осложненной оттенком сопутствования.

То же самое, конечно, можно сказать и о союзных модально-вводных предложениях, которые воспроизводят обычные союзно-присоединительные и относительно-присоединительные структуры, начинающиеся с *и это, а это, как (это)*, что: «Если Сергей станет объясняться в любви Ирине, — *а это вполне возможно*, — то необходимо этот момент записать во всех подробностях» (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды).

Однако известная часть модально-вводных предложений встречается в такой конструкции, которая не имеет аналогий среди обычного (невводного) союзного присоединения. Это вводные предложения с союзами *если, насколько, чтобы* и некоторые другие: «И меня, если говорить честно, не очень привлекает эта толчая под музыку». Тут присоединительный характер смысловых отношений вводного предложения связан с пропуском промежуточного, искомого звена: «И, если говорить честно, [то надо сказать, что] меня не очень привлекает эта толчая под музыку».

Вводные предложения этого вида характеризуются тем, что могут занимать любую позицию в синтаксическом целом: начальную, серединную и конечную (и в этом их отличие от «вставок», которые в силу своей пояснительной природы в начале основного предложения стоять не могут). Ясно, что в начальной позиции определять конструкцию модально-вводного предложения как присоединительную уже нельзя, так как термин «присоединение» предполагает следование присоединяемого за основной частью.

С другой стороны, нельзя не видеть, что общий характер конструкции вводного предложения сохраняется во всех его позициях: «И если говорить честно, меня не очень привлекает эта толчая под музыку». Из двух предложений, объединенных таким способом в сложное целое, в качестве основного, естественно, воспринимается то, которое содержит

²³ C. de Boer, Syntax du français moderne, Leiden, 1947, стр. 31.

объективное сообщение и грамматически совершенно самостоятельно, а в качестве вводного — то, которым выражается предварительная субъективно-модальная или стилистическая оценка сообщения и которое обнаруживает свою зависимость средствами союзной связи. Здесь вводное предложение узнается уже не столько по его ритмико-интонационным своеобразиям (ускорение темпа), сколько по внутренним формам его смысловых отношений к основной, сообщающей части целого.

Имея в виду прежде всего общую природу связей и отношений вводного предложения, можно определить его конструкцию, в общем, как прерывистую, или сдвинутую, а в присоединении видеть частный случай синтаксического сдвига. Под синтаксическим сдвигом при этом понимается широкий тип связей между элементами речи, синтаксически разъединенными, разобщенными, но сохраняющими известную смысловую связь и соотношение²⁴ — либо в пределах синтаксического целого, либо в границах высшего синтаксического единства (абзаца, «сверхфразного единства»).

Итак, всякое вводное предложение — и модально-оценочное, и объективно-пояснительное — есть сдвинутая часть синтаксического целого, прерывистость включения которой обусловлена резкостью перехода от основного высказывания к сопутствующему или, наоборот, от субъективного «зачина», введения — к сообщению о факте. Как сказано, степень и формы этой прерывистости практически могут быть различными, что находит свое выражение прежде всего в характере ритмико-интонационного обособления вводного звена.

3

Размеры данной статьи не позволяют произвести сопоставление «вставных» и «вводных» сочетаний и одиночных «вставочных» и «вводных» слов. Можно только заметить, что при сравнении «вставных» и «вводных» слов мы обнаружим гораздо больше различий, чем при сравнении соответствующих предложений. Однако и здесь эти синтаксические различия лишены принципиальной глубины. При констатации различий между «вводными» и «вставными» образованиями обычно не учитываются существенные общие признаки, черты сходства и близости, позволяющие объединить эти типы в одной синтаксической категории.

Между тем есть все основания выделять такую категорию связной речи, которая охватывает разные формы сопутствующих, побочных, сторонних звеньев в составе синтаксического целого. Эта категория выражается средствами интонационно-синтаксическими (специфическая мелодия вводности и убыстрение темпа), порядка слов (внедрение обособленного элемента внутрь связного целого) и формально-грамматическими (перерыв или ослабление формальной связи с целым). В разных случаях эти средства комбинируются по-разному, так или иначе создавая общий комбинативный оттенок сопутствования. Но во всех случаях основной состав предложения оформлен в виде относительно законченной конструкции, которая ни в чем не модифицируется при включении в нее сопутствующего элемента, так что последний легко может быть опущен без заметного ущерба для интонационно-грамматической формы основной части предложения. Вместе с тем по смыслу сопутствующий элемент соотносится с основным составом предложения, и эта связь находит себе формальное выражение в таких особенностях строения сопутствующего элемента, как местоимения (анафорические или пре-

²⁴ О «сдвинутых», или «прерывистых», или «разорванных» конструкциях см. В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, М., 1941, стр. 286 и сл.

курсивные), союзные или ссылочные слова, поря ок и расположение основной и сопутствующей частей, объединяющая ритмо-мелодика. По своему внутреннему характеру эта связь является прерывистой, так как включенное образование связано с содержанием сообщения не непосредственно, а через косвенные и отдаленные отношения.

Эти сопутствующие образования можно подразделить на два основных функциональных типа — субъективно-модальный и объективно-пояснительный, — различающиеся также некоторыми особенностями строения.

Что касается термина для категории «сопутствования», то тут есть два пути. Во-первых, можно сохранить за сопутствующими образованиями модального толка традиционное название «вводных» и применить к объективно-пояснительным включениям предложенный в последнее время термин «вставки». Но тогда придется найти название для родовой категории (например, «внесение» или под.)²⁵. Во-вторых, — и это кажется более удачным — можно назвать родовую категорию термином «вводность» (*Parenthèse, parenthèse, parenthesis*), применив к субкатегориям, соответственно, названия «субъективно-модальная вводность» (*mental parenthesis*, по Есперсену) и «объективно-пояснительная вводность». Ясно, что такое распространительное употребление термина «вводность» нисколько не снимает проблемы структурных различий между основными функциональными типами вводных образований.

²⁵ Ср. С. И. Карцевский, Повторительный курс русского языка, М.—Л., 1928, стр. 36; А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1947, стр. 116—117.

A. B. Shapiro

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПОНЯТИЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Словосочетание — одно из основных понятий синтаксиса. Существует несколько различных точек зрения на предмет словосочетания. В итоге анализа этих точек зрения и собственных языковых наблюдений формулирую понятие словосочетания следующим образом: словосочетание — это образованное из знаменательных слов замкнутое грамматическое целое, между членами которого устанавливается в процессе речи отношение определяющего и определяемого. Являясь членами словосочетания, образующие его лексические единицы выступают как единицы синтаксических¹.

Синтаксическими единицами, входящими в словосочетание как его члены, могут быть: 1) отдельные знаменательные слова (*белая скатерть, зуб тигра, не пачкая рук*), 2) цельные сочетания слов, выражающие одно понятие, и фразеологизмы (*умер от белой горячки, прорезался зуб мудрости, работает не покладая рук, служит на железной дороге, приехал в семь часов, живет в Великих Луках, юноша высокого роста*), 3) два или несколько слов, объединяемых одинаковым отношением к какому-либо слову (или к каким-либо словам) (*начались морозы, вьюги; братья и сестры выросли и разъехались; шахтеры Донбасса и Кузбасса; рабочие и крестьяне Мексики, Бразилии и Аргентины*).

Примечание 1. Как ясно из данного выше определения словосочетания, слова, объединяемые так называемой сочинительной связью (*рабочие и крестьяне, мал, да дорог; пишу, читаю без лампады и т. п.*), не образуют словосочетаний: между такими словами — отношения не определяющего и определяемого, а «равноправные». Такие сочетания слов не образуют замкнутого синтаксического целого, а наоборот, могут неограниченно пополняться новыми словами на той же основе «равноправия» (*рабочие, крестьяне и интеллигенция; пишу, читаю, играю, сплю...*).

Примечание 2. В известном смысле словосочетаниями являются также сочетания слов, выражающие одно понятие, а также фразеологизмы (*белая горячка, зуб мудрости, не покладая рук* и т. п.): входящие в их состав слова связываются друг с другом по тем же синтаксическим нормам, которые действуют в так называемых свободных словосочетаниях. Но поскольку значение таких словосочетаний не является простой суммой входящих в их состав слов, то нет основания говорить о синтаксических отношениях между ними. Само собой разумеется, что в качестве одного члена словосочетания выступают также аналитические формы, состоящие из двух и более лексических единиц, например: *буду читать, стали хватать, начал было объяснять, более удачный, самый смелый, был более красив и*

¹ Оставляю в стороне вопрос о том, во всех ли языках существуют синтаксические конструкции, подходящие под понятие словосочетания (ср., например, языки, принадлежащие к так называемому инкорпорирующему типу).

т. п.;ср. сербск.: «...синаћ је још био жив, а ноћас умро напрасно» (Нушич, Помртво слово); чешск.: «Vše ostatní je evropský produkt» (К. Čapek, Anglické listy); польск.: «Ja jestem niezdrowa, — powtarzyła u myśli Marynia» (Sienkiewicz, Rodzina Połanieckich).

Таким образом, двучленность словосочетания не означает наличия в нем во всех случаях только двух знаменательных слов: число их может быть и больше. Суть двучленности словосочетания заключается в том, что образующие его знаменательные слова составляют две целые лексико-синтаксические единицы, которые находятся в указанном выше грамматическом взаимоотношении, оформляемом по нормам данного языка.

То, что связь слов, образующих словосочетание, выражается определенными формальными способами, дает возможность выделять из речевого потока и объединять в цельные конструкции члены отдельных словосочетаний не только в тех случаях, когда эти члены следуют непосредственно один за другим, но и тогда, когда они разделены словами, входящими в состав других словосочетаний. Так, в предложении «Читал я где-то, Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучи...» (Пушкин, Скупой рыцарь) мы легко выделяем следующие словосочетания, состоящие из слов, отделенных друг от друга словами — членами других словосочетаний: *читал где-то, царь велел, однажды велел, велел снести, снести по горсти, снести в кучу, воинам велел*.

То же и в других славянских языках. Ср. в сербском: «Делегација ће провести у Бугарској недељу дана. За то време чланови делегације обићи ће бугарске фабрике пољопривредних машина и испитати могућности употребе ових машина у Југославији» («Борба», 23. V. 1957). В этом отрывке выделяются следующие словосочетания из слов, не стоящих в тексте рядом: *ће провести недељу дана, за то време обићи ће, обићи ће фабрике, фабрике машина, употребе машина, употребе у Југославији*.

Ср. в чешском: «Poklady celého Světa shrnula bohatá Anglie ve svých sbírkách» (K. Čapek, Anglické listy). В этом отрывке выделяются следующие словосочетания из слов, не стоящих в тексте рядом: *poklady světa, poklady shrnula, shrnula Anglie, shrnula ve sbírkách*.

Ср. также в польском: «Tadeusz się od przodków swoich nie odrodził: Dobrze na koniu jeździł, pieszo dzielnie chodził; Tępy nie był, lecz mało w naukach postąpił, Choć stryj na wychowanie niczego nie skąpił» (Mickiewicz, Pan Tadeusz). Здесь выделяются следующие словосочетания из слов, не стоящих в тексте рядом: *Tadeusz sie nie odrodził, sie od przodków nie odrodził, dobrze jeździł, pieszo chodził, mało postąpił, stryj nie skąpił, na wychowanie nie skąpił*. То же явление характерно и для многих других языков (древних классических и современных)².

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Синтаксические отношения существуют не только между членами словосочетания, но и между словосочетаниями и между частями сложного предложения. Но что такое синтаксические отношения?

² А. М. Пешковский считал одним из обязательных признаков словосочетания «физическую» нераздельность образующих его слов. Это нашло отражение в его определении словосочетания как «двух слов или ряда слов, объединенных в речи и мысли» («Русский синтаксис в научном освещении», 7-е изд., М., 1956, стр. 35). На практике он однако не выдерживал этого принципа, что видно, например, из того, как он выделяет в предложении словосочетания на стр. 57 названной книги.

Обычно говорят об отношениях предикативных и непредикативных, об отношениях атрибутивных, объектных, релятивных (обстоятельственных). Конкретизируя и уточняя указанные виды отношения, часто фактически сводят дело к указаниям на типовые лексические значения определяемого и определяющего члена словосочетания, забывая о самых синтаксических отношениях.

Так, М. Н. Петерсон, давая обзор «функций» словосочетаний и имея при этом в виду отношения между членами словосочетания³ (см. его общую схему на стр. 34—36), формулирует эти функции так: «предмет и совершающее действие», «предмет и положение или состояние, в котором он находится» (стр. 39), «предмет и его качество» (стр. 45), «порядок предметов» (стр. 49), «возможность или необходимость какого-нибудь действия, состояния...» (стр. 103) и т. п.

А. М. Пешковский, давая обзор различных по построению словосочетаний (в разделе распространенных предложений)⁴, уделяет главное внимание тем из них, в которых определяющий член выражен падежной формой или предложно-падежным сочетанием. Но при этом он анализирует не столько отношения между членами словосочетаний, сколько синтаксическую функцию самого падежа или предложно-падежного сочетания, хотя и говорит время от времени об этих отношениях. В словосочетаниях с предложно-падежными сочетаниями Пешковский основным выразителем отношений «между предметом и действием» считает предлог, а не аффикс существительного⁵. В основу квалификации функций определяющего члена он кладет в большинстве случаев лексические значения слов, являющихся членами словосочетаний.

В академическом «Синтаксисе» при классификации глагольных словосочетаний с именами существительными в винительном беспредложном, выражающих объектные отношения, также на первое место выдвигаются лексические значения слов, образующих словосочетания. Здесь все время находим такие разряды: «словосочетания, главное слово которых называет восприятие, говорение, внутреннее состояние, чувствование, а зависимое слово — объект восприятия, говорения, чувствования, напр.: *слушать песню, любить отца, уважать учителя...*»⁶ или «словосочетания, выражающие объектно-пространственные отношения; главное слово в них — переходно-приставочный глагол со значением движения, зависимое слово — имя существительное с предметно-пространственным значением, напр.: *перебежать дорогу, перейти поле...*»⁷.

В некоторых случаях встречаем сведение понятия синтаксических отношений между членами словосочетания к понятию «значения словосочетания», например: «Наиболее типичным значением словосочетаний, выражающих объектные отношения, является значение действия и орудия, посредством которого совершается действие. Это значение особенно ярко выражается тогда, когда глагол и имя существительное имеют конкретные значения»⁸. (Речь идет о словосочетаниях, в которых зависимое существительное имеет форму творительного падежа.) Еще нагляднее это в следующей формулировке: «Общее значение словосочетаний глаголов с зависимым словом — наречием — выражение

³ М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, М., 1923.

⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд., М., 1956, стр. 292—340.

⁵ Указ. соч., стр. 304.

⁶ «Грамматика русского языка», т. II — Синтаксис, ч. 1, Изд-во АН ССР, М., 1954, стр. 116 (далее в сносках ссылки даны везде на Академическую грамматику, т. II, ч. 1; сокращенно: АГ и стр.).

⁷ АГ, стр. 116.

⁸ АГ, стр. 132—133.

определительно-обстоятельственных, временных, пространственных, причинных и целевых отношений, т. е. называние действия и качественной или обстоятельственной его характеристики⁹. И рассмотрение перечисленных отношений сводится в дальнейшем к указаниям на наречия определенных лексических групп, могущие входить в состав словосочетаний данного типа, в связи с чем и получается, что, например, временные отношения имеют место тогда, когда к глаголу присоединяются наречия *сегодня*, *зимой*, *засветло* и т. п., причинные — когда присоединяются наречия *сдуру*, *сгоряча*, *спьяна* и т. п.

Объясняется это, по-видимому, тем, что во вводной части академического «Синтаксиса», где излагается существо основных синтаксических понятий, не дано прямого и по возможности исчерпывающего определения понятия синтаксических отношений, хотя об отдельных их видах упоминается неоднократно (о предикативных отношениях — стр. 12, об атрибутивных отношениях — стр. 15). При этом неотчетливо различаются синтаксические отношения и синтаксические связи, и в конце концов те и другие сводятся (с последующими оговорками) к традиционным трем способам формального выражения синтаксических отношений — согласованию, управлению и примыканию.

Вопрос о способах формального выражения синтаксических отношений между членами словосочетания очень важен, и без того или иного его понимания не может быть и убедительного разрешения проблемы словосочетания в целом. Больше того: с этого вопроса следует начинать рассмотрение существа и видов синтаксических отношений.

Синтаксические отношения — это не отношения между словами как носителями тех или иных лексических значений, хотя бы и сгруппированных по определенным типам. Если бы это было так, то нужно было бы признать, что синтаксические отношения в парных словосочетаниях типа *ехать медленно* и *медленная езда*, *вершины гор* и *горные вершины*, *выполнять обязанности* и *выполнение обязанностей*, *любить отца* и *любовь к отцу* совершенно одинаковы. То же относится и к словосочетаниям *соловей поет* и *пение соловья*, *отец болен* и *отец болеет* и т. п. Ведь *медленно* и *медленная* в приведенном примере соответственно называют одно и то же качество одного и того же действия; *поет* и *пение* называют одно и то же действие, производимое соловьем, и т. д.

Нередко указывают на то, что функция качественных наречий и прилагательных одна и та же при глаголах и отглагольных существительных, и называют эту функцию определительной. Это верно с точки зрения логической, но неверно с grammaticalской точки зрения. Логике нет дела до того, что в одном случае действие названо глаголом, а в другом случае существительным, что в одном случае качество действия названо наречием, а в другом — прилагательным, для нее существенны самые отношения между понятием действия и понятием качества; то же можно сказать о различии между *отец болен* и *отец болеет*, которое не существенно с точки зрения логики, поскольку и в том и в другом словосочетании заключено утверждение о наличии у определенного лица определенного состояния. С grammaticalской же точки зрения в подобных случаях различия чрезвычайно существенны, так как, будучи выражаемы различными формами слов, члены сопоставляемых словосочетаний выражают различные grammaticalические значения.

Синтаксические отношения между членами словосочетания — это отношения между входящими в его состав знаменатель-

⁹ АГ, стр. 224.

ными словами как носителями определенных грамматических значений, выражаемых формальной структурой этих слов (т. е. как частями речи в тех или иных их формах). Таким образом, синтаксические отношения между членами словосочетаний в парах *ехать медленно* и *медленная езда*, *вершины гор* и *горные вершины*, *соловей поет* и *пение соловья* и т. п. различны. В чем же эти различия?

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо начать с рассмотрения тех существующих в русском языке формальных способов, которые служат для выражения синтаксических отношений между членами словосочетаний.

* * *

Наиболее выразительным формальным способом выражения синтаксических отношений в русском и других славянских языках (как вообще в индоевропейских языках) является согласование определяющего члена словосочетания с определяемым членом.

Согласование состоит в уподоблении формы рода, числа, падежа слова, являющегося определяющим членом словосочетания, соответствующей форме слова, являющегося определяемым членом того же словосочетания. Само собой разумеется, что для осуществления согласования необходимо наличие, с одной стороны, всех или некоторых из перечисленных выше форм у слова, являющегося определяемым членом, и, с другой стороны, соответствующих форм у слова, являющегося определяющим членом. Так, не может быть согласования в словосочетании, состоящем из двух наречий, как слов бесформенных, или из определяемого члена — инфинитива и определяющего члена — существительного, несмотря на то, что оба они вообще-то обладают формами: но инфинитив обладает только формами вида и возвратности-невозвратности, а существительное — формами рода, числа и падежа. К тому же следует иметь в виду, что не все свойственные той или иной части речи формы могут уподобляться соответствующим формам, принадлежащим к другим частям речи и выступающим в роли определяемых членов словосочетания. Так, формы рода и числа существительных не могут уподобляться в словосочетании соответствующим формам глаголов или прилагательных, так как формы рода и числа у существительных — это формы словообразования, а не словоизменения, между тем как те же формы у прилагательных и глаголов прошедшего времени уподобляются соответствующим формам существительных — определяемых членов словосочетания и, стало быть, являются формами словоизменения.

Примечание. Неправильно считать согласованием употребление в русском языке той или иной личной формы глагола при личных местоимениях 1-го и 2-го лица: последние, обозначая лица говорящего и слушающего, не имеют однако форм лица, а заключают свои личные значения в своих основах. Следовательно, в словосочетаниях, состоящих из глаголов в личных формах и личных местоимений (*я пишу*, *вы поете* и т. п.), нет согласования. Нет согласования в форме числа в словосочетаниях, состоящих из личного местоимения 1-го и 2-го лица и глагола прошедшего времени (*я писал*, *-а*, *мы писали*), так как значения единственности-множественности в местоимениях *я*—*мы*, *ты*—*вы* выражены не формальными показателями, а заключены в самих основах. Иное — в словосочетаниях с местоимениями 3-го лица *он*, *она*, *они* (*он писал*, *она писала*, *они писали*).

Согласование, как это вытекает из сказанного, может быть частичным: в словосочетаниях типа *звезда гаснет* определяющий член предложения — глагол *гаснет* — согласован с определяемым членом — существительным *звезда* — только в форме числа. Существительное *звезда* имеет, кроме формы числа, также форму рода и форму падежа, но глагол в настоящем времени не обладает этими формами и потому не

может согласовываться в таких формах со словом *звезда*. Полное согласование мы встречаем в словосочетаниях, в которых определяемый член выражен существительным в единственном числе, а определяющий член — полным прилагательным: полное прилагательное обладает всеми формами, имеющимися у существительного в единственном числе, — формами рода, числа и падежа.

Отличительной особенностью согласования как способа выражения отношений между членами словосочетания является то, что оно совершенно не зависит от лексического значения образующих словосочетание слов. Функция согласования заключается только в том, что согласуемое слово своими формами словаизменения указывает на тот член словосочетания, к которому оно относится как определяющий член. «Сила» согласования настолько непреодолима, что часто вынуждает отыскивать в словосочетании такой смысл, который может показаться невозможным с точки зрения лексических значений согласуемых слов; ср., например, случаи так называемого оксюморона: *замужняя невеста* (в заглавии комедии Шаховского и др.), *честный вор* (в заглавии рассказа Достоевского) и т. п.; ср. также образное употребление эпитетов, чаще всего связанное с метафоризацией: *громокипящий кубок* (Тютчев), *красный смех* (Л. Андреев), *левый марш* (Маяковский).

Примечание. Встречаются такие типы словосочетаний, в которых нет согласования полного прилагательного или глагола прошедшего времени с существительным. Это словосочетания типа *горячий кофе*, *новое шасси*, *секретарь вышла* (если известно, что секретарь — женщина), *Анна Шмидт уехала*, *бедная Шмидт*. Но существительные *кофе*, *шасси*, *Шмидт* (фамилия женщины) лишены показателей форм рода и падежа (несклоняемы), поэтому прилагательные и глаголы прошедшего времени принимают при них либо условную форму рода (при *кофе* — мужского рода, при *шасси* — среднего), либо форму рода, соответствующую полу (*Анна Шмидт уехала*, *бедная Шмидт*). Что касается таких слов, как *секретарь*, *врач* и т. п., то прилагательное ставится при них всегда в мужском роде (у нас *новый секретарь*, а не «*новая секретарь*», *опытный врач*, а не «*опытная врач*») и в тех случаях, когда секретарь и врач — женщина); глаголы прошедшего времени при *секретарь*, *врач* и т. п. могут (но не в обязательном порядке) иметь форму женского рода, когда такие существительные, употребленные без прилагательных, обозначают женщин и к этому почему-либо требуется привлечь внимание. Следовательно, нельзя сказать «*Новый секретарь приступила к работе*», а только *новый секретарь приступил к работе* (и в том случае, когда говорится о женщине), *секретарь приступил к работе* и *секретарь приступила к работе* (второе — если говорящий хочет указать, что секретарь — женщина).

* * *

Другие существующие в русском и в других славянских языках способы выражения синтаксических отношений между членами словосочетания резко отличаются по своему характеру от согласования. Если при согласовании определяемым членом словосочетания всегда является имя существительное и в некоторых особых случаях (при так называемом обособлении) местоимение-существительное, то при других способах выражения синтаксических отношений определяемым членом словосочетания может быть слово, принадлежащее к любой знаменательной части речи.

Обычно в одном ряду с согласованием рассматриваются управление и примыкание. Независимо от того, насколько правильна трактовка этих двух понятий и их размежевание, они по своему грамматическому характеру существенно отличаются от согласования. Однако, как будет ясно из последующего изложения, управление в одном отношении ближе к согласованию, чем к примыканию.

Под управлением принято подразумевать такой вид связи между определяемым и определяющим членами словосочетания, при котором

определяющий член выражается существительным, местоимением-существительным, количественным числительным и субстантивированным прилагательным всех типов (в дальнейшем будем называть их общим термином «субстантив»), принимающим ту или иную форму косвенного падежа без предлога или с предлогом в зависимости от грамматического или лексико-грамматического значения слова, являющегося определяемым членом словосочетания¹⁰.

Поэтому как управление рассматривают: употребление винительного без предлога при переходных глаголах, считая переходность и непереходность грамматической категорией глагола; употребление творительного без предлога для обозначения орудия действия, вызываемое лексическим значением глагола, который называет действие, совершающееся посредством чего-нибудь; употребление родительного с предлогом *с*, вызываемое в известных случаях лексическим значением глагола с приставкой *с*, указывающей на движение с поверхности предмета, и т. п.

На самом же деле это не так¹¹. Переходность и непереходность — элементы не грамматического, а лексического значения глагола; никакими формальными показателями в строении самого глагола переходность и непереходность не выражается. Если наличие у глагола частицы *ся* указывает на его непереходность, то отсутствие этой частицы не является признаком переходности. Возможность употребления при переходном глаголе существительного в винительном без предлога, которое чаще всего рассматривается как признак переходности глагола, в действительности — результат того, что действие, называемое глаголом, мыслится как требующее объекта для того, чтобы оно могло совершиться (например, *резать металл, читать книгу*). В тех случаях, когда называемое глаголом действие не содержит в себе указанного элемента, глагол не является переходным и не нуждается в дополнении его существительным в винительном без предлога (*научился резать, не умеет читать*).

Винительный без предлога, как известно, употребляется также для обозначения меры времени, пространства, веса и стоимости при глаголах, не обладающих значением переходности (*жил неделю, бежали версту, весит тонну, стоит сотню*). И в таких словосочетаниях употребление винительного без предлога также нельзя рассматривать как вызываемое грамматическим или лексико-грамматическим значением глагола. Глаголы *жить, ехать* и т. п., как, впрочем, и глаголы переходные, могут ведь употребляться и с другими падежными формами существительных (*жил трудом, жил на даче; бежали по дороге, бежали лесом*); все зависит от того, какого рода отношение между действием и предметом необходимо выразить в каждом отдельном случае употребления глагола и дополняющего его существительного.

Дело в том, что формы косвенных падежей (без предлогов и с предлогами) существительных и других субстантивов заключают в себе

¹⁰ См., например, в АГ: «Управлением называется такой вид синтаксической связи между словами, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога и с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова» (стр. 22).

¹¹ На неправильность изложенного понимания управления неоднократно и убедительно указывали многие выдающиеся русские языковеды, начиная с Востокова и кончая Щербой, писавшим: «Следует предостеречь от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого слова, а поэтому является фактом словаря» («Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики», М., 1947).

implicite определенные комплексы грамматических значений, реализуемые в словосочетаниях в зависимости от того, какие отношения и их разновидности требуется установить между определяемым и определяющим членами словосочетания. Так, винительный без предлога «специализирован»: 1) для словосочетаний с определяемым членом — переходным глаголом, когда требуется дополнить последний наименованием предмета, на который «переходит» действие; 2) для словосочетаний с определяемым словом — глаголом (как переходным, так и непереходным), когда требуется дополнить его наименованием меры времени, пространства, веса или стоимости. То же относится и ко всем другим формам косвенных падежей субстантивов, выступающих в функции определяющих членов словосочетаний с определяемыми словами — не только глаголами, но и другими частями речи, например, субстантивами: *гимн победы, подарки детям, человек из ресторана;* прилагательными: *достойный награды, чувствительный к свету;* наречиями: тропинка тянется *параллельно автостраде,* живу *недалеко от вас и т. п.*

Однако применительно к очень ограниченному числу типов словосочетаний можно говорить об управлении как специфическом грамматическом явлении: это относится только к таким словосочетаниям, в которых та или иная падежная форма зависимого субстантива с непреложной необходимостью вызывается формой слова, являющегося определяемым членом. Таких типов словосочетаний в русском языке немного. Сюда относятся:

1. Словосочетания, в которых падежная форма субстантива, являющегося определяющим членом, зависит от предлога, обязательно следующего за определяемым членом словосочетания и составляющего с ним одно лексико-грамматическое целое (без данного предлога слово неполноценно и неупотребительно). В составе сочетания с предшествующим словом предлог выполняет вместе с тем и роль формального показателя, так как указывает на необходимость определенного падежа субстантива. Например: *дело заключается в необходимости..., работа состоит из трех глав, проект сводится к изменению конструкции... и т. п.*

На своеобразную функцию предлога в словосочетаниях рассматриваемого типа указывает и то, что приставка в них определяющего члена с предлогом впереди определяемого, т. е. с отрывом предлога от определяемого члена, возможна только при так называемом логическом выделении определяющего члена, что бывает при отрицании, при противопоставлении и т. п., например: *не из трех глав состоит работа..., из трех глав состоит работа N., работа S. состоит из пяти глав.*

2. Словосочетания, в которых форма родительного падежа субстантива без предлога стоит при сравнительной степени прилагательного или наречия, например: дерево *выше дома, поезд движется медленнее самолета;*ср. соответствующую конструкцию в польском языке — предлог *od* + родительный падеж: «*Tylko Zawiłowski został dłużej od innych*» (Sienkiewicz, Rodzina Połanieckich).

П р и м е ч а н и е. Само собой разумеется, что речь идет о тех случаях, когда требуется указание на лицо или предмет, с соответствующим качеством которого делается сравнение (см. приведенные примеры). Если такого указания не требуется, словосочетание с родительным без предлога не образуется, например: *шагай смелее, поплыiem дальше.*

3. Словосочетания, в которых форма творительного падежа без предлога стоит при возвратных глаголах со «страдательным» значением и при соответствующих им страдательных причастиях, например:

семена разносятся ветром — разносимые ветром семена; газеты получаются подписчиками — получаемые подписчиками газеты. Ср. соответствующие конструкции в польском: «W kilka dni później Zawiłowski, wezwany przez Połanieckiego, pojechał do miasta» (Sienkiewich, Rodzina Połanieckich).

На основании изложенного управление может быть определено как такой способ выражения синтаксических отношений между членами словосочетания, при котором определяющий член словосочетания — субстантив — употребляется в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом), требуемого грамматической формой слова, являющегося определяемым членом.

П р и м е ч а н и е. Не исключено, что к словосочетаниям с управлением могут быть отнесены и некоторые другие конструкции. Но в данном случае это не имеет существенного значения — важна принципиальная сторона вопроса.

* * *

Что же представляют собой все те способы выражения синтаксических отношений, которые не подходят под понятия согласования и управления? Хотя при этих способах используются различные формы слов, а также слова бесформенные, выступающие в функции определяющего члена словосочетания (падежные формы субстантива без предлога и с предлогом, деепричастия, наречия), их объединяет один общий негативный признак, а именно то, что их формы не находятся в зависимости от формы слова, являющегося определяемым членом словосочетания. Для обозначения всех этих способов синтаксической связи можно на первых порах использовать широко распространенный термин «примыкание».

Таким образом, можно утверждать, что во всех случаях, когда определяющий член словосочетания выражается словом, не согласованным и не управляемым, способ выражения синтаксических отношений состоит в самом сочетании определенных частей речи в определенных их формах, создающем синтаксическое единство с тем или иным соотношением его членов. В этом и состоит грамматическое существо примыкания.

Глубокое различие между тем, что выше характеризовано как управление, и теми приемами образования словосочетаний, когда их определяющий член выражается неуправляемыми косвенными падежами субстантива, ясно сознавалось лучшими нашими синтаксистами, что привело к попытке найти выход в установлении двух типов управления — «сильного» и «слабого». Так, А. М. Пешковский, сформулировавший определения этих типов, характеризует «сильное» управление как «такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной и грамматической стороны глагола, с другой стороны, есть необходимая связь»¹². Выше было указано, что такое определение управления неграмматично. Но если даже согласиться с ним, то что же тогда остается на долю «слабого» управления? Видимо, к «слабому» управлению следует отнести конструкции, в которых между грамматической формой «управляемого» существительного и грамматической или лексико-грамматической стороной глагола нет «необходимой связи». И это очень убедительно показано Пешковским¹³. Но если «сильное» управление

¹² Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд., М., 1956, стр. 285.

¹³ Там же, стр. 286.

основывается по существу не на собственно грамматических признаках, то «слабое» управление тем более никак не может рассматриваться как вид управления. Вот почему все относимые к «слабому» управлению виды словосочетаний представляют собою не что иное, как разновидности примыкания.

Нет ли все же принципиального различия между словосочетаниями, в которых определяющий член выражен словами, обладающими формами словоизменения, и словосочетаниями, в которых определяющий член такими формами не обладает? Ведь формы словоизменения служат для связи слова, обладающего ими, с другим словом в составе словосочетания, в силу чего их часто называют синтаксическими формами в отличие от форм несинтаксических, или, иначе, словообразовательных¹⁴.

Но, как видно из всего сказанного ранее, самый характер связи между словами, выражаемой формами словоизменения, неоднороден: в одних случаях, для того чтобы употребить ту или иную форму слова, являющегося определяющим членом словосочетания, достаточно только знания формы слова, являющегося определяемым членом (при согласовании и при управлении в изложенном выше понимании), в других же случаях этого совершенно недостаточно: чтобы придать субстантиву — определяющему члену ту или иную падежную форму, без предлога или с предлогом, необходимо принять во внимание не только принадлежность обоих членов словосочетания к тому или иному морфологическому разряду, но и лексические значения их, и тот вид отношений, который требуется установить между обозначаемыми ими понятиями. А отношения эти очень разнообразны и многочисленны, и обычно это отношения не синтаксические, ср. отношения причинные, условные, временные, пространственные со всеми их разновидностями и ряд других.

Проиллюстрируем это несколькими примерами. В словосочетаниях *истратить сотню* и *стоить сотню* различие в отношениях между их членами обусловливается не принадлежностью соответствующих слов к различным частям речи и не формами глагола и существительного, а исключительно различием в лексических значениях глаголов *истратить* и *стоить*; кроме того, отношение между *стоить* и *сотню* обусловлено еще лексическим значением слова *сотня*. Что касается формы винительного беспредложного, то, как уже сказано выше, она обладает двумя функциями: обозначать, в зависимости от лексического значения определяемого члена словосочетания, лицо или предмет, на который «переходит» действие, или предмет — единицу меры. В словосочетаниях *служил при Екатерине* (т. е. во время царствования Екатерины) и *состоял при Екатерине* (т. е. находился при особе Екатерины) различия в отношениях между их членами обусловлены как различиями в лексических значениях глаголов *служить* и *состоять* и в лексических значениях слова *Екатерина* («период царствования Екатерины» и «лицо, носившее данное имя»), так и различиями значений (тоже в своем роде лексических), свойственных предлогу *при*. Возможны случаи, когда различные отношения между членами словосочетания обусловливаются только различиями в значении предлога, например: *побежали за пулеметом* («чтобы принести пулемет» или «следуя по тому же пути, что и пулемет, на близком от него расстоянии»).

В словосочетаниях *высказаться против проекта* и *высказаться по поводу проекта* в отношениях между их членами имеется существен-

¹⁴ Ср. там же, стр. 31.

ное различие, обусловленное различием в лексических значениях (в данном случае совершенно бесспорным) предлогов *против* и *по поводу*¹⁵.

Из сказанного следует, что формы словоизменения далеко не одинаковы по своим функциям: одни из них — согласуемые и управляемые — служат исключительно для выражения синтаксических отношений, другие же —несогласуемые и неуправляемые — только отчасти служат для выражения синтаксических отношений. Отношения синтаксические не просто шире, более общи по сравнению с отношениями логическими, но, что важнее, качественно отличны от них.

ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Как уже сказано, синтаксические отношения между членами словосочетания — это отношения между входящими в состав словосочетаний *знаменательными* словами как частями речи в тех или иных их формах. Играют ли при этом какую-нибудь роль лексические значения слов, образующих словосочетания? Есть ли, например, различие в синтаксических отношениях между членами таких словосочетаний: *ломаная мебель* — *ломаная линия*; *первый переулок* — *первый ученик* (в которых соответственно различны лексические значения слов *ломаная*, *первый*)? Или в таких: *первое столетие* — *первое возражение*; *моя тетрадь* — *моя мысль* (где соответственно различны лексические значения слов *столетие* — *возражение*, *тетрадь* — *мысль*)? Никакого различия в синтаксических отношениях между членами всех приведенных словосочетаний нет. При согласовании прилагательного (поскольку термин «прилагательное» употребляется здесь и далее в расширенном значении, т. е. с включением порядковых числительных, местоимений-прилагательных и причастий, будем в дальнейшем именовать его термином «адъектив») с субстантивом между членами словосочетания существует только один тип синтаксических отношений, который можно назвать *квалифицирующим*¹⁶. Это отношение сохраняется независимо от различных видов употребления согласуемых слов: прямого и переносного, в качестве эпитета — «оригинального» и так называемого постоянного; ср. *черная материя* и *черные дни*, *добрый начальник* и *добрый молодец*. Такими же являются эти отношения и в тех случаях, когда сочетание адъектива и субстантива с точки зрения их лексических значений представляется бессмысленным или необычным, например: *медное золото*, *веселые похороны* и т. п. Уже тот факт, что, встречая подобные словосочетания, слушатель или читатель пытается понять его реальный смысл, свидетельствует о том, что синтаксическое отношение между членами словосочетания само по себе воспринято правильно, — стало быть, оно существует.

¹⁵ Не безразличен тот факт, что падежные формы и предложно-падежные сочетания субстантивов, рассматриваемые в данной статье как конструкции *примыкающие*, являются обширным резервуаром, из которого комплектуются в русском языке наречия; ср. *вернулся ночью* (*осенью*, *на днях* и т. п.), *бранить за глаза* (*на людях* и т. п.), *ехать шагом* (*рысью* и т. п.), *соскочить на ходу* и мн. др. Это не относится к падежным конструкциям *управляемым*.

¹⁶ Воздерживаюсь от использования терминов «атрибутивный» и «определительный»: первый заимствуется из логики, второй слишком широк, так как может применяться и передко применяется с равным основанием не только к словосочетаниям типа *медленная езда*, но и к словосочетаниям типа *медленно ехать*. Термин «*квалифицирующий*» (равно как и все другие термины, предлагаемые в дальнейшем для обозначения синтаксических отношений между членами словосочетаний) носит чисто рабочий характер и далеко не совершенен. По мере углубления разработки проблемы словосочетания такие термины следует заменить другими, более точными и удобными.

Остановимся на другой разновидности словосочетания с согласуемым определяющим членом — словосочетании, состоящем из субстантива в именительном падеже и согласованного с ним глагола в спрягаемой форме (*снег белеется*, *снега белеются*, *снег белелся*, *снега белелись* и т. д.). Способ выражения синтаксических отношений согласованием в числе, в роде и числе является основанием для отнесения таких словосочетаний к только что рассмотренному общему разряду. Но ввиду того, что определяющий член словосочетания выражен здесь иной частью речи — спрягаемым глаголом, обладающим специфическими, сравнительно с адъективом, формами: времени, наклонения и лица, и сочетается только с субстантивом, имеющим форму именительного падежа, синтаксические отношения, сохраняя свой «квалифицирующий» характер, осложнены здесь важным элементом — утверждением о принадлежности «квалификации» ее носителю, о проявлении носителем его «квалификации». В этом легко убеждает сравнение приведенных словосочетаний с такими, как *белый снег*, *белеющие снега*, в которых речь идет о том же носителе «квалификации», но нет утверждения о принадлежности «квалификации» ее носителю. Рассматриваемый тип синтаксических отношений можно назвать *сказуемостно-квалифицирующим*¹⁷. На общность рассмотренных типов словосочетаний именно с точки зрения законов образования словосочетаний указывает тот факт, что при одном и том же основном способе выражения синтаксических отношений — согласовании — только наличие некоторых дополнительных показателей — «обратный» порядок членов (что, впрочем, не обязательно) и интонационное выделение определяющего члена — отличает сказуемостно-квалифицирующее отношение от квалифицирующего; ср. *синее море*, *море синее* и *море — синее*.

Здесь нет необходимости особо останавливаться на словосочетаниях, в которых определяющий член выражается согласуемым кратким прилагательным или кратким причастием — формами, которые, как и спрягаемые глаголы, употребляются для построения словосочетаний с сказуемостно-квалифицированным отношением.

К словосочетаниям с квалифицирующим отношением следует отнести и такие, в которых оба члена выражены существительными, причем одно из них обозначает носителя «квалификации» (определяемый член), а другой — самую «квалификацию». Способ выражения данного отношения: согласование в падеже субстантива — определяющего члена с субстантивом — определяемым членом, например: *брата*, *студента*, не было дома. И здесь наличие тех же показателей, которые были указаны применительно к словосочетаниям типа *море синее*, отличает словосочетание с сказуемостно-квалифицирующим отношением от квалифицирующего, ср. *брат-студент*.

Рассмотрим синтаксические отношения между членами словосочетаний, выражаемые управлением. Когда субстантив принимает форму того или иного косвенного падежа, зависящего от предлога, безотрывно следующего за определяемым членом (чаще всего глаголом или отглагольным субстантивом), то, как показывают конкретные примеры употребления таких словосочетаний, они, ввиду крайне ограниченного лексического круга «управляющих» слов, проявляют тенденцию к своего рода синтаксической фразеологизации, при которой предлог теряет по существу свое «лексическое» значение. Ср. значение предлога *в* в словосочетаниях: его работа *состоит в регистрации* поступающей корреспонденции — эта работа *производится в помещении* — стихи *сохраняются*.

¹⁷ Воздерживаюсь от использования термина «предикативный», так как «предикат» — понятие и термин логики.

в памяти. Ср. значение предлога *к* в словосочетаниях: предложение сводится к изменению часов дежурства — *приехал к родственникам* — *притронулся к проводам* — *вернулся к обеду* и т. п. Таким образом, за предлогом в тех случаях, когда он как бы прирастает к «управляющему» слову, сохраняется только роль указателя на то, что управляемый член словосочетания должен пополниться субстантивом в определенном падеже. Синтаксическое отношение между членами рассматриваемых словосочетаний можно характеризовать как пополняющее.

В словосочетаниях, состоящих из сравнительной степени прилагательного или наречия в качестве определяемого члена и субстантива в форме родительного падежа в качестве определяющего, синтаксическое отношение между членами словосочетания может быть характеризовано как сравнение, например: *книги дороже журналов*; *самолет летит выше облаков*.

В словосочетаниях с «управляемым» субстантивом в творительном падеже при возвратных глаголах со «страдательным» значением и при страдательных причастиях синтаксическое отношение между членами словосочетания может быть характеризовано соответственно как пассивно-сказуемостное (*стулья приносятся зрителями*) и как пассивно-кавалифицирующее (*принесимая наукой польза*).

На первый взгляд может показаться, что синтаксические отношения между членами словосочетания при примыкании, поскольку оба члена могут быть выражены различными частями речи в различных формах и к тому же представлять собою значительное разнообразие лексических значений, настолько многочисленны, что их невозможно исчерпывающим образом характеризовать.

Однако это многообразие оказывается мнимым, если держаться той изложенной выше точки зрения, что синтаксическими являются лишь те отношения между членами словосочетания, которые возникают между ними как словами, принадлежащими к тем или иным частям речи и употребленными в соответствующей форме. При таком взгляде лексические значения слов, являющихся членами словосочетания, не должны приниматься во внимание при характеристике синтаксических отношений между определяющим и определяемым членами.

В академическом «Синтаксисе» разделы, посвященные словосочетаниям, которые в этой статье рассматриваются как образованные по способу примыкания, содержат очень подробные характеристики отношений между членами словосочетания, причем отношения эти в большей мере основываются не на формах сочетающихся слов, а на их лексических значениях. Так, в глагольных словосочетаниях с именами существительными в винительном беспредложном усматриваются два вида синтаксических отношений: а) объектные и б) количественно-временные, количественно-пространственные и собственно количественные. Деление это основано на различиях в лексических значениях слов — членов словосочетаний, что видно из сопоставления частных разрядов, составляющих раздел словосочетаний с объектными отношениями — с одной стороны, и всех остальных разделов — с другой.

В первый раздел входят: 1) словосочетания, «главное слово» которых называет конкретное физическое действие, а «зависимое слово» — материальный объект этого действия: *ловить рыбу*, *открыть глаза* и т. п.; 2) словосочетания, «главное слово» которых называет восприятие, говорение, внутреннее состояние, чувствование, а « зависимое слово» — объект восприятия, говорения, чувствования: *слушать песню*, *говорить правду*, *испытывать тревогу* и т. п.; к этому добавляются: «различия между этими двумя группами определяются лексическими

значениями образующих словосочетания слов»¹⁸; 3) словосочетания, выражающие объектно-пространственные отношения; «главное слово» в них — переходный приставочный глагол со значением движения, «зависимое слово» — имя существительное с предметно-пространственным значением: *перебежать дорогу, перейти поле* и т. д.

Во второй раздел входят: 1) словосочетания, выражающие количественно-временные отношения, при лексически неограниченном определяемом члене; в качестве определяющего члена в них выступает существительное, называющее период времени (*эпоха, год, минута* и т. п.); 2) словосочетания с количественно-пространственными отношениями; при переходных и непереходных глаголах движения в качестве определяемого члена в них выступает существительное, называющее меру пространства (*идти версту, пробежать километр* и т. п.); 3) словосочетания, выражающие собственно количественные отношения¹⁹; при единичных лексически ограниченных непереходных глаголах с общим значением измерения в качестве определяемого члена — в качестве определяющего члена в них выступает существительное, обозначающее единицу веса или стоимости.

То же и в других разделах. Так, в словосочетаниях, состоящих из двух существительных, причем существительное, являющееся определяющим членом, имеет форму родительного беспредложного, возможны три вида отношений: определительные, определительно-субъектные и объектные; эти отношения также имеют в своей основе главным образом лексические значения слов, образующих словосочетания: здесь фигурируют «конкретные» и «отвлеченные» значения существительных; обозначение «части предмета» и «всего предмета» (*ножка стула, карманы пальто*), значение «лица» (*книга сестры*), «измеряемый или исчисляемый предмет» (*килограмм сахара, дюжина платков*), «отрезок времени» (*минута прощания, час отдыха*) и т. п.²⁰

Все подобные характеристики отношений между членами словосочетаний сами по себе интересны и полезны, так как изощряют способность разбираться в значениях слов и отношениях между этими значениями. Но отношения-то эти — не синтаксические, и чем больше они детализируются, чем многочисленнее устанавливаемые разновидности этих отношений, тем их «несинтаксичность» очевиднее. Уже самые такие наименования отношений, как «временные», «пространственные», «причинные» и т. п., когда они выводятся из лексических значений членов словосочетаний, совершенно одинаковых по грамматическому строению, конечно, никак нельзя рассматривать как синтаксические. Ср.: *«по всем дорогам тянулись группы беженцев»*; *«по праздникам спали часов до десяти»*; *«не упрекнешь меня никогда, что я по гордости или по капризу рассталась с тобой»*.

Как ни интересны приводимые обычно разновидности так называемых объектных и обстоятельственных отношений в словосочетаниях, следует признать, что они далеко не исчерпывают всех возможных здесь отношений. И это вполне понятно, если принять во внимание, что эти отношения выводятся из лексических значений членов словосочетаний, чрезвычайно разнообразных и не поддающихся полной классификации. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть лю-

¹⁸ АГ, стр. 116.

¹⁹ Отметим, что классификация видов отношений здесь не выдержанна: если в первых двух пунктах устанавливаются отношения временные и отношения пространственные, то вместо собственно количественных следовало бы говорить об отношениях меры веса и меры стоимости, либо же все четыре разновидности объединить в группу меры или «собственно количественных» отношений.

²⁰ АГ, стр. 234, 235, 236, 239.

бой литературный текст. Вот только несколько примеров из «Семейного счаствия» Л. Толстого, в которых выделенные словосочетания не могут быть отнесены, с точки зрения отношений между их членами, ни к одной из групп предлагаемых обычно объектных и обстоятельственных отношений (в скобках в отдельных случаях указываются возможные характеристики): «Иногда... я... потихоньку от Кати выходила в сад...»; «Блестящие глаза в полутьме оглянулись на меня» (внешняя обстановка); «...Как только подошел к вам после всей этой пыли, жары, трудов, так и запахло фиалкой»; «Все лицо его просияло радостью»; «... Все это навсегда должно быть заковано в своей красоте» (внешний вид, состояние); «... Все было кончено, и они расстались... друзьями» (внутреннее состояние, взаимоотношение).

Следует добавить, что в очень многих случаях перед нами словосочетания определенного структурного типа, синтаксически не мотивированного в современном языке, своего рода синтаксические фразеологизмы, например: «Наши простые слова с мужем приятно разрушали торжественность этих обдененных заседаний»; «Когда он приезжал, я бросалась ему на шею от радости...»; «Теперь с меня довольно того, что есть, и мне славно...»; «... На нашу долю выпало довольно счаствия».

Конечно, установление типов подлинно синтаксических отношений между членами словосочетаний — дело трудное, но это не должно остановить исследователя. В особенности, как мы видим, трудно характеризовать и формулировать синтаксические отношения в словосочетаниях, образованных по способу примыкания, так как эти отношения не имеют специфических формальных показателей. Трудность значительно усиливается вследствие того, что между словами, соединяемыми посредством примыкания, в очень многих случаях возникают более глубокие семантические связи, чем при согласовании и управлении. Именно отсутствие при примыкании формально-грамматической «переклички» между сочетающимися словами приводит к более тесной спайке их на почве их взаимного лексического тяготения. Очень важно и верно отмечается в академическом «Синтаксисе», что «в сочетании с инфинитивом могут выступать не все глаголы, а только глаголы определенных семантических групп»²¹; то же, в иной форме, говорится о сочетании существительных с наречиями, существительных с инфинитивами, прилагательных с инфинитивами²². Таких ограничений нет и не может быть в отношении словосочетаний с согласуемым определяющим членом, в словосочетаниях с творительном падежом при возвратном глаголе, имеющем «страдательное» значение, и при страдательном причастии, и в словосочетаниях с родительным падежом субстантива при сравнительной степени прилагательного и наречия. Словосочетания с согласованием и управлением (в собственно синтаксическом смысле) являются относительно более свободными с точки зрения лексического значения вступающих в связь слов, нежели словосочетания с примыканием.

Каковы же синтаксические отношения между членами словосочетаний, образуемых по способу примыкания? Анализ этих отношений (который в данной статье носит предварительный характер) целесообразно начать со словосочетаний, в которых члены их при объединении лексически очень тесно сближаются. Определяемый член таких словосочетаний, хотя и представляет собою вполне самостоятельную лексическую единицу, в силу своего лексического значения требует тем не

²¹ АГ, стр. 213.

²² АГ, стр. 291, 293, 335.

менее пополнения его другим словом, несущим едва ли не большую часть смысловой «нагрузки» словосочетания.

Это прежде всего словосочетания, состоящие из глаголов и отглагольных субстантивов и адъективов в роли определяемого члена и инфинитивов в роли определяющего члена. Слова, являющиеся в таких словосочетаниях определяемым членом, обозначают начало или конец действия, намерение, желание (нежелание), требование совершить действие, способность, готовность совершить действие. Например: *начать (кончить) читать, сесть обедать, лечь спать, бросить пить, хотеть странствовать, пытаться переплыть, привыкнуть зевать, обещать исправиться, приказать наступать, послать выяснить; охота странствовать, попытка переплыть, привычка зевать, обещание исправиться, приказ наступать; готовый бороться, способный лгать, обязан подчиниться*. В русском языке подобные словосочетания широко распространены; наряду с ними, как синтаксические синонимы к некоторым их разновидностям, употребляются словосочетания с союзом *чтобы*: *пришел поздравить — пришел, чтобы поздравить; уселся почитать — уселся, чтобы почитать; попросил разойтись — попросил, чтобы разошлись*.

Близки в отношении употребления словосочетаний с инфинитивом к русскому языку (хотя и не во всем сходны) западнославянские языки. Ср. в чешском: *«Chtěl jsem tam nakreslit jelene...»; «Tady ma pravo jít po louce...»; «Anglický domov musí mit svou vlastní zahrádku»*, аналогичные соответствующим русским словосочетаниям, но: *«Když jsem viděl prvního gentlemana brouzdat se po trávníku v Hayton Parku, myslil jsem...»* и т. п. (К. Čapek, *Anglické listy*), соответствующие русским словосочетаниям с причастием. Ср. в польском: *«...chciała przed ludźmi ukazać się już jako narzeczona...»; «...ludzie poczęli się schodzić...»; «słyszę, żeśmy się powinni do wszystkiego brać...»*, аналогичные соответствующим русским словосочетаниям, но: *«Stary pan Zawiłowski, który się kazał na swoim fotelu uniesę do salonu, zatrzymał jej ręce...»* (Sienkiewicz, *Rodzina Połanieckich*). Ср. в сербском: *«Гле ти мога господина, не може да чека!»* (русск. «не может подождать»); *«Хоће имене да раскући као Ружиће, Вуиће и друге»* (Иво Чипико, Науци); *«Послао ме да вас водим у начелство (Б. Нушич, Посмртно слово)*.

В рассматриваемых словосочетаниях определяющий член служит для пополнения, точнее для завершения того, что намечено в определяемом члене. Инфинитив, лишенный показателей синтаксической связи с другими словами и служащий только для наименования действия, формой своей обнаруживает свою основную синтаксическую функцию — в качестве определяющего члена словосочетания пополнять своим лексическим содержанием то, что не выражено и не может быть выражено в определяемом члене. Синтаксическое отношение в рассматриваемых словосочетаниях может быть определено как завершительное: вне словосочетания, без присоединения к нему инфинитива, слово, выступающее здесь в роли определяемого члена, самостоятельно не употребляется, а может фигурировать только в неполном предложении (имеется в виду, конечно, употребление в данном именно значении; ср., например, *сесть обедать*, где *сесть* близко к «начат», и *сесть на диван*; *способный лгать*, где *способный* близко к «умеющий», «склонный», и *способный юноша* и т. п.).

В словосочетаниях с определяющим членом-деепричастием определяемым членом предложения всегда является глагол в его спрягаемых и неспрягаемых формах. В тех сравнительно редких случаях, когда деепричастие входит в словосочетание с определяемым членом — именным

сказуемым (например: *возвращаясь*, он был полон надежд; мать счастлива, глядя на сына и т. п.), деепричастие непосредственно связано со связкой (которая, как известно, может быть и «нулевой»). Деепричастием выражается активный признак, сопровождающий другой активный признак (не в смысле одновременности, а в смысле внутренней связи). Некоторые синтаксисты считают функцией деепричастия выражение второстепенного сказуемого, что вряд ли правильно, так как деепричастие может относиться не только к спрягаемым глагольным формам, но и к неспрягаемым, например, к причастию, к инфинитиву, не являющемуся сказуемым, ср.: люди, читающие лежа в постели; учиться, не имея собственных учебников, очень трудно. Все сказанное дает основание рассматривать синтаксические отношения между членами словосочетания с определяющим членом — деепричастием как сопровождающее.

Широко распространенная точка зрения, усматривающая в словосочетаниях с деепричастием отношения то временные, то причинные, то условные и т. п., не имеет под собой никаких синтаксических оснований, а целиком основывается на соотношении лексических значений глагола и деепричастия, образующих словосочетание, а часто и других членов предложения. Следовательно, эти отношения не синтаксические, а синтаксико-лексические. Этим объясняются хорошо известные разногласия относительно характера отношений между членами таких словосочетаний: «живя на даче, я буду каждый день купаться» — здесь можно говорить с временной связью, и об условной; «вернувшись домой, он почувствовал себя свободным человеком» — здесь можно усмотреть и временную связь, и причинную. А для такого случая, как: «по улице шел, размахивая руками, какой-то незнакомый человек», ни один из трех указанных видов отношений не подходит, хотя формальные показатели отношений между членами словосочетания те же, что и в предыдущих примерах.

Анализ глагольных словосочетаний с наречиями в академическом «Синтаксисе» начинается с указания на те синтаксические отношения между членами этих словосочетаний, которые в них возможны. Это отношения определительно-обстоятельственные, временные, пространственные, причинные и целевые. Выражение указанных отношений понимается как «называние действия и качественной или обстоятельственной его характеристики»²³. Помимо того, что называние действич и его характеристики вовсе не равнозначно определению синтаксического отношения между членами словосочетания, проводимая далее классификация словосочетаний целиком основана на лексических значениях наречий: «качественные» наречия (*рассказывает увлекательно, грозно обернулся* и т. п.), «количественные» наречия (*чрезвычайно любопытствовал, часто посматривает*), «качественно-обстоятельственные» наречия (*пляшут вприсядку, полетел кубарем*), «обстоятельственные» наречия — пространственные (*поворнуть назад, рвануло изнутри*), временные (*иногда горит, сидит дотемна, причинные (обрадовался сдуру, выпалил сгоряча), целевые (незачем идти)*)²⁴.

Такая классификация словосочетаний на является синтаксической. Если придерживаться положенного в ее основу принципа, то в намеченные здесь классы с равным основанием должны быть включены и такие словосочетания, как *прогулка верхом* (ср. *прогуляться верхом*), *скакки вперегонку* (ср. *скакать вперегонку*), *поездка домой* (ср. *поехать домой*), *лов зимой* (*ловить зимой*) и т. п., в которых определяемый

²³ АГ, стр. 224.

²⁴ АГ, стр. 225, 227, 228, 230, 231, 232.

член имеет значение действия, а определяющий — значение качественное, пространственное, временное и т. п.

Определение синтаксических отношений в глагольно-наречных словосочетаниях должно быть основано, как и в словосочетаниях всех других типов, на соотношениях их членов как слов, принадлежащих к определенным частям речи. Наречие как часть речи обозначает признак вне его отношения к носителю признака. В этом его основное отличие от прилагательного, которое своими формами согласования всегда указывает на субстантив, называющий носителя признака, выражаемого адъективом. Наречие же может обозначать признак действия, выражаемого не только глаголом, но и отглагольным существительным (*скакки впередонку, поездка домой*), признак другого признака (*известный давно, частично знакомый, одинаково продуктивно, далеко вперед*). В тех случаях, когда наречие сочетается с существительными неотглагольными, оно обычно не соотносительно по своему словообразовательному строению с прилагательным (*дважды герой, шаг назад, но: знаменитый герой, смелый шаг, а не знаменито герой, смело шаг*); не мешает отметить, что сочетание наречий типа *дважды, назад* и т. п. с неотглагольными существительными — явление непродуктивное в русском языке.

Таким образом, в кругу словосочетаний, состоящих из глагола и наречия, оказываются на равных грамматических основаниях и словосочетания с определяемым членом — отглагольным существительным, прилагательным и наречием. Словосочетания всех этих типов объединяются общим синтаксическим признаком — отсутствием согласования между словами, являющимися их членами. Все это дает основание синтаксические отношения между членами рассматриваемых словосочетаний характеризовать как *пояснительно-дополняющие*. Определяемый член словосочетания поясняется в них содержанием определяющего члена вносящего нечто новое, не выраженное в определяющем члене.

После всего сказанного о синтаксических отношениях в словосочетаниях с примыкающим определяющим членом проясняется характер синтаксических отношений в словосочетаниях с определяющим членом, выраженным неуправляемым косвенным падежом субстантива (беспредложным и с предлогом).

Понятие объектных отношений, а также связываемых с ними прямого дополнения, косвенного дополнения с «сильным» и «слабым» управлением, понятие обстоятельственных отношений с традиционным делением на различные виды обстоятельств полностью основаны на лексических значениях слов, являющихся членами словосочетаний (преимущественно — слов, выступающих в роли определяющего члена). Ср. *ребенком лишилась матери* (временное отношение), *восхищаться писарнею* (объектные отношения); *свежесть лица, простота обращения*, а также *спутник удачи и поджигатели войны* (субъектные отношения)²⁵ и т. п.

В действительности во всех словосочетаниях с определяющим членом, выраженным косвенным падежом субстантива (беспредложным и с предлогом) и связанным с определяемым по способу примыкания, характер синтаксических отношений в целом тот же, что и при определяющих членах — наречиях. Определяемый член их дополняется указанием на лицо или предмет, с которым так или иначе связано действие, признак или предмет, наименование которого выступает

²⁵ Примеры и их интерпретация взяты из АГ, стр. 135, 137, 138, 240, 241.

в роли определяемого члена. Этот вид синтаксического отношения может быть назван дополнительным²⁶.

Возвращаясь к вопросу о существе синтаксических отношений между членами словосочетания, необходимо особо остановиться на роли предлога. Выше упоминалось о синтаксическом и «лексическом» значениях предлогов. Вопрос этот почти совсем не разработан в нашей синтаксической литературе, поэтому здесь возможно затронуть его лишь в самых общих чертах.

Предлог — служебное слово, служащее для выражения, вместе с падежной формой, отношения между определяющим членом словосочетания — субстантивом и определяемым членом. В русском литературном языке нашего времени нет таких случаев, когда в словосочетании одинаковые отношения могли бы выражаться как падежной формой субстантива, так и предлогом с формой того же падежа (ср. еще часто употреблявшиеся в языке XIX в. *написать к отцу и написать отцу, достигнуть до берега и достигнуть берега*; приводимые в академическом «Синтаксисе» словосочетания типа *кабинет карельской березы, кафтан алого сукна* явно отмечены печатью синтаксических архаизмов²⁷ (в настоящее время обычно употребляется сочетание *из + род. падеж*)). В тех случаях, когда подобные словосочетания (с предлогами или без предлога) возможны, в них находят выражение различные отношения; ср. фигурировавшие в разное время переводные заглавия комедии Кальдерона «Любовью не шутят» и «С любовью не шутят», в которых отношения между членами в том и другом словосочетаниях, конечно, резко различны.

Итак, предлоги вносят в словосочетания совершенно определенные отношения, причем каждому предлогу принадлежит свое «индивидуальное» значение (некоторые предлоги обладают несколькими значениями — это предлоги-омонимы, например: *сидеть за столом и ехать за товаром*; существуют и предлоги-синонимы, например: *для и ради*,

²⁶ Как сказано было выше, самый выбор падежной формы (беспредложной и с предлогом) в словосочетаниях рассматриваемого типа зависит не от грамматической стороны сочетающихся слов, а от лексических значений их и того отношения, которое в каждом конкретном случае употребления устанавливается между этими значениями. Это особенно отчетливо можно видеть, наблюдая изменения в формах косвенных падежей зависимых существительных, которые происходят на протяжении даже сравнительно кратких периодов жизни языка. Изменения и сдвиги в лексическом значении слов, являющихся определяемыми членами словосочетания, приводят к перестройке конструкций субстантивов, выступающих в роли определяющих членов. Приведем несколько характерных для языка первой половины XIX в. примеров из сочинений Герцена, сравнивая выделяемые в них словосочетания с соответствующими современными (в скобках указываются лексические значения определяемых членов): «Посмотрите... как они *трепещут* («боятся», «страшатся») *всего*, напоминающего схоластические кандалы» («Письма об изучении природы») — совр. *трепещут перед всем...*; «... *прикованный Титан, пренебрегающий* («презирающий», «не принимающий в расчет») *Зевса...*» (Дневник 1842 г.) — совр. *пренебрегающий Зевсом...*; «Я вспомню и *покраснею* («стыжусь») *своей слабости*» («Встречи») — совр. *покраснею [при воспоминании о] своей слабости*; «... *удовольствие* («устремление», «тяготение») *молодой школы к теоретическим мудрованиям*» («Рассказ о временах меровингских») — совр. *удовольствие теоретическими мудрованиями*. Интересны также многочисленные случаи употребления родительного беспредложного для выражения недифференцированного отношения между членами словосочетаний — существительным, которое в современном языке выражается различными формами косвенных падежей с предлогами; ср. «их глубокого *презрения людей...*» (Дневник 1844 г.) — совр. *презрения к людям*; «... в промежутках сильных *припадков*» (Дневник 1843 г.) — совр. *в промежутках между сильными припадками*; ср. также «... *недоразумение рубашки...*» (Л. Толстой, *Анна Каренина*) — совр. *недоразумение с рубашкой и т. п.*

²⁷ Вероятно, не случайно этот тип иллюстрируется всего лишь одним примером из современной литературы. «Синий, жесткого шелка кафтан расшит золотыми мордами и цветами» (А. Н. Толстой, Граф Калиостро) (АГ, стр. 236).

о и относительно и др.). В этом смысле и можно говорить о лексическом значении предлога. Оно особенно отчетливо выступает во вновь образуемых предлогах, потребность в которых обычно вызывается необходимостью более точного или однозначного выражения отношений; ср. такие предлоги, как *вследствие*, *в силу*, *на протяжении* и т. п.

Вот почему при рассмотрении словосочетаний с определяющим членом, выраженным предложно-падежным сочетанием, следует считать, что отношения между членами их вытекают частью из соотношения между ними как частями речи в определенных формах (это отношения синтаксические), частью — из соотношения лексических значений определяемого члена и определяющего члена — субстантива вместе с имеющимся при нем предлогом. Это отношения синтаксико-лексические. Так, например, в словосочетании *заболеть вследствие недоедания* выражены двоякого рода отношения: дополнительное, поскольку определяемый член дополняется указанием на «предмет», с которым связано «действие» (это отношение синтаксическое), и причинное, поскольку «предмет» выступает в качестве причины «действия» (что выражено «лексическим» значением предлога) (это отношение синтаксико-лексическое). Те же отношения находим в словосочетании *заболеть от недоедания*, поскольку одно из «лексических» значений предлога *от* синонимично значению предлога *вследствие*. То же синтаксическое отношение («дополнительное») имеется в словосочетании *плыл от берега*, но отношение пространственное, имеющееся в этом словосочетании, следует считать не синтаксическим, а синтаксико-лексическим, так как оно складывается на основании соотношения лексических значений слов и неоднозначного предлога *от*, образующих данное словосочетание.

* * *

После изложения основной точки зрения на словосочетание в русском языке следует кратко остановиться на вопросе об отношении словосочетания к предложению.

Как видно из всего сказанного выше, различие между словосочетанием и предложением в аспекте рассматриваемого здесь вопроса не представляется существенным. Это ни в коем случае не означает неизменности такого различия. Нельзя отрицать того, что функции словосочетания и предложения в языке неодинаковы. Если даже не принимать того положения, что функцией словосочетания во всех случаях является называние (здесь ряд вопросов нуждается в выяснении), то во всяком случае неоспоримо, что функцией предложения является «формирование, выражение и сообщение мысли»²⁸. И, конечно, проблема словосочетания и проблема предложения — разные проблемы. Предложение, как известно, может состоять из одного слова. Но из скольких и из каких слов оно бы ни состояло, обязательным признаком предложения является наличие в нем модальности, выражаемой различными грамматическими средствами, и прежде всего определенной, специфической интонацией. Ни отдельное слово, ни отдельное словосочетание, даже в тех случаях, когда они содержат в себе так называемую форму сказуемости, не являются предложениями, если не сопровождаются соответствующей интонацией.

Но подобно тому как слово, являющееся предложением, не перестает быть словом, не утрачивает при этом морфологических своих черт, и словосочетание, являющееся предложением, не теряет своих

²⁸ АГ, стр. 65.

черт, характеризующих его как словосочетание, а только приобретает, в добавление к ним, новые черты, связанные с функциями предложения. То, что существенно для словосочетания как синтаксической категории — смысловое единство, образуемое в результате сочетания знаменательных единиц, нормы, по которым производится сочетание этих единиц, синтаксические отношения, возникающие между членами словосочетания (определенный член — определяющий член), — все это налицо и в словосочетаниях, являющихся предложениями. А те признаки, наличие которых отличает предложение от словосочетания (равно как, в соответствующих случаях, предложение, состоящее из одного слова, — от слова, не являющегося предложением), для учения о словосочетании интереса не представляют. Так, наличие в словосочетаниях-предложениях *трава зеленеет, ночь темна, ночь — темная, брат — студент, человек — из ресторана* специфических, по сравнению с соответствующими словосочетаниями, черт, характеризующих их как предложения, не только не лишают, но и нисколько не ослабляют их признаков, характерных для них как для словосочетаний: ведь в этих предложениях, так же как и в соответствующих словосочетаниях, нельзя сказать ни «трава зеленеют», ни «ночь темен» (или «темны»), ни «ночь темный» (или «темные»), ни «брать из студента», ни «человек рестораном».

Если не иметь в виду неполные предложения, то следует признать, что не всякое словосочетание может приобретать добавочные черты, делающие его предложением. Так, не могут быть превращены в предложения словосочетания типа *осенней ночью, умнее всех, к лучшим временам, не переводя дыхания* и т. п. Этому мешает ряд причин как лексического, так и грамматического характера (анализу их здесь не место). С другой стороны, не всякое сочетание слов, выступающее как предложение, является словосочетанием, так как не всегда такие слова находятся в отношениях определяемого и определяющего; ср., например: «*Москва, университет...* Хорошо вам говорить — а кто работать будет?» (в первом предложении так называемый именительный представления); ср. также входящие в употребление предложения типа «*Площадь Восстания вы ходите?*». Впрочем, и этого рода явления требуют специального рассмотрения.

К изложенному близко примыкает вопрос, относятся ли к учению о словосочетании взаимоотношения между членами основной части предложения и относящимися к ним словами, входящими в состав обособленных оборотов. В академическом «Синтаксисе» утверждается, что в таких предложениях, как «Но однажды, трезвый, он прочел мне только что написанный рассказ о мужике...», «Обессиленный, онемев, я чувствовал, что страшная тяжесть давит меня...», «А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную...», «вырванные из предложения словесные отрывки» «трезвый, он», «обессиленный, онемев, я», «жизнь теплая» (в отличие от теплая жизнь) и т. п. не могут рассматриваться как словосочетания. «Такого рода отношения слов, наблюдаемые в составе предложения, возникают на основе словосочетания, но представляют собою своеобразные видоизменения их, обусловленные отношениями членов предложения, наличием элементов интонационного членения и т. п.»²⁹.

Конечно, словосочетания, подобные приведенным (за исключением, впрочем, типа *жизнь теплую*), возможны и встречаются только в предложении. Но ведь и любые словосочетания употребляются в предло-

²⁹ АГ, стр. 12.

жении, вычленяются из предложения (в словарях фигурируют не словосочетания, а слова). Что же касается конструкций с так называемым обособлением, то, несмотря на то, что последнее вносит свои добавочные черты в связь между сочетающимися словами, образуемые сочетания, хотя и расщепляются особыми ритмо-мелодическими приемами, сохраняют в то же время основные признаки словосочетаний: взаимоотношения определяемого и определяющего, способы выражения этих отношений (согласование, примыкание), известное смысловое единство. Не лежит ли в основе отказа признавать указанные конструкции словосочетаниями смешение словосочетания с синтагмой?

Существует, наконец, и ряд других вопросов, относящихся к обучению о словосочетании и требующих серьезного рассмотрения. Так, одним из видов примыкания в словосочетании следует считать соединение членов его посредством сравнительных союзов (*как, точно, словно, чем* и т. п.), посредством квалифицирующего союза *как* («в качестве»). Это требует еще серьезного обоснования и описания. Нуждается в обсуждении вопрос о словосочетаниях типа *он приехал больной, вернуться здоровым* [ср.польск. «Nigdy nie widziała go tańczącego» (Sienkiewicz, Rodzina Połanieckich)], в словосочетаниях с двумя определяющими членами, из которых один непосредственно связан с определяемым, а другой относится к сочетанию определяемого с ближайшим определяющим (типа *старые стенные часы, пришел человек из ресторана*, где *из ресторана* относится к *человек*, а не к *пришел*). Важен вопрос об объеме словосочетаний, о так называемых сложных словосочетаниях и мн. др.

Но так как данная статья посвящена основным проблемам теории словосочетания, то в ней внимание сосредоточено только на главнейших вопросах.

T. B. Булыгина

НЕГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТОВСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья представляет собой попытку дать структурно-семантическую классификацию употребления приименного родительного падежа в современном литовском литературном языке. Под структурно-семантической классификацией мы разумеем семантическую классификацию, опирающуюся на определенные грамматические особенности, т. е. выделение таких типов генитивных сочетаний, каждый из которых отличался бы особым значением и мог бы в то же время быть подвергнут специальной грамматической характеристике.

Изучение употребления литовского генитива могло бы оказаться полезным для решения некоторых спорных вопросов истолкования сущности родительного падежа в других индоевропейских (в первую очередь — славянских) языках, так как этот падеж имеет в литовском языке чрезвычайно широкую область синтаксического распространения¹ (к тому же его употребление сохраняет многие древние черты, исчезнувшие в других языках). Между тем, специального исследования, посвященного родительному падежу в литовском языке, до сих пор нет. Что же касается работ более общего типа, в той или иной мере освещавших интересующий нас вопрос, то содержащийся в них анализ функций родительного падежа вызывает серьезные возражения.

При рассмотрении существующих классификаций литовского генитива обращает на себя внимание случайный характер выделения «значений», приписываемых этому падежу, а также неопределенность границ между некоторыми устанавливаемыми классами, с одной стороны, и несоотносительность многих классов — с другой. Эти недостатки, присущие классификациям значений родительного падежа не только в литовском языке, но и в других индоевропейских языках, объясняются отсутствием единого принципа анализа, смешением разнообразных критериев выделения падежных значений, неразличением между общими, «грамматическими» и частными, «лексическими» значениями, что сказывается особенно неблагоприятно при описании именно

¹ Это обстоятельство было в свое время остроумно проиллюстрировано издателем литовских сказок Юркшатом, который в одном из своих «языковых фокусов» (*Sprachkunststücke*) изложил целую историю, употребляя из косвенных падежей один родительный: см. «Litauische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiedenen Dialekten, besonders in der Galbraster Mundart mitgeteilt von C. Jurkšaschat», Heidelberg, 1898.

этого падежа, который в силу исключительного многообразия своего употребления представляет для исследователя падежного синтаксиса специфические трудности. На сложность интерпретации употребления индоевропейского генитива обращали внимание многие исследователи². Не случайно то обстоятельство, что ни одно «общее» определение значения родительного падежа (в разных индоевропейских языках) — начиная от древнеиндийских грамматиков (ср. негативное определение употребления родительного в грамматике Панини: «Родительный употребляется во всех остальных случаях», которое дается после довольно точного установления обобщенного значения других падежей³) и кончая новейшими попытками в этом направлении — не являются удовлетворительными (ср., например, предельно абстрактное определение общего значения родительного в русском языке у Р. Якобсона⁴ и возражения А. В. Исаченко⁵; в то же время предлагаемое Исаченко — вслед за Е. Кириловичем⁶ — выделение значений *Genetivus subjectivus* и *objectivus* в качестве единственных «синтаксических», т. е. «свободных от семантической нагрузки данного слова»⁷, также не представляется достаточно последовательно аргументированным — подробнее об этом см. ниже).

Трудности, встречающиеся на пути исследователя приименного употребления родительного падежа, приводили некоторых ученых к мысли о принципиальной бесплодности какой то бы ни было классификации значений родительного в неглагольных сочетаниях. Так, например, Уолтер Петерсен называет генитив при существительных «почти безграничной категорией, которая не может подвергнуться удовлетворительной и исчерпывающей классификации и о которой можно только сказать, что она выражает любое мыслимое отношение зависимости одного существительного от другого»⁸.

Те же самые трудности заставляют других исследователей, напротив, отказываться от поисков «общего», отвлеченного от лексического содержания словосочетания падежного значения и считать единственно целесообразным выделение частных значений, обусловленных лексическим значением компонентов словосочетания. Так, М. И. Стеблин-Каменский на основе анализа употребления родительного падежа в норвежском языке приходит к выводу о том, что «определить значение падежа значит определить весь составляющий его комплекс частных значений, а тем самым и его лексический охват, т. е. тот лексический материал, в котором это значение реализуется»⁹, так как «то, что в данном словосочетании реализуется то или иное частное значение падежа, всегда обусловлено лексическим содержанием этого словосочетания»¹⁰.

Однако, то обстоятельство, что многие из выделяемых обычно «падежных» значений — в данном случае «значений» родительного па-

² Из последних работ см., например, A. Heintz, *Genetivus w indoeuropejskim systemie przypadkowym*, Warszawa, 1955, стр. 5.

³ См. B. Delbrück, *Vergl. Synt. I Th.*, Kap. III, I, A. Die Grundbegriffe nach der indischen Grammatik, стр. 180.

⁴ R. Jakobson, Beitrag zur allgemeine Kasuslehre, «Travaux du cercle linguistique de Prague», 6, Prague, 1936, стр. 255.

⁵ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Братислава, 1954, стр. 139.

⁶ Ср. J. Kuryłowicz, Le problème du classement des cas. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», IX, 1949, стр. 33.

⁷ А. В. Исаченко, указ. соч., стр. 138.

⁸ W. Petersen, The adnominal genitive, «American Journal of Philology», 1925, стр. 133.

⁹ М. И. Стеблин-Каменский, Грамматика норвежского языка, М.—Л., 1957, стр. 48.

¹⁰ Там же, стр. 47 (Разрядка моя. — Т. Б.).

дежа — всецело определяются лексическим содержанием словосочетания, является вряд ли достаточным основанием для того, чтобы вообще отрицать наличие лексически необусловленных падежных значений. Отдельные неудачные определения независимого от семантики компонентов словосочетания падежного значения (ср. Gen. *subjectivus* — *objectivus*) не компрометируют весьма плодотворной идеи о существовании наряду с «лексическими» («адвербиальными») падежными «значениями» грамматического значения (или, добавим, *значений*) падежа и о необходимости их различия¹¹. Так, например, наличие в литовском языке четкого противопоставления глагольных сочетаний с родительным падежом сочетаниям тождественного семантического наполнения с винительным достаточно убедительно свидетельствует о том, что различие в значениях родительного и винительного падежей совершенно не зависит от лексического содержания сочетаний, а определяется различием значений, присущих самой падежной форме¹². Что касается приименного употребления родительного, то и здесь наряду с конкретными, всецело определяющимися семантикой компонентов сочетания «значениями» (ср. «родительный материала», «родительный владения» и т. п.) можно найти такие значения, которые, выступая во всех конструкциях определенной структуры, совершенно не зависят от лексического содержания словосочетания (ср., например, обозначение «производителя признака или состояния», выражаемое родительным падежом в сочетании со страдательными причастиями¹³). Вместе с тем, можно сомневаться, что было бы целесообразным при определении «частных значений» падежа исходить из лексики. Дело не только в том, что классификация лексического материала никогда не являлась бы исчерпывающей и строго фиксированной, но и в том, что лексические ряды оказывались бы во многих случаях перекрецивающимися. В конце концов, строго говоря, найти пределы такой классификации почти невозможно. Ведь каждая форма генитива, если рассматривать ее с точки зрения лексического содержания, может иметь особую сферу «семантического распределения».

Наиболее плодотворным основанием выделения падежных значений нам представляются принципы структурно-семантической классификации, о которых говорилось в начале статьи. Исходя из них, следует считать принципиально невозможным выражение разных самостоятельных падежных значений грамматически тождественными сочетаниями (естественно, имеются в виду нефразеологизированные продуктивные сочетания). В самом деле, если в состав двух генитивных конструкций различного лексического содержания входят слова одной грамматической категории (например, существительные) и эти сочетания не имеют структурных различий (напр., родительный падеж в обоих сочетаниях: а) препозитивен, б) может выступать без определений и т. п.), а нам все же кажется, что в каждом из них родительный падеж имеет особое значение, то естественно предположить, что видимое различие в значении обоих конструкций не может являться результатом функционального «многообразия» генитива, а всецело определяется лексикой компонентов сочетания (если же грамматически тождественные сочетания не отличаются друг от друга и лексически, следует заключить, что возможные различия

¹¹ См. цитированные выше работы Е. Куриловича и А. В. Исаченко.

¹² Подробнее об этом см. статью Т. В. Булыгиной, «Сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке», *«Lietuvių kalbotyros klausimai»*, т. II, стр. 94—95.

¹³ Об этом см. ниже, стр. 224—225 настоящей статьи.

в значении являются целиком контекстуальными). Поэтому при классификации значений генитива в неглагольных сочетаниях мы будем выделять в качестве особых типов употребления только те сочетания, различия между которыми поддаются грамматической характеристике (при этом, естественно, необходимо определить семантические границы, также как характер лексико-семантического «наполнения» рассматриваемой конструкции; представляется принципиально важным разграничение конструкций, допускающих «неграниченное», хотя, конечно, зависящее от реальных связей предметов и явлений действительности, лексическое наполнение и тех, которые связаны с определенными семантически замкнутыми группами слов).

Следуя этому принципу, мы исходим не из теоретической несостоятельности выделения в качестве самостоятельных падежных значений тех значений, которые связаны с определенным лексическим наполнением данного сочетания. Устраний из классификации значения, не только зависящие, но и определяющиеся семантикой компонентов, мы руководствуемся в первую очередь чисто практическими соображениями. Во-первых, определять значение падежа, которое в сущем обусловлено лексикой компонентов сочетания, означает не что иное, как определять уже определенное «неизвестное». В самом деле, говорить о том, что частной разновидностью общего объектного значения прилагательного родительного является значение «искомого; желаемого; просимого» объекта, выражаемое им в сочетании с глаголами «искания; желания; просьбы», или что родительный падеж названия вещества или множества предметов в сочетании с называнием меры веса, определенного вместелища и т. п. является так называемым «родительным содержанием», равносильно тому, чтобы говорить, например, о том, что разновидностью общего значения сочетаний *прилагательное + существительное* («предмет и его качество») является значение «предмет и его цвет», которое выступает в сочетаниях с прилагательными, являющими название цвета.

Подобный дробный анализ был бы только излишним, если бы мы могли дать исчерпывающую классификацию всех возможных семантических групп компонентов рассматриваемых сочетаний. Но поскольку это решительно невозможно в отношении сочетаний с приеменным родительным, поскольку такая классификация неизбежно носила бы случайный характер, постольку такой анализ следует признать не только неэкономным, но и искажающим подлинную картину.

Исходя из вышеизложенных теоретических установок, в качестве особых типов употребления родительного в неглагольных сочетаниях можно выделить лишь следующие.

Сочетания с «существенно родительным». Значение сочетаний рассматриваемой группы можно определить как «предмет, характеризующий другой предмет в любом мыслимом отношении». Данный тип сочетаний, обладая наиболее широким по объему значением, имеет соответственно наименее специальную структурную характеристику. Относящиеся сюда сочетания представляют собой существительное+препозитивный родительный падеж.

В качестве примеров (отнюдь не претендую на сколько-нибудь исчерпывающую классификацию внутри рассматриваемого типа) можно привести сочетания самого разнообразного лексического состава, отражающие самые разнообразные реальные отношения между предметами действительности. Так сочетания родительного падежа названия лица с существительным конкретной семантики, обозначающим нечто материальное, могут (но не обязательно!) выражать отношения «владения» (так наз. *«Gen. possessivus»*): *uošvio žemė* «земля тестя», *Franko sutau-*

рос «сбережения Франка» и пр.; сочетания конкретного существительного с родительным другого конкретного существительного могут (в том случае, если существительное, сочетающееся с родительным, обозначает часть предмета, названного родительным!) выражать отношения части к целому: *šautuvo vamzdis* «ствол ружья», *veido raukštės* «морщины лица» и пр. («Gen. partitivus» или «Gen. totius»); сочетания родительного с существительным относительного значения выражают различные отношения между предметом, названным в родительном, и другим предметом, причем характер этого отношения всецело определяется лексикой второго компонента: так, в сочетаниях соответствующего лексического содержания могут быть отражены отношения родственные, дружеские, служебные и иные: *užmuščią šeimoms, tévams arba žmonoms* (Cvirka) «... семьям, отцам или женам убитых», *Šyvio šeimininkas* (Cvirka) «хозяин Шивиса», ... *tris boso draugai* (Cvirka) «... три друга босса», ... *šeimininko pažistamą tarpe* (Cvirka) «... среди знакомых хозяина», *Pas abu Kaikario kaimynus* (Vienuolis) «у обоих соседей Кайкариса», ... *monopolių direktorių, policijos versininkus* (Cvirka) «директоров монополий, начальников полиции» и т. п. («родительный отношения»); сочетания родительного с отвлеченным названием качества (часто образованным от прилагательного) выражают отношения между признаком и его носителем: *dingo jos veide skaistumas ir budo linksmumas* (Vienuolis) «... исчезли с ее лица черты чистоты и веселости характера (букв. «чистота и веселость характера») (родительный «носителя признака»); сочетания родительного с отвлеченным названием действия могут выражать отношение действия к субъекту: *Šimtai Kolumbų... gaudė priglušintą bangą šniokštima bei garlaivio stūgavimą* (Cvirka) «Сотни Колумбов... ловили приглушенный шум волн и рев пароходов»; или к объекту: ... *reikalavimus dėl algų numušimo, del darbo valandų sutrumpinimo* (Cvirka) «... требования о снижении заработной платы, о сокращении рабочего дня»; сочетания существительного, обозначающего определенную меру (веса, объема и т. п.), с родительным падежом вещественного существительного и аналогичные сочетания существительного собирательного значения с родительным падежом множественного числа предметного существительного могут выражать отношение «формы и содержания»: ... *jis kimšo savo pietus — kavos gurkšnį ir ryrago gabalėli* (Cvirka) «... он глотал свой обед — глоток кофе (род. пад.) и кусочек пирога» («родительный содержания»); сочетания родительного падежа вещественного существительного с существительным конкретного значения определяют предмет в отношении материала: *porceliano lekštės* (Cvirka) «фарфоровой тарелки»; *aukso kardą* (Cvirka) «золотой меч»; *milo švarku* (Dovydaitis) «суконным пиджаком» и под. (так называемый «Gen. materiae»); сочетания соответствующего лексического состава выражают отношение видового понятия к родовому, например: *Tai buvo gruodžio mėnuo* (Tilvytis) «Это был декабрь-месяц» (букв. «месяц декабря»); *Čia auga... tuto medis, kviečiai, granato medis, abrikosai* (Tilvytis) «Здесь растет тутовое дерево (букв. «дерево тута»), пшеница, гранатовое дерево (букв. «дерево граната»), абрикосы»; *Paskutiniu laiku ėmiausi satyros žanro ir agronomijos moksloslas* (Tilvytis) «... в горы взялся за жанр сатиры», ... *į kalnus atėjo ir agronomijos moksloslas* (Tilvytis) «... в горы пришла и агрономическая наука» (букв. «наука агрономии») (так называемый «Gen. identitatis» или «appositivus») и т. п.

Значения, выражаемые большинством из приведенных сочетаний, в традиционных классификациях употребления родительного падежа выделяются в особые рубрики в качестве самостоятельных падежных значений. Между тем очевидно, что каждое из приведенных «значений»

всесильно определяется лексикой компонентов сочетания или даже контекстом всего высказывания. Возражения вызывает не только традиционное выделение таких явно «неграмматических» значений, как, например, непременно присутствующий в классификациях «родительный происхождения» (показательно, что разные авторы называют этим именем родительный в сочетаниях совершенно различных структурно-семантических типов; так, Шлейхер в качестве примера сочетания, содержащего «Genitiv des Ursprung» приводит *tévo sunùs* «сын отца»¹⁴, оставляя при этом неясным, куда следует отнести сочетания, в которых в родительном падеже выступают имена родства, называющие представителей младшего поколения, в то время как Яблонскис и Френкель, в качестве иллюстраций этого значения приводят сочетания *r̄ons didžios giminès* «барин благородного происхождения» (букв. «рода»)¹⁵ *jie auksztos giminès (ura)*¹⁶ «они благородного происхождения», *svetimos žemès budams* «будучи [из] чужой земли»¹⁷, отделяя их от совершенно тождественных сочетаний с «Genitiv'om qualitatis», нашедшим себе место в классификациях обоих ученых¹⁸. Столь же неправомерным является выделение в качестве «синтаксического», т. е. независимого от семантики компонентов сочетания значения «Gen. subjectivus» и «Gen. objectivus», предложенное Кириловичем и поддержанное Исаченко¹⁹. Ведь обозначение родительным падежом действующего лица или объекта действия в субстантивных сочетаниях определяется не только грамматической принадлежностью второго компонента к классу существительных, но и его лексическим содержанием, состоящим в названии отвлеченно представляемого действия. Это значение точно в той же мере обусловлено значением сочетающегося с данной падежной формой слова, в какой значение его, состоящее, например, в названии «носителя признака», обусловлено лексической природой входящего в состав соответствующего сочетания существительного (название отвлеченно представляемого признака, качества). Да и в самих сочетаниях с *Nomina actionis* (образованных от переходных глаголов) альтернатива выражения каждого из возможных значений, связанная в известной степени с лексическим значением слова, выступающего в родительном (ср. сочетания с родительным падежом названия лица и нелица: *ar... galimas daiktas Rosijos ukininku* [Gen. subj.] *geidavimą žemès* [Gen. obj.] *patenkintie* «возможная ли вещь — удовлетворить потребность в земле [объект] российских землемельцев [субъект] — Gudaitis-Guzevičius; ... toks geras kimečių [Gen. subj.] *jo išvaizdos* [Gen. obj.] *įvertinimas» ... такая высокая оценка его внешности [объект] батраками [субъект] — Cvirkā), определяется, главным образом, контекстом всего высказывания. Ср., например: *žmogaus išnaudojimas* «эксплуатация человека» и «эксплуатация человеком»; *tévynės ilgesys* «тоска по родине» и «тоска родины» и т. п.*

Сказанного достаточно для признания значения Gen. *subjectivus-objectivus* лексическим, а каждого из этих значений в отдельности

14 A. Schleicher, Handbuch der litauischen Sprache, Prag, 1856, стр. 271.

15 J. Jablonskis, Linksnai ir prielinksniai. Jų vartojimas mūsų kalboje. Kaunas, 1928, стр. 25.

16 E. Fraenkel, Syntax der litauischen Kasus, Kaunas, 1928 стр. 87.

17 Там же.

18 Ср. примеры, приводимые Яблонским в § 16 (стр. 28 цитированной работы), рассматривающем употребление «родительного свойства или качества предмета», в том числе: *As esu Švēkšnos kilimo* (*kileę esu iš Švēkšnos*) «Я Швекшикского происхождения (происходжу из Швекшины)».

19 См. выше стр. 2; в указанных работах речь идет не о литовском языке, но это не меняет дела, так как рассматриваемое употребление родительного в литовском языке не представляет существенных отличий от русского и других индоевропейских языков.

контекстуальными вариантами одного из суммы грамматических значений, выражаемых родительным падежом.

Что касается других из перечисленных (и тех, которые могли бы быть перечислены) конкретных «значений» родительного, то их зависимость от лексики компонентов сочетания еще более очевидна.

Родительный качества. Структурное различие между сочетаниями с «собственно родительным» и сочетаниями рассматриваемой группы, являющиеся основанием для выделения значения, выражаемого данными сочетаниями, в качестве особого падежного значения, состоит в том, что здесь в родительном падеже всегда выступает существительное с определением.

Название значения родительного падежа в сочетаниях данного типа «калитативным» в высшей степени условно: значение «предмет и его признак, качество», выражается собственно всеми субстантивными сочетаниями с родительным. Рассматриваемые сочетания отличаются от других субстантивных сочетаний тем, что в них родительный падеж является обычно названием признака, присущего всем обозначенным основным компонентом предметом данной категории, в связи с чем родительный выполняет детерминирующую функцию только вместе со своим определением. Таким образом, значение сочетаний данной группы можно было бы точнее определить как «предмет, отличающийся от других подобных предметов, обладающих признаком, названным в существительном родительного падежа, степенью или характером этого признака (что обозначается входящим в состав сочетания определением к родительному падежу)».

1. В родительном падеже может быть существительное абстрактного значения, обозначающее «размер», «цвет», «внешность», «возраст» и другие общие признаки, присущие всем предметам или лицам. Значение этих общих признаков конкретизируется определением к родительному падежу, выраженным либо:

а) прилагательным:

... įvairaus didumo naminiai (Cvirka) «... домашние животные различной величины»; ... P. Džiuvė, nedidelio ūgio, žilas, gyslotas... valstietis (Dovydaitis) «... П. Джюве, небольшого роста, седой, жилистый... крестьянин»; tvirto sudėjimo vyras (Cvirka) «... мужчина крепкого сложения»; ... ugninės splavos vainikai (Cvirka) «... венки огненного цвета»; ... ant peties generoliškos išvaizdos vyro (Cvirka) «... на плечо мужчины генеральского вида»; ... geros valios žmonėms (Cvirka) «... людям добродой воли»; ... aš esu Amerikos armijos pirmo šaukimo kapitonas (Cvirka) «... я капитан американской армии первого призыва»; ... retos veislės šunį (Cvirka) «... собаку редкой породы»; ... raštingas, aukštos giminės bernėkas (Gudaitis-Guzevičius) «... грамотный, благородного происхождения паренек» и т. п., либо

б) другим родительным падежом:

... metro storumo ledai (Dovydaitis) «... лед в метр толщиной» (букв. «лед толщины метра»); ... auksinio rago pavidalo žemės gabalas (Cvirka) «... кусок земли, похожий на золотой рог» (букв. «кусок... вида золотого рога»); ... kiaušinio išvaizdos pailgas veidas (Cvirka) «... продолговатое яйцеобразное лицо» (букв. «... лицо внешности яйца»); Sniego baltumo duocių jam barzdą (Cvirka) «Белоснежную дал бы ему бороду» (букв. «... бороду белизны снега») и т. п.

2. В состав рассматриваемых сочетаний может входить и родительный падеж конкретного существительного, обозначающего обычно «часть» предмета, названного основным членом (отношение между компонентами сочетания — bahuvrīhi, по терминологии индийских грамматиков), например: Tai buvo kokių devynerių metų berniukas, šviesių,

ant ausų uždribusių plaukų, liešo ir išblýškusio veido (Cvirka) «Это был парнишка примерно девяти лет, со светлыми, свешивающимися на уши волосами (род. пад.), с худым и бледным лицом (род. пад.)»; ... skaičios sielos mergaitė (Cvirka) «... девушка чистой души»; ... auksinių rankų žmonės (Tilvytis) «... люди золотых рук»; ... dideli trisdešimties aukštų namai (Cvirka) «... большие тридцатисторонние (род. пад.) дома»; ... dvięjų vamzdžių šautuvą (Cvirka) «двухствольное (род. пад.) ружье»; ... dvięjų komplektų mokyklą (Cvirka) «школу двух комплектов»; ... trijų žodžių rezolucijos (Cvirka) «... резолюция [из] трех слов (трехсловные резолюции)»; ... trijų vietų automobile (Cvirka) «... в трехместном (род. пад.) автомобиле» и т. п.

Интересно сопоставление сочетаний этой разновидности с близкими семантически конструкциями с инструментальным падежом, выявляющее дополнительный оттенок в значении сочетаний с «*Genitiv'om qualitatis*», а именно момент *постоянного* (во всяком случае, длительного²⁰) обладания данным признаком, внутренне присущим определяемому предмету, качественно характеризующим его (в отличие от чисто социативного значения сочетаний с инструментальным падежом, в которых на первый план выступает «временность» признака, несущаяность его для характеристики предмета). Ср.: Geležinkelietis, malonių akių, ramaus veido pulkininkas... (Tilvytis) «Железнодорожник, полковник с приятными глазами (род. пад.), спокойным лицом (род. пад.)» и Dūdavo aukštai vargonai, o pilnomis malonės ašagą akimis Veronika, pritardama jieems, lingavo galva (Vienuolis) «Наверху звучал орган, а Вероника с полными приятных слез глазами (инстр. пад.), приговаривая в такт, кивала головой».

Ср. также: ... viename pansione, kuris stovėjo prie upės, penkių aukštų, mažučiai klombais, sodais, padalintas žaliais... gazonais (Cvirka) «... в одном пансионе, который стоял у реки, пятиэтажный (род. пад.), с маленькими клумбами, садами (инстр. пад.), украшенный зелеными... газонами».

Родительный предмета действующего в страдательных оборотах («*Genitivus auctoris*»). Характерной чертой сочетаний этой группы является наличие страдательного причастия в качестве определяемого члена. Позиция родительного падежа может варьироваться в зависимости от определенных причин и, таким образом, в grammatische характеристику рассматриваемого типа не входит. Значение данных сочетаний состоит в названии признака или состояния (заключенного в причастии), представляемого произведением предмета, выраженного родительным падежом.

Отношение между компонентами сочетания тождественно отношению между компонентами сочетания «именительный падеж + личная форма глагола» (отношение субъекта к действию). Различие состоит лишь в характере представления действия, отраженном различной grammatischer природой «основного члена». Возможности «семантического наполнения» сочетания в общем не ограничены (в качестве определяемого члена может выступать «страдательное» причастие, образованное от глаголов разнообразного значения — в том числе от непереходных²¹, «агентив-

²⁰ «Постоянный» употреблено здесь не в точном значении этого слова: трудно назвать постоянным, например, возраст — признак, определяемый наиболее часто в конструкциях рассматриваемого типа. Все же это название представляется наиболее удачным определением оттенка значения родительного падежа противопоставляющего его инструментальному.

²¹ Ср. употребление «энергического творительного» в современном русском языке, ограниченное сочетанием с собственно страдательными причастиями, образованными от переходных глаголов.

ное» значение родительного также не связано с существительным како́й-либо определенной лексической группы, например с названиями лиц²²). Таким образом, значение, выражаемое родительным в страдательных оборотах, является чисто «грамматическим».

Среди рассматриваемых сочетаний выделяется, прежде всего, группа сочетаний с согласуемыми страдательными причастиями, образованными от переходных и косвенно-переходных глаголов, например: ... jie ējo ... lydimi vaikų, koledžistų ir supami prieiviu (Cvirka) «... они шли... сопровождаемые детьми, учащимися и окруженные прохожими»; ... verkė dievo pamiršta ir žmonių išsižadėta (Vienuolis) «... плакала, забытая богом и отвергнутая людьми»; Liliuojama vežimo, ... ji stebėdavo dangų, apimtą gaisrą pasvaiščią (Cvirka) «Убаюкиваемая телегой, ... она смотрела на небо, объятое отблесками пожаров» и т. п.

Как было отмечено выше, возможны и сочетания родительного падежа с несогласуемым «страдательным» (по форме) причастием среднего рода, образованным от непереходного глагола (в «безлично-страдательных» оборотах), например: O kad savitarpio susišelpimo idėja mūsų kraštė laikoma didelej pagarboj ir jos darbuotei apsaugoti esama net paragrafų... (Cvirka) «А так как идея взаимопомощи в большом почете у нас в стране и для охраны ее деятельности имеются («страд.» прич. наст. вр. от глагола *buti* «быть») даже [специальные] параграфы (род. пад.)...»; ... paaiškėjo, kad Dūdoje būta net fadrikanto, biznieriaus gyslelės (Cvirka) «... выяснилось, что у Дуды была («страд.» прич. прош. вр. от глагола *buti*) даже жилка (род. пад.) фабриканта, бизнесмена»; ... čia ir viską žinančio teisėjo vėl nežinota, kad... (Cvirka) «... тут и все знающему судье (род. пад.) было неведомо (страд. прпч. прош. вр. от гл. *zinoti* «знать»), что...»; Jo nuomone, čia galejo būti daroma tik politinių priešų (Cvirka) «По его мнению, здесь могли действовать (инф. гл. *būti* «быть» + страд. прич. наст. вр. от гл. *daryti* «делать») только политические врачи (род. пад.)»; Žiūrėkit, kaip ročių gyventai! (Gudaitis-Guževičius) «Смотрите, как паны (род. пад.) жили («страд.» прич. прош. вр.) и т. п.

Заслуживают внимания «безлично-страдательные обороты», соотносительные по значению с сочетаниями посредством связки именительного падежа с именной частью сказуемого («связка» соотносится со «страдательным» причастием среднего рода, а «подлежащее» и «именная часть сказуемого» — с родительным падежом): Pasirode, kad naujo burgmistro visai padoraus vygo būta (Cvirka) «Оказалось, что новый бургомистр (род. пад.) был («страд.» прич. прош. вр.) совсем честным человеком (род. пад.)»; Mat, senos datos žmogaus būta (Cvirka) «Был («страд.» прич. прош. вр.), вишь, человеком (род. пад.) старой закалки (эллипсис род. падежа, соотносительного с подлежащим)»; Tai būta kaip tik studento geologo (Tilvytis) «Это был («страд.» прич. прош. вр.) как раз студент-геолог (род. пад.)».

Сочетания с «родительным выделительным» («*Genitivus partitivus sensu stricto*»). Характерное для данного типа значение, состоящее в выделении одного или нескольких предметов из определенного собрания однородных предметов, объединяет несколько групп сочетаний, каждая из которых поддается специальной грамматической характеристике (общим моментом в грамматической характеристике этих групп является то, что в родительном падеже стоит существительное или прилагательное множественного числа).

²² Ср. преобладание орудийного значения в сочетаниях страдательных причастий с творительным названиями неодушевленных предметов в современном русском языке.

1. Среди сочетаний рассматриваемого типа основное место занимают конструкции, в состав которых входит местоимение (неопределенное, разделительное, обобщающее или вопросительно-относительное) и постпозитивный родительный падеж субстантивизированного определенного прилагательного или существительного с определениями (часто — с указательным местоимением *tas* и с последующим относительным оборотом с местоимением *kuris*), реже — существительного без определений. Напр.:

...kas nors vyresniūčių... pasiūsdavo ją gulti (Vienuolis) «...кто-то [из] старших... послал ее спать»; ...su vienu tų vokiško kraujo baronų arba dvarininkų, kurie... (Cvirka) «... с одним [из] тех баронов или дворян немецкой крови, которые...».

2. По-видимому, сюда же следует отнести и следующие группы сочетаний с родительным падежом имени множественного числа, объединяемые значением выделения предмета из однородной группы по силе качества.

С родительным падежом может сочетаться превосходная степень прилагательного:

a) *Jis...* nusinešė balčiausią ir gražiausią mano balandžių (Cvirka) «Он... унес самого белого и самого красивого [из] моих голубей» (в сочетаниях, подобных приведенному, родительный падеж занимает обычно, как и в конструкциях первой группы, постпозитивное положение).

Ср. широко употребительные фразеологизированные сочетания с родительным падежом обобщающего местоимения множественного числа: *Bet visų aukščiausiai yra Pamiro kalnai* (Tilvytis) «Но самые высокие [из] всех [гор] — Памирские горы».

Возможны и сочетания с превосходной степенью наречия (выделение по силе качества действия), например: *Tas plaukų miškas visų labiausiai ją iš ruošė* (Jasiukaitis) «Этот волосяной лес лучше всего [мн. ч.] ее и украшал».

б) Превосходная степень прилагательного или наречия иногда сочетается с родительным падежом положительной степени прилагательного или малоупотребительного в других случаях отвлеченного существительного, образованного от того же корня. Сочетание имеет значение усиления степени качества: ... *baisių baisiausiomis kankynėmis* po mirties baugindavo (Vienuolis) «... угрожала страшнейшими [из] страшных посмертными мучениями»; ... *augo klestėjō įvairių įvairiausią medžių* (Vienuolis) «...росли-расцветали самые разные (букв. «различнейшие [из] разных») деревья»; ... *girioje teksia jiems tažų mažiausia dusyk nakvoti* (Vienuolis) «... в лесу придется им самое маленькое (букв. «малейшее [из] малых») дважды ночевать».

с) Аналогичное (усилительное) значение выражается и сочетаниями существительного (обычно — эмоционально окрашенного значения) с родительным падежом того же (или соответствующего непроизводного) существительного во множественном числе: ... *savo akim draugų draugą, patį vyriausiąjį ant visos Rusijos...* — draugą Leniną — mačiau! (Gudaitis-Guzevicius) «...своими глазами лучшего друга (букв. «друга [из] друзей»), самого главного во всей России ... — товарища Ленина — видел!»; ... *senelių seneliai* (Marinkevičius) «...очень старые люди (букв. «старики [из] старииков», «деды дедов»); *Ubagų ubagas...*, o, matai, va delegatas (Gudaitis-Guzevicius) «Нищий [из] нищих... а, смотри, делегат...»; *Tai buvo Frankui visų naktų naktis* (Cvirka) «Это была особенная ночь (букв. «ночь [из] всех ночей») для Франка».

Специфической разновидностью «усилительного» (в основе своей — выделительного) значения, выражаемого сочетаниями имени с роди-

тельным падежом того же или однокоренного имени, является не отмечаемое обычно даже в очень дробных классификациях значение количественного усиления, уже не сводимое непосредственно к собственно партитивному. С родительным падежом в этом случае сочетается существительное множественного числа.

... iki šiol tušti ... topoliai pražydo lizdų lizdais (Cvirkā) «... голые до сих пор ... тополя расцвели множеством гнезд (букв. «гнездами гнезд»); ... užmiršęs viską pasaulyje, jis valandą valandas ištūnodavo lušnos kampe (Cvirkā) «... забыв обо всем на свете, он целыми часами (букв. «часы часов») простоявал в углу хлева»; Pro akis prabėgo metų metai (Cvirkā) «Перед глазами прошли годы и годы» (букв. «годы годов»); ... dienų dienas galvojau apie šautuvą (Cvirkā) «... день-деньской (букв. «дни дней») думал о ружье»; Ir kokia aš kvaila, juk Amerika ne už Kovarsko, o už jūrų jurelių net už Liepojos (Vienuolis) «И какая я глупая, ведь Америка не за Коварскасом, а за морями-океанами (букв. «морюшками морей») даже за Либавой»; ... valdžia, laikančia raktus nuo savivaldybės, pašto, inspekcijos ir kitokių istaigų istaigelių (Cvirkā) «власть, держащая ключи от касс самоуправления, почты, инспекции и всяких других учреждений» (букв. «учреждений [из] учреждений»).

Родительный количественный. В эту группу входят сочетания, объединяемые общим значением («нечто, определяемое с количественной стороной») и своеобразным положением (постпозицией) родительного падежа по отношению к сочетающемуся с ним слову.

1. В состав сочетания может входить числительное (начиная с «десяти»). В родительном падеже, естественно, может быть только существительное предметного значения во множественном числе: ... vandenys krinta penkis šimtus pedų žemyn, suduždami į miliardus mažų lašelių (Cvirkā) «...вода низвергается с высоты в пятьсот футов, разбиваясь на миллиарды мельчайших капель».

2. С родительным падежом а) предметных существительных множественного числа и б) вещественных или отвлеченных существительных единственного числа может сочетаться количественное (в том числе и местоименное) наречие (или прилагательное среднего рода):

а) ... daug žmonių, daugiausia moterų ir merginų (Vienuolis) «... много людей, больше всего женщин и девушек»; Tame skvere gyveno nemaža lietuvių (Cvirkā) «В том сквере жило немало литовцев»; Mūsų kalėjimuose ir taip pilna specialistų norinčių žmoniją vaduo (Cvirkā) «В наших тюрьмах и так полно специалистов, желающих управлять человечеством»; ... klausė, kiek jie melžia karvų, kiek laiko vištų (Cvirkā) «... спрашивала, сколько коров они доят, сколько держат кур».

б) Išrukė daug tabako (Dovydaitis) «Выкурил много табаку», Maža beliko Švyuje jauniklio atkaklumo (Cvirkā) «Мало осталось у Шивиса молодого упрямства»; ... dievas... pakankamai turės geros valios ir vietas (Cvirkā) «... у бога будет достаточно доброй воли и места»; ... teikiama tiek reikšmės, kiek ir pagarbos (Cvirkā) «... придавая этому столько же значения, сколько [выказывал] уважения».

3. Функционально эквивалентны количественному наречию целые словосочетания в таких примерах, как:

... kada buvo iki valios sliekų, grudų ir uogų (Cvirkā) «... когда было вволю червяков, зерен и ягод»; ... kiek norite merginų (Cvirkā) «... сколько хотите девушек».

4. В состав сочетания может входить существительное (обозначающее определенную меру — веса, объема и т. п. — или неопределенное количество).

В родительном выступает имя существительное вещественное: *Frankas... pastūmė jam gabalą mėsos ir užsakė dar du stiklus skysčio* (Cvirkā) «Франк... подвинул к нему кусок мяса и заказал еще два стакана вина» и т. п.;

или предметное существительное множественного числа (обозначающее массу предметов, рассматриваемых в совокупности): ... *pirkti du maišus apelsinų* (Cvirkā) «...купить два мешка апельсинов»; ... *80 kubinių metrų akmenų* (Dovydaitis) «80 кубических метров камней» и даже: ... *penkis vežimus polismenų* (Cvirkā) «...пять возов полисменов» и т. п.;

или существительное отвлеченного значения («опредмечивающееся» в данном сочетании): *Aš turia glėbi linksmų naujienų* (Cvirkā) «У меня охапка радостных новостей»; *O jeigu būtų juose nors lašas dėkingumo...* (Cvirkā) «А если бы у них была хоть капля благодарности...» и т. п.

По-видимому, сюда же следует отнести сочетания существительного, обозначающего определенную меру времени (часто в соединении с числительным) с родительным падежом (отглагольного) существительного отвлеченного значения, выражающие действие, протекающее определенный отрезок времени: ... *po poros valandų sunkios kovos* (Cvirkā) «через несколько часов тяжелой борьбы»; ... *penkis metus vargo ir preferanso* (Cvirkā) «...пять лет труда и преферанса» и т. п.

5. В состав сочетания с родительным падежом существительных предметного значения (в большинстве случаев — одушевленных) во множественном числе может входить собираательное существительное:

... *grupė keliaujančių pamokslininkų* (Cvirkā) «...группа странствующих проповедников»; ... *būrys vištų ir arčių* (Cvirkā) «... отряд кур и уток»; ... *surado eilę gerbėjų* (Cvirkā) «...нашел ряд почитателей» и т. п.

Отделение сочетаний родительного с существительным количественного значения от аналогичных сочетаний с количественными наречиями или «субстантивными «числительными», с одной стороны, и с другой — объединение их с отличными по значению (и по форме! — речь идет о порядке следования компонентов) сочетаниями с подобными существительными, имеющее место в традиционных классификациях употребления литовского генитива²³, кажется неосновательным. Сопоставление различных сочетаний с постпозитивным родительным (ср. приведенные примеры) показывает, что значение родительного падежа (название класса или рода предметов, взятых в определенном количестве) не зависит от принадлежности семантически однородных слов, сочетающихся с ним, к разным частям речи.

В то же время формальное различие (различный порядок следования компонентов) между сочетаниями родительного падежа с существительными, обозначающими количество, меру и т. д., оказывается связанным с различием в их значении. Если в сочетаниях с препозитивным родительным вещественного или собирательного существительного (условно назовем его здесь «родительным содержания») основным членом, «темой» высказывания является существительное, сочетающееся с генитивом (т. е. название «формы»), а название «содержания» представляет собой лишь необходимый дополнительный момент, определяние к названию «формы», то в сочетаниях с постпозитивным родительным («родительным количества») главное — это понятие, выражаемое родительным падежом, а название количества является менее существенным, оно есть как бы определение (не грамматическое, разумеется) к названию вещества (или предмета и т. п.).

²³ Ср., например, Е. F g a e n k e l , указ. соч., стр. 76.

Для иллюстрации связи значения всего сочетания с тем или иным порядком сочетающихся слов сравним некоторые примеры, относящиеся к сочетаниям двух типов, о которых идет речь. Так, например, сп. такое сочетание с постпозитивным родительным, как ... prie karštų krosnių kur lašai ištirpinto plieno iš karto persigeria per žmogaus kaulus (Cvirka) «...к раскаленным домнам, где [одна лишь; каждая] капля расплавленной стали точно прожигает всего человека, с головы до пят» (в сочетании, как видно из контекста, внимание обращено именно на количество вещества) или не менее характерное: ... išseko motinėje paskutinis lašas pieno (Cvirka) «...иссякла у матери последняя капля молока» — с сочетаниями того же существительного с препозитивным родительным: ... visa dingo, išgaravę, kaip rulos lašelis (Cvirka) «...все исчезло, испарилось, как капелька росы» (букв. «росяная капелька»), ... į lietaus lašus (Cvirka) «на дождевые капли». Ср. еще следующие сочетания одинакового лексического состава: ... nupirkо dar gabala žemės (Cvirka) «...купил еще отрезок земли» и ... išlindo auksinio rago pavidalo žemės gabalas (Cvirka) «...показался похожий на золотой рог отрезок земли», — в первой конструкции существительное, сочетающееся с постпозитивным родительным падежом, «определяет» предмет, называемый родительным с количественной стороны; в значении второго сочетания с препозитивным родительным, характеризующегося более тесной связью между компонентами, количественный оттенок отсутствует. Ср. еще: Dabar, girdi, as tiek pinigų turiu, kad galėčiau dvarą nupirkti ir pulką kareiviu laikyt su armotomis (Cvirka) «Теперь, слышишь, у меня столько денег, что мог бы купить имение и [целый] полк солдат с пушками содержать» и то же существительное в сочетании с препозитивным родительным: ... kad raudonarmiečių pulkai pas mus atvažiavo (Jovaras) «...что красноармейские полки к нам приехали». Показательно также сопоставление следующих пар сочетаний, в которых одни и те же слова имеют «количественное» или «неколичественное» значение в зависимости от позиции родительного падежа, сп.: Šyvis ... surado eilę gerbėjų (Cvirka) «Шивис ... приобрел целый ряд [т. е. «много»] почитателей» и: Krukas ... nusišypsojo, praskleidęs auksinių dantų eilę (Cvirka) «Крукас ... улыбнулся, открыв ряд (зд. — собственное значение сущ. eile) золотых зубов»; или: Šiandien pasiūnčiau jums partiją tautiečių (Cvirka) «Сегодня послал вам [целую] партию соотечественников» и: Amerikos socialistų partija (Cvirka) «социалистическая партия Америки»; сп. еще: skustuvas, kojines ir dar porą smulkių daiktų (Cvirka) «...бритвы: носки и еще пару (т. е. «несколько») мелких вещей» и: ... turiu dvi eilutes, ketverias batų poras (Cvirka) «у меня два костюма, четыре пары башмаков».

Значение количества приобретают в сочетании с постпозитивным родительным и такие, например, существительные, вообще далекие от этой семантики, но обозначающие предметы, с которыми связывается определенный размер, как tvanas «потоп», debesys «облако» и под. — сп. употребление их с пост- и препозитивным родительным: ... kur tvanas visokių į žmonių panašių daiktų, tvanas alaso, balsų (Cvirka) «где [целый] 'потоп' всяких человекоподобных существ, потоп шума, гама» — сп. сочетание с препозитивным родительным, в котором «основной член» сочетания выступает в своем собственном значении: ... mirkti alyvos ir anglių tvane (Cvirka) «...утонуть в потопе масла и угля»; ... siautė debesys peteliškių (Cvirka) «порхали [целые] тучи бабочек» — сп. следующие сочетания того же существительного с препозитивным родительным, в которых отсутствует количественное значение: ... važiuodavo lengva mašina, skandindama dulkių debesuje prie

kelio dirbančių kumečius (Cvirkā) «... проезжала легкая машина, топя в пыльном облаке работающих у дороги батраков»; ... о žąsys girgina piaunamos — plunksnų debesiukas (Cvirkā) «... когда кричат под ножом гуси — пуховое облачко».

Число примеров, указывающих на зависимость значения сочетания от порядка следования составляющих его компонентов, можно было бы значительно увеличить. Однако, как кажется, и сравнительно небольшое количество приведенных примеров, свидетельствующих об особом значении сочетаний собирательных и количественных существительных с постпозитивным родительным падежом, подтверждает неправомерность смешения таких сочетаний с сочетаниями с препозитивным «родительным содержанием».

Это различие и, с другой стороны, очевидная общность значения постпозитивного родительного падежа в сочетаниях с семантически близкими существительными, наречиями, местоимениями и числительными говорят о необходимости в определенных случаях учитывать при классификации падежных значений порядок следования компонентов сочетания, а также и о том, что целесообразно класть в основу классификации грамматическую принадлежность сочетающегося с родительным слова только в том случае, если такое деление оправдывается функционально.

«Родительный содержания признака». В состав рассматриваемых сочетаний входят прилагательные «соотносительного» значения, т. е. такие, которые являются названием признака, «необходимо» требующего для завершения высказывания соотнесения с тем или иным представлением (помимо отнесения к предмету, характеризуемому этим признаком) ближайшим образом определяющим, уточняющим (ограничивающим) значение прилагательного.

Таково, например, прилагательное *pilnas* «полный», которое, подобно родственным глаголам, требует указания класса или рода предметов, в отношении которых (только) предмет, с названием которого согласуется данное прилагательное, является носителем данного признака.

Как это обусловливается значением прилагательного, в родительном падеже может быть либо «вещественное» существительное единственного числа, либо существительное отвлеченного значения единственного числа, либо, наконец, любое существительное во множественном числе, например:

...nuostabi, pilna kverėjimą, žiedą, lietaus, meilės ir griaustinių šalis (Cvirkā) «... удивительная, полная вздохов, цветов, дождя, любви и гроз страна». Синонимично с этим прилагательным редко употребляющееся прилагательное *kupinas*, тоже «необходимо» сочетающееся с родительным падежом, например:

...širdį, kupiną tyros, kuklios meilės (Marcinkevičius) «... сердце, преисполненное чистой, скромной любви».

Значение «соотносительного» характера имеет и прилагательное (*ne)vertas* «(не)достойный», так как «необходимо требует» соотнесения предмета, им характеризуемого, с другим предметом (называемым родительным падежом):

...kaip... nevertą ne tik dėmesio, padoraus vardo (Cvirkā) «... как... недостойного не только внимания, а и честного имени».

«Необходимо» требует указания объекта прилагательное *reikalingas* «нуждающийся» (омоним «нужный»):

Akys buvo ... pavargusios ir reikalingos miegą (Cvirkā) «Глаза были... усталыми и нуждающимися во сне».

«Родительный объекта состояния». В состав сочетаний этой группы входят «безличные предикативы», семантически

связанные с косвенно-переходными глаголами, «требующими» родительного падежа.

Таково «прилагательное среднего рода» *baisu* «страшно», ср.: *Ne žandarų baisu* (*Jasiukaitis*) «Не жандаров страшно»; перешедшее в «категорию состояния» существительное *gèda* «стыд». Ср.: *Jam gèda šio pono* (*Jasiukaitis*) «Ему стыдно перед этим паном (этого пана)»; безлично-предикативное *gaila* «жалъ», ср.: *Gaila buvo generolo, gaila veltui suteiktos vakarienes* (*Cvirka*) «Жаль было генерала, жаль напрасно потраченного ужина».

* * *

Таковы основные структурно-семантические классы употребления приименного родительного в современном литовском литературном языке.

Мы не думаем, что предложенная нами классификация является окончательной и безупречной. Возможно, следует более последовательно учитывать принадлежность компонентов в сочетаниях с генитивом к определенному семантико-грамматическому разряду слов (частям речи). Однако это более последовательное применение грамматического критерия привело бы к выделению в качестве самостоятельных групп, тех групп, которые объединяются более общими структурными признаками, являются однородными в семантическом плане. В ряде случаев, во избежание, излишней детализации, нами не отмечались специально некоторые дополнительные структурные признаки, например потенциальная «дистантность» родительного качества (т. е. его отделенность от определяемого имени при наличии форм генитива с другими значениями). Нам кажется, однако, что выделенные структурно-семантические типы являются наиболее характерными, а выделение их диктуется структурными различиями соответствующих словосочетаний. Применение некоего «чистого» семантического либо грамматического анализа, позволяющее дать более последовательную и — в определенном плане — более «однородную» классификацию, само по себе, вполне законно, не может считаться наиболее целесообразным для описательной грамматики современного языка²⁴.

²⁴ Попытка последовательного распределения случаев употребления родительного падежа в украинском языке всецело в зависимости от грамматических категорий, «которые входят в сочетание с родительным падежом», нашедшая выражение в насыщенной материалом книге Е. К. Тимченко «Функции генитива в южно-русской языковой области» (Варшава, 1913), кажется нам решительно неудачной. Нельзя не согласиться с А. М. Пещковским, который считал, что принцип, применяемый Е. К. Тимченко, привел к тому, что «... классификация автора... разносит по разным, наиболее отдаленным местам книги самые близкие значения... и наоборот, помещает рядом совершенно разные значения» — см. рец. на указ. соч. — ИОРЯС, 1915, т. XX, кн. 3, стр. 295.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка	3
К. Горалек. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии	28
И. Попович. Сербско-хорватско-болгарские лексические этюды (Заметки по славянской лингвистической географии)	35
А. В. Бондаренко. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида	48
Э. А. Галтайтис. Лексические значения глагольной приставки <i>по-</i> в соответствии с приставкой <i>ра-</i> литовского языка	59
А. И. Толкачев. Об образовании некоторых падежных форм прилагательных в славянских языках (родительный, дательный и местный падеж единственного числа мужского и среднего рода)	72
Л. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия	86
О. А. Лаптева. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного	98
Е. И. Мельников. О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 года	113
Б. Клейбер. <i>Поромянь</i> в Пскове и <i>Поромони</i> двор в Новгороде	120
О. Н. Мораховская. К вопросам картографирования диалектных различий в области фонетики	125
Б. Н. Головин. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов	139
Р. Погожникова. К вопросу о междометиях, производных от знаменательных частей речи	149
Г. В. Дагуров. О лексическом составе русских междометий	154
В. И. Троицкий. К истории союза <i>что</i> в русском языке	160
А. В. Велтистова. Обращение и близкие к нему конструкции в русском и английском языках	170
Е. П. Седун. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях . .	186
А. Б. Шapiro. Словосочетание в русском языке	195
Т. В. Булыгина. Неглагольные сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке	217

Славянское языкознание.

Сборник статей

*

Утверждено к печати Советским комитетом славистов

*

Редактор издательства З. А. Богданова

Технический редактор Н. Д. Новиков

РИСО АН СССР № 3-92В. Сдано в набор 13/IV 1959 г. Подписано к печати 23/IX 1959 г.
Формат 70 × 108^{1/16}. 14,5 печ. л. = 19,86 усл. печ. л. Уч.-издат. л. 20. Тираж 1600 экз.
Т-10329. Изд. № 3693. Тип. зак. № 160.

Цена 12 р.

Издательство Академии Наук СССР. Москва, Б-62. Подсосенский пер., 21
1-я тип. Изд. АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

12 p.

51.1-1881 г.
120

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. Сборник статей